

Н. Н. НЕГМАТОВ
С. Г. ХМЕЛЬНИЦКИЙ

СРЕДНЕ-ВЕКОВЫЙ ШАХРИСТАН

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. АХМАДА ДОНИША

Н. Н. НЕГМАТОВ и С. Г. ХМЕЛЬНИЦКИЙ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ШАХРИСТАН

(Материальная культура Уструшаны. Вып. I)

ДУШАНБЕ, 1966

Ответственный редактор —
кандидат исторических наук А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1957 г. в книге «Усрушана в древности и раннем средневековье»[1] была сделана попытка собрать и систематизировать основные известия письменных источников об этой области, использовав также имевшиеся тогда археологические материалы. В книге был дан историко-географический очерк Уструшаны с древнейших времен по X в. н. э., охарактеризованы некоторые стороны социально-экономической жизни (сельское хозяйство, торговля и денежное обращение, общественные отношения), поставлены вопросы о происхождении населения, характере его языка, религиозных верований и др.

Тогда археологическое исследование этой области только начиналось, и поэтому, естественно, не было возможности осветить сколько-нибудь полно многие вопросы. В последующие годы, когда начались систематические раскопки на нескольких крупных памятниках, накапливались новые важные материалы.

В этой книге публикуются результаты археологических исследований 1955—1958 и 1960—1961 гг. на трех городищах Шахристана: Калаи Кахкаха I, II, III. В виду ограниченности объема в нее не вошли результаты раскопок ряда других памятников в районе Шахристана — Тирмизак-Тепа, Урта-Курган, Чил-Духтарон и др., по которым однако уже имеются предварительные публикации. Урта-Курган, оказался превосходным раннефеодальным кешком с замечательной архитектурой; здесь, в частности, сохранились остатки «дарбазного» («кассетного») потолка и обуглившегося резного дерева. Очень интересным памятником является раскопанный в 1960—1962 гг. крупный комплекс каменных сооружений IX—XII вв. Чил-Духтарон, расположенный отдельно от городищ Калаи Кахкаха, на гребне господствующих над Шахристаном предгорных адыров. Полное издание этих памятников с детальным анализом результатов предполагается в следующих выпусках настоящей серии.

При подготовке к печати этой книги авторам большую помощь оказали сотрудники Сектора археологии и нумизматики Института истории им. Ахмада Дониша АН Таджикской ССР во главе с заведующим сектором кандидатом исторических наук Б. А. Литвинским, которым они

---

[1] Н. Негматов. Усрушана в древности и раннем средневековье. Тр. АН Тадж. ССР, т. 55, Душанбе, 1957, стр. 157. Раньше нами была принята форма написания «Усрушана» (см. Н. Негматов. Историко-географический очерк Усрушаны с древнейших времен по X в. н. э. Тр. Тадж. археол. эксп., т. 2, Мат-лы и иссл. по археол. СССР, № 37, М.—Л., 1953, стр. 231; его же. Усрушана в древности..., стр. 15—16). В последние годы в согдийских документах А-14 и А-9 из замка на горе Муг. В. А. Лившиц выявил название этой области «Уструшана» (В. А. Лившиц. Согдийский посол в Чаче (Документ А-14 с горы Муг), «Сов. археол.» 1960, № 2, стр. 104—105; его же, Согдийские документы с горы Муг, 2, Юридические документы и письма Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица, ИВЛ, М., 1962, стр. 79, 87, 95). Видимо, последняя наиболее близка к местному произношению VIII в. н. э.; поэтому в дальнейшем мы будем придерживаться ее. Напомним, что нами было отмечено употребление наименования «Истаравшан» среди старожилов Ура-Тюбе, т. е. во всяком случае внешне сходной формы — со звуком «т». (Н. Негматов. Историко-географический очерк..., стр. 241; его же, Усрушана в древности..., стр. 32).

приносят свою искреннюю благодарность. Ценную помощь оказал кандидат исторических наук А. М. Мандельштам, взявший на себя труд по редактированию данной книги.

Много внимания и содействия оказывал полевым работам Ходжентско-Уструшанского отряда и посещал места раскопок многолетний руководитель Таджикской археологической экспедиции кандидат исторических наук А. М. Беленицкий.

В этой книге раздел «История археологического изучения района Шахристана», главы I, II (за исключением § 3), III, VI и VII написаны Н. Н. Негматовым, глава IV — С. Г. Хмельницким, § 3 главы II, глава V—Н. Н. Негматовым и С. Г. Хмельницким. Отличия в содержании отдельных глав, естественно, обусловили различие стиля и системы их изложения: описательные разделы даны по возможности максимально кратко, с учетом наличия иллюстративного материала.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РАЙОНА ШАХРИСТАНА

Шахристанская котловина — одна из самых интересных в археологическом отношении районов Уструшаны и отчасти даже всего Северного Таджикистана. Здесь сохранилось очень много памятников прошлого: это остатки городов и селений, отдельные тепа различных размеров, являющиеся развалинами сельских усадеб и укрепленных замков, гидротехнические сооружения (кариз, каналы) и др.

История археологического изучения Шахристана имеет почти столетнюю давность. Еще в начале 70-х гг. XIX в. в нем бывал по делам службы ходжентский уездный начальник полковник А. А. Кушакевич, отметивший некоторые древности и связанные с ними предания. В частности, он указал на следы построек из жженого кирпича в различных местах Шахристана.[2] В 1890 г. здесь побывал Н. Лыкошин, который позже в своем обзоре археологических работ в Туркестане касался ряда древностей селения. Он же дал первое подробное описание холма Чиль-Худжра, расположенного близ Шахристана.[3] Это описание с небольшими изменениями позднее повторялось у ряда последующих авторов. Н. Лыкошин составил также описание городища Шахристана и остановился на вопросе орошения Шахристанской котловины.

Интересные находки, сделанные на городище, пробудили в 90-х гг. XIX в. интерес к нему не только местных властей, но и центральных научных обществ, в частности Императорской археологической комиссии. В 1893 г. в Шахристане были сделаны первые попытки раскопок. Военный губернатор Самаркандской области в своем отношении от 7 мая 1893 г. за № 4477 на имя Императорской археологической комиссии сообщал: «В Ходжентском уезде вверенной мне области на городище близ селения Шахристан, в 27 верстах от г. Ура-Тюбе, найден случайно в земле медный кунган (кувшин).

Ввиду заявления мне Ура-Тюбинского участкового пристава... по его предположению, на том же городище должны находиться другие какие-либо материалы для археологии, имею честь покорнейше просить Императорскую археологическую комиссию разрешить Ура-Тюбинскому участковому приставу штабс-капитану Степанову производить раскопки в указанной выше местности Генерального штаба».[4]

Археологическая комиссия в своем отношении от 31 мая 1893 г. за № 741 за подписью и. д. председателя Комиссии В. Тизенгаузена положительно ответила военному губернатору Самаркандской области и выслала на имя Степанова открытый лист «на право производства

---

[2] А. А. Кушакевич. Очерки Ходжентского уезда. «Туркест. вед.», 1872, № 14.

[3] Н. Лыкошин. Очерки археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии. Протоколы ТКЛА, г. 1, Ташкент, 1896; то же в журн. «Сред-аз. вестн.», июль и сентябрь, 1896, Ташкент.

[4] Архив Ин-та археол. АН СССР, д. № 75, 1893, (Выписка из дел Археол. комиссии, т. 3). Указанием на эти сведения мы обязаны Б. А. Литвинскому.

им археологического исследования городища близ селения Шахристан» и просила «вести журнал (дневник) этим работам, по окончании которых как упомянутый журнал, так и могущие быть найденными древние предметы выслать в Комиссию», причем «к каждой вещи должен быть прикреплен ярлык с обозначением того номера, под которым она будет значиться в препроводительной описи». В заключении Комиссия просит выслать найденный кумган.[5]

Видимо, какие-то раскопки Степанов произвел и даже сделал интересные находки. Об этом свидетельствует нижеследующее: 16 октября 1893 г. на заседании Туркестанского кружка любителей археологии член его Д. Д. Петров доложил, что «при раскопках в Шахристане (близ Ура-Тюбе) найдены два стеклянные графина оригинальной формы и хорошо сохранившиеся. Графины эти находятся у помощника начальника Ходжентского уезда г. Степанова, и что их было бы интересно предъявить членам кружка, если г. Степанов не согласится уступить их для музея. Собрание постановило просить г. Степанова уступить принадлежащие ему графины для музея кружка или выслать их для предъявления членам кружка»[6]. Видимо об этих двух стеклянных сосудах — «графинах» оригинальной формы, найденных в Шахристане, сообщает также И. А. Кастанье.[7]

Следующим исследователем этого района был В. В. Бартольд, который в 1894 г., во время своей поездки по Средней Азии, проехал от г. Ходжента до селения Шахристан. Им были зафиксированы местные легенды о городищах Шахристана и Чиль-Худжре, дано краткое описание последнего памятника и отмечено, что он заслуживает особого внимания с археологической точки зрения. Далее В. В. Бартольд указал на некоторые ценные находки на территории селения. Основываясь на археологических материалах и данных арабоязычных географов и историков IX—X вв (особенно, ал-Якуби), он отметил слабость колонизационной деятельности арабского халифата в Уструшане и ограниченность влияния арабской культуры там. Тем самым В. В. Бартольд направил внимание исследователей на изучение этой области, указывая, что это даст ценные сведения о чисто местной культуре Средней Азии. На основе указанных источников он отождествил столицу Уструшаны г. Бунджикат с городищем Шахристана и считал, что «более подробное исследование Шахристана было бы крайне желательно».[8]

С организацией Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА)[9] памятники материальной культуры Уструшаны, и особенно района Шахристана, начинают привлекать больше внимание, чем прежде. Видимо, имея в виду неоднократные находки древних предметов, 3 июня 1896 г. на заседании ТКЛА было постановлено собрать более подробные сведения о Шахристане.[10] Во исполнение этого поста-

---

[5] Архив Ин-та археол. АН СССР, д. № 75, 1893, (Выписка из дел Археол. комиссии, т. 3).

[6] Протокол № 4, ТКЛА, г. 3 (4), стр. 136.

[7] И. А. Кастанье. Древности Ура-Тюбе и Шахристана. Протоколы ТКЛА, т. 20, вып.1, Ташкент, 1915, стр. 43 и 160.

[8] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. Зап. Имп. АН по историко-филол. отд., т. I, № 4, СПб., 1897; его же. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. «Сред-аз. вестн.», июнь 1896; его же. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Иссл., ч. 2, СПб., 1900 (изд. 2, см. В. В. Бартольд. Избр. соч., т. 1, М., ИВЛ, 1963).

[9] О нем см. Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.), Ташкент, 1958.

[10] Протокол от 3 июля 1896 г. ТКЛА, т. 1, Ташкент, 1896, стр. 22.

новления и появилась первая специальная сводка данных о древностях Шахристана, составленная П. С. Скварским.[11] По этому поводу в протоколе ТКЛА от 26 августа 1896 г. записано: «б) По просьбе правления кружка, Ура-Тюбинский участковый пристав Ходжентского уезда П. С. Скварский подробно осмотрел лично остатки древней столицы области Осрушаны близ селения Шахристана, на юго-востоке Ура-Тюбинского участка, и прислал подробное описание интересных в археологическом отношении местностей означенного участка. Сообщение П. С. Скварского было прочитано полностью».[12]

П. С. Скварский говорит об орошении местности по Шахристан-Саю, отмечает развалины старого Шахристана на левом берегу сая, сообщает о «фортах» на правом берегу, на территории современного селения, и многочисленные вещественные находки (неполивные и поливные черепки различной посуды, даже с надписями, предметы украшения — серьги, четки, бусы, стеклянные предметы, монеты и т. п.) и, наконец, кратко останавливается на сведениях о других населенных пунктах Уструшаны.

Некоторая заслуга в изучении памятников старины Шахристана принадлежит И. А. Кастанье. В своей статье,[13] как он сам говорил на заседании ТКЛА 14 февраля 1915 г., он собрал все известные до него сведения об Ура-Тюбе и Шахристане, осветил по возможности историю этой местности и высказал свои личные впечатления от посещения этих мест. Во второй части статьи он описывает развалины шахристанского городища Калаи Кахкаха, приводит народное предание о царе Кахкаха из народа муг (огнепоклонники)», предание о сорока девицах этого царя и об халифе Али, якобы лично завоевавшем город. Вслед за этим подробно описаны холм Чиль-Худжра с ее ходами-коридорами, стены средневекового Шахристана, находки на территории этого селения и некоторые другие памятники шахристанской котловины.

Развалины в Шахристане кратко описал в своем историко-археологическом обзоре А. А. Семенов.[14] Вслед за В. В. Бартольдом столицу Уструшаны г. Бунджикат он помещает в Шахристане. Несколько лет спустя о различных археологических находках, сделанных в Шахристане, сообщает Н. Г. Маллицкий.[15] В 1949 и 1950 гг. была проведена первая систематическая разведка в северо-туркестанской части Уструшаны специальным Уструшанским отрядом Таджикской археологической экспедиции под руководством О. И. Смирновой (при участии Л. С. Бретаницкого, А. М. Мандельштама и автора).[16] В числе других районов была довольно широко обследована и Шахристанская котловина, где открыты, зафиксированы и описаны десятки городищ и тепа,

---

[11] П. С. Скварский. Несколько слов о древностях Шахристана. ТКЛА за первый год его деятельности. Ташкент, 1897, стр. 41—45.

[12] Протокол заседания ТКЛА, состоявшегося 26 августа 1896 г. Отд. отт. из журн. «Сред-аз. вестн.», октябрь, 1896, Ташкент.

[13] И. А. Кастанье. Древности Ура-Тюбе и Шахристана, ПТКЛА, г. 20, вып. 32—52, стр. 159—162.

[14] А. А. Семенов. Материальные памятники арийской культуры в Средней Азии. Сб. ст. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 113—150; его же. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии, Душанбе, 1944.

[15] Н. Г. Маллицкий. Учебное пособие по географии Таджикистана (курс родиноведения). Ташкент-Самарканд, 1929, стр. 119.

[16] О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г. Тр. Тадж. археол. эксп., т. 2, Мат-лы и иссл. по археол. СССР, № 37, М.—Л., 1953, стр. 189—230; Н. Негматов. Усрушана в VII—X вв. (по мат-лам письменных и археол. источн.), Автореф. дисс., М.—Л., 1952.

а также впервые были произведены топографическая съемка и подробное описание городищ Калаи Кахкаха. Кроме того, на них производились небольшие зачистки и шурфовки.

Систематические стационарные и раскопочные работы в районе Шахристана были начаты под руководством Н. Негматова в 1955 г. Ходжентско-Уструшанским (с 1961 г. Северо-Таджикистанским) отрядом Таджикской археологической экспедиции. В 1955 г. была исследована верхняя часть северо-восточного холма городища Кахкаха II, оказавшаяся верхним ярусом замка; произведена зачистка отрезка западной стены городища и установлена ее структура, заложены небольшие шурфы с целью изучения обширного двора внутри городища (№ 2—5) и примыкающей к городищу с севера площади (№ 6—8). В том же году были обследованы ущелье Куль-Кутан, где открыто городище Калаи Сар, и широкое ущелье верховий Шахристан-Сая.[17]

В следующем 1956 г. на городище Калаи Кахкаха II изучался средний ярус замка, его северное пандусное устройство и одно помещение нижнего яруса, оказавшееся «вестибюлем» всего здания. На соседнем городище Калаи Кахкаха I был заложен раскоп на крупном юго-западном угловом холме; здесь оказался длинный и высокий коридор с дверными проемами, ведущими в расположенные по обеим сторонам его помещения. Кроме того, были обследованы окрестности селений Сароби и Холдор-Кипчак, где особенно интересным оказалось городище Иски-Кишлак; в ущелье Ок-Танги зафиксированы большое поселение из камня и несколько групп примыкающих к нему курганов. В ущелье Шахристанского Катта-Сая открыта целая цепь холмов, расположенных на выступающих гребнях предгорий и тянущихся от Шахристана до выхода ущелья в Саватскую равнину.[18]

В 1957 г. на городище Калаи Кахкаха II были завершены раскопки нижнего яруса замка и начаты исследования архитектурных деталей, в частности уникального по сохранности западного фасада. На городище Калаи Кахкаха I было вскрыто 7 помещений коридорного типа. В этом же году при Ходжентско-Уструшанском отряде была создана археологическая группа Ленинабадского историко-краеведческого музея, которая вела раскопки на холме Тирмизак-Тепа (он же Караул-Тепа) недалеко от наших городищ: здесь было полностью вскрыто десятикомнатное здание коридорного типа, аналогичное по своей планировке зданию на городище Калаи Кахкаха I.[19]

---

[17] Н. Негматов. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1955 г. В сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.». Тр. АН Тадж. ССР, т. 63, Душанбе, 1956. Отряд работал в следующем составе: Н. Негматов, Т. И. Зеймаль, Е. В. Зеймаль.

[18] Н. Негматов. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1956 г. В сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1956 г.», вып. 4. Тр. АН Тадж. ССР, т. 91, Душанбе, 1959, его же. Археологические раскопки в Шахристане. В сб. «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959; Т. П. Кияткина. Краниологические материалы с городища Кахкаха (Шахристан II). (По материалам раскопок Ходжентско-Усрушанского отряда 1956 г.). Изв. АН Тадж. ССР, Отд. общ. наук, 1961, 1(24), Душанбе, стр. 47—58. В 1956 г. отряд работал в следующем составе: Н. Негматов, Т. И. Зеймаль, Е. Д. Салтовская, У. Пулатов, С. Марафиев и др.

[19] Н. Негматов. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1957 г. В сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1956 г.», вып. 4. Тр. АН Тадж. ССР, т. 91, Душанбе, 1959; Н. Негматов, Т. И. Зеймаль. Усрушанский замок в Шахристане, «Сов. археол.», 1959, № 2; Н. Негматов, Т. И. Зеймаль. Раскопки на Тирмизак-Тепе. Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, вып. 1 (24), Душанбе, 1961. В 1957 г. в работе отряда принимали участие Н. Негматов, Т. И. Зеймаль, Т. П. Кияткина, Е. Д. Салтовская, С. Марафиев, У. Пулатов, Л. Кураева и др.

В летнем сезоне 1958 г. на городище Калаи Кахкаха II была полностью завершена траншея и целиком открыт западный фасад замка, изучена конструкция платформы верхнего яруса. На юго-западном холме городища Калаи Кахкаха I раскрыты остальные 5 помещений, частично открыт восточный фасад и, таким образом, завершены раскопки этого здания. В том же сезоне был начат новый раскоп на холме Урта-Курган, где был полностью раскрыт верхний слой.[20] В 1956—1958 гг. производилось также исследование интересного погребального комплекса Тепаи Пирмухаммад, расположенного на предгорной террасе у юго-восточной окраины с. Шахристан (содержит погребения первых веков н. э. и X—XII вв.).[21]

В 1959 г. работы в районе Шахристана не производились. В 1960 г. они возобновились, причем раскопки велись на ряде объектов. На городище Калаи Кахкаха II заканчивались архитектурные исследования замка и изучение возвышенной южной платформы (шурфы № 9—10). Этим было полностью завершено изучение городища Калаи Кахкаха II. В результате раскопок 1955—1958 гг. и небольших работ в 1960 г. полностью изучен уникальный первоклассный памятник раннесредневекового зодчества, давший ценнейший материал к истории среднеазиатской архитектуры и искусства.

На городище Калаи Кахкаха I в 1960 г. было завершено архитектурное исследование юго-западного углового здания, в частности был открыт западный фасад его и частично северный, сделаны зачистки внутренних деталей, на этом полностью завершены раскопки здания, оказавшегося сооружением казарменного типа. В 1960 г. сделан разрез южной стены городища в том месте, где к ней примыкает это здание. Разрез позволил выяснить устройство стены, а также связь с ней здания.

В 1960 г. были начаты раскопки комплекса каменных сооружений Чиль-Духтарон (Сорок девиц), расположенного к югу от городища Калаи Кахкаха на оконечности выдающейся к Шахристан-Саю невысокой гряды. Здесь раскопана средняя секция помещений, сгруппированных вокруг центрального зала (вскрыто 5 помещений). Археологическая группа Ленинабадского музея продолжала раскопки второго жилого горизонта холма Урта-Курган; вскрыто крупное жилое здание VIII в. н. э. с весьма интересной и своеобразной архитектурой, остатками обуглившегося резного дерева. В том же году проводились разведочные работы в восточной подгорной полосе Шахристанской котловины, где зафиксировано значительное число тепа.[22]

---

[20] Н. Негматов. Работы Ходжентско-Усрушанского отряда в 1958 г. В сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1958 г.», вып. 6, Тр. Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР, т. 27, Душанбе, 1961. Отряд работал в следующем составе: Н. Негматов, Е. Д. Салтовская, А. Е. Павлова, С. Марафиев, У. Пулатов и др.

[21] См. Н. Негматов, Е. Д. Салтовская, Т. П. Кияткина. Изучение погребальных памятников кочевников на территории Усрушаны. В сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1958 г.», вып. 6, Тр. Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР, т. 27, Душанбе, 1961.

[22] Н. Негматов, Е. Д. Салтовская. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1960 г. В сб.: «Археологические работы в Таджикистане, вып. 8 (1960 г.), Тр. Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР, т. 34, Душанбе, 1962. В 1960 г. отряд работал в составе Н. Н. Негматова, Е. Д. Салтовской, Т. И. Зеймаль, Т. П. Кияткиной, С. Марафиева, У. Пулатова, С. Исмаиловой, А. Е. Павловой и др.

В 1961 г., в основном, продолжались раскопки сооружений Чиль-Духтарон.[23] Работы велись в двух местах — в юго-восточном и северо-западном концах сооружений; за сезон удалось раскопать еще 10 помещений (№ 6—15), в числе их одно (№ 11) с очень интересной, уникальной для своего времени декоративной кладкой стен. Были обследованы остатки городских стен Калаи Кахкаха III, расположенных на территории современного селения Шахристана, а также был заложен один шурф внутри стен. Археологическая группа Ленинабадского музея продолжала исследования на холме Урта-Курган. Здесь был полностью раскрыт крупный юго-западный зал здания, выяснены его архитектурные особенности, а также заложен большой шурф внутри северо-западного зала с целью выяснения структурных нижележащих слоев.

В 1962 г. раскопки велись на двух объектах, на Чиль-Духтароне и Чиль-Худжре. На первом они явились завершением исследований: раскрыто было еще около десяти помещений, в том числе два больших зала, остатки производственных мастерских, раннемусульманский мавзолей. Рядом вскрыт полностью ряд из шести открытых и крытых раннемусульманских погребальных сооружений. В этом же году начаты раскопки уже известного в науке[24] холма Чиль-Худжра, расположенного у выхода из ущелья Куль-Кутан в долину Шахристан-Сая, рядом с уже упоминавшимся Урта-Курганом. Здесь расчищены полностью 4 длинных узких коридора, одно угловое маленькое помещение и одно угловое пандусное устройство. Все они образуют нечто вроде обходной галереи, охватывающей почти с трех сторон еще нераскопанную часть сооружения. Одновременно были проведены топографические съемки группы холмов (около 30) в местности между селениями Карапчи, Янги-Курган и Увак.[25]

В 1963 г. в районе Шахристана работы продолжались только на Чиль-Худжре, где в основном были завершены раскопки всех четырех галерей первого этажа, одного помещения центрального ядра и всего комплекса помещений второго этажа. В том же году в ущелье Ок-Тангы, расположенном в предгорьях Туркестанского хребта и выходящем к долине Шахристан-Сая, в 6 км. южнее с. Шахристана, были начаты небольшие раскопки на памятнике Хон-Яйлов, представляющем собой остатки крупного средневекового селения с многочисленными каменными постройками, расположенными по сторонам улицы и вокруг центральной площади. Здесь всего было вскрыто около полутора десятков помещений и несколько примыкающих к селищу синхронных раннемусульманских погребений.[26]

---

[23] Н. Н. Негматов. О работах Северо-Таджикистанского отряда в 1961 г. В сб. «Археологические работы в Таджикистане», вып. 9 (1961). Тр. Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР, т. 42, Душанбе, 1964, стр. 34—44. В работах отряда принимали участие Н. Н. Негматов, Е. Д. Салтовская, Т. И. Зеймаль, А. Исаков, С. Марафиев, Ю. Якубов, А. Е. Павлова и др.

[24] Н. Лыкошин. Очерки археологических изысканий..., стр. 10—11; В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг., стр. 75; И. А. Кастанье. Древности Ура-Тюбе и Шахристана, стр. 39—42.

[25] Н. Негматов. О работах Северо-Таджикистанского отряда в 1962 г. ... В 1962 г. в Северо-Таджикистанском отряде работали Н. Негматов, Т. П. Кияткина, Е. Д. Салтовская, Ю. Якубов, С. Марафиев, Э. А. Юркевич, А. Юсупов и др.

[26] Отряд работал в следующем составе: Н. Негматов, Е. Д. Салтовская, Х. Мухиддинов, С. Марафиев, У. Пулатов, Ю. Якубов, С. Исмаилова, Е. Е. Данчина, студентов-практикантов ТГУ им. В. И. Ленина и местных рабочих.

В 1964 г. раскопки велись широким фронтом на тех же крупных объектах в районе Шахристана.[27] На Чиль-Худжре было завершено вскрытие остальных помещений центрального ядра первого этажа и части южного двора, где расчищены пандусный въезд во двор, крупная кухня с очагами и танурами и одно длинное прямоугольное помещение с суфами вдоль стен. На селище Хон-Яйлов число вскрытых помещений было доведено до 55, а погребальных сооружений до 15.

Таким образом, в течение девятилетних археологических работ (1955—1958, 1960—1964 гг.) в пределах Шахристанской котловины открыто дополнительно около ста новых памятников материальной культуры, завершены раскопки ряда объектов, таких, как городище Қалаи Қахкаха II, холм Тирмизак-Тепа, комплекс сооружений Чиль-Духтарон, крупное здание на городище Қалаи Қахкаха I, разрезана одна из стен последнего городища, начаты и продолжаются значительные раскопочные работы на памятниках Урта-Курган, Чиль-Худжра, селища Хон-Яйлов (в Ок-Танги), изучаются остатки городских стен и другие следы прошлого на территории современного селения Шахристана.

---

[27] В 1964 г. в составе отряда в разные сроки работали Н. Негматов, С. Марафиев, У. Пулатов, Ю. Якубов, Т. П. Кияткина, Е. Д. Салтовская, Э. Гулямова, Л. Н. Столяров, Э. В. Кильчевская, С. Исмаилова, И. Н. Вахрушева, студенты-практиканты ТГУ им. В. И. Ленина, маршрутные и местные рабочие.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОМПЛЕКС ГОРОДИЩ КАЛАИ КАХКАХА У ШАХРИСТАНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГОРОДИЩЕ КАЛАИ КАХКАХА I

1. ИЗУЧЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ГОРОДИЩА

Одним из основных объектов раскопок Ходжентско-Уструшанского отряда ТАЭ в течение ряда лет были два находящихся вблизи друг от друга городища, именуемых местным населением Калаи Кахкаха, Калаи Боло или Иски Курган.[28] Окрестное население сохранило ряд преданий, связанных с Калаи Кахкаха и не лишенных определенного интереса.[29]

Оба городища (рис. 1) расположены на левом, западном берегу Шахристан-Сая при выходе его на равнину, на концевой части предгорной террасы, имеющей высоту от 25—до 70 м. Терраса сложена из палеозойских, кремнисто-глинистых сланцев и покрыта мощным слоем

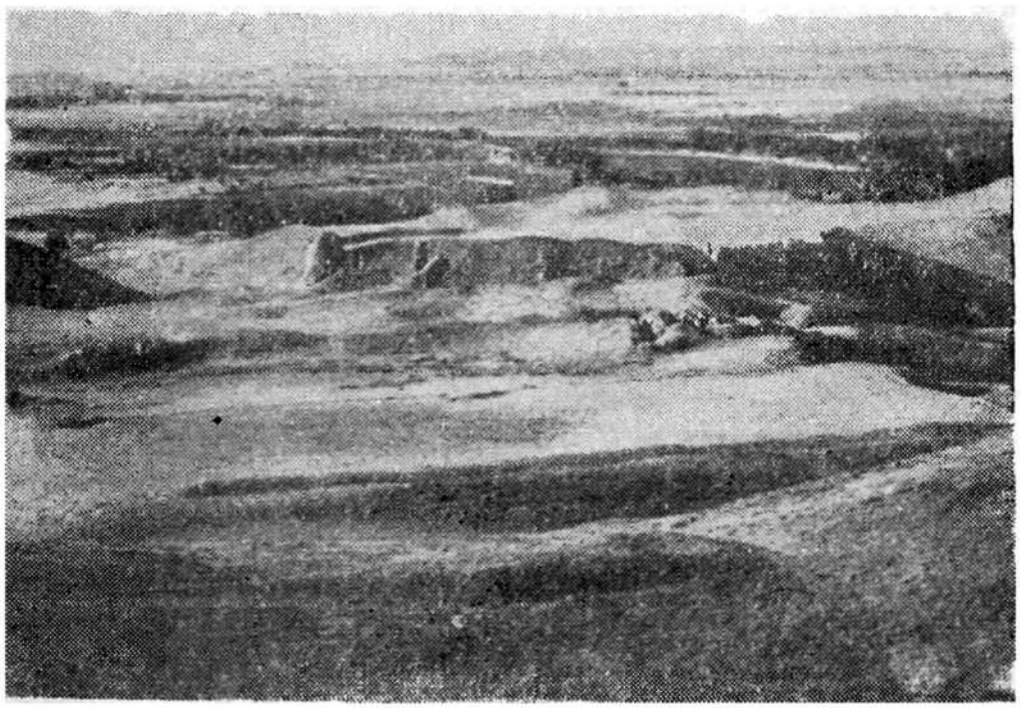

Рис. 1. Городища Калаи Кахкаха II и I. Вид с юга.

[28] Наиболее распространенным является первое, вследствие чего именно оно принято здесь, как и в предварительных публикациях, для обозначения данных памятников.

[29] Эти предания записывали еще Н. Лыкошин (Очерки археологических изысканий..., стр. 9—10) и И. Кастанье (Древности Ура-Тюбе и Шахристана..., стр. 39). Их полная сводка сделана в дипломной работе студента ТГУ им. В. И. Ленина О. Мусоева «Масъалаҳои археологӣ-таърихии райони Ӯротеппа дар эҷодиёти даҳонакии аҳолии маҳалли» (Душанбе, 1964, стр. 45—52).

Рис. 2. Городище Калан Кахкаха I. План.

галечниковых и лессовых отложений. К северу она образует крутой лессовый склон; западная сторона более пологая, опускается частично к узкому и глубокому оврагу с крутыми скалистыми скатами, а южнее—к небольшой равнине; на восточной стороне расположены крутые скалистые выступы.

На северной оконечности террасы лежит городище Кахкаха I — самое крупное в шахристанской группе памятников; в плане оно имеет неправильную форму, что объясняется рельефом террасы, но границы его прослеживаются очень четко (рис. 2 и 3). С запада городище за-

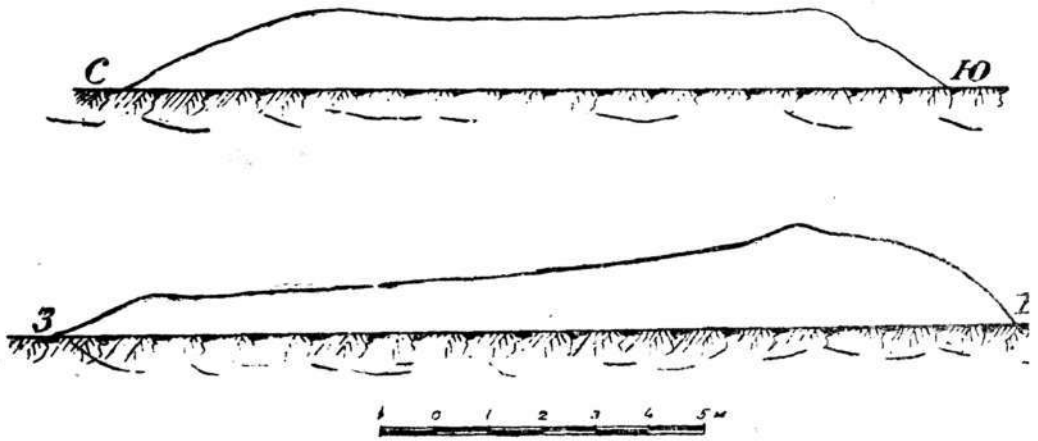

Рис. 3. Городище Калаи Кахкаха I. Профили.

щищено узким, но глубоким оврагом с крутыми скатами, с юга—глубоким (около 8—10 м) рвом, также являющимся в основе оврагом, но углубленным при выемке земли и гравия для сооружения стены; вдоль восточной стороны проходит Шахристан-Сай. Городище занимает площадь около 5 гектаров и окружено одинарными стенами общей протяженностью около 1000 м, довольно высокие обваленные остатки которых хорошо прослеживаются по всему периметру и местами достигают высоты 8—10 м. Часть западной стены, в том месте, где находились одни из ворот, удвоена; здесь проходила дорога в город, сначала в виде пандусного подъема по склону оврага вдоль одинарной части стены, затем внутри удвоенной части, и наконец, поворачивая влево, входила в ворота. Удвоение городской стены было, очевидно, сделано для усиления защиты ворот. Внешняя защитная стена здесь прослеживается ныне в виде невысокого вала, идущего от юго-западной угловой башни. При въезде в межстенное пространство имеется башня; внутренняя стена укреплена дополнительно тремя башнями. Другой, по-видимому, главный въезд в город прослеживается в северной стене поблизости от арка.

По южной стене имеются остатки четырех башен; особенно хорошо сохранилась юго-западная (рис. 4), защищающая городище с западной стороны. Она возведена на фундаменте из камня и глины; над фундаментом возвышаются два ряда мощных пахсовых блоков размером 140×65 см, затем идет настил из сырцового кирпича (50×?×7 см). Кожух башни сделан из блоков и кирпича, внутреннее пространство забито комками глины и лессом. В башне много трещин, по-видимому, от оседания. Нет основания считать, как это делает О. И. Смирнова,[30]

[30] О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г., стр. 194.

что указанная башня пристроена позднее: разрез стены (см. ниже) показал, что она стоит на уровне первоначальных стен и неразрывно связана с ними. В южной стене довольно хорошо сохранилась также сред-

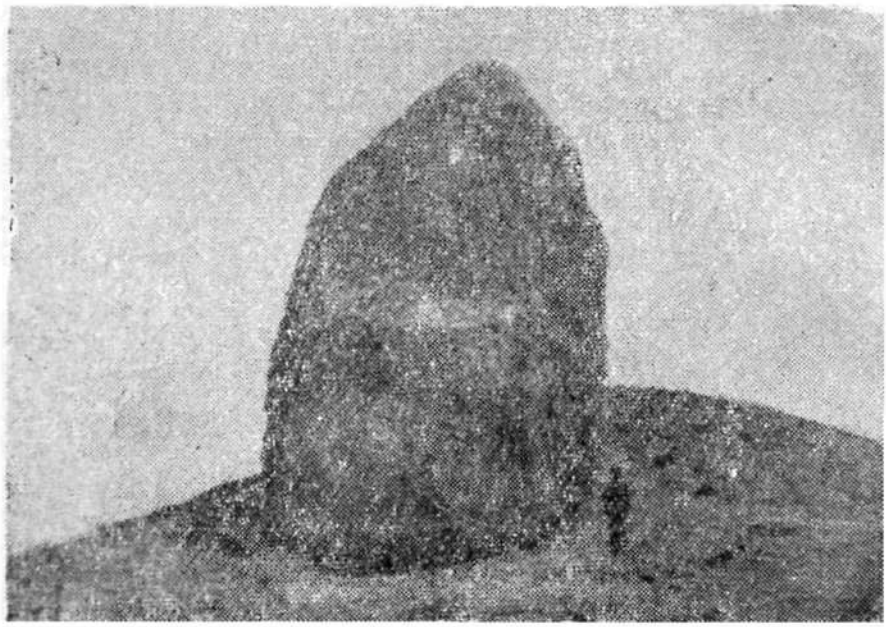

Рис. 4. Городище Калаи Кахкаха I. Юго-западная башня.

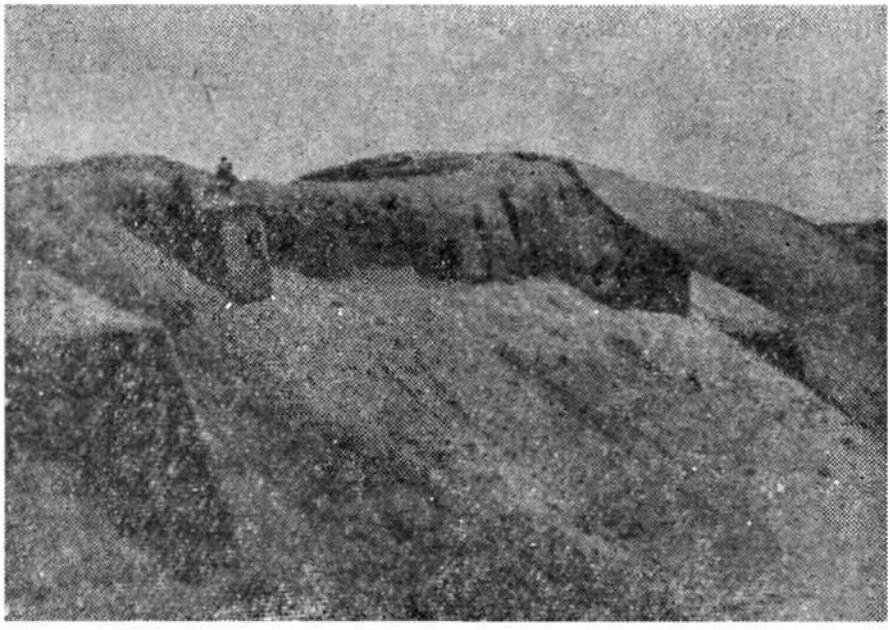

Рис. 5. Городище Калаи Кахкаха I. Обнажения южной стены.

няя башня, но от двух остальных имеются фактически лишь следы — галечные основания с оплывшим лессом; средняя башня в 1915 г., по данным И. А. Кастанье, достигала десяти метров высоты (юго-восточ-

ная башня, отмеченная им, ныне не существует). Расстояние между башнями составляет 30—40 м. Стены возведены из пахсовых блоков, которые отчетливо видны на обнаженной части южного фаса между третьей и четвертой башнями (рис. 5). Южная стена в основании была укреплена поперечными арчовыми балками диаметром от 20 до 30 см, положенными через каждые 8—10 м. Внешний фас ее нижней половины был засыпан гравием, взятым из проходящего здесь оврага, чем достигнута дополнительная прочность поверхности (об этом см. ниже).

В восточной части городища над Шахристан-Саем возвышается высокий (8—10 м от внутренней поверхности городища) большой холм, представляющий собой остатки комплекса построек внутренней части города — арка. На восточном краю холма, высоко над саем, на крутом обрыве сохранилась одна сторона арочных ворот, обращенных на восток, в сторону рабада. Эти ворота, не имеющие явно никакого практического значения, скорее всего носили парадный, декоративный характер. Одна частично сохранившаяся башня ворот сложена из прямоугольного сырцового кирпича размером 58×25×10 см (рис. 6). По данным И. А. Кастанье, в северо-восточном углу арка в 1915 г. стояла другая, ныне не существующая башня высотою в десять метров. В некоторых местах на склоне холма обнаружены остатки стен из сырцового кирпича (50×25×10 см) и двух рядов пахсы, нарезанной на блоки (85×65 см).

Рис. 6. Городище Калаи Кахкаха I. Остатки левого крыла восточных ворот арка.

Вся остальная внутренняя площадь городища состоит из ряда крупных всхолмлений и ровных участков. Большое длинное всхолмление тянется вдоль всей северной стены городища; оно, вероятно, скрывает в себе крупный строительный массив. Юго-западная часть городища представляет собой котлованообразное понижение с углублением посередине. Как явствует из приведенных в вводном разделе истории археологического изучения района Шахристана материалов, на этом городище еще в конце прошлого столетия был случайно обнаружен металлический кумган, что возбудило в 1893 г. переписку между военным губернатором Самаркандской области и Императорской археологической комиссией. В итоге последняя дала открытый лист Ура-Тюбин-

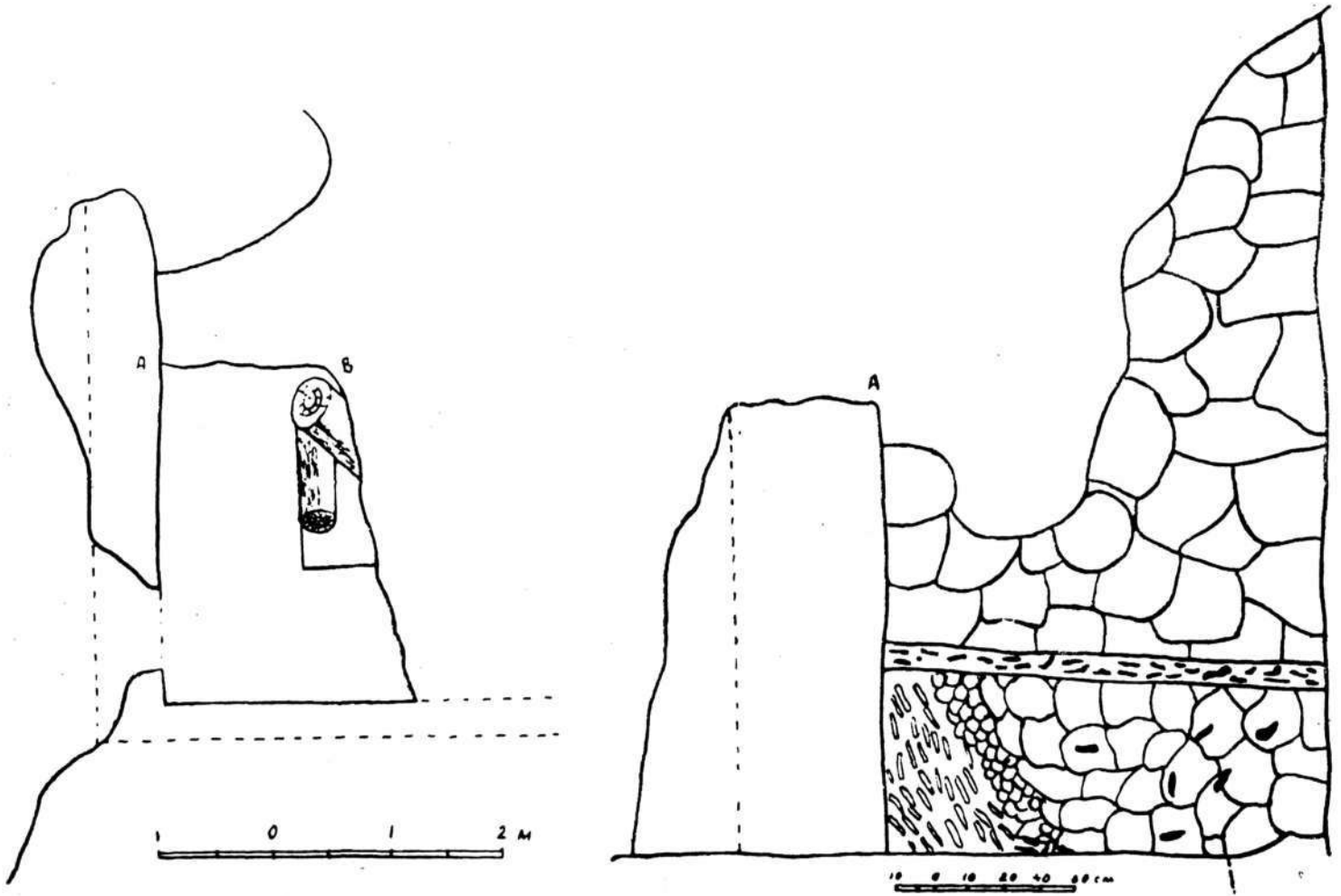

Рис. 7. Городище Қалаи Қахкаха I. План и разрез части помещения арка.

скому участковому приставу Степанову на производство здесь раскопок, которые и были осуществлены. Однако о результатах нам ничего не известно, за исключением сообщения о найденных при раскопках двух стеклянных графинах. В 1915 г. И. А. Кастанье находил на поверхности городища фрагменты глазурованной разноцветной керамики, а также черепки, украшенные узорами или какими-то надписями.[31] И ныне на поверхности городища встречается значительное количество обломков сосудов, главным образом крупных хумов и кувшинов. На холме арка и на его склонах преобладают фрагменты поздней поливной керамики.

На самом верху холма, в юго-западном углу в 1950 г. была произведена расчистка части помещения здания верхнего слоя (рис. 7) — раскрыт юго-восточный угол помещения длиною в 285 см и шириною 215 см. Стены его сложены из сырцового кирпича размером 25×23×8 см, толщина их 50 см. Вдоль стен идет суфа шириной—южная 112 см, западная 124 см, высота ее 52 см. Помещение погибло от пожара и завалено. По словам О. И. Смирновой, «все помещение заполнено завалом из крупных глыб глины (толщина завала 1,4 м); ниже идет тонкая прослойка угля, еще ниже завал из глыб глины и пахсы с значительным содержанием остатков обгоревшего дерева и древесного угля. Завал в нижней своей части, у стен, видимо, подвергся действию сильного огня—глина и пахса обгорели и имеют красно-бурый цвет. В этой же нижней части завала найдено три гвоздя квадратного сечения (длина двух по 3 см, одного 6 см). Непосредственно у стен завал насыщен фрагментами обгоревшей росписи на ганчевой основе, упавшими с верхних и средних частей стен. Краска очень плохо сохранилась. В качестве фона преобладает ярко-синяя краска».[32] На нижней части стены у суфы сохранились небольшие участки росписи в виде узкого желтого бордюра и поясков на черном фоне над ним. Установить композицию настенной росписи не удалось. В разрезе завала прослеживались угли, куски обгоревших балок и жердей; несколько обгоревших бревен (25×15 см) лежало внизу горизонтально по направлению юг-север. Одно полусогревшее крупное бревно, прямоугольное в сечении (35×20 см), лежало вдоль западного края суфы; это, видимо, была колонна, поддерживавшая перекрытие. В завале встречено много обгоревших обломков котелков и других сосудов, в числе их значительное количество фрагментов керамики с голубой поливой и цветочным орнаментом. Найден железный предмет в виде двух пластин, соединенных гвоздем с крупной шляпкой; у западной стены, на суфе, обнаружена горсть полуобгоревшей шалы и разбитый котел ручной выделки.

Судя по находкам, а отчасти по характеру росписи, можно предположить, что частично раскопанное помещение относится ко времени развитого средневековья, а причиной разрушения здания было какое-то событие, повлекшее за собой пожар. О. И. Смирновой по этому поводу сделано заключение о том, что «после прекращения жизни городища в целом, его цитадель (внутренний арк — *Н. Н.*) в силу своего исключительно стратегического положения была использована в дальнейшем в качестве отдельного самостоятельного укрепления, игравшего роль сторожевого пункта, а также и убежища для местного населения»[33].

В результате дальнейших наблюдений и зачисток на обнаженной юго-западной стене арка удалось выявить, по крайней мере, несколь-

---

[31] И. А. Кастанье. Древности Ура-Тюбе и Шахристана, стр. 37—39.
[32] О. И. Смирнова. Ук. раб., стр. 194—195.
[33] Там же, стр. 195.

ко слоев, содержащих остатки сменивших друг друга построек. Остатком одного из периодов жизни является частично раскопанное помещение. Ниже пола его идет забивка и завал, и далее еще блоки в два ряда. К сожалению, без значительных раскопок невозможно датировать отдельные периоды, однако мы имеем все основания говорить о длительности жизни здесь, засвидетельствованной мощными культурными напластованиями. Постройки последовательно забутовались сырцовым ломом, комьями глины, пахсой и служили платформой для последующих сооружений. Мощные стены в одном из нижних слоев, сложенные из пахсовых блоков и прямоугольных сырцовых кирпичей с соотношением ширины и длины 1:2, указывают на наличие тут значительного раннесредневекового комплекса построек.

В 1950 г. с целью выяснения стратиграфии культурных наслоений и времени возникновения поселения в юго-западной части городища был заложен шурф (3×3 м). «На глубине 1,5 м после достижения слоя галечника работы были прекращены. Находок в шурфе не было. Шурф дал следующие слои: плотный слой лесса (0,3—0,75 м), слой серовато-желтого лесса, внизу с примесью гальки (0,75—1,05 м) и, наконец, плотный слой галечника. Шурфовка не дала ожидаемого материала».[34]

Прежде чем перейти к изложению основных результатов наших раскопок на городище Калаи Кахкаха I, необходимо остановиться на вопросе о водоснабжении его. Согласно Н. Лыкошину, вода в Шахристанские городища была проведена издалека, с высоких гор. Он в 1890 г. еще видел следы канала, идущего к ним, однако ему осталось неизвестно, откуда поступала вода.[35] Приблизительно в 4- км к юго-западу от городища в одной из седловин безводной холмистой местности имеется несколько глубоких колодцев, которые составляют ряд, тянущийся с юга на север, — от гор в сторону низины, выходящей к городищам. Колодцы эти, видимо, соединялись между собой подземной штольней; в настоящее время, однако, они обвалились, поэтому этот чрезвычайно интересный памятник без значительных раскопок исследованию не поддается. Среди местного населения они известны как «зиндон» (темница) и связываются с именем легендарного царя Кахкаха, будто бы древнего владетеля Шахристана из народа муг (огнепоклонники). По всей видимости, мы имеем здесь подземный водоотводный канал — корез. О. И. Смирнова, осмотревшая этот памятник в 1950 г., определила его «как древнюю подземную темницу — типичный зиндан».[36]

Это, конечно, неточно, хотя использование кореза местными правителями после его частичного разрушения в качестве зиндона вполне возможно. В связи с этим вопросом привлек внимание и другой факт. На юг от «зиндонов» расположено ущелье Куль-Кутан; в 4 км. в глубь его лежит селение Куляли. В 1955 г. учителю из местной школы сообщили, что здесь слева от сая при постройке одного из домиков, стоящих на склоне горы, был обнаружен, а затем засыпан «тунель» с входом арочного типа. Совпадение направления кореза с «тунелем» говорит о том, что, возможно, последний был головным соору-

---

[34] О. И. Смирнова. Там же, стр. 195.
[35] Н. Лыкошин. Ук. раб., стр. 10.
[36] О. И. Смирнова. Ук. раб., стр. 197.

жением кореза, вероятно, бравшего воду из сая Куль-Кутан. Однако лишь детальное изучение этих памятников решит вопрос о водоснабжении шахристанских городищ.

2. РАСКОПКИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ХОЛМА

Этот холм, имеющий полукруглую форму и высоту 640 см (рис. 8 и 9) примыкает к юго-западному углу городища, вблизи от ворот,

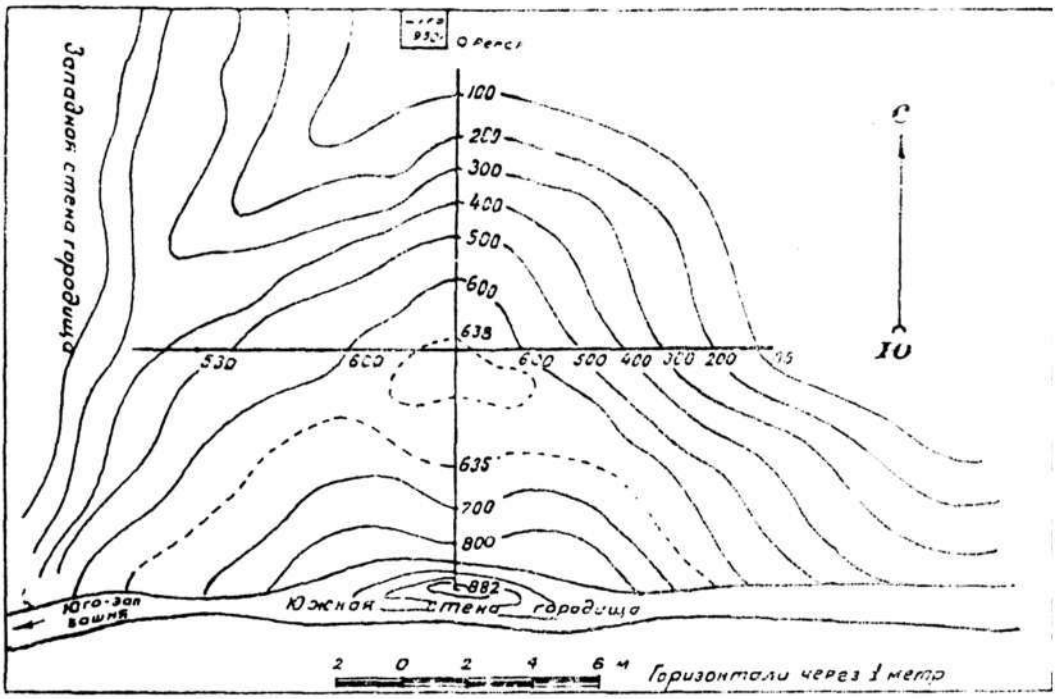

Рис. 8. Городище Калаи Кахкаха I. План юго-западного холма.

расположенных в западной стене. Угол городища укреплен мощной высокой башней, господствовавшей в свое время над подходами к городу. Холм был разбит на 4 сектора — северо-западный, северо-восточный, юго-западный и юго-восточный; раскопки начаты в северной половине. Под дерновым слоем на всей площади здесь обнаружился рыхлый лесс с очень незначительными вкраплениями мелких обломков сырцового кирпича. В северо-восточном секторе на глубине 40 см от верхней точки (репера) была найдена стертая медная монета, покрытая известковым налетом (КП 299/8)[37] На лицевой стороне она имеет незначительные остатки надписи (символ веры); по почерку, размерам и фактуре определена как саманидская.[38] На этой же глубине начали встречаться древесные угольки, куски сгнившего дерева, кости и обломки керамики.

На глубине около 1 м в северной половине холма была раскрыта верхняя часть стены из сырцового кирпича, идущая в направлении северо-запад — юго-восток (размеры кирпичей — 52×24×9; 49×

---

[37] Вес 2,16 гр., диаметр 23—24 мм.

[38] Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1956 г., В сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1956 г.», вып. 4, Тр. АН Тадж. ССР, т. 41. Душанбе, 1959, стр. 176, № 6.

25×8 см). Вскоре в одном месте на глубине 155 см от репера был обнаружен пол помещения. Расчищая пол и идя от ранее обнаруженной стены на юг, удалось выявить вторую продольную стену, идущую параллельно первой. Стена эта сложена также из сырцового кирпича кладкой вперевязку; толщина ее составляет 110 см. Раскрытое, таким образом, помещение имело вид длинного коридора шириной 225—235 см. (рис. 10); его восточная торцовая стена не сохранилась, юж-

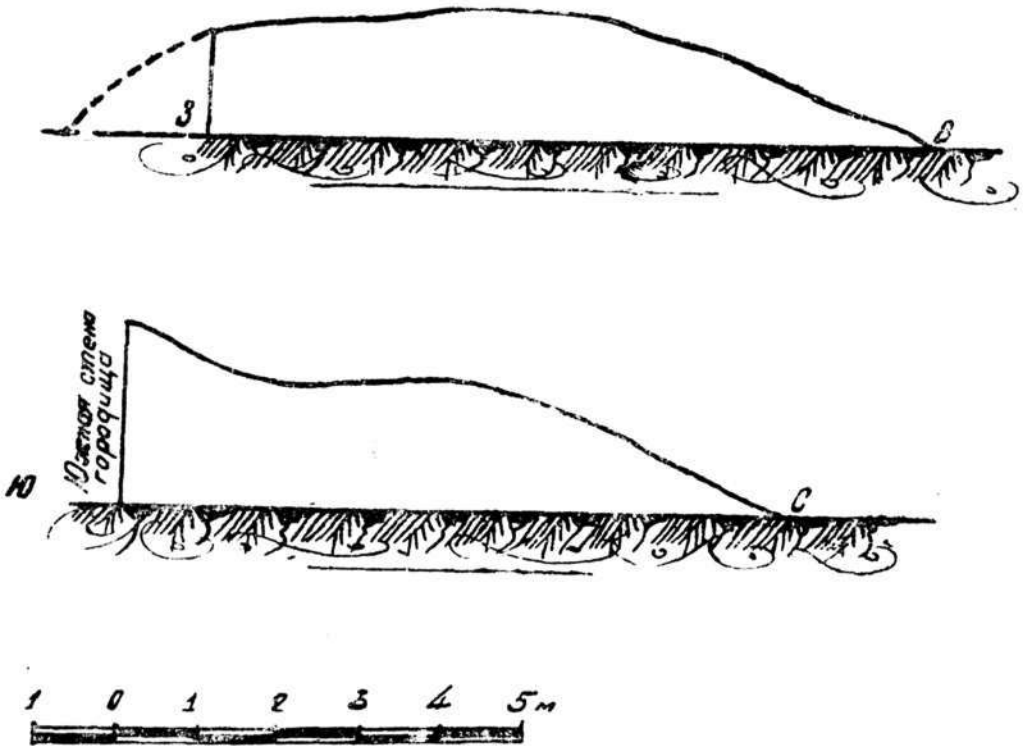

Рис. 9. Городище Калаи Кахкаха I. Профили юго-западного холма.

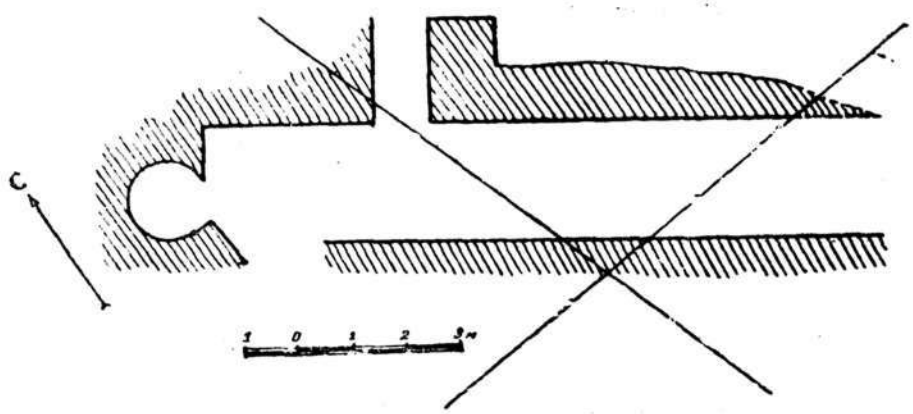

Рис. 10. Городище Калаи Кахкаха I. Юго-западное здание. Остатки коридора верхнего этажа.

ная и северная стены, понижаясь, постепенно сходят у восточного конца на нет. Западная торцовая стена, образующая угол с северной продольной, сохранилась лишь частично; она сильно разрушена поздним

крупным очагом, врытым здесь для огромного котла. На дне очага в его заполнении найдено донце грубого неполивного сосуда и мелкие фрагменты орнаментированного очажка, покрытого темно-зеленой поливой.

Судя по сохранившимся участкам стен, коридор имел длину более 11 м.

В северной стене его был раскрыт широкий проем (185 см) с очень четкими стенками, ведущий в полностью разрушенное помещение. Проем был забит обломками кирпичей и галькой. Здесь найден фрагмент сосуда с отогнутым наружу венчиком и выступом под ним. В завале коридора у южной стены на высоте 40 см от пола имелось скопление гальки и многочисленных костей животных. Найдены также фрагменты жженых кирпичей и большое количество фрагментов от крупного тонкостенного сосуда, вылепленного из грубой глины с песком. Сосуд имеет налепной бортик под венчиком, снаружи закопчен.

При расчистке пола найдены два фрагмента венчиков сосудов с неглубокими желобками. Пол, сложенный из сырцовых кирпичей и покрытый несколькими слоями тонкой глиняной обмазки, в нескольких местах поврежден провалами и ямами. При расчистке одной из ям в северо-западном углу была обнаружена кладка, уходящая вниз (размеры кирпичей — 40×25×8; 51×26×9 см). Это показало, что внизу лежат остатки какого-то крупного здания, связь которого с верхним была еще не ясна. Затем был снят дерновый слой в юго-западном и в юго-восточном секторах, т. е. в южной половине холма. На границе секторов, в центре холма тут был найден фрагмент венчика хума, украшенный налепным орнаментом (сама отогнутая закраина венчика, кроме того, украшена процарапанными полосами). В юго-восточном секторе под дерновым слоем найдены обломок венчика сероглиняного сосуда и фрагмент стенки орнаментированного тонкостенного сосуда из светло-голубого стекла; ниже — донце сосуда на невысоком поддоне, покрытое изнутри ярко-синей поливой, несколько фрагментов стенок сосуда, покрытого снаружи ярко-зеленой поливой и орнаментом черного цвета, ручка сероглиняного сосуда, фрагмент стенки сфероконического сосуда, украшенного штампованным орнаментом. В юго-западном секторе встречен почти целый квадратный жженый кирпич (24×24×6 см) розового цвета из пористой глины хорошего обжига; здесь же рядом найдены два фрагмента стенки и донца стеклянного сосуда.

В южной половине холма, несмотря на тщательность поисков, остатков стен обнаружить не удалось: весь завал состоял из рыхлого наносного лесса (вверху) и обломков сырцового кирпича (внизу), вероятно, являющихся следствием разрушения верхних частей стены вскрытого в северной половине холма коридора. Попытка оконтурить «наружную» сторону южной стены последнего не привела к выявлению четкой поверхности. Вследствие этого было решено снять стены до уровня пола коридора, а затем продолжить углубление с целью вскрытия нижнего комплекса.

При снятии остатков верхнего горизонта в юго-восточном секторе оконтурилась небольшая яма, образовавшаяся в результате провала сводчатого перекрытия нижележащего помещения. В пределах этого же сектора на полу коридора были найдены обломки глиняной жаровни (дно плоское, бортик вертикальный, примерный диаметр 50—60 см, толщина стенок 1,5 см, высота бортика 2 см). Вокруг нее лежали куски обожженной глины, рядом найден целый жженый кирпич размером 27×23×6 см. Нижняя часть постройки оказалась значительно лучшей сохранности и более четкой по планировке.

Центром ее (рис. 11; 12) является длинный, узкий коридор, вытянутый с востока на запад (длина 16,5 м, ширина в западном конце 150 см, а середине и восточном конце он сужается до 142 см). Коридор был перекрыт сводом, который полностью сохранился в западном конце; высота от пола до замка свода здесь равна 408 см. В стенах коридора имеется 10 арочных дверных проемов, ведущих в отдельные помещения; их в северной стене — 4, в южной — 5, в западной торцовой — 1 (заложен и превращен в нищу). Высота проемов (от пола до замка арок) не одинакова: колеблется от 185 см до 200 см; это, вероятно, объясняется тем, что не все арки проемов удалось полностью

Рис. 11. Городище Калаи Кахкаха I. Юго-западное здание. Центральный коридор нижнего этажа.

очистить от плотных осадочных наслоений. Десятый проем в западной торцовой стене коридора также выводит в помещение. Главный вход в здание был с востока; здесь стены коридора кончаются четкими выступами, в основании их сохранились ниши порога.

Южная стена коридора (табл. 1) сложена из сырцового кирпича менее аккуратно, чем северная. Кладка в основном беспорядочная, но есть участки регулярной цепной кладки. В этой стене, как уже отмечено, имеется 5 дверных проемов, ведущих в помещения. Арки первых двух проемов (№ 2 и 3) выложены «в елочку», так же как и ар-

ка в западной торцовой стене коридора. Выше арок идет кладка из трех горизонтальных рядов, а затем начинается переход к своду коридора. Систему кладки арок остальных проемов выяснить не удалось ввиду их плохой сохранности. Расстояние между проемами 170—185 см. В стене имеется три нишки—полочки для светильников (чирагов). Первая из них расположена на высоте 130 см от пола (длина ее 22 см, высота — 25, глубина — 13 см), вторая — на высоте 135 см, в 85 см западнее проема помещения № 4 (длина ее — 27 см, высота — 19, глубина — 13 см); третья находится почти у самого входа в коридор:

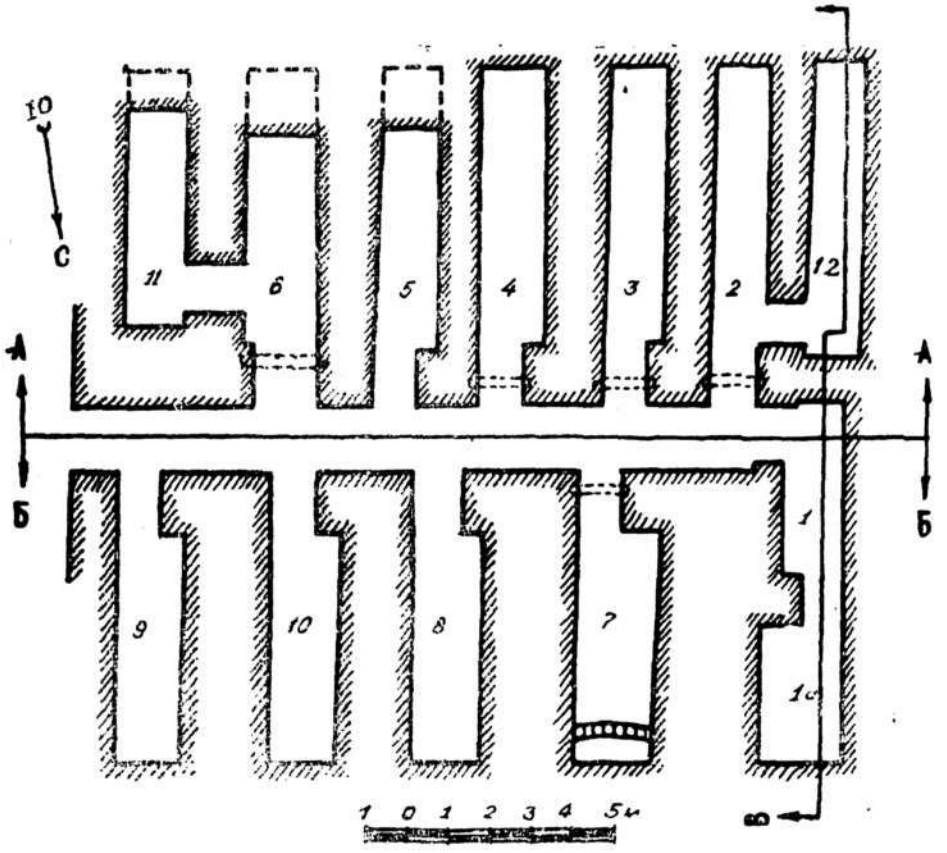

Рис. 12. Городище Калаи Кахкаха I. Юго-западное здание. Нижний этаж. План.

на расстоянии 112 см (длина ее — 25 см, высота — 20, глубина 12 см). В восточной части у входа на высоте 125 см от пола имеется также неглубокая овальная впадина шириной в 70 см, длиной около полутора метров, несомненно, сделанная умышленно, но назначение ее неясно.

Северная стена коридора (табл. 1) также возведена из сырцовых кирпичей (50×25×10; 48×26×9 см) и их обломков. Кладка в основном цепная, но местами беспорядочная; при переходе к своду простая (один кирпич положен на другой). Ширина швов между кирпичами 2,5—4 см. Переход к своду в обеих стенах (южной и северной) начинается на высоте 260 см от уровня пола. Здесь горизонтальные ряды кладки сменяются пятами свода из кирпичей, выложенных вертикально. Сам свод начинается на высоте около 3 м. Поверхность стен была заштукатурена глиняно-саманной обмазкой, толщиной 7—10 мм. В основании северной стены на уровне пола на расстоянии 60 см к запа-

ду от проема № 9 имеется каминообразный очаг (высота его 65 см, глубина в стене 35 см, ширина 30 см), перед ним в полу — неглубокая овальная яма, заполненная красно-коричневой золой. Стенки и дно очага, а также ямы прокалены докрасна. «Камин» был заполнен темно-коричневой и красноватой золой. В золе обнаружены кости, кусочки сгнившего и обгоревшего дерева, фрагмент закраины небольшого закопченного котла с плетеной ручкой. На каком-то позднем этапе жизни здания камин был заложен булыжниками и комьями глины. В стене, кроме того, имеется две нишки-полочки для светильников; обе они внутри оштукатурены. Первая нишка расположена на высоте 150 см. от пола, в 75 см. западнее проема № 7 (длина ее—28 см, высота — 18 см, глубина — 20 см.), вторая — на расстоянии 138 см к западу от проема помещения № 9 (длина ее — 27 см., высота — 18, глубина — 20 см). В центральной части стены на высоте 220 см обнаружены большие овальные углубления, назначение которых не выяснено. Как в южной, так и северной стенах имеются небольшие отверстия, видимо, оставшиеся от лесов, установленных при возведении свода коридора.

Западная торцовая стена (толщина — 110 см.) сложена из сырцового кирпича: от пола примерно до ее середины идут ряды горизонтальной кладки, выше начинается арка ниши, выложенная «в елочку», а под самым сводом коридора снова начинается горизонтальная кладка (рис. 13). Ниша является проемом, заложенным на каком-то позднем этапе жизни здания. Коридор был заполнен рыхлым завалом, содержащим куски кирпича от рухнувшего свода. В центральной части были встречены куски жженого кирпича, кости конских конечностей, пряслице, вырезанное из обломка сосуда, покрытого синей поливой, и фрагменты венчиков сосудов со следами копоти. В завале же найдены фрагменты стенки сосуда, украшенный резным и штампованным орнаментом, фрагмент венчика сосуда, украшенный налепными кружочками. На глубине примерно 200 см. встречены куски сгнившего дерева; ближе к полу продолжали попадаться кости животных, обломки жженых кирпичей и вкрапления сгнившего дерева. На уровне 80—100 см над уровнем пола отмечены наносные прослойки с мелкой галькой. Пол коридора оказался выстланным сырцовыми кирпичами, с обмазкой тонким слоем глины. В северо-западном углу коридора на полу зафиксировано прямоугольное углубление размером 80×50 см. Восточнее его лежал обломок жженого кирпича, небольшой участок стены коридора над этим углублением на высоте около 40 см. от пола прокалена и несколько закопчена; вероятно, в этом месте располагалось какое-то очажное устройство. В этом же углу на полу найдена медная саманидская монета Насра II ибн Ахмада, чеканенная в г. Ахсыкете в 920—921 гг.[39] Восточнее проема, ведущего в помещение № 8, пол был покрыт темно-коричневым пятном золы, а поверхность северной стены коридора на высоту 35 см обгорела докрасна; при расчистке здесь найдены фрагмент донца сосуда, конское копыто, рожки козла и небольшое железное изделие в виде болтика.

Помещение № 1[40] расположено в западной части здания (рис. 12); в него вел дверной проем, расположенный в западной торцовой стене коридора. При вторичном использовании здания проем был превращен в нишу (ширина ее 115, высота 125 см): нижняя часть его до высоты

---

[39] Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г. В сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.», Тр. АН Тадж. ССР, т. 103, вып. 5, Душанбе, 1959, стр. 154.

[40] Помещения получали нумерацию по мере вскрытия.

70 см от пола заложена сырцовыми кирпичами (50×25×8 см) и их обломками. Эта закладка частично лежит на илистых перемешанных с галькой наслоения (толщиной в 53 см), заполняющих нижнюю часть проема. Здесь выясняется любопытная деталь истории здания: оно сначала функционировало целиком, включая и западное помещение, затем последнее подвергалось разрушению. В это время, очевидно, было

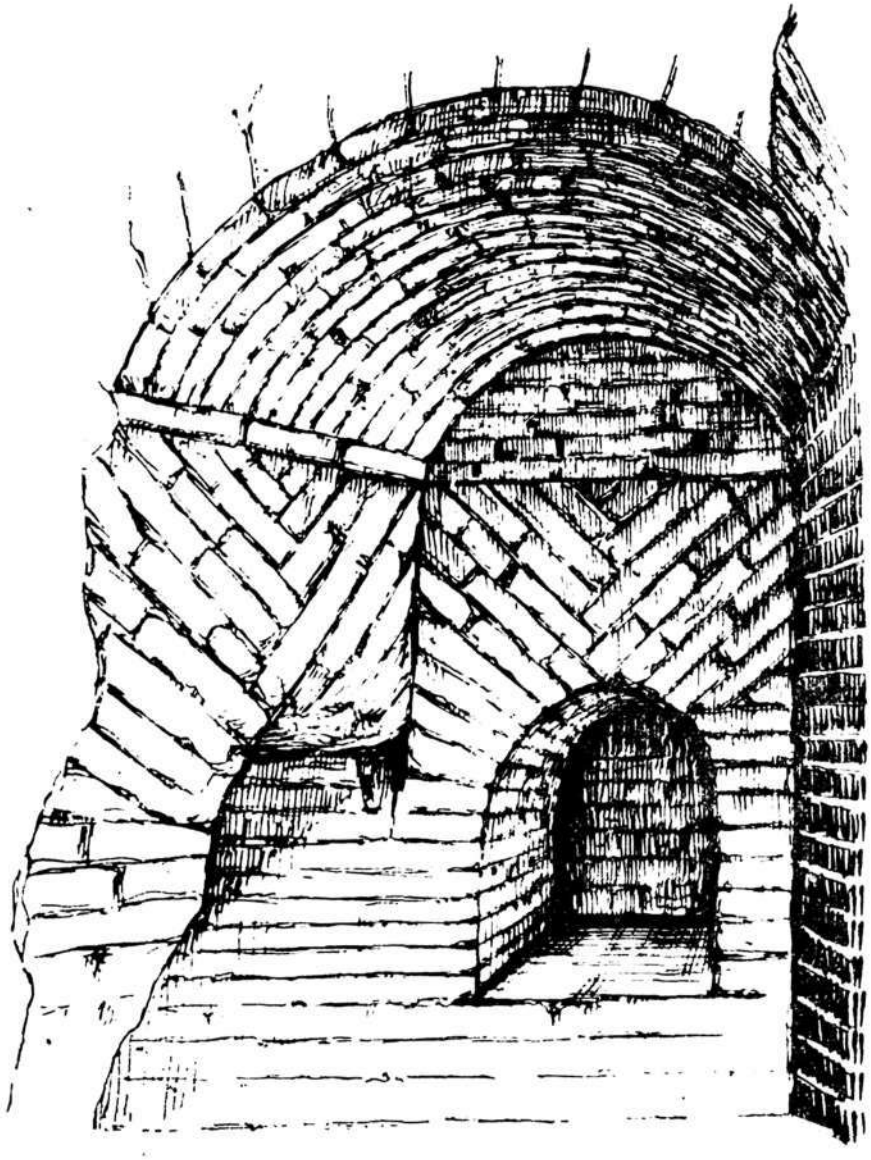

Рис. 13. Городище Калаи Кахкаха I. Юго-западное здание. Западная часть центрального коридора нижнего этажа.

покинуто все здание, ибо проем в разрушенное западное помещение оставался открытым. В этот период запустения в западном помещении и в проеме успели образоваться отмеченные илистые наслоения. Затем помещение № 1 было изолировано от остальных, видимо, целых помещений путем превращения древнего проема в нишу. Период запустения

здания, видимо, был непродолжительным: об этом, в частности, свидетельствуют одинаковые размеры кирпича в стенах здания и в закладке проема.

Помещение № 1 представляет собой небольшой коридор, расположенный перпендикулярно к центральному коридору; оно имеет длину 410 см и ширину 145 см. Стены его возведены из сырцовых кирпичей (48×25—26×8—9 см) кладкой в перевязку (рис. 14,*4*); при переходе

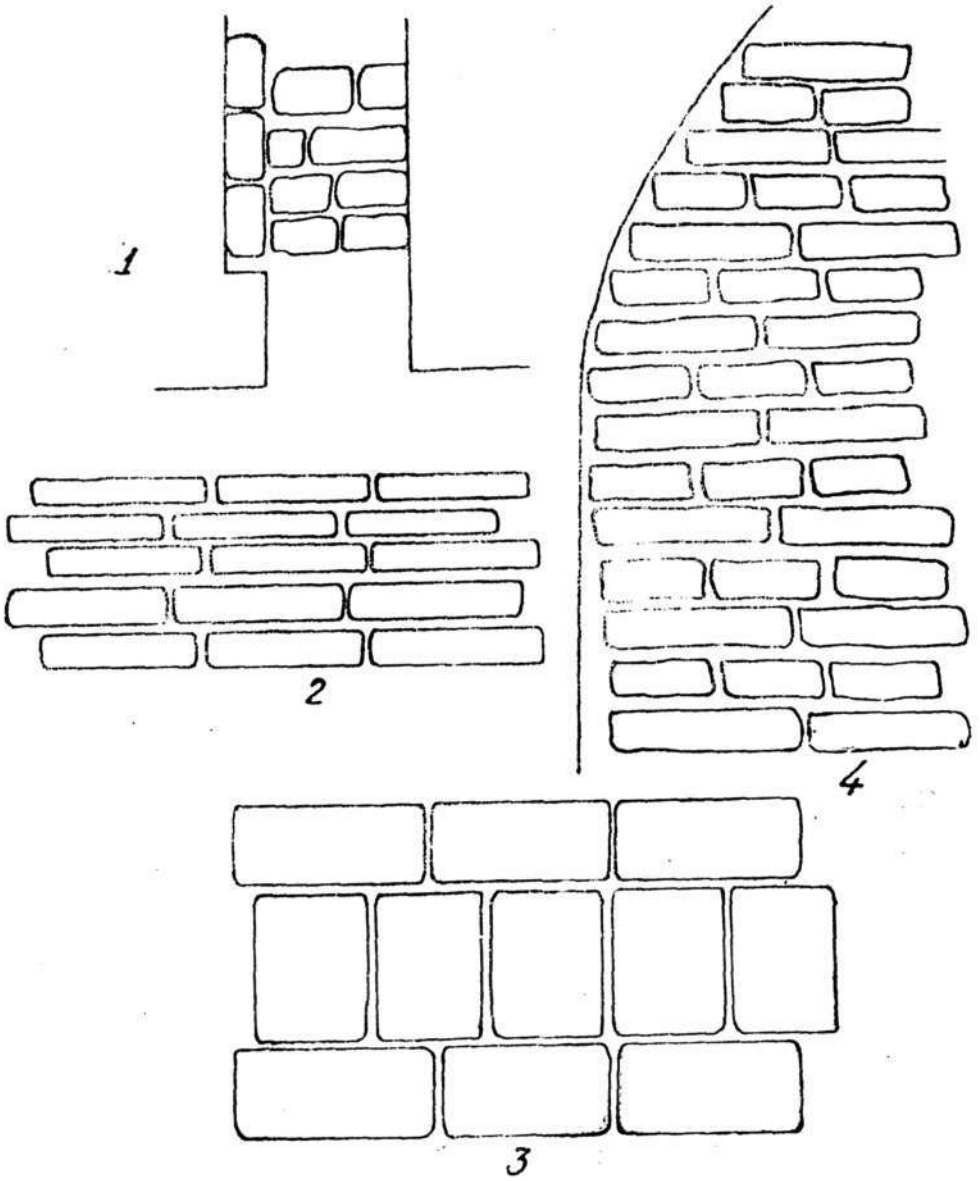

Рис. 14. Городище Калаи Кахкаха I. Юго-западное здание. Нижний этаж. Система кладок: *1*—горизонтальный срез закладки помещения № 9; *2* и *3*—вертикальный и горизонтальный разрезы закладки проема помещения № 10; *4*—южная торцовая стена помещения № 1.

к своду горизонтальные ряды кирпичей сменяются вертикальными (табл. 1, разрез В—В). Сводчатое перекрытие было из тех же кирпичей. Помещение было заполнено вверху рыхлым сероватым лессом, ниже—кирпичами свода. Никаких находок в завале и на полу не имелось. Из

него арочный проем (рис. 15) ведет в замкнутое помещение № 1а. Стены последнего сохранились лишь на небольшую высоту (75—100 см), за исключением части восточной стены, где прослеживается также переход от горизонтальной кладки к своду. Размер помещения 330×200 см. Оно было аккуратно заложено сырцовыми кирпичами. Кладка арки проема такая же, как и в проеме, ведущем из центрального коридора, «в елочку» (табл. 1, разрез В—В); ширина этого проема 85 см, высота до замка арки 165 см. Северная стена помещения была зачищена и с внешней стороны; толщина ее равна приблизительно 1 м.

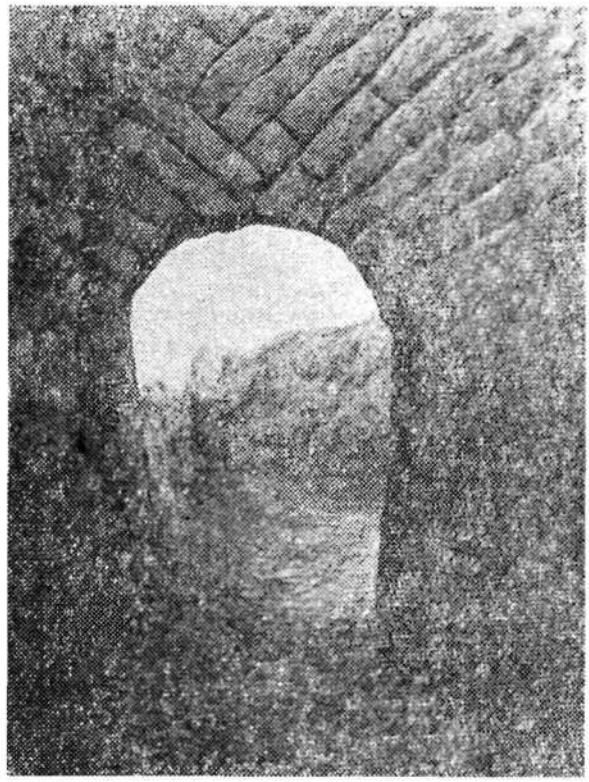

Рис. 15. Городище Калаи Кахкаха I. Юго-западное здание. Нижний этаж. Арка проема помещения № 1а.

Помещение № 2 расположено в юго-западном углу здания (рис. 12). В него ведет проем, расположенный в западном конце южной стены центрального коридора. Ширина проема—100 см, высота—185 см; в стенках его сохранились нишки порога (западная имеет глубину — 19 см, длину—20 см и ширину—16 см; восточная соответственно: 30, 30 и 26 см). В восточной стенке на уровне 100 см выше пола имеется нишка для светильника. Арка проема сложена из сырцовых кирпичей кладкой в «елку», причем для подпорки и выравнивания вложены продолговатые галечники. Пята свода состоит из одного ряда горизонтально лежащих длинными сторонами кирпичей. Проем был заполнен в основном рыхлым завалом. Нижняя часть последнего над полом состояла из очень рыхлого лёсса и кусков сырцового кирпича; выше, примерно на уровне 80—90 см, располагались плотные плитчатые прослойки с мелкой галькой, образовавшиеся во время отмеченного выше запустения здания. Под этим натечным слоем (главным образом на уровне 20—50 см выше пола) найдены ребра барана, грудная кость курицы, кусок бараньей лопатки, ребра ягненка, обломки керамики (фрагмент ручки кувшина, венчик небольшой чашечки, несколько фрагментов стенок сосуда, кусок донца сосуда со следами среза на наружной поверхности) и плоский круглый железный предмет. На полу лежали два обломка жженого кирпича (толщина 3—4 см).

Помещение продолговатой коридорообразной формы, длиной 660 см. Продольные стены сложены из сырцовых кирпичей; южная торцовая стена — из небольших пахсовых блоков (внизу) и сырцово-

го кирпича (наверху). Помещение имело сводчатое перекрытие, которое частично сохранилось в южной части. Оно было заполнено лёссом и обломками кирпича; в западной части завал был более рыхлый. Здесь наверху найден почти полностью собирающийся тонкостенный сосуд с широким туловом, украшенный богатым штампованным орнаментом (XI—XII вв.). В южной части помещения неглубоко от дневной поверхности найдено несколько стенок толстостенных сосудов и собирающийся из многих фрагментов небольшой сосуд с почти вертикальными стенками, покрытый ярко-зеленой поливой. На полу залегал очень плотный слой сырцовых кирпичей рухнувшего свода; над ним лежал слой гальки и наносного песка, образовавшийся в период запустения. На полу у западной стены зафиксировано какое-то сооружение из жженых кирпичей, положенных плашмя и много золы и угольков: вероятно, это остатки очага.

Помещение № 3 расположено в южной половине здания, с востока примыкает к предыдущему помещению. В него из центрального коридора ведет узкий арочный проем. Высота проема до замка арки—200 см, ширина—100 см. В стенах его сохранились нишки порога (западная имеет высоту 28 см, глубину 26 см и ширину — 12 см.; восточная — высоту и глубину по 30 см и ширину 14 см). Проем был забит рыхлым, а местами плотным завалом с кусками сырцового кирпича. Почти над полом в очень рыхлом слое найдены бараньи кости (челюсти, кости ног, ребра, лопатки), фрагменты стенки и донца небольшого кувшинчика со следами красной краски, горлышко и плечико тонкостенного сосуда.

Помещение это также коридорообразной формы, размером 650×135 см со сводчатым перекрытием. Западная стена его хорошей сохранности, покрыт глиняной штукатуркой; восточная частично разрушена. Пол покрыт слоем обмазки, на нем залегал очень тонкий слой золы, в котором встречались угольки. В южной части помещения, на полу найдены обломки жженых кирпичей (толщина из 3,5—5 см); у западной стены зафиксировано обожженное пятно, вероятно, следы костра. В завале выше пола встречались кости животных, несколько фрагментов стенок красноангобированной керамики, яичная скорлупа.

Помещение № 4 примыкает с востока к предыдущему; в него из центрального коридора ведет узкий проем (ширина 90 см), перекрытый аркой (высота от пола до замка арки 200 см). При расчистке проема в рыхлом завале найден железный нож с чуть выпуклой спинкой, несколько сильно закопченных фрагментов стенок сосудов, кусочки дерева. Около проема на полу центрального коридора обнаружено много золы и обломок челюсти коровы.

Помещение имеет размеры 650×133 см. Стены его сохранились довольно хорошо; продольные—кирпичные, южная торцовая — пахсовая. Это помещение, судя по характеру завала, имело несколько иную историю, чем остальные. На полу залегали мощные натечные слои из лесса и мелкой гальки. В них обнаружены стенки и донца блюд (на голубом фоне растительный орнамент, выполненный черной краской), в южной части найдена ребристая крупных размеров стеатитовая бусина со следами голубой краски на поверхности; встречены зольные пятна, а в одном месте большое обожженное пятно (глина прокалена на толщу 3—4 см: видимо, здесь во время запустения здания разводился огонь случайными посетителями, которые оставили указанные фрагменты поливных блюд). На уровне этого слоя встречена серовата труха: вероятно, остатки подстилки. Толщина натечных слоев — около 100 см. В восточной стене помещения они заполнили небольшую

нишку, расположенную на высоте 100 см выше уровня пола. Этот период запустения помещения совпадает с периодом первого общего запустения здания: как уже отмечалось выше, в центральном коридоре и в других помещениях натечные слои зафиксированы на уровне 80—100 см. Но в отличие от других помещений во время этого запустения сводчатое перекрытие помещения № 4, видимо, было еще целым; натечные слои проникали сюда из центрального коридора через дверной проем.

Завал из сырцовых кирпичей упавшего свода залегал в этом помещении уже под описанными слоями на уровне, в основном, 100—150 см выше пола. Над ним шел второй горизонт натечных прослоек. В них обнаружены фрагменты донца и стен поливной чашки (на голубоватом фоне нанесен черный рисунок), часть небольшой глиняной жаровни в виде сковородки; в северо-западном углу помещения найдено несколько шариков процеженного и высушенного кислого молока. Поверхность натеков была утоптана, на ней был сделан ряд находок, связанных с поздним этапом использования помещения: почти полностью собирающаяся чаша (коса), на которой на белом подглазурном фоне нанесен коричневый орнамент; часть поливного блюда с черным рисунком на бирюзовом фоне, покрытый голубой поливой чираг с каннелированным резервуаром и длинным носиком; фрагмент стенки котла с полукруглой кольцевой ручкой; несколько фрагментов неполивного орнаментированного сосуда. Здесь же было обнаружено бронзовое украшение пояса в виде бабочки, похожее на традиционные тюркские изделия несколько более раннего времени; шляпка от железного гвоздя. Вся керамика может быть отнесена к X—XII вв.

Помещение № 5 (525×120 см) расположено в южной половине здания. В него из коридора ведет такой же арочный проем (высота — 200 см, ширина — 100 см), как и в предыдущие помещения. Глубина проема (толщина стены центрального коридора) здесь равна 140 см. Проем был заполнен в основном рыхлым завалом. Несколько выше уровня пола в нем найдены большое количество фрагментов сильно закопченного сосуда, изготовленного из красной глины с примесью дресвы; обломки венчика тонкостенной чашечки, фрагмент стенки хума с остатками надписи, керамическое пряслице. На уровне 85 см выше пола залегали слои слежавшейся золы.

Стены помещения сложены из сырцового кирпича; перекрытие было сводчатое. Весь верхний рыхлый слой завала здесь представляет собой рухнувший свод. В этом слое найдено несколько кусочков курута, фрагмент железного ножа, много бараньих костей, обломок донца поливного позднего сосуда. В южной части помещения, на уровне около 100 см выше пола, были обнаружены два лежавших почти рядом крупных кувшина грушевидной формы, маленький «косметический» поливной сосудик с изображением черных рыбок на голубом фоне, закраина железного котла. Ниже до уровня пола залегал плотный слой натеков. На полу никаких предметов обнаружено не было. Все эти находки явно относятся ко второму периоду жизни здания, когда помещения, видимо, снова использовались под жилье.

Помещение №6 (500×125 см) расположено в юго-восточном углу здания. Размеры проема такие же, как у предыдущего. Порог, судя по его нишкам, здесь располагался не у самого входа из центрального коридора, а глубже (на 95 см). Нишки имеют следующие размеры: в западной стене — глубина 30 см, высота 50, ширина 15 см, в восточной стене — соответственно 30, 50 и 18 см.

Заполнение проема в основном было рыхлым. На уровне 60 см над полом здесь было обнаружено погребение: скелет на спине, головой на север, лицо повернуто на запад. Рядом со скелетом в завале обнаружены донце сосуда на ножке — поддонье с отверстием посередине закраина и стенки тонкостенной чаши, фрагмент сильно закопченной стенки сосуда, вокруг много мелких древесных угольков. Под скелетом, несколько ниже его, зачищена овальная вымостка из одного ряда сырцового кирпича. Назначение этого сооружения неясно. Погребение расположено ниже натечных слоев, из чего очевидно, что оно принадлежит к периоду первого запустения здания. Судя по обряду, оно мусульманское.

Стены помещения сложены из сырцового кирпича; кладка нерегулярная, в ней использованы и половинки кирпичей. В отличие от предыдущих помещений, оно, видимо, имеет удвоенную торцовую южную стену: этим и объясняется меньшая длина. Пол выложен из сырцового кирпича и имеет небольшой горбик к середине помещения, а к стенам наклонен. Завал кирпичей от рухнувшего свода здесь начинается почти от уровня пола. На глубине около 100 см от поверхности в южной части обнаружено много человеческих костей очень плохой сохранности, лежавших в относительном порядке. Хотя череп не найден, можно полагать, что здесь было погребение. На этой же глубине у южной торцовой стены были найдены фрагменты венчика и стенок кухонных котлов, изготовленных из грубой глины; они имеют по две налепные полукруглые ручки. Здесь же найден небольшой сосудик в виде баночки.

Помещение № 7 (530×195 см) расположено в северо-западном углу здания, рядом с помещением № 1. В него ведет узкий арочный проем (ширина 97 см, высота от пола до замка арки 180 см), в котором сохранились нишки порога, содержащие сгнившую деревянную труху, и неглубокие вертикальные желобки от стоек дверной коробки, располагавшихся в обеих стенах проема над нишками. Размеры обоих нишек одинаковы: глубина 40 см, высота 25, ширина 18 см. В рыхлом заполнении проема найдены чуть вогнутое донце сосуда, фрагменты стенок грубых толстостенных сосудов, кости животных; встречались скопления золы. Стены помещения сложены из сырцового кирпича и заштукатурены глиной. На высоте 150—160 см в обеих продольных стенах параллельно друг другу имеются квадратные гнезда (по 4 в каждой стене) от лесов, использованных при возведении свода. После возведения свода и снятия лесов гнезд были оштукатурены и превращены в полочки (рис. 16). На высоте 195 см начинается хорошо сохранившаяся пята свода; кирпичи тут выступают от поверхности стен в среднем на 5 см, образуя карниз.

Пята арки проема намного ниже (145 см) пяты свода помещения; арка выложена в «елку» (табл. 1, разрез Б—Б), как и все другие арки проемов. Пол помещения выложен сырцовыми кирпичами. Поверхность его у восточной стены обожжена, здесь же встречались угли и зола; обожжена она также в юго-западном углу, где закопчены стены и имелось много угольков; видимо, здесь продолжительное время разводили огонь. Вдоль северной торцовой стены имелось какое-то сооружение, напоминающее закромок шириной 75 см, отделенный барьером из сырцовых кирпичей, высотой 8—10 см (рис. 12). Оно было заполнено рыхлым лессом, в котором найдены фрагменты стенок сосудов и бронзовое кольцо с шариком. Над лессом залегал ровный слой сгнившей трухи — остатки соломы или циновки.

Примерно на 100 см выше пола начался плотный завал рухнувшего свода. В нем в северо-западном углу помещения найдена часть жаровни с невысоким бортиком. Выше, уже в рыхлом наносном слое около входа, в юго-западном углу обнаружена человеческая челюсть.

Помещение № 8 (530×155 см) с востока примыкает к предыдущему помещению. Входной проем имеет ширину 90 см и высоту до

Рис. 16. Городище Калаи Кахкаха I. Юго-западное здание. Нижний этаж. Помещение № 7. Деталь западной стены

замка арки 200 см. Стены сложены из сырцовых кирпичей кладкой в перевязку. В восточной и западной стенах имеется по 4 гнезда, расположенных на одном уровне на расстоянии около 100 см друг от друга. Пол вдоль восточной стены обожжен, стена до высоты 100 см почти вся покрыта черной копотью. Докрасна обожжены и кирпичи в северо-западном углу. На полу встречено много обломков жженого кирпича. Уплотнившийся завал кирпичей упавшего свода начинался здесь несколько выше пола: видимо, помещение было покинуто еще до разрушения перекрытия. В завале найдены три фрагмента тонкостенного сосудика. В верхней части помещения заполнение было рыхлым, в нем встречены обломки жженого кирпича, кусочки сгнившего дерева, фрагменты профилированной стенки тонкостенного сосуда, венчика котла с отогнутой наружу закраиной. Местами зафиксированы прослойки золы.

Помещение № 9 (535×160 см) расположено в северо-восточном углу здания. В него ведет проем (ширина 100 см), расположенный в восточном конце северной стены центрального коридора, сразу же справа у главного входа здания; арка проема и верхняя часть восточной стенки не сохранились. Верхняя часть проема была забита до уровня 70 см выше пола крупной галькой и обломками квадратных жженых кирпичей (22×4 см; 22,5×5 см; 24×5 см). Ниже на полу — утрамбованный завал. Со стороны помещения проем впоследствии был полностью заложен сырцовыми кирпичами (52×?×7,5; 49×?×7 см). Эта закладка (рис. 13,1) была произведена, видимо, при вторичном

использовании здания. Стены помещения сложены из сырцового кирпича, кладка цепная. Высота стен до пяты свода 180 см, высота стенок проема до пяты арки 150 см.

В продольных стенах на одном уровне сохранились квадратные гнезда от балок, использованных при возведении свода; в них остались куски сгнившего дерева. Пол помещения выложен из сырцового кирпича, помещение, видимо, сразу же после первого периода использования пришло в полную негодность, и поэтому при вторичном восстановлении здания было полностью изолировано путем закладки проема изнутри.

Помещение № 10 (560×150 см) расположено в северной половине здания; кладка стен его в перевязку, очень аккуратная; на высоте 210 см от пола начинается пята сводчатого перекрытия помещения. Западная стена рухнула еще в древности. Входной проем несколько уже, чем в других помещениях (90 см.); глубина его 160 см, высота до замка арки—165 см, кладка арки «в елку».

На каком-то этапе жизни помещение, очевидно ввиду разрушения, было изолировано от остальных путем закладки входного проема. Закладка (рис. 14, *2* и *3*) произведена очень аккуратно и тщательно оштукатурена со стороны коридора. Она сделана из прямоугольного сырцового кирпича 48×26×9—10 см, причем продольный ряд кирпичей в горизонтальном разрезе чередовался с пеперечным (тычки с ложками), а следующий — верхний ряд так же, но в перевязку с нижним рядом. Между кирпичами встречены кости животных (баранья лопатка, астрагал коровы, зубы).

Помещение № 11 расположено в юго-восточном углу здания, размеры его 510×140 см. В отличие от других оно непосредственно не связано с центральным коридором, а сообщается лишь со смежным, расположенным западнее помещением № 6. Проем находится в северном конце западной стены; арка проема и верхняя часть стены разрушены. Проем заложен; в закладке, кроме сырцового кирпича, использованы жженые кирпичи и булыжники. Это помещение, очевидно, было изолировано при вторичном использовании здания.

Из помещения № 2 проем ведет в соседнее **помещение № 12** (690×
×120 см); соединяющий их проем был арочным (ясно прослеживается кладка арки «в елочку»); ширина его 90 см, высота до замкового кирпича арки 180 см. Нижняя часть проема была занесена натечными слоями метровой толщины; выше он вместе с прилегающей частью помещения был заложен сырцовыми кирпичами. Стены сложены из сырцового кирпича; в южной части сохранился свод. Верхняя часть заполнения помещения состояла из рыхлого лесса, в котором встречались сырцовые кирпичи. Нижняя часть была аккуратно заложена сырцовыми кирпичами. В этой закладке, в северной части на глубине около 100 см от поверхности был найден слив от сосуда в виде головы коровы и рядом — фрагменты двух сосудов с изящным штампованным орнаментом на светло-ангобированном фоне. Очевидно, эти сосуды относятся ко второму периоду использования здания, а сосудик со сливом пенджикентского типа в виде головы коровы, может быть, бытовал до этого времени. В западной стене при зачистке ниши найдены кости животного (лошади?), обломки сосудов и жженых кирпичей. Ниже закладки обнаружен плотный уровень, представляющий собой, очевидно, пол второго периода обживания здания. Он примерно на 90 см выше уровня первоначального пола. На нем найдено несколько фрагментов керамики XI—XII вв. Ниже шел натечный слой из лесса и гальки толщиной в среднем 80 см, перекрывавший первоначальный

пол, выложенный из сырцовых кирпичей и обмазанный глиной. На его поверхности надено несколько костей животных, фрагменты неполивной, в основном толстостенной керамики.

После раскрытия описанных помещений проведена расчистка фасадов; сначала западного и частично северного, а затем восточного. В рыхлом сероватом слое завала, скрывавшем западный фасад, найдено несколько фрагментов керамики, в основном неполивной, толстостенной (венчики сосудов с плоской закраиной, обломок венчика кухонного котла, фрагмент плечика сосуда с неглубокими параллельными желобками по нему, обломок плечика тонкостенного красноангобированного сосуда). Особо следует отметить фрагмент закраины поливной тарелки XI—XII вв., с полосами и точками болотного цвета по желто-зеленому фону.

Западный и северный фасады здания оказались в очень плохом состоянии, за исключением самой нижней части. Основным результатом исследований здесь было выяснение толщины внешней стены — она составляет 260 см. Восточный, главный фасад здания был раскрыт по обе стороны от входа в центральный коридор. Он оказался также весьма плохой сохранности: кирпичная кладка прослежена лишь на небольшую высоту. Выяснено было, что стена имеет небольшой уступ у входа. Раскрытая в итоге раскопок постройка располагалась около южной стены вблизи от угловой юго-западной башни: от наклонного внутреннего фасада городской стены, сложенной из крупных блоков пахсы, она отделена лишь нешироким пристенным обходным коридором. Здание в целом представляло собой квадрат размером примерно 20×20 м. Первый этаж рассечен надвое коридором, с входом в центре восточного фасада. По обе стороны коридора расположены сходные по планировке помещения удлиненных пропорций, такой же, как он, или даже меньшей ширины (ширина коридора — 1,6 м, тогда как ширина некоторых помещений составляет 1,2 м). Как центральный коридор, так и все помещения имели сводчатые перекрытия. Большинство помещений соединено с коридором арочными проемами, обычно прорезанными заподлицо с восточными стенами. Некоторые проемы были снабжены деревянными порогами, от которых остались следы в виде глубоких выемок, симметрично лежащих одна против другой на уровне пола. Крайние помещения южной группы сообщаются не с коридором, а лишь с соседними комнатами, образуя вместе с ним как бы секции.

Еще одна секция, состоящая из двух комнат, соединенных не параллельно, а одна за другой, замыкает на западе северную группу помещений. Прекрасно сохранившийся арочный вход в нее расположен в торце центрального коридора, прямо напротив главного входа.

Небольшие остатки стен, сохранившиеся кое-где над уцелевшим сводом центрального коридора, указывают как будто на то, что второй этаж имел планировку, аналогичную планировке первого этажа или близкую ей. Стены верхнего коридора выведены над стенами нижнего: они несколько утоньшены (110 см), за счет чего коридор более широк (225 см), чем нижний (142—160 см). Арки проемов в стенах коридора нижнего этажа сильно утолщены, чем достигнута прочность стен нижнего этажа, необходимая для поддерживания второго этажа. Стены как нижнего, так и верхнего этажей возведены из сырцовых кирпичей одинаковых размеров.

Таким образом, совершенно очевидно одновременное возведение обоих этажей здания. Не совсем понятно, каким образом первый этаж мог сообщаться со вторым: в здании не найдено никаких следов пан-

дуса или лестницы, хотя вся его площадь была полностью вскрыта. Возможно, что вход в верхние помещения имелся со стороны стены городища. В этом случае связь между обоими этажами должна была осуществляться через систему городских укреплений, и соседство с ними нашего здания получило бы ясное обоснование.

Здание целиком выстроено из сырцового кирпича размером 49—51×24—25×9 см—обычного для большинства районов Средней Азии в VII—VIII вв. На поверхности стен, первоначально покрытых глиняной обмазкой, попеременно чередуются тычковые и ложковые ряды. Стены центрального коридора и дверных проемов слегка наклонены, благодаря чему пролет у пола несколько меньше пролета у основания свода. Своды сложены в технике наклонных поперечных отрезков. Они покоятся на нескольких рядах постепенно нависающей кладки; в центральном коридоре, в отличие от помещений, всего лишь один такой ряд. Интересные различия в начертании сводов: в тех помещениях, где это можно было проверить, своды имеют отчетливо выраженную эллиптическую форму с большой стрелой подъема, не всегда симметричную: в крайней западной комнате южной группы внутренняя пята свода значительно выше наружной, благодаря чему свод имеет характер «ползучего» и работает как контфорс, обращенный внутрь здания. Свод же центрального коридора и уцелевшие арки дверных проемов имеют почти полуциркульную форму. Арки проемов сложены в технике своеобразной клинчатой кладки «в елку»: наклонные ряды кладки симметрично относительно вертикальной оси расходятся в стороны и вверх, почти не меняя угла наклона и как бы образуя один многослойный «замок», охватывающий всю арку и стену над ней. В некоторых случаях эта кладка начинается у пят арки, в других она захватывает лишь ее верхнюю часть, тогда как низ арки образован нависающими и обтесанными горизонтальными рядами кирпичей. Такой способ возведения арки, немыслимый без кружал, создавал на ее внутренней поверхности, особенно в районе замка, ребристый рельеф, который затем промазывался толстым нивелирующим слоем глины.

Архитектура здания производит впечатление аскетизма и сугубой функциональности. Здесь нет никаких следов декоративного убранства — лепных деталей, росписи, художественного выделения дверных проемов и архивольтов арок. Симметрия плана, выраженная расположением комнат по сторонам центрального коридора, едва ли имела какое-либо художественное обоснование: этому противоречит случайное расположение дверей, различная ширина простенков между ними и разное количество комнат по обеим сторонам коридора. Единственная деталь, в которой можно усмотреть некоторый художественный эффект, — это расположение входа в западные помещения северной группы на оси центрального коридора, прямо напротив входа в здание. Этот проем расположен в середине торцовой стены, хотя ничто не мешало сдвинуть его к одной из боковых стен — так, как это сделано во всех остальных проемах, ведущих в коридор. Видимо, причиной такого выделения торцового проема (как и его расположения) было какое-то особое назначение двух расположенных за ним помещений. Отметим, что во второй период жизни в здании при закладке ряда обветшавших помещений этот проем был заложен не полностью; его превратили в обращенную к коридору нишу. Судя по полностью сохранившимся помещениям, здание не имело окон. Ниши в стенах редки, в нескольких имеющихся мелких нишах, очевидно, ставились светильники. Внутри помещений никаких архитектурно-бытовых деталей на-

подобие лежанок и пр. нет. Лишь в помещении № 7 вдоль северной торцовой стены имеется сооружение типа закрома. Кое-где на полу сохранились остатки кострищ. Близ входа в центральный коридор в северной стене был сделан «каминообразный» очаг. Следы постянного очага обнаружены и в северо-западном углу центрального коридора. Вероятно, обогревание здания производилось кострами. Кухонной керамики на уровне пола очень мало.

Судя по характерной для раннего средневековья планировке, по строительному материалу (прямоугольный сырцовой кирпич) и некоторым частным наблюдениям, постройка здания может быть датирована VII—VIII вв.[41] Что касается назначения его, то планировка, узость помещений-коридоров, массивность стен, отсутствие бытовых удобств и находок непосредственно на полу и в слое над полом, а также месторасположение в углу городища, рядом с воротами и у хорошо сохранившейся поныне мощной угловой крепостной башни говорят о нежилом характере. Видимо, перед нами постройка караульно-казарменного типа.

Первый период использования здания (оба этажа) длился, видимо, довольно долго, скорее всего до начала X в. На верхнюю дату этого периода, может быть, указывают две саманидские монеты, одна из которых с датой 920/921 г. обнаружена на полу коридора нижнего этажа. Затем здание было оставлено и частично разрушилось. Обрушились перекрытия помещений № 1, 1а, 9, 10, 11 и, возможно, некоторых других. На уровне 80—100 см от пола были зафиксированы осадочные слои лесса и гальки, принесенные атмосферными водами. Эти илистые слои почти метровой толщины четко зафиксированы в центральном коридоре, в проемах помещений, особенно западных, и внутри некоторых помещений. Период запустения, видимо, был непродолжительным, в пределах нескольких десятилетий. Затем был произведен частичный ремонт нижнего этажа здания, в частности заложен и превращен в нишу дверной проем, ведущий в западное, очевидно, наиболее разрушившееся помещение № 1. Были полностью заложены и дверные проемы в помещения № 9, 10, 11 (рис. 14). Таким образом, сохранившаяся часть нижнего этажа здания была изолирована от наиболее разрушившихся помещений. На этот раз она была использована уже под жилье. В завале, лежавшем выше отмеченных илистых наслоений, сделано значительное количество находок, позволяющих установить время вторичного заселения здания X—XII вв.

3. РАЗРЕЗ ГОРОДСКОЙ СТЕНЫ

Для выяснения устройства городской стены городища Калаи Кахкаха I и соотношения ее с раскопанным юго-западным зданием был осуществлен разрез на южном фасе. Выбор места определялся тем, что первоначально предполагалось, что помещения южной группы здания непосредственно примыкают к городской стене, т. е. их южные торцовые стены являются одновременно стеной городища. Городские стены, как уже указывалось выше, сохранились в виде довольно высокого вала, опоясывающего все городище. Высота вала различна, местами она достигает 8—10 м, считая от самой низкой точки внутри городища. Лучше всего сохранилась как раз южная стена (рис. 17). В западном конце ее и было решено сделать разрез, на одной линии с помещением № 5.

---

[41] Следует иметь в виду, что никаких точно датирующих предметов (монет, специфических форм керамики или металлических изделий в нем не найдено (прим. ред.).

Разрез был начат широкой траншеей с гребня вала. Под дерновым слоем, достигавшим 20 см, были обнаружены довольно рыхлые куски пахсы, а несколько ниже начались монолитные пахсовые, квадратные (со сторонами около 1 м) в разрезе «брусья», уложенные поперечно к направлению стены, с перевязкой соседних рядов. Пройдя ряд за рядом вниз, траншея достигла девятого на глубине 8,2 м, но до основания стены оставалось еще несколько рядов.

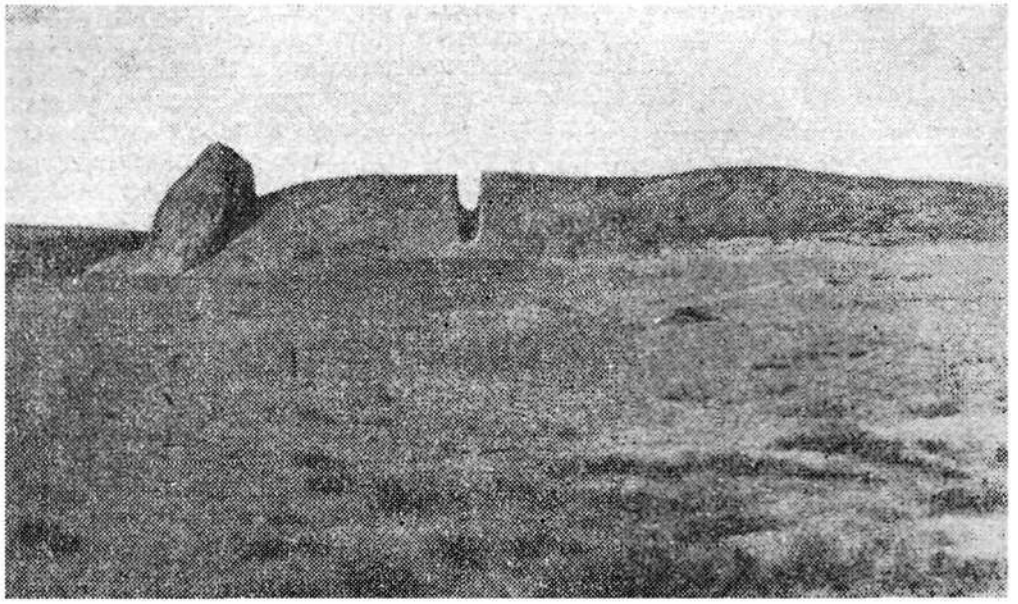

Рис. 17. Городище Калаи Кахкаха I. Южная стена. Вид снаружи.

Стена (рис. 18), как показал разрез, имела вид конуса, т. е. заканчивалась острой вершиной, а к основанию расширялась: толщина ее на уровне первого верхнего «бруса» составляет 150 см (размеры даны по нижним граням «брусьев»), второго — 290, третьего — 547, пятого — 702, шестого—753, седьмого—763, восьмого—766 см. Внешняя, южная поверхность ее была немного пологой и имела довольно ровный скат. Нижняя часть, начиная с пятого ряда, подпирается толстым галечниковым слоем, наклонно расширяющимся книзу. Этот галечниковый контрфорс усиливал мощность стены, уменьшая ее пробиваемость, а также затрудняя установку осадных принадлежностей и подъем по ней осаждающих. Внутренняя поверхность стены была довольно крутой. У основания стену подпирает уступ толщиной в 100 см, сделанный плотной утрамбовкой из кусков пахсы и лесса. Поверхность его была ровной. Он служил, видимо, площадкой для подъема защитников на стену. Следов значительных ремонтов стены ни в разрезе, ни на ее поверхностях не обнаружено. Однако, выше указанного уступа зафиксирован наносный слой из гальки и песка толщиной в 30 см. Это, видимо, указывает на какой-то период запустения.

Хотя разрез не был доведен до основания городской стены, высота ее может быть определена довольно точно. Уже отмечалось, что разрез был доведен до глубины 8,2 м, причем каждый пахсовый «брус» стены имеет метровую высоту. По нивелировочным данным, основание рядом стоящей юго-западной башни ниже этого восьмого ряда «бруса» на 3 м. Не может быть никакого сомнения в одинаковом уровне осно-

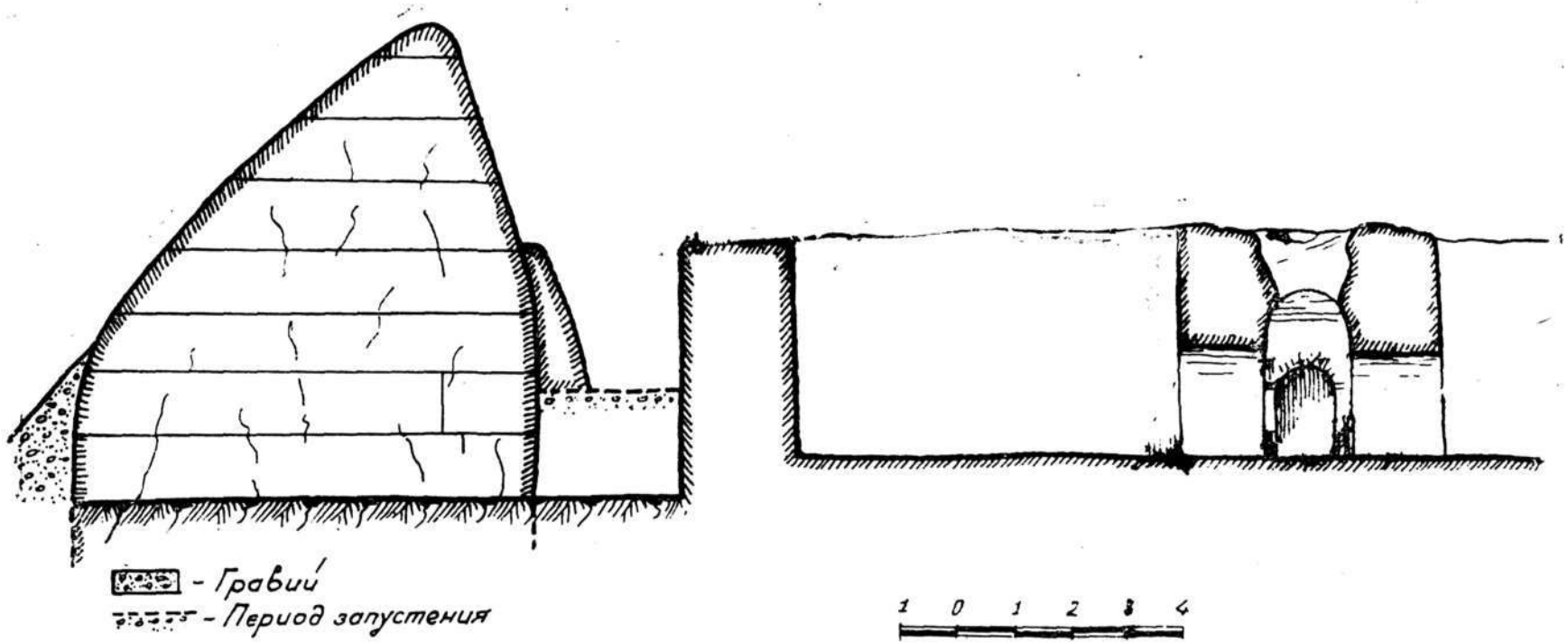

Рис. 18. Городище Калаи Кахкаха I. Разрез через южную стену и соседнее здание.

ваний стены и башни. Поэтому скорее всего непрорезанными остались еще три ряда «брусьев». Таким образом, высота южной стены городища Калаи Кахкаха I составляла не менее 11 м. Стена возведена очень качественно. Глина была обработана весьма тщательно, причем обработка ее продолжалась и в момент кладки в «брусья»: на боковых поверхностях последних видны отпечатки пальцев рук и коленей строителей, а также грубой крупноклеточной ткани, видимо, мешковины. При раскопках отдельные «брусья» отделялись от боковых и особенно от нижнего ряда четкой, гладкой и ровной поверхностью.

Далее было выяснено соотношение раскопанного здания к городским стенам. Между ними оказалось узкое свободное пространство, которое образует обводной пристенный коридор, суживающийся книзу за счет расширяющейся городской стены. Первоначальная ширина коридора внизу составляла 260 см. Затем она на раскопанном участке была сужена до 160 см пристройкой к городской стене отмеченного выше контрфорса. Северная стена коридора, т. е. южная внешняя стена раскопанного здания имеет неровную и незаштукатуренную поверхность. Толщина этой стены в данном месте равна 200 см. Обводной коридор в верхней части был заполнен чистым надувным лессом, ниже лесс постепенно затвердевает и приобретает характер несколько наклонных оплывов городской стены. В этом слое встречены обломки жженых и сырцовых кирпичей, фрагменты неполивной, в большинстве толстостенной керамики и кости животных. Ниже, до уровня восьмого «бруса», завал коридора содержал строительный мусор, много обломков сырцового кирпича, жженых кирпичей, плоские сланцевые плиты, фрагменты посуды караханидского типа. В разрезе прослеживались следы кострищ, кости животных, керамика, — в основном стенки хумов и несколько фрагментов сосудов со штампованным орнаментом (XI—XII вв.).

Коридор явно предназначался для прохода к этой части стен и к угловой городской башне. Одновременно он, видимо, служил и дополнительным барьером в случае преодоления городских стен противником. Проникшие в коридор враги легко могли быть уничтожены с крыши здания. Смежные с коридором стены здания, видимо, утолщены также из соображений оборонительного характера. Впоследствии, видимо в XI—XII вв., обводной коридор потерял свое первичное назначение, он стал засыпаться строительным мусором и заполняться оплывами городских стен.

Полученные в описанном разрезе данные о структуре городской стены и обводном коридоре подтвердил второй, небольшой разрез, произведенный в западной городской стене — напротив северо-западного угла здания. Здесь городская стена также сложена из пахсы и имеет в разрезе вид усеченного конуса с наклонными поверхностями. Между ней и зданием частично расчищен отрезок того же обводного коридора с аналогичным заполнением сначала надувным лессом, затем оплывами стен и ниже теми же оплывами, содержащими обломки сырцовых и жженых кирпичей и фрагменты керамики X—XII вв.

Нам пока не удалось найти близких аналогий плану изученного угла городища среди раннесредневековых городов Средней Азии. Мы имеем близкое решение планировки лишь на городище Кей-Кобад-шах в Шаартузском районе Таджикской ССР, датируемом кушанским временем.[42] Раскопанный в 1950 и 1953 гг. юго-западный угол последнего

---

[42] А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг., Тр. Тадж. археол. эксп., т. 3, Мат-лы и иссл. по археол. СССР, № 66, М.—Л., 1958, стр. 297—310, рис. 5.

дал довольно ясную картину этой части города, состоящей из мощной оборонительной внешней и более тонкой внутренней стены с межстенным обводным коридором. Что же касается городской застройки, то она примыкала к внутренней стене города. Таким образом, планировочное решение угла города, имеющееся на Калаи Кахкаха I, не ново. Видимо, здесь имело место повторение более древней градостроительной традиции, но, разумеется, с учетом новых моментов строительного искусства, выразившихся, в частности, в наличии здесь округлой угловой башни (вместо «охватывающей» прямоугольной башни на Кей-Кобад-шахе) и в различии материала—использование глинобитной пахсы вместо квадратного сырцового кирпича на Кей-Кобад-шахе.

Работы в юго-западной части городища Калаи Кахкаха I дали важные сведения об истории этого памятника в целом, позволили установить время возникновения здесь городского поселения и примерные границы периода его существования. Как уже отмечалось, при возведении городской стены использована техника кладки из длинных пахсовых «брусьев», которую мы ниже встретим в платформе замка на соседнем городище Калаи Кахкаха II, датируемом VII—VIII вв. Постройку ее вполне можно отнести к этому же времени. Напомним, что и юго-западное здание по раскопочным данным возведено было одновременно, в тот же период; оно продолжало функционировать до начала X в., затем подверглось частичному разрушению и вторично было сбжито в X—XII вв. Таким образом, проведенные археологические исследования датируют время возникновения города здесь VII—VIII вв., а время окончательного запустения не ранее XII в. Исключение, видимо, составит арк, на месте которого поселение, может быть, возникло несколько раньше, и где жизнь продолжалась также позже, даже в XIX в. Однако этот вопрос полностью решится лишь при будущих раскопках. Разрез городской стены показывает, что она, во всяком случае в данной части, не подвергалась существенным ремонтам и, видимо, не потеряла своего значения и при вторичном обживании города в X—XII вв. Мощность стены, ее большая толщина (около 8 м) и высота (не менее 11 м), хорошая сохранность — все это указывает на большую роль городской фортификации.

При изучении внешних остатков южной стены городища и башен О. И. Смирнова выдвинула положение, что «городище Шахристан I имеет два явно выраженных слоя: нижний слой (с остатками квадратных в плане башен) должен быть, по всем данным, отнесен к раннекушанскому периоду, верхний—к раннему средневековью. Остатки городища кушанского периода на этой своей части полностью перекрыты средневековыми слоями...».[43] Как видно из результатов раскопок юго-западного углового здания, и особенно разреза южной стены, как раз в том месте, какое имела в виду О. И. Смирнова и других данных, можно говорить лишь об одном периоде жизни городища. Серьезных данных, позволяющих предполагать «раннекушанский период» жизни, здесь нет, поэтому вывод О. И. Смирновой о «явно выраженном нижнем слое раннекушанского периода» в южной части городища пока не подтверждается результатами раскопочных работ. Но зато стационарные многолетние исследования как городища Калаи Кахкаха I, так и других памятников этого комплекса подтверждают и укрепляют другой важный вывод указанного автора об этом городище. Однако к этому вопросу вернемся подробнее ниже в связи с рассмотрением вопроса о локализации в Шахристане столицы Уструшаны.

---

[43] О. И. Смирнова. Ук. раб., стр. 192, 195.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОРОДИЩЕ КАЛАИ КАХКАХА II

I. ИЗУЧЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ГОРОДИЩА

К югу от городища Калаи Кахкаха I непосредственно за естественным, но искусственно углубленным оврагом (глубина его до 15 м, ширина вверху 20 м, внизу 6 м) и небольшой заовражной площадкой расположено второе городище комплекса — Калаи Кахкаха II. Часть террасы, на которой оно стоит, почти лишена лессовых отложений; подстилающим здесь является слой плотной гальки. В плане городище (рис. 19) представляет собой почти правильный квадрат размером 210×230 м. Оно было обведено с запада и юга двумя, а с севера и востока одним рядом стен, общая протяженность которых составляет около 800 м. Стены прослеживаются в виде валов. Между удвоенными западными и южными стенами шли рвы, ныне полузанесенные оплывами. Северная стена, судя по обнажениям в западной части, сложена из сырцовых кирпичей размером 54×27×10 и 50×25×9 см с значительной примесью мелкой гальки в тесте сырца и в растворе швов. Она сохранилась до 6-метровой высоты (рис. 20).

В северо-восточном углу городища имеется значительный по величине холм, примыкающий вплотную к восточной стене. Холм высотой около 7 м, довольно правильных очертаний. Более пологий восточный его склон имел два выступа, а по северо-западному была заметна небольшая западина (рис. 21).[44]

Всю южную часть городища от восточной до западной стены занимает обширная прямоугольная платформа с более или менее ровной поверхностью, несомненно искусственного происхождения (рис. 22). Размер ее 55×140 м. Городские ворота были, по-видимому, в северо-западном углу, где во внутренней западной стороне заметно понижение вала. С целью дополнительного укрепления подступов к воротам удвоенная западная стена городища была продолжена на север до выхода к упомянутому выше скалистому оврагу. Это обеспечивало защиту упомянутой выше площадки между городищами. Вся остальная территория городища представляет собой почти ровное пространство, вытянутое с запада на восток на 90—95 м, шириной около 65 м с задернованной лессово-галечниковой поверхностью.[45]

---

[44] Этот холм, по словам О. И. Смирновой, «состоит, судя по характеру поверхности, из крупных обломков красноватого плитняка (подстилающего оба городища) и значительного количества щебня с небольшой примесью того же сероватого лесса с незначительными признаками задерновки» (О. И. Смирнова. Ук. раб., стр. 198). Как показали раскопки, холм целиком состоит из развалин постройки. Никаких плитняков, никакого щебня ни на поверхности, ни внутри холма нет.

[45] Впервые подробно описавшая городище О. И. Смирнова допустила некоторые неточности: городище красным плитняком не подстилается; оно состоит не из двух частей, а из одной, северную площадку никак нельзя включить в пределы городища. Почему-то северо-восточный холм назван «курганообразным всхолмлением», причем неправильно указана его высота (3 вместо 7 м). Трудно согласиться с утверждением, будто «северный участок стены пахсовый и позднего происхождения», тем более, что ныне этот участок стены сильно оплыл и без раскопок нельзя так категорично говорить о материале кладки и об ее позднем происхождении. (См. О. И. Смирнова. Ук. раб., стр. 197—199).

Подъемного материала очень мало на городище. Были встречены лишь фрагменты крупных неполивных сосудов и обломок нижней части толстостенного бокалообразного сосуда, покрытого коричневым ангобом (найдены поблизости от северо-восточного холма). Последний, судя по форме и обработке поверхности, О. И. Смирновой ориентиро-

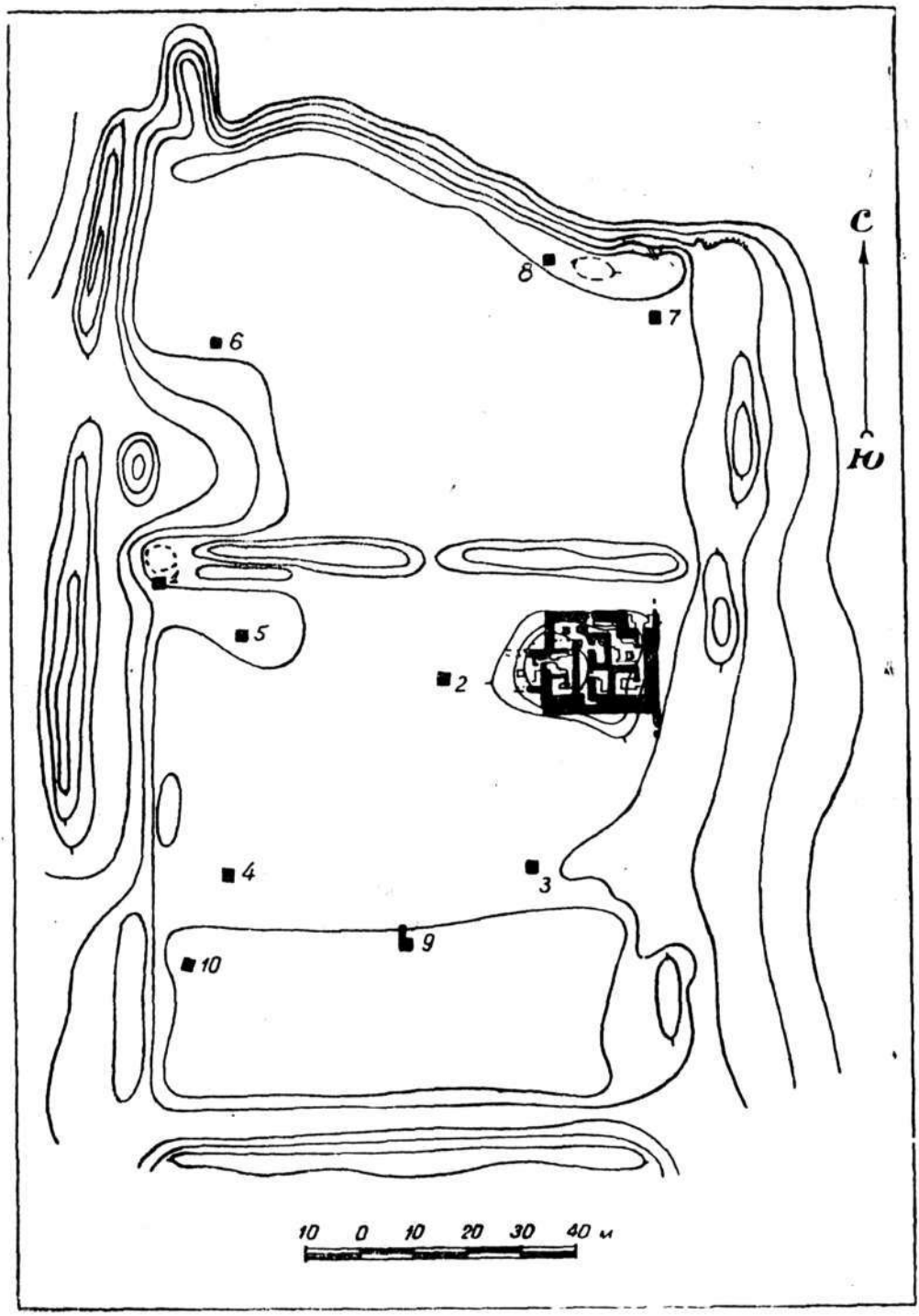

Рис. 19. Городище Калаи Кахкаха II. План.

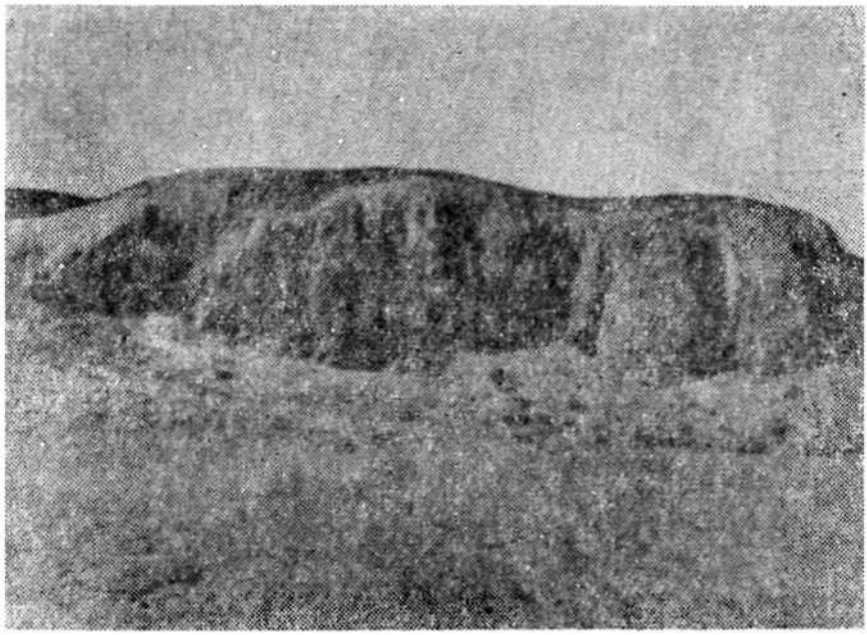

Рис. 20. Городище Калаи Кахкаха II. Обнаженный отрезок северной стены.

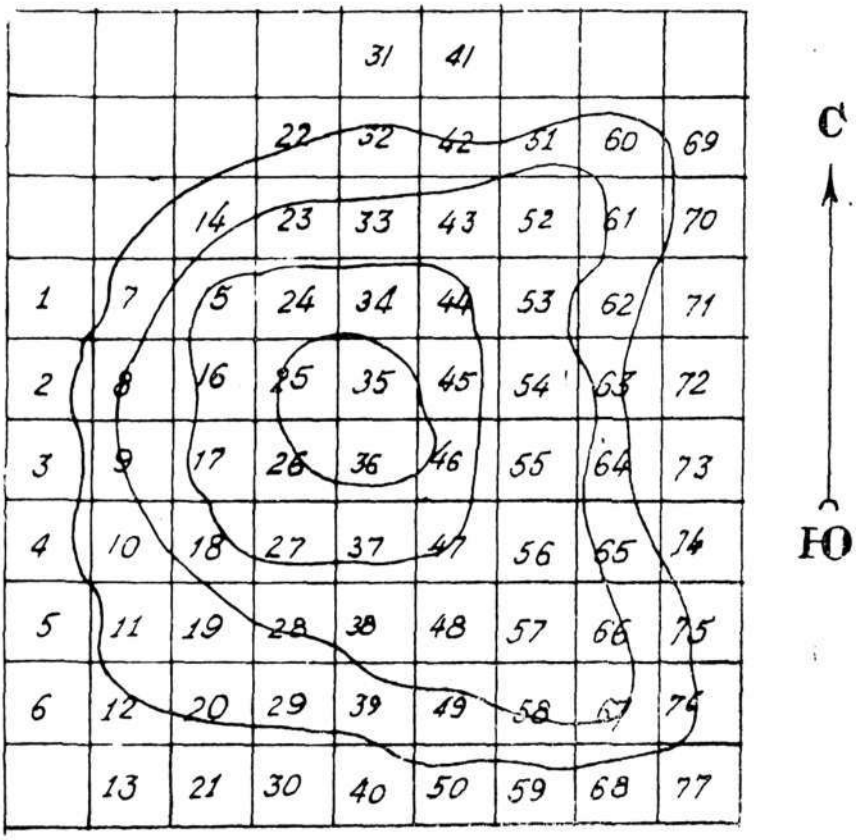

Рис. 21. Городище Калаи Кахкаха II. Северо-восточный холм. План.

вочно датирован VI в. н. э.[46]. Для выяснения конструкции городской стены было произведено раскрытие отрезка внутренней ее поверхности на западном фасе. У средней части, где стена сохранилась лучше и на большую высоту, была заложена траншея длиной 7 м и шириной 1,2 м. Здесь до глубины 1,6 от наивысшей точки стены (репера) шел

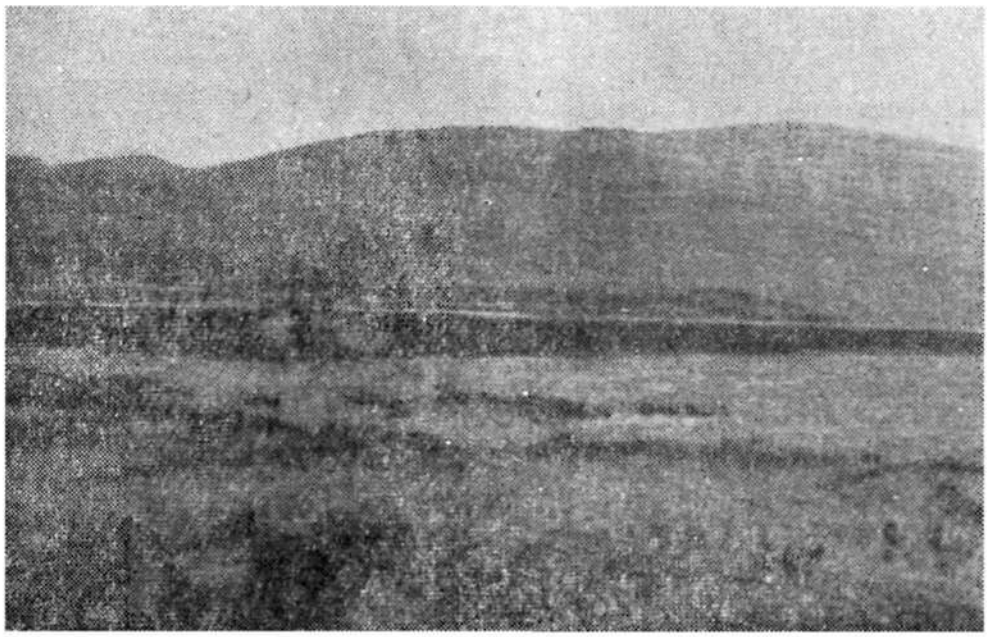

Рис. 22. Городище Калан Кахкаха II. Южная платформа.

оплывший сверху слой мягкого и рыхлого лесса, не содержавший каких-либо находок. Ниже указанного уровня начался непотревоженный лесс желтоватого оттенка; в этом слое в разных местах и на разной глубине встречались небольшие зольные линзы и пятна обжитого леса. На глубине 2,3 м репера лесс заметно уплотнился и дальнейшее углубление было прекращено. При последующем расширении западной части траншеи в сторону стены, на глубине 1,55 м от репера, раскрылся ряд кладки из сырцового кирпича и крупных глыб сырца (до 60 см длины). Кирпичную кладку удалось зачистить на протяжении свыше 5 м (затем она теряется). Над ней залегал слой завала (толщиной около 30 см) из мелких обломков сырцовых кирпичей и комьев глины. Выше до уровня дерновой поверхности шла сплошная плотная, битая глина. Непосредственно под кирпичной кладкой хорошо прослеживалась золистая прослойка (толщиной в 3—5 см), в которой встречались обломки сырцовых кирпичей. Эта прослойка прослежена на протяжении около 6 м. Ниже шла насыпь с небольшими золотисто-угольными прослойками; она сильно утрамбована и становится чем ниже, тем плотнее. Наконец, почти на уровне дна траншеи начался совершенно чистый и очень плотный лесс. В траншее никаких находок не сделано, если не считать сгнившую костную труху. Затем была заложена вторая траншея такого же размера у западной внешней стороны вала. Здесь до глубины 2,1 м шел плотный однородный оплывший

---

[46] О. И. Смирнова. Ук. раб., стр. 198.

лесс. При расширении траншеи в сторону стены, несмотря на тщательную зачистку, поверхность последней не обнаружена: она здесь, видимо, не сохранилась. Однако общая картина конструкции стены тут полностью соответствует установленной в восточном обрезе: наверху плотная битая глина, под ней зольная прослойка (здесь она несколько толще), а ниже насыпь более светлого оттенка с пятнами золы в двух местах. Все уровни залегания точно совпадают с соответствующими уровнями в восточной обрезе. В западном обрезе проследить кладку из сырцового кирпича не удалось, возможно ее здесь не было. Для полного выяснения структуры стены был сделан горизонтальный срез на всю толщину, шириной 250 см и глубиной 70 см. На всем протяжении его обнаружена полная сплошная глинобитная забивка, в которой встретилось несколько обломков костей, в том числе обломок человеческого черепа, куски гончарного шлака и обломок венчика хума. Срез позволил установить в этом месте толщину стены, которая равнялась 6,2 м.

Таким образом, установлена следующая структура западной стены городища. Стена в данной части была возведена на искусственной, сильно утрамбованной насыпи, содержащей некоторые культурные остатки (зольные пятна в разных местах и зольная прослойка на поверхности). Поверхность этой насыпи была укреплена рядом кладки из сырцового кирпича и крупных сырцовых глыб. Сама стена состояла из сплошной битой глины, но конструкция верхней части и высота ее ввиду разрушения остаются неясными. Следует отметить в связи с этим одно обстоятельство. Судя по современной сохранности вала, на месте раскрытия стены можно было ожидать остатки башни: здесь он был наиболее высоким и округлым в плане. Напомним, что заложенный Усрушанским отрядом в 1950 г. шурф № 1 у подножия одной из предполагаемых башен в северо-западном углу городища, у самых стен также не подтвердил наличия таковой. «В шурфе, заложенном у западной стены, у подножья башни, примыкающей к стене и делящей городище пополам, установлены слои лесса и остатки деградировавшей пахсы до глубины 1,95 м. На глубине 1,95 м обнаружено небольшое очажное пятно, на глубине 2 м достигнут материк. В шурфе каких-либо находок сделано не было. Заложенный шурф позволил лишь выяснить, что стена подстилается галечником».[47]

Интересные результаты дали исследования южной прямоугольной платформы городища. Здесь были заложены два шурфа (№ 9 и 10) с целью выяснения характера напластований возвышения и его назначения. Первый из них (№ 9, размером 3×3 м) был заложен в середине возвышения. Здесь на всю глубину (около 3 м) шел серо-желтый лесс комковатой структуры, в котором изредка встречались гальки. На границе ярусов II—III (глубина ярусов 50 см) обнаружено несколько фрагментов красноглиняных сосудов, покрытых светлым ангобом, возможно, IV—VII вв. В ярусах III и IV встречены обломки сырцового кирпича и пахсы, фрагменты толстостенной керамики, обломки костей животных. В западном обрезе прослежен уходящий в следующий V ярус наклонный слой сырца и древесного угля, а ниже — слой плотной пахсы. В ярусе VI под слоем пахсового завала была достигнута материковая галька. От шурфа № 9 в северном направлении была проложена траншея с целью выяснения характера края возвышения. Структура толщи здесь оказалась такой же, как в шурфе. На уровне яруса IV выявилась каменная стена, идущая в поперечном

[47] О. И. Смирнова. Ук. раб,. стр. 198.

по отношению к траншее направлении. Она сложена из кусков сланца разного размера, северная поверхность сравнительно ровная; высота 85, ширина 135 см. С севера к ней примыкала каменная ступенька высотой 44 и шириной 15 см. Стена возведена на плотной лессовой подстилке, которая лежит на материковой гальке. В нижней части яруса IV прослеживается наклонный слой серой гальки, включающий в себя и более крупные камни; он тянется в обоих обрезах (восточном и западном). В V ярусе продолжалась зафиксированная в шурфе № 9 наклонная глинобитная забивка с древесным углем, а под ней плотный лесс. Слой гальки упирается в каменную стену.

Второй шурф (№ 10 размером 2×2 м) был заложен в северо-западном углу возвышения. Тут под слоем перепаханной почвы (15—20 см) почти до конца яруса IV шла однородная серо-желтая глина комковатой структуры, в которой встречались куски пахсы, лежащие наклонно к востоку (в южном обрезе на глубине 50 см, в западном — на глубине 120 см). Ниже яруса IV, до глубины 430 см залегал непотревоженный плотный лесс. Находок в шурфе не сделано.

Шурфы и траншея дали вполне определенные результаты для понимания характера возвышения и его назначения: южная часть городища Калаи Кахкаха II приподнята почти на 3 м путем создания платформы, состоящей в основном из лесса. С севера изнутри городища последняя была укреплена невысокой подпорной стеной, сложенной из грубо обколотых камней и тянущейся с востока на запад. Можно предполагать, что эта платформа предназначалась для возведения рядом с замком какого-то обширного строительного массива. Как известно, сооружение сплошных оснований—платформ является характерной чертой древней среднеазиатской строительной техники.[48]

Изучение остальной территории городища путем закладки ряда шурфов показало, что, кроме описанного ниже единственного здания, внутри него не было других построек.

Шурф № 2 (3×4 м) был заложен в 38 м на запад от вершины северо-восточного холма и в 40 м на юг от гребня северной стены городища. Под тонким дерновым слоем здесь сразу же начался слежавшийся галечник, перемешанный с крупнозернистым слоем. Твердность грунта вынудила уменьшить размеры шурфа до 3×1,5 м. Дальнейшее углубление показало, что галечник является материковым (рис. 23).

Шурф № 3 (2×2 м) в юго-восточном углу двора городища на той же приподнятой поверхности, что и предыдущий, но на ее запаханном участке дал те же результаты. Под слоем наносного перепаханного леса толщиной 25 см сразу начался материк — галечник и крупный песок. Никаких находок или прочих культурных остатков не имелось (рис. 23).

Шурф № 4 (2×2 м) был заложен в юго-западном углу двора городища, в 10 м от западной стены и в 18 м от южной платформы. Начиная с первого, верхнего яруса, кончая пятым, здесь шел слой желтого лесса без каких-либо культурных остатков. Работы прекращены на глубине 2,3 м.

Шурф № 5 (2×2 м) был заложен в 8 м от северной стены городища и в 22 м от внутренней западной стены (рис. 23). Это место явля-

---

[48] Л. Н. Воронин. Устройство оснований в памятниках архитектуры Средней Азии. Мат-лы по истории и теории архитектуры Узбекистана. М., 1950, стр. 15; В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. «Архит. насл.», № 3, М., 1953, стр. 4.

ется самой низкой частью поверхности городища и расположено против понижения в западной стене, где, очевидно, находился проем ворот.

Данная предвратная площадка на 2 м ниже остальной поверхности городища. С самого верха в шурфе шел слой буроватого лесса, на глубине 20 см был встречен фрагмент массивного донца сосуда. Несколько ниже до глубины 80 см порознь было встречено несколько не-

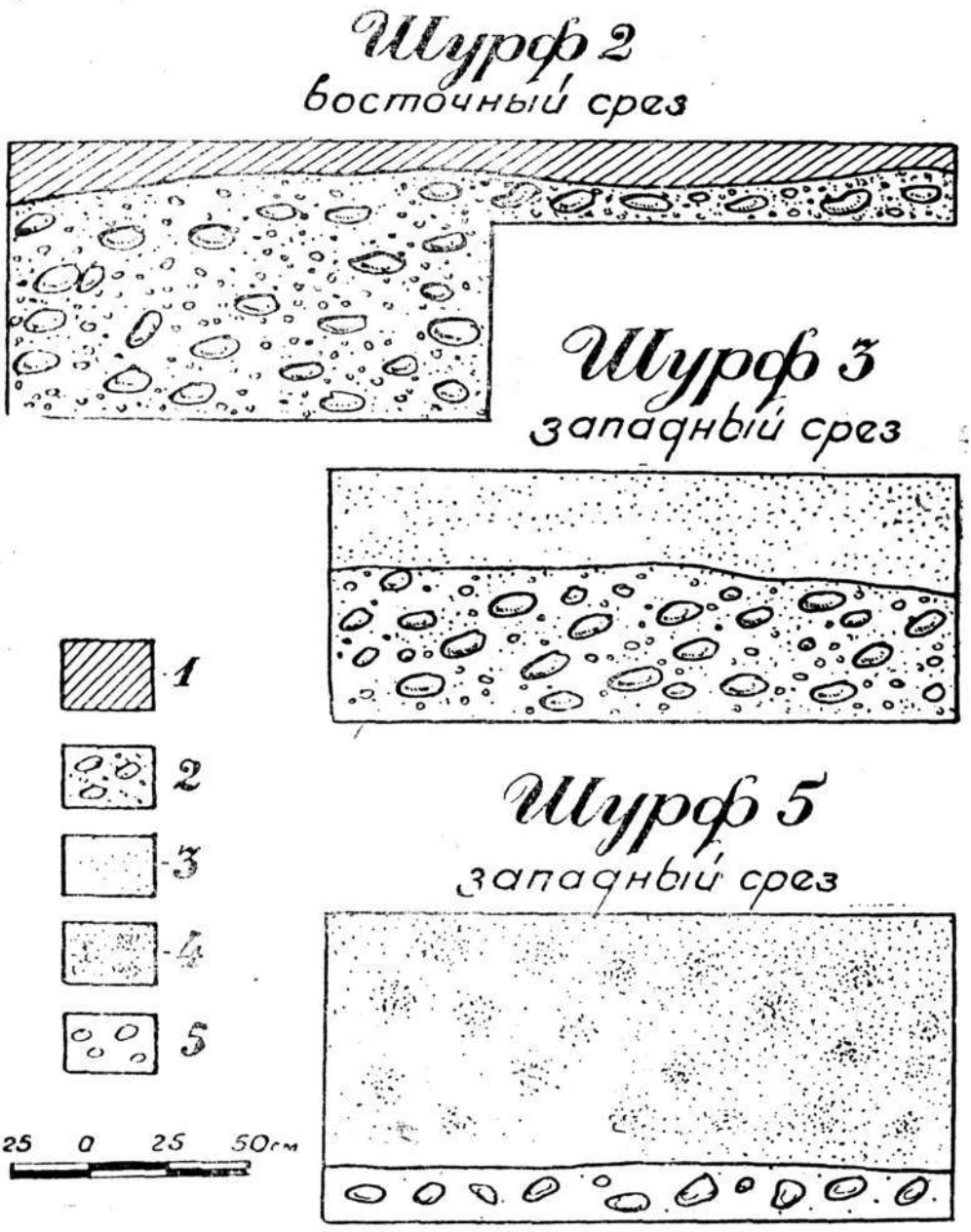

Рис. 23. Городище Калаи Кахкаха II. Срезы шурфов:
1—дерновый слой; *2*—галечник с крупным песком; *3*—желтый лёсс; *4*—бурый лёсс; *5*—галечник с песком.

выразительных обломков неполивной керамики. С уровня 85 см начался слой галечника с крупным песком. На уровне 1 м работы были прекращены.

Шурфы № 2—5 и некоторые наблюдения над рельефом позволяют заключить, что большая часть внутреннего пространства городища представляет собой естественную необжитую поверхность. Лесс, залегающий небольшим слоем на части ее, по-видимому, представляет собою разровненные при запашке оплывы западной стены и южной террасы. В связи с этим можно понять происхождение впадин, которые тянутся вдоль северной стены и вокруг северо-восточного холма (первоначально складывалось впечатление, что это улицы). Вероятно, они образовались в результате выемки грунта для подсыпки основания северной стены и холма.

Для понимания планировки города необходимо было также выяснить, что представляет собой площадь к северу от городища Калаи Кахкаха II, которую О. И. Смирнова считала составной частью последнего. Здесь имеется несколько небольших плоских всхолмлений и две большие глубокие западины. Всхолмления расположены главным образом в северо-восточной части; наиболее крупная впадина в центре, она имеет правильные очертания, на дне ее прослеживаются лессовые отложения, вероятно, значительной толщины. Возможно, это был водоем. На этой площади было заложено три шурфа.

Шурф № 6 (3×2 м) — в юго-западном углу площади, недалеко от края юго-западной западины. Здесь под перепаханным лессово-галечниковым слоем (глубина 25 см) начался галечник с примесью зернистого песка. На уровне его обнаружены три обломка невыразительной неполивной керамики.

Шурф № 7 (2×2 м) — в северо-западном углу площади. Тут также ниже дернового лессового слоя шла чистая галька.

Шурф № 8 (1×1 м) — в одной из ям у северного края площади, в 8 м от края. До глубины 1 м шел рыхлый перекопанный грунт без каких-либо культурных остатков; ниже начался галечник.

Таким образом, на северной площадке следов обжитости не прослежено. Однако эта площадка, обведенная с запада продолжением западной стены Калаи Кахкаха II, с юга—северною его стеной, а с остальных сторон защищенная естественным рельефом местности (северный овраг и Шахристан-Сай), вполне могла играть определенную роль в системе оборонительных сооружений комплекса Калаи Кахкаха. Этим можно объяснить и наличие здесь отмеченного выше водоема.

2. РАСКОПКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ХОЛМА

Выбор данного холма как объекта специального исследования был вполне естественен: эта единственная часть городища, где имелись явственные признаки наличия остатков какого-то крупного архитектурного сооружения — как оказалось впоследствии, очень интересного здания замкового типа с трехъярусной структурой.

Раскопки были начаты с северной части. Здесь уже на глубине 50 см обнаружилась западная торцевая стена помещения (№ 1), а затем южная и северная стены его. Верхняя часть помещения была заполнена обломками сырцовых кирпичей свода, углями и кусками полуобгоревшего дерева, скатившихся сюда, как выяснилось впоследствии, из верхнего яруса здания. В завале у западной стены приблизительно на уровне 1 м над полом был найден тонкий железный нож серповидной формы (длина 15 см) и фрагменты красноглиняного кувши-

на. Характер завала не менялся почти до самого пола. Пол помещения обмазан тонким слоем глины, под ним кое-где выступает материковая галька. На всей поверхности его залегал слой золы с углями и остатками сгоревшего самана (толщина этого слоя 7—9 см). Никаких находок на полу, кроме нескольких бараньих костей, обнаружено не было. Вдоль северной стены тянется невысокая глинобитная суфа плохой сохранности (длина 385, ширина 110, высота 340 см). Восточный конец ее сильно разрушен, в самом северо-восточном углу имеется яма неровных очертаний, заполненная золой (приблизительно 60×80 см при глубине до 15 см). Угол помещения под ямой сильно закопчен до полутораметровой высоты. Очевидно, здесь находилось какое-то обогревательное сооружение.

Помещение № 1 в целом сохранилось хорошо (рис. 24, разрезы

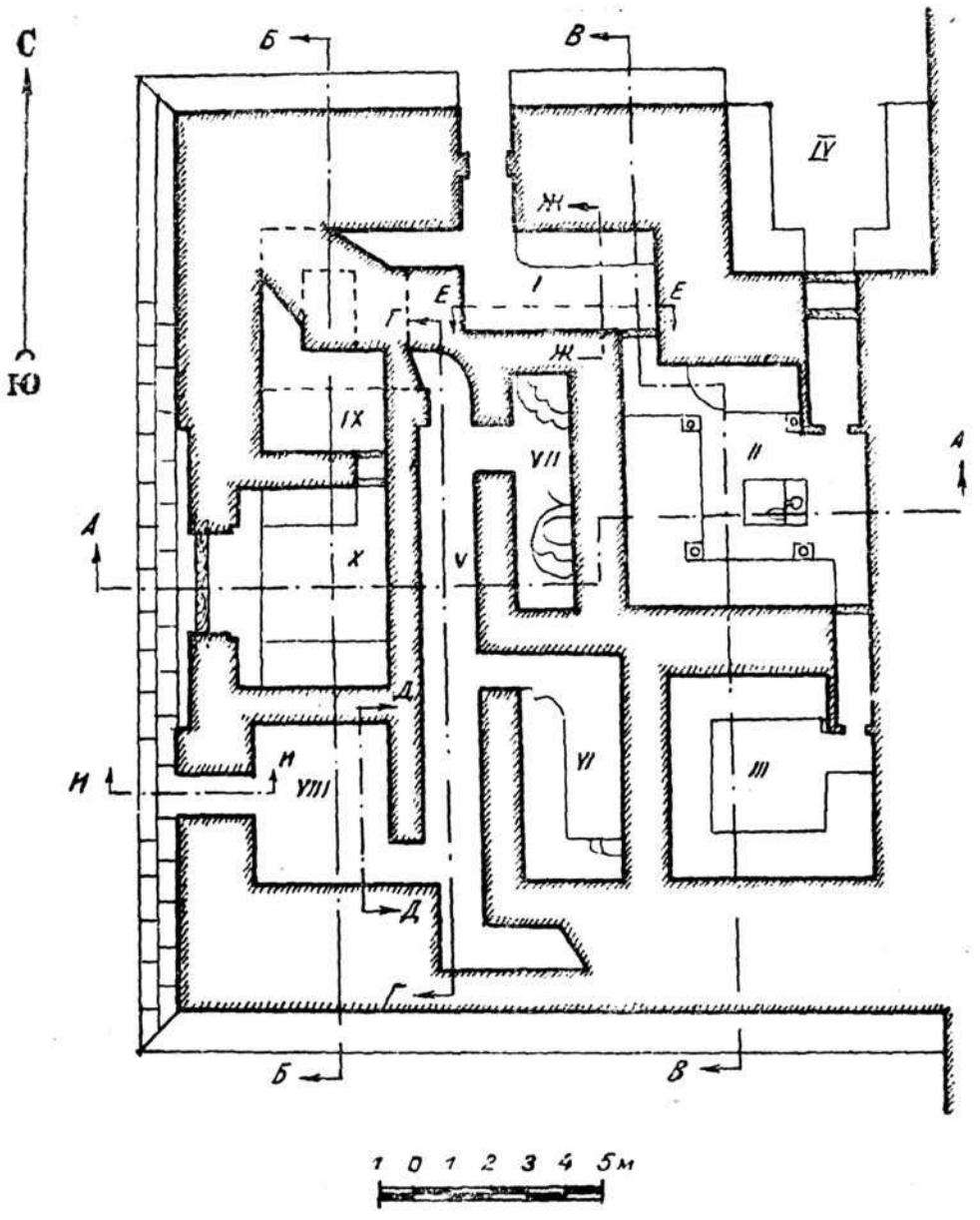

Рис. 24. Городище Калаи Кахкаха II. Замок. Первичный план.

Е—Е и Ж—Ж; рис. 25, *1* и *2*). Оно имеет размеры: 530×265 см. Конфигурация его точно соответствует двум квадратам. Верхние части стен сложены из крупных пахсовых блоков размером 110—115×70—75 см, со швами в 2—4 см; ниже идет кирпичная кладка, чередующаяся с тонким пахсовым слоем; размер кирпича — 48—52×25—26×8—10 см, толщина пахсы 12—15 см. Каждый ряд, состоящий из пахсы и кирпича, отделялся от вышележащего и нижележащего треугольным в сечении желобком; последний вырезан так, что одна его грань образова-

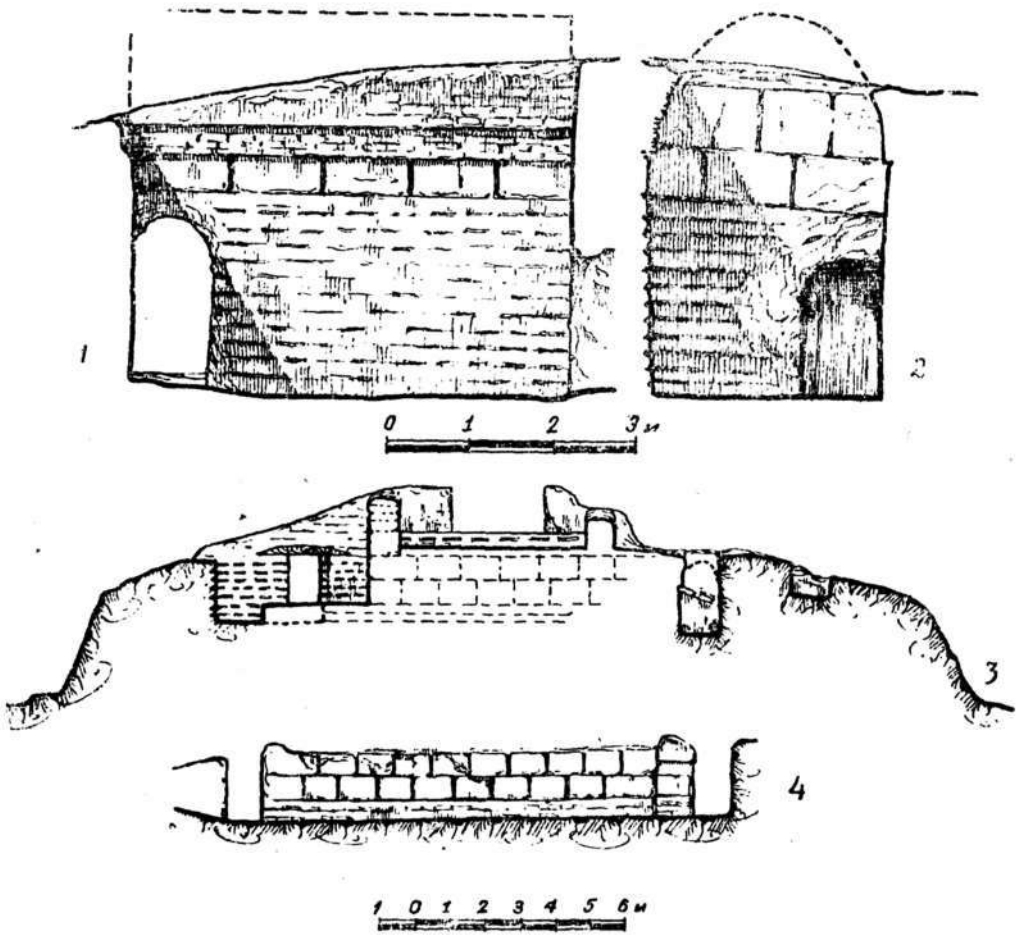

Рис. 25. Городище Калаи Кахкаха II. Замок. *1* и *2*—разрезы через «Вестибюль» (*Е—Е* и *Ж—Ж*); *3*—разрез по западной группе помещений и пандусу (*Б—Б*); *4*—разрез по коридору среднего яруса (*Г—Г*).

на плоскостью пахсы нижележащего слоя, а другая вырезана в кирпиче под углом 45°. Расстояние между желобками — 22—26 см. Основания восточных и западных стен сложены из сырцовых кирпичей тех же размеров. Внизу стены разрушены, видимо, попадавшей сюда на протяжении многих лет дождевой водой. Поверхность пахсово-кирпичной и крупноблочной кладки покрыта слоем штукатурки из глины и самана толщиной в 1,5—2 см. В верхней части южной (рис. 26) и северной стен сохранились пяты свода, перекрывавшего помещение. Высота помещения до пяты свода достигает 332 см. Ниже пяты свода стены оформлены выступом—фризом в 4—5 см, шириной 42 см. Фриз этот, по-видимому, несколько сокращал пролет сводчатого перекрытия и создавал большую опорную поверхность. Пята сложена из нескольких рядов

сырцового кирпича, выложенного по принципу ложного свода. Поверхность пяты свода и фриза также была покрыта глино-саманной штукатуркой, на которой сохранились нанесенные пальцами пересекающиеся под прямым углом полосы, эффектно выделяющиеся на общем фоне стен. Было замечено, что полосы соответствуют швам между кирпичами и тем самым маскируют их.

Из помещения имелся выход наружу, в северный дворик. Это широкий (130 см) и высокий (240 см) проем, который являлся главным входом в здание. Глубина проема (толщина северной стены помещения № 1) равна 153 см; щековые стены его внизу сохранились хорошо, на уровне пола в них имеются гнезда от деревянного порога (восточное—

Рис. 26. Городище Калаи Кахкаха II. Помещение I. Деталь южной стены.

19×27 см, западное — 24×30 см). При расчистке восточного гнезда найдены обломок медной пластинки, фрагмент боковины сосуда, мелкие кости животного. За порогом расположены два сложенных из небольших пахсовых блоков уступа, пристроенных к щековым стенам: восточный имеет ширину 16 см и высоту 28 см, западный — ширину 10 см и высоту 24 см. Уступы сужают проход до 108 см. В восточной щековой стене проема перед уступом имеется также углубление от дверного косяка (диаметр 16 см, высота 160 см).

За уступами кончается собственно сам проем, перекрытый аркой; дальше щековые стены проема переходят в кладку, образующую наклонную поверхность северной фасадной стены здания. Приблизительная толщина этой наружной пристроенной стены в нижней части равна 175 см. Довольно хорошо сохранилась арка над проемом (рис. 27). Она относится к типу ползучих арок. Пролет ее равен 117 см (он на 10 см уже проема за счет выступа пят); высота от пяты составляет 180 см. Кладка «комбинированная»: правое «плечо» арки сложено в технике клинчатой кладки и состоит из расклиненных рядов кирпича, выше идут пять концентрических уложенных плашмя рядов. Кладка плашмя, очевидно, доходит до левой пяты, скрытой в толще попереч-

ной стены. Внешняя арка этого же входного проема, опирающаяся на фасадный пласт северной стены замка, сохранилась плохо, она возведена из уложенных плашмя рядов кирпича «весообразной» кладкой и заключена в прямоугольную рамку. В целом арка входного проема замка отличается асимметричностью кладки.

Рис. 27. Городище Калаи Кахкаха II. Арка входного проема.

Помещение № 1 является передней комнатой, «вестибюлем» всего здания. В северной оконечности западной стены, непосредственно около входного проема, начинается наклонный коридор пандуса, связывающего его с верхними ярусами. Другой проем соединяет «вестибюль» с остальными помещениями нижнего яруса: он расположен в южной стене юго-восточного угла и ведет в наиболее обширное помещение № 2, являющееся центральным в нижнем ярусе. Проем имеет следующие размеры: ширина 1 м, глубина 107 см. В нем сохранился деревянный, обгоревший сверху порог (длина 125 см, высота 10—12 см, ширина 12 см). На восточной щековой стене имеется гнездо от косяка двери (диаметр гнезда 25 см, высота 185 см). Арка проема разрушена.

Помещение № 2 почти целиком было заполнено очень плотным лессом натечного характера, обломками сырцового кирпича, пахсы и частично галькой. Почти метровый слой над полом состоял из сильно прокаленной глины, насыщенной золой, углями, обломками обгорелых балок и жердей: видимо, это остатки рухнувшей от пожара кровли, состоящей, как показывают завальные остатки, из опиравшихся на колонны балок и жердевого наката над ними. Пол помещения сильно обожжен, под его глиняной обмазкой непосредственно выступает галечниковый материк.

Помещение № 2 (рис. 24, 28, 29; табл. 2) представляет собой большой, почти квадратный зал (608×655 см). Стены его удалось проследить всего на высоту до 120 см выше уровня пола: выше поверхность их неясна в глинобитной толще, хотя сами стены идут явно выше. Судя по двум участкам, в верхней части они были сложены из пахсовых

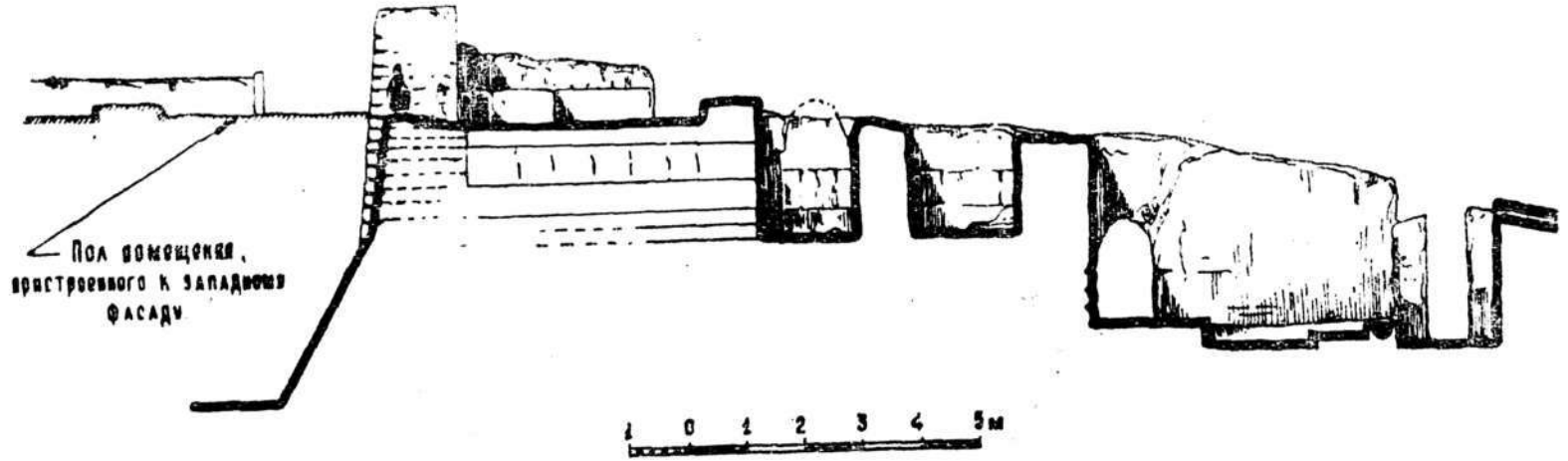

Рис. 28. Городище Калаи Кахкаха II. Замок. Разрез *З—В* (*А—А*).

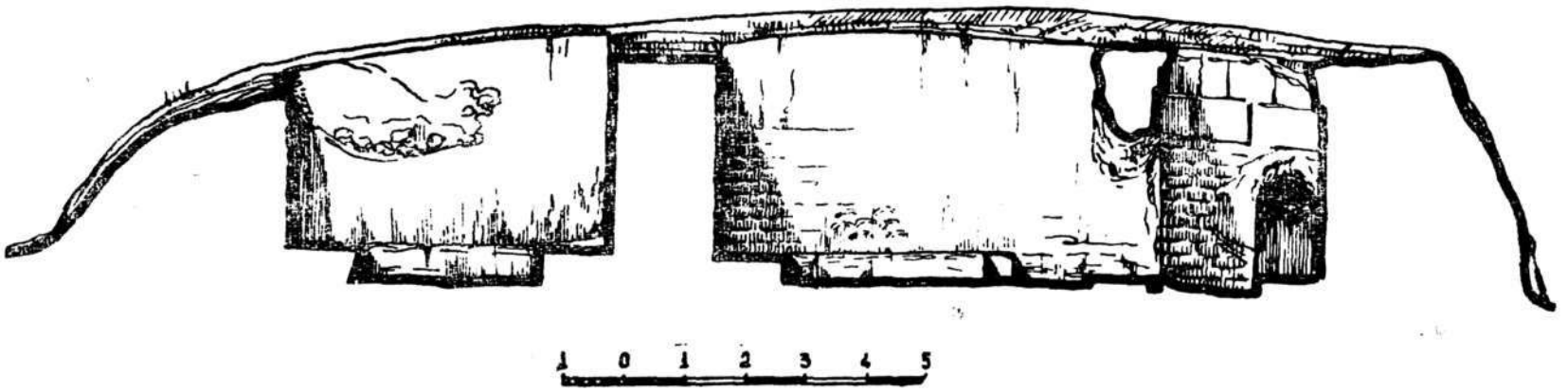

Рис. 29. Городище Калаи Кахкаха II. Замок. Разрез *Ю—С* по нижнему ярусу (*В—В*).

блоков. Характер кладки части стен точно такой же, как в помещении № 1: в ней чередуются слои, состоящие из пахсы и кирпича; повторяется и декоративное убранство стен с помощью прорезей (причем подрезался также нижний край слоя). Таких слоев прослеживается на западной стене четыре. Общая толщина слоя (слой пахсы и ряд кирпича) равна 18—20 см. Поверхность стен была покрыта штукатуркой не менее двух раз, общая толщина ее составляет до 1,5 см. Верхний слой штукатурки толще, ее поверхность гладкая, на нижнем слое имеются расположенные в шахматном порядке рельефные полукруглые арочки, проведенные двумя пальцами. Арочки находят одна на другую. Пролеты их равны 15—25 см, ширина образующих их полос 3—4 см. Эти рельефные арочки, вероятно, в сочетании с другими видами орнамента украшали стены помещения: аналогии мы имеем в главном зале объекта VII на городище древнего Пенджикента.

Вдоль северной, западной и южной стен помещения тянутся суфы (рис. 30). Причем суфа, примыкавшая к западной стене, выделяется

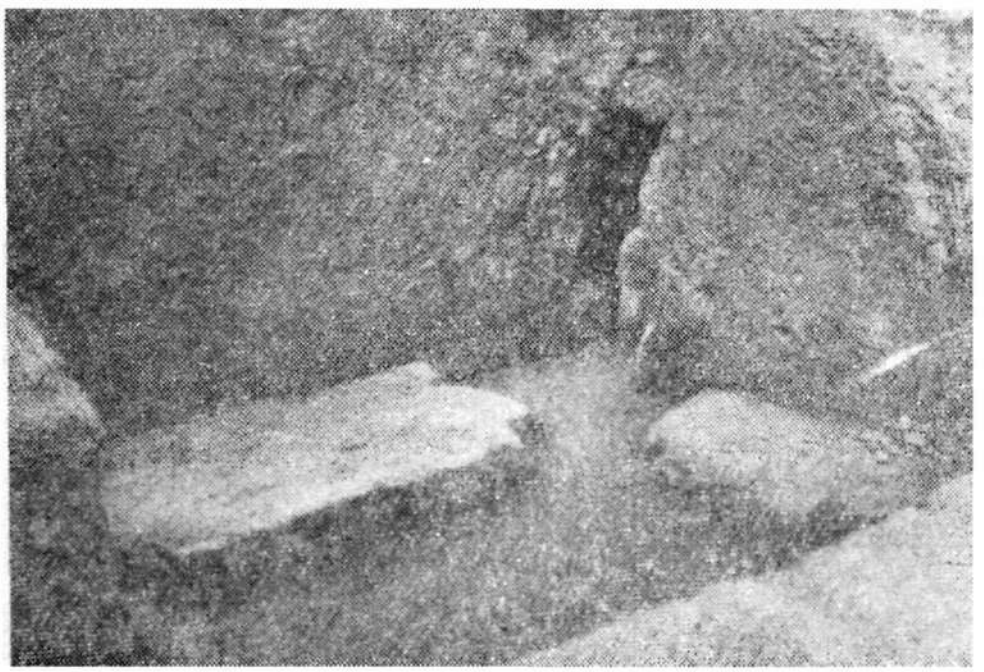

Рис. 30. Городище Калаи Кахкаха II. Помещение № 2.

своей шириной (190 см) и имеет вид «эстрады» с двумя прямоугольными вырезами по углам. Размер северо-восточного выреза — 36,5×39,5 см, юго-восточного—54×39,5 см. Южная суфа прямоугольная, ширина ее 120 см; она непосредственно соединялась с «эстрадой». Северная суфа (ширина 117 см) в западном конце у входа кончается плавным закруглением, имеющим форму четверти окружности, а ее восточная торцовая сторона примыкает к тонкой стенке тамбура, отделяющего коридорообразный проход из зала в северный айван. Сохранность суф очень хорошая: поверхность их обожжена. Несколько непонятна чрезвычайная узость прохода, оставленного между закругленным краем северной и углом западной суф. Если учесть наличие стоявшей здесь колонны, то ширина этого прохода не должна была пре-

вышать 40 см, что, конечно, противоречит характеру обширного зала, рассчитанного на пребывание большого числа людей. Видимо, северная суфа была пристроена впоследствии.

Стенки упомянутого тамбура очень тонкие, всего 14,5—15,5 см толщиной, сохранились на высоту 70—90 см. Проем, ведущий в тамбур, несколько сужен двумя перпендикулярно стоящими стенками, он не имел порога и, по-видимому, навесной двери. Тамбур является как бы естественным продолжением проема к северной стене зала, образуя вместе с ним небольшой (415×120 см) коридор. Как увидим ниже, такие же тамбуры-загородки имеются еще в трех других помещениях замка. Подобные тамбуры неоднократно встречаются при раскопках помещений на городище древнего Пенджикента.[49] Делались они, вероятно, для того чтобы отгородить суфы от дверного проема, а также создать дополнительную изоляцию помещений. Эти любопытные завершения дверных проемов, вероятно, имели еще арочки и составляли довольно эффектную архитектурную деталь.

В центре помещения располагалось своеобразное сооружение прямоугольных очертаний в виде невысокой (13 см) платформы, на восточной части которой сделано сырцовое возвышение с очажным углублением посредине (рис. 31). Эта южная часть, занимающая треть

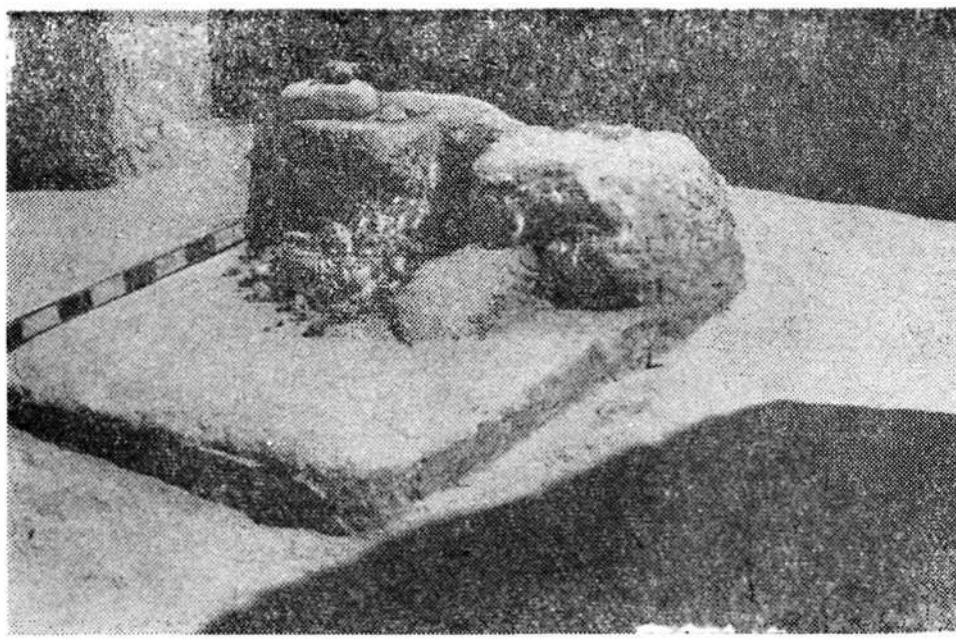

Рис. 31. Городище Калаи Кахкаха II. Помещение № 2. Очажное сооружение.

всей площади платформы, имеет форму высокого (41 см) прямоугольника с округлым углублением «топки» (диаметр 28 см) для огня. Внутренняя поверхность «топки» обмазана глиной и сильно прокалена. Очажное углубление заполнено золой, углем и полусгоревшей травой (полынь?). Неширокое устьице очажка выходит на возвышение. Сохранился он неполностью: к очажной части примыкал с юга какой-то выступ из кирпича, шириной в 26 см (остальные промеры были невоз-

[49] Например, помещение № 13 объекта III. См. В. Л. Воронина. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества. «Архит. насл.», 1957, № 8, М., стр. 120, рис. 4.

можны из-за плохой сохранности). На глинобитной платформе, непосредственно на очаге и вокруг на полу найдено большое количество обгорелых фрагментов как тонкостенной посуды, так и крупных хозяйственных сосудов. На платформе лежал также прямоугольных очертаний камень, видимо зернотерка. Очаг, стоящий на платформе с предочажным возвышением, видимо, использовался одновременно для обогревания помещения и при отправлении ритуальных церемоний.

Судя по большому количеству обуглившихся палок и тонких бревен в заполнении, перекрытие помещения было деревянным, покрыто сверху камышом и соломой и обмазано глиной. Над очажным устройством в центре перекрытия, видимо, было световое отверстие, куда выходил дым. Кровля опиралась еще на деревянные колонны, из которых две могли находиться в упомянутых выше вырезах западной суфы — «эстрады», третья — в углу, образованном внешним контуром северной суфы и выступом стенки тамбура,[50] а четвертая тогда должна была примыкать к южной суфе недалеко от ее восточного конца. При расчистке помещения как раз в вырезах западной суфы и в предполагаемых местах остальных колонн находилось наибольшее количество углей, несомненно, остатки сгоревших колонн.

Прямоугольная форма и размеры вырезов западной суфы в известной мере позволяют судить о форме и размерах нижних частей колонн, которые не имели каменных подушек. На то, что крыша была покрыта поверх дерева камышом и соломой и обмазана глиной, указывают куски сильно обгорелой глины с пазами от выгоревшей соломы и тростника (диаметр 10—12 мм), находимые в большом количестве в завале помещения.

В юго-восточном углу зала № 2 в южной стене имеется глубокий дверной проем, ведущий в **помещение № 3** (рис. 24 и 29). Ширина его 105—106 см; имеется деревянный порог, сохранившийся лишь частично: длина его была 103 см, ширина 16,5, высота 12 см. Оба конца порога заделаны в специальные гнезда в щековых стенах проема (глубина гнезд 20—25 см). В восточной щековой стене проема имеется вертикальный желоб шириной 10 см, в котором помещался стояк дверного косяка; он сохранился на всю прослеживаемую высоту стены проема. Раскрытие помещения № 3 было начато со стороны дверного проема. За проемом был расчищен входной тамбур — такой же, как в зале. Стенка его сохранилась довольно хорошо (толщина ее 14—17 см). В проходе в помещение тамбур сужается с 106 до 69—70 см благодаря выступам в его стене (шириной 21,5 см) и в восточной основной стене помещения (шириной 14 см). Таким образом, и дверной проем, и тамбур своим расположением и формой повторяют уже описанные аналогичные сооружения большого зала.

Интересно оформлена стенка тамбура, обращенная к комнате. Она оконтурена рельефной прямоугольной рамкой, а нижний угол украшен скульптурным налетом в форме ступенчатого зубца — «кунгра» (рис. 32, 33). Такие же зубчики сделаны на торцовой стене тамбура.

Помещение было заполнено завалом (рис. 34), верхний слой которого состоял из наносного лесса, содержащего также комья глины. На глубине около 60 см начался плотный завал кирпичей и натечные

---

[50] Угол, образованный внешним контуром суфы и выступом стенки тамбура, расположен точно напротив угловой выемки западной суфы. В то же время длина выступа тамбурной стенки, выходящего за пределы суфы, лишь на несколько сантиметров больше стороны северо-восточной выемки суфы— «эстрады». Это также подкрепляет предположение о наличии здесь одной из колонн.

наклонные к востоку слои, образовавшиеся в результате оплыва с верхних ярусов. На этом уровне был найден фрагмент венчика широкогорлого сосудика с двумя опоясывающими горловину выступами треугольного сечения. На глубине 95 см на натечной поверхности в центре помещения было обнаружено погребение. Скелет лежал вытянуто, на спине, головой точно на север; лицевая часть черепа повернута на запад.[51] Руки вытянуты вдоль тела, кисти рук располагались в области таза. Кисти конечностей сомкнуты вместе, что создает впечатление их преднамеренной связанности. Судя по характерным признакам черепа и размеру костей, это был скелет молодой женщины. При ней никаких находок не было. По всем признакам (повернутая на запад голова, связанные ниже конечности, отсутствие инвентаря), погребение является мусульманским, впущенным после разрушения здания.

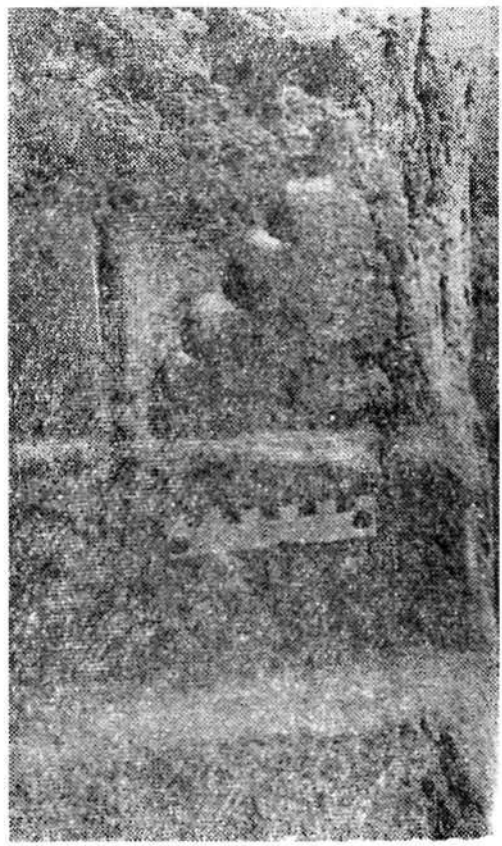

Рис. 32. Городище Калаи Кахкаха II. Помещение № 3. Стенка тамбура.

На этой же глубине в юго-западном углу помещения недалеко от погребения обнаружено несколько продолговатых тонких жженых плит (28—29×14—15×3,5—4,5 см), лежавших в беспорядке. Несколько выше имелась кирпичная выкладка в один ряд. Над ней, по-видимому, лежали такие же кирпичи, но они трудно прослеживались. Ниже натечной поверхности пошел твердый слежавшийся грунт с включениями обломков сырцовых кирпичей. На глубине 1,4 м была обнаружена плечевая кость человека, а в 30 см западнее ее—бедренная кость. Обе они, вероятно, принадлежат одному скелету.

В северо-западном углу помещения, примерно на глубине 1,6—1,9 м от дневной поверхности обнаружена могильная яма, частично прорезавшая северную стену. Яма вытянута с юго-востока на северо-запад. На дне ее скелет женщины в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Ноги вытянуты, руки полусогнуты в локтях, кисти их покоятся в области таза. Череп слегка повернут в правую (западную) сторону и чуть приподнят; лицевая часть обращена, таким образом, на юг. Вокруг костей встречались остатки дерева. Погребение, вероятно, мусульманское, впущено после полного разрушения замка.

Ниже завал стал чаще перемежаться натечными слоями. С глубины около 2,5 м стали попадаться куски обгорелого дерева. Изучение заполнения также показало явные признаки пожара. Определен-

[51] Могильная яма не прослеживается.

ного порядка в расположении обломков дерева проследить не удалось. Установлено было лишь то, что большую часть составляют куски прямоугольных в сечении балок. Слой прокаленной глины и обрушившегося дерева лежал непосредственно на полу.

Помещение № 3 представляет собой почти квадрат (размеры 524×556). Своим плановым решением оно весьма напоминает зал

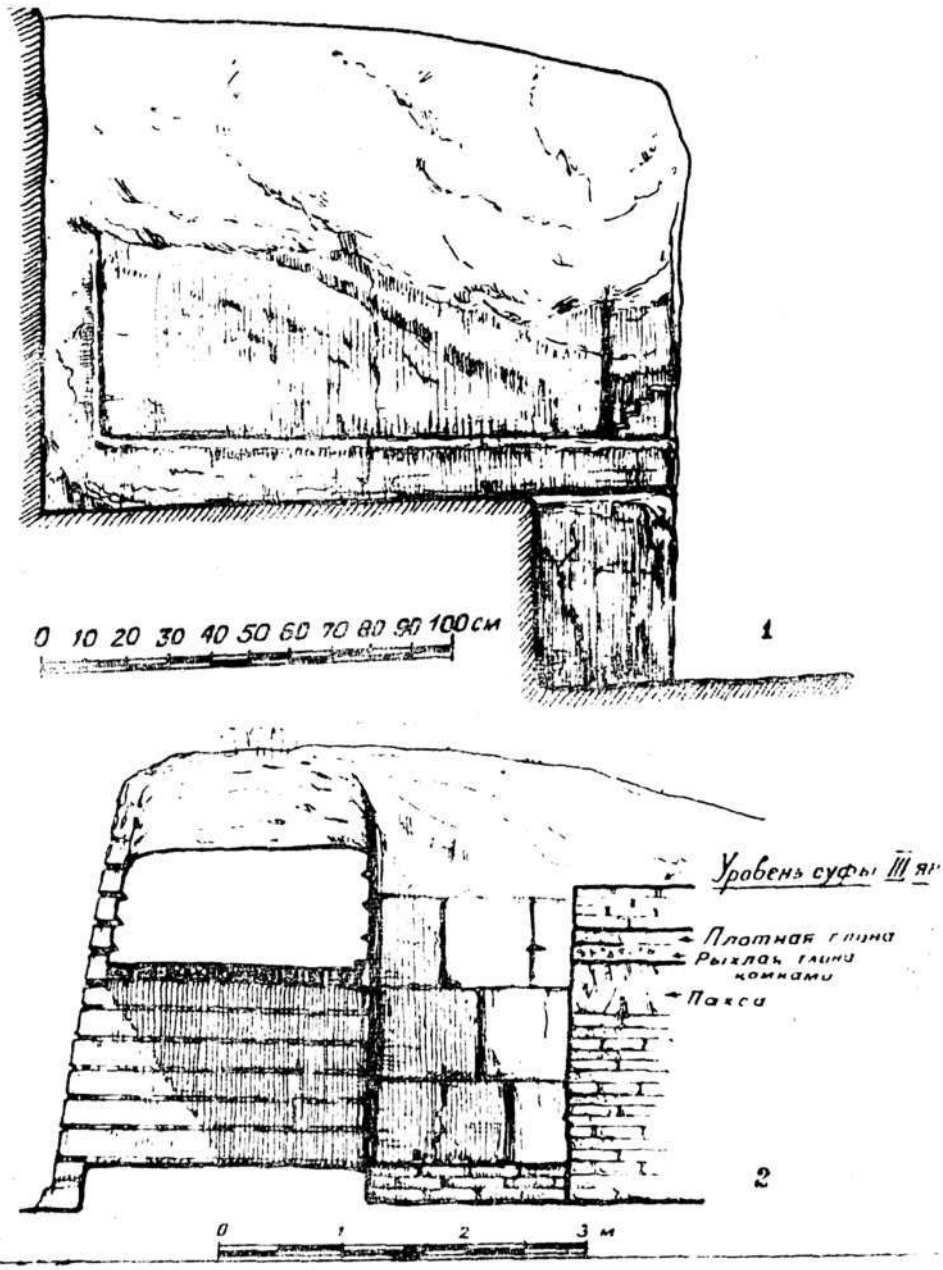

Рис. 33. Городище Калаи Кахкаха II. Замок. *1*—помещение № 3. Стенка—ширма. *2*—разрез *З—В* (*И—И*) через окно и помещение № 8.

№ 2, от которого отделено стеной удвоенной толщины. Вдоль всех четырех стен его тянутся суфы, сложенные из пахсовых блоков (толщиной в 24 см) и двух рядов кирпича. Они возведены немного отступя от выхода, и превращают центр помещения в заглубленную квадрат-

ную площадку. Как и в большом зале, западная суфа этого помещения несколько шире (145 см), чем остальные (117—120 см),— это, видимо, указывает на их разное композиционное значение. Высота суф 42—46 см. Стены сложены так же, как и в помещениях № 1 и № 2. В ниж-

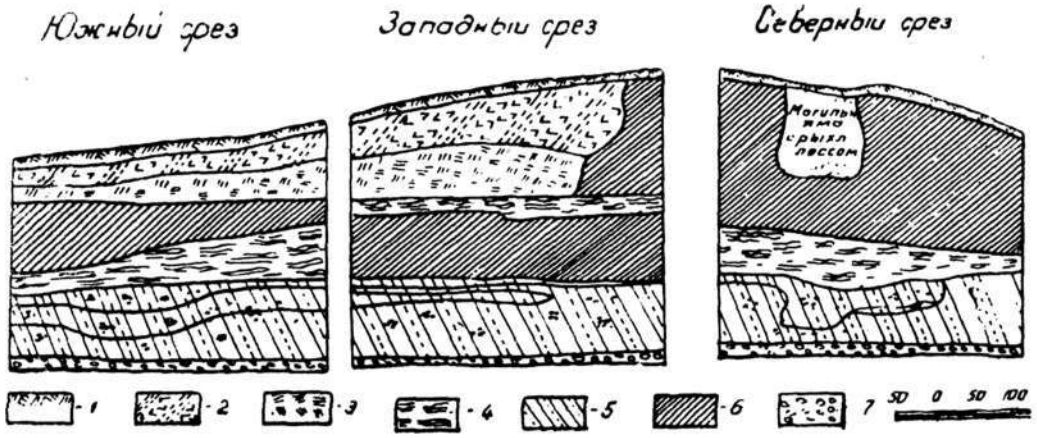

Рис. 34. Городище Калаи Кахкаха II. Помещение № 3. Срезы заполнения: *1*—дерновой слой; *2*—лёсс с битым сырцовым кирпичом; *3*—завал из битого сырцового кирпича; *4*—плотные многослойные натеки; *5*—горелые лессово-зольные слои со включениями обожженных глиняных комьев и угольков; *6*—плотный лёсс; *7*—галечник с крупнозернистым песком.

ней части они состоят из ряда слоев, включающих каждый тонкую пахсу и ряд сырцового кирпича; толщина такого слоя 18—20 см, каждый слой отделен от другого врезным желобком. Верхние части стен сложены сплошь из пахсовых блоков. Поверхность их покрыта несколькими слоями глиняной штукатурки с большой примесью самана, общей толщиной в 1,2 см. Нижний слой местами украшен рельефными арочками, проведенными по сырой штукатурке пальцами (как в помещении № 2), верхний слой — местами гладкий, но на южной стене сохранилась часть какого-то выпуклого рельефного рисунка, состоящего из плавных волнистых линий. Характер последнего установить не удалось.

Перекрытие помещения было, несомненно, деревянное: об этом говорит большое количество обломков обгоревших балок (толщиной 6—9—12 см) и плах, найденных на полу и суфах.

Через описанный выше тамбур в северо-восточном углу зал № 2 связан с айваном (помещение № 4), выходящим своей открытой стороной в северный дворик. Восточная стена тамбура неожиданно несколько выступает внутрь за линию основной стены помещения № 2. Стены тамбура обожжены в результате пожара. На них хорошо заметны, по крайней мере, два слоя штукатурки, причем каждый слой украшен рельефными арочками, однако значительно меньшими по размерам, нежели в залах № 2 и 3. Тамбур с айваном был связан двойными дверями (наружные и внутренние). Пол дверного проема был выстлан деревянными плахами. Частично сохранились деревянные пороги и две пары гнезд под стенами, куда уходили концы порогов. Гнезда имеют прямоугольную форму размером: наружная пара — ширина 26, высота 18, глубина 10,5 см (западное гнездо), соответственно 33×18×14 см (восточное гнездо); внутренняя пара—соответственно 25×16×17 см (западное гнездо) и 18×12×18 см (восточное гнездо). Кроме того, имеются углубления между лунками, по одному на каждой

стенке проема, размером в 15×11 см и 20×17 см с остатками вертикально стоящих дверных стоек. Айван расположен в северо-восточном углу замка между восточной стеной двора, залом и «вестибюлем». От обоих указанных помещений он отделен стенами удвоенной толщины. В плане он почти квадратный, размером 530×470 см. Стены сложены из сырцово-пахсовых слоев и покрыты штукатуркой с врезками. Они здесь сохранились лучше, чем в других помещениях (в западном крыле айвана стена прослежена на высоту 225—230 см). Вдоль западной, восточной и южной стен тянутся суфы, шириной 120—130 см и высотой 46—50 см, сложенные из пахсовых блоков и покрытые штукатуркой. Северные концы суф (а равно и стены) не сохранились, уровень пола здесь выступает на дневную поверхность. Перекрытие айвана было, несомненно, плоское, деревянное, поскольку в завале было найдено много обуглившихся кусков дерева. Балки перекрытия покоились на стенках и, вероятно, на колоннах, но явных следов самих колонн при раскопках, к сожалению, обнаружено не было. Айваном завершается комплекс помещений, составляющих нижний ярус здания. За исключением вестибюля, расположенного прямо на центральной оси (юг—север) здания, все помещения нижнего яруса сгруппированы в восточной стороне, образуя своеобразную трехчастную анфиладу.

Сообщение между описанным комплексом помещений первого яруса и помещениями двух верхних ярусов осуществлялось с помощью бесступенчатого пандусного подъема, вход в который, как уже отмечалось, расположен в северном конце западной стены «вестибюля». Сводчатый коридор пандуса, спирально вьющийся вокруг прямоугольного (215×155 см) столба, занимает северо-западную часть здания. Расчистка пандуса (рис. 35) велась со стороны коридора среднего яру-

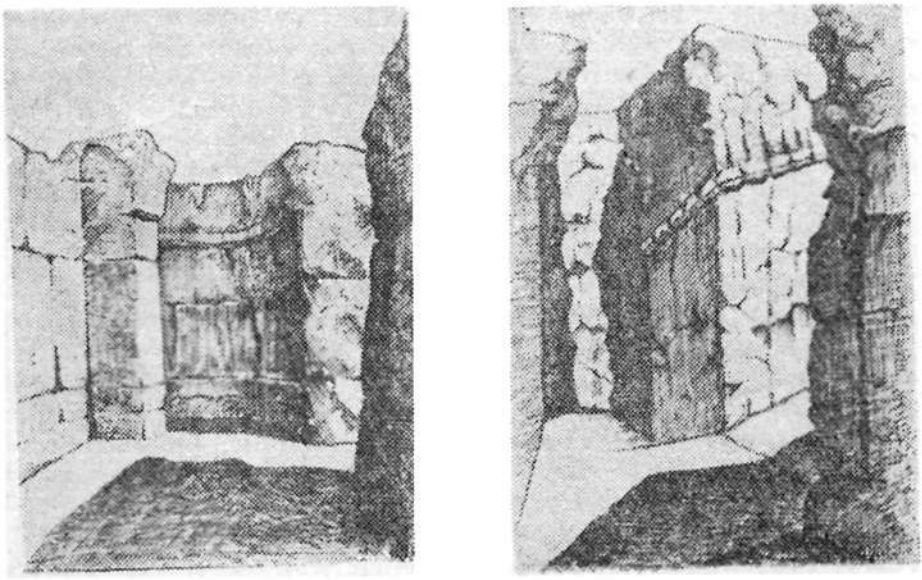

Рис. 35. Городище Калаи Кахкаха II. Пандус.

са вверх и вниз, и результаты ее даются ниже в той же последовательности. Вверх ведут четвертое, пятое и шестое колено. Четвертое колено (длина по наружной линии стен 340 см, ширина 120 см) сразу же после поворота коридора среднего яруса ведет на север. Над этим коленом сохранился частично свод, пята которого опирается на высту-

пающую полочку, образованную из одного ряда уложенных плашмя кирпичей. Сам свод выше полочки состоит из кирпичей, положенных на торцовую сторону; возможно, кирпич здесь был слегка лекальным (точно форму определить не удалось). Свод наверху замыкается замковым кирпичом. Полочка пяты и сам свод стоят чуть наклонно, т. е. здесь учтен наклон пандусного подъема. Концы арки свода расположены на разных уровнях: восточный выше западного. Высота дуги арки — 50 см. Свод этот впоследствии рухнул во время раскопок. Затем пандус поворачивает на запад, образуя пятое колено (длина 420 см). Пандусный коридор этого колена был заполнен целиком мелким завалом. Северная стенка колена постепенно выходит на дневную поверхность холма и теряется, но центральный столб сохранился почти на метровую высоту. Далее последним четким поворотом на юг, т. е. шестым коленом, пандус выводит в северное помещение верхнего яруса здания. Прослежено лишь начало колена, далее оно выходит на современную дневную поверхность и сходит на нет. Пол всех колен пандуса гладкий и плотно утоптанный.

Вниз, в распределительный «вестибюль» нижнего яруса, ведут третье, второе и первое колена. Третье колено от поворота коридора среднего яруса идет прямо на запад (длина его 448 см). В начале заполнение его состояло из обломков кирпичей и комков глины, упавших со свода и из помещения верхнего яруса. Затем завал изменился и приобрел характер осадковых наслоений. Здесь перед самым поворотом были встречены длинные кисти рук, стопы и человеческий череп хорошей сохранности. Дальнейшая расчистка сильно осложнилась двумя обстоятельствами: во-первых, заполнение состояло уже из чрезвычайно плотных осадочных слоев песка и мелкого лесса, трудно отделимых от стен и сохранившегося свода; во-вторых, за упомянутыми человеческими костями и черепом последовали второй череп и еще кости, лежащие в беспорядке, также хорошей сохранности. Затем сразу же количество костей увеличилось: заполнение пандуса теперь состояло в значительной мере из сплошной массы костей, черепов и окружавших их слоев чистой глины. Дальнейшая чистка всего второго и части первого колен пандуса состояло в извлечении многочисленных костей и черепов, лежащих в полном хаосе на разных уровнях начиная от пола пандуса до самого свода. Среди костей был обнаружен железный серповидный нож с двумя шишечками-заклепками по обеим сторонам; затем во втором колене были найдены: маленький желтый глиняный горшочек, прикрытый сверху плоским камнем и содержавший остатки какого-то органического вещества, распавшегося во время расчистки, крупный широкогорлый сосуд с отбитым дном, перевернутый на бок (внутри его находился череп). Найдены были также пять светильников — три целых и два в обломках: четыре неполивных без ручек с широким чашеобразным резервуаром, один покрытый поливой зеленоватого тона, с маленькой петлеобразной ручкой.

В западной стенке второго колена расчищена ниша, расположенная на высоте 68 см от пола. Очертания ее оплывшие, ширина — 45 см, высота более 40 см. Ниша также была заполнена костями и слоистой глиной. Поворот от второго колена к первому удалось четко проследить лишь внизу; в самом углу колена были зафиксированы остатки зольника, куски обгорелой глины и угольки. Здесь продолжалось нагромождение костей в слоистом лессе. Встречалась также керамика: целый круглодонный, красноглиняный, сильно закопченный котел с крутыми плечиками и довольно узким горлом; почти целый сосуд типа кувшина из желтой глины (верх не сохранился); обломки другого широкогорлого сосуда

с двумя маленькими ручками и прочерченной волнистой линией на боковине. Приблизительно с середины первого колена кости и черепа больше не встречались.[52] На расстоянии 280 см юго-западного угла колена пандусный коридор несколько сужен выступом в южной стене (толщиной 12 см). На 528 см пандус выходит в «вестибюль» нижнего яруса. Пол его от этого помещения до упомянутого выступа ровный и не имеет наклонного подъема. Эта часть первого колена заполнена менее плотным лессом, в котором попадались угли. В целом пандус представляет собой квадратную шахту с центральным столбом и спирально вьющимся вокруг него узким сводчатым коридором, начинающимся в «вестибюле» нижнего яруса и выводящим в конце третьего колена (марша) в коридор среднего яруса, а в конце шестого колена—в небольшое северное помещение верхнего яруса здания.

Стены и центральный столб сложены на глинобитных пахсовых блоков и перекрыты сводом из сырца — сохранился полностью лишь свод перекрытия первого и второго нижних колен. Центральный столб имеет прямоугольную форму (215×155 см). Одна сторона свода пандуса опирается в два яруса на этот столб. Все обнаруженные вместе с черепами сосуды, судя по формам и всем прочим признакам, датируются VII—началом IX вв. Характерна находка единственного поливного чирага среди прочей неполивной керамики, в том числе четырех неполивных чирагов.

Средний ярус помещений (рис. 24) расположен в середине восточного пологого ската холма, к западу от нижнего на уровне 175 см выше его. Центральным звеном этого яруса является длинный коридор, вытянутый с юга на север и связывающий сравнительно небольшие комнаты пандусом (рис. 36). Две из них, примыкающие к коридору с востока, представляют собой продолговатое помещение простых прямоугольных очертаний. Южный выход из коридора выводит по южному пандусу на крышу здания, а северный — в северный пандус.

Стены коридора (помещения № 5) сложены из глинобитных блоков (105×120×70 см), поверхность их покрыта тонким слоем штукатурки (рис. 25, разрез Г—Г). Восточная стена хорошей сохранности, а западная в двух местах разрушена погребениями. Одно погребение находилось в южном конце помещения, прорезало значительную часть западной стены (на расстоянии 290 см от южного коридора). Скелет лежал на спине в вытянутом положении, головой на север; он был прикрыт наклонностоящими жердями. В 150 см севернее его находилось второе погребение, которое тоже прорезало часть западной стены коридора. Судя по выбоине, сделанной в ней при рытье могилы и мягкому грунту рядом, яма была очень небольшой. Кости скелета смещены: рядом с костями нижних конечностей лежат обломки черепа. Видимо, это погребение сравнительно недавнее. При расчистке блоков в месте поворота коридора были найдены разбросанные в беспорядке кости третьего скелета детского.

Заполнение коридора, состоящее из обломков кирпичей, кусков пахсы и лесса, местами имело очень плотный характер, а иногда по-

---

[52] Всего обнаружено 67 черепов; из них совершенно целых — 50, остальные представляют собой разрозненные обломки или же рассыпались при извлечении. Но большинство костей и черепов очень хорошей сохранности. Возможно, это обусловлено тем, что они находились среди плотных и чистых наслоений без доступа воздуха. Антропологический материал изучен и опубликован: см. Т. П. Кияткина. Краниологические материалы с городища Кахкаха (Шахристан II). (По мат-лам раскопок Ходжентско-Усрушанского отряда 1956 г.). Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, 1(24). 1961, Душанбе, стр. 47—58, 6 табл.

падались пустоты и более рыхлые места. Изредка в нем встречались фрагменты керамики, угольки, булыжники и участки обожженной утоптанной поверхности. Поверхность пола коридора была чиста и утоптана. Коридор был перекрыт сводом из сырцовых кирпичей. Размер коридора 1193×160 см, при высоте стен от пола до пяты свода—

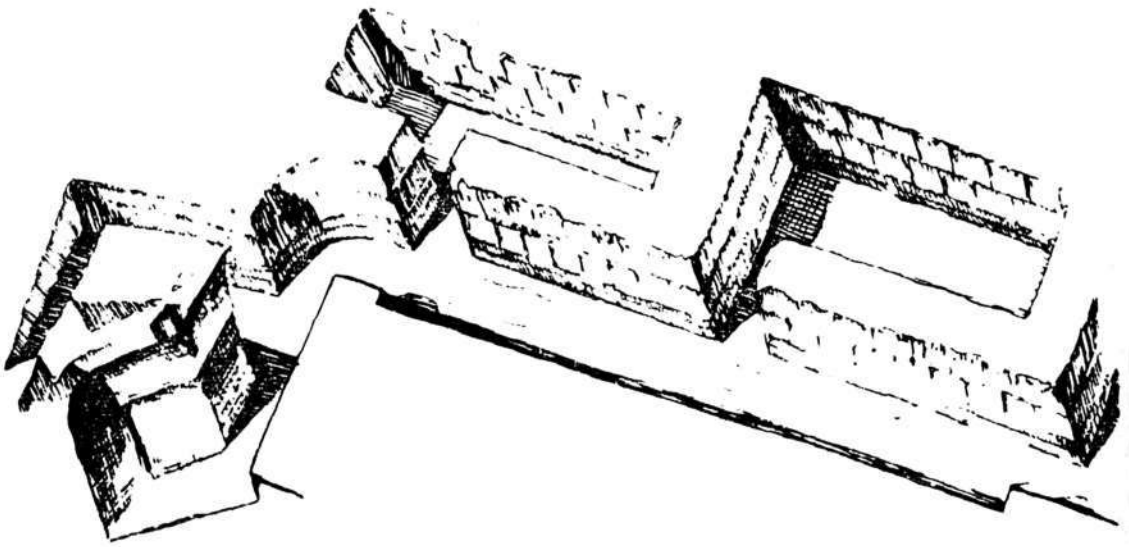

Рис. 36. Городище Калаи Кахкаха II. Аксонометрия пандуса и среднего яруса.

155 см. В северном конце он резко сужается до 108 см, с одной стороны пилоном, пристроенным к западной стене (ширина пилона 30 см, длина 98 см), а с другой стороны — за счет утолщения восточной стены на 22 см. Далее коридор изящным полукругом поворачивает под углом 90° на запад и, образуя своеобразный коленчатый проем, переходит в северный пандус. Поворот коридора сложен также из блоков, но меньшего размера — 62×38 см, 68×37 см. В верхней части стены закругляющейся части коридора и пилона сохранилась пята свода, сложенная из трех-четырех рядов кирпичей, выступающих один над другим. Ступенчатая поверхность образованной таким образом пяты сверху была обмазана глиной прямо рукой (в одном месте хорошо видны следы пальцев). В южной части коридора в западной стене имеется пилонообразная закладка, выступающая от стены на 66 см. Она сужает южный конец коридора до 85 см. Как выяснилось позже, закладка эта закрыла проем, ведущий в юго-западные помещения этого яруса. Южный конец коридора был заложен; после снятия закладки здесь была обнаружена глиняная ступенька высотою до 25 см, укрепленная со стороны коридора деревянным порогом, от которого сохранились гнезда в щековых стенах. Дальше на юг шел проход, заполнение которого было очень плотное, возможно, утрамбованное искусственно; пол прохода шел наклонно вверх. На расстоянии 85 см проход под прямым углом повернул влево, на восток и приобрел совершенно отчетливый подъем вверх. Таким образом, выяснилось, что это пандус, ведущий вверх, по толще южной стены здания. Конец его не сохранился, однако, видимо, пандус шел до конца прямо в восточном направлении и выходил на крышу около ее юго-восточного угла, по всей вероятности, за парапетом стены. Такие синхронные «коридорно-пандусные системы» хорошо выявлены в толщах платформы и в

толщах крепостных стен замка Калаи Боло в Исфаре.[53] Крыши зданий в Средней Азии, как известно, использовались весьма интенсивно в хозяйственно-бытовой жизни обитателей; в данном случае она вполне могла быть использована и для наблюдательного пункта, так как отсюда хорошо обозревалась значительная часть всего шахристанского оазиса.

В южной половине восточной стены коридора расположен дверной проем, шириною в 115 см, ведущий в помещение № 6. Северная щековая стенка проема хорошей сохранности, она непосредственно переходит в стену помещения; южная щековая стенка вверху частично разрушена. Ее удалось проследить только на глубине 1,1 м от поверхности. Глубина проема 98 см. Почти сразу же за проемом, на расстоянии 60—70 см в завале помещения было обнаружено мусульманское погребение, прикрытое наклонно стоящими жердями. В южной части помещения и частично над южной стеной имелось еще одно мусульманское погребение. Наконец, то же было обнаружено в восточной стене, напротив входа.

Заполнение помещения состояло из глиняных комьев и лесса; местами встречались обожженные участки обгорелой земли. На уровне суф в нем найдены обломки небольшого широкогорлого сосуда с двумя ручками и сливом, украшенного волнистым орнаментом на плечиках, и рядом—обломками кувшина с одной ручкой и чуть примятым сливом.

Помещение № 6 прямоугольное, вытянутое с юга на север, размером 269—270×605 см. Стены его сложены из глинобитных блоков. Вдоль западной и южной стен имеются суфы, шириной 117 см и высотой 37 см. Западная суфа помещения около входа заканчивается небольшим квадратным выступом. На северном краю ее у входа в помещение были найдены остатки обгорелой кожаной обуви (рис. 37). В северо-восточной части помещения сохранились, по-видимому, остатки очага: тут лежало несколько сильно прокаленных сырцовых кирпичей в виде кладки

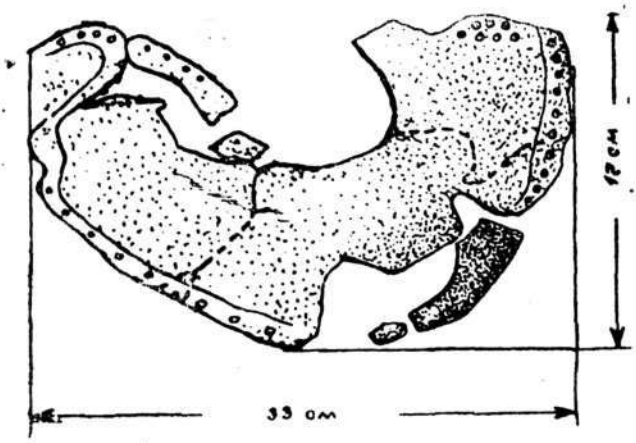

Рис. 37. Городище Калаи Кахкаха II. Помещение № 6. Остатки кожаной обуви.

из двух рядов (кладка эта отстоит от северной стены на 128 м, а от восточной на 20 см). Весь северо-восточный угол помещения сильно обожжен. Судя по всему, это помещение предназначалось для прислуги.

---

[53] Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. АН Тадж. ССР, т. 35, Душанбе, 1955, стр. 89—91.

В северной половине восточной стены коридора, в непосредственной близости от скругленного поворота в пандус, имеется второй проем, ведущий в помещение № 7. Ширина проема 112 см, толщина стен—114 см. Южная щековая стенка была обнаружена только на глубине 1 м, причем расчистка показала, что ее угол, выходящий в коридор, имел прямоугольную выемку, возможно, для установки светильника, который освещал бы всю эту часть коридора и проход в помещение № 7. Помещение это отличается особенно вытянутыми пропорциями, оно очень узкое (160 см) и длинное (625 см), вытянуто с юга на север. Стены сложены из глинобитных блоков.

В южной половине помещения обнаружены остатки своеобразного очага (рис. 38), который состоит из неглубокой округлой, чашеобразной «жаровни» с низкими стенками (внутренний диаметр 70—75 см, глубина

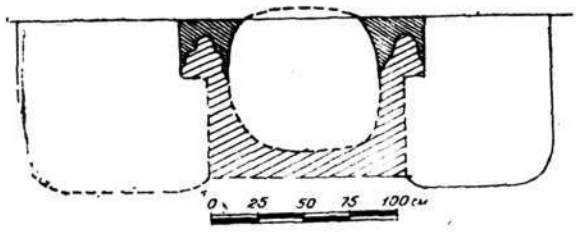

Рис. 38. Городище Калан Кахкаха II. Помещение № 7. Очаг.

14—16 см, толщина стенок 12—20 см). Внутри она обмазана слоем глины (с большой примесью крупной дресвы), имеющим гладкую поверхность. В южной стороне стенка жаровни несколько понижается; с этой стороны, очевидно, выгребалась зола. По обеим сторонам имеются плоские (3—4 см высоты) глиняные вымостки (южная—размером 88×65 см, а северная сохранилась плохо) с закругленными углами. Вымостки были отделены от жаровни тонкими загородками, выступающими перпендикулярно восточной стене помещения на 32 см (высота загородок 79 см, толщина 9—10 см). Между загородками в восточной стене помещения над жаровней на высоте 51 см сделан выступ, в результате чего очаг как бы несколько вдается в глубь стены (ширина выступа 13 см, толщина 3—4 см; поверхность выступа сильно закопчена). На южной вымостке обнаружены обломки глиняной сковороды. Стенки и дно жаровни, вымостки и сковороды сильно прокалены.

По свидетельству рабочих, такие очаги имеются в Старой Матче и поныне. На него во время изготовления пищи на угли ставится котел или другая посуда, а затем зола и угли выгребаются и на горячем дне жаровни пекут лепешки. В северо-восточном углу помещения обнаружено скопление золы и обожженных комьев глины. Здесь ниже уровня пола оказалось дугообразное углубление шириной в 50—55 см, глубиной в 10—15 см. Стены имеют сильно обгорелую поверхность. В западной стене в этой же половине помещения, на высоте 82 см от пола, имеется небольшая нишка (размером 35×26 см) для установки светильника.

Все это дает основание считать, что это помещение являлось кухней.

В южном конце западной стены коридора за пилонообразной сырцовой закладкой имеется проем шириной 94 см, ведущий в помещение № 8, расположенное в юго-западном углу здания. Помещение это и расположением, и формой отличается от предыдущих: оно имеет близкие к квадрату пропорции (420×351 см). Южная и западная стены (рис. 39), они

же внешние стены здания, сложены из последовательно перемежающихся рядов пахсы и кирпича, внутренняя их поверхность отделана рустовкой («пунктирами»). Восточная (рис. 40, 1) и северная стены сложены из рядов пахсы, нарезанной на блоки; их поверхность тщательно заглажена. Высота блоков 75 см, длина их разная, в зависимости от пролета стены,— от 62 до 147 см. Вдоль северной стены расположена узкая (75 см) суфа высотой 46 см.

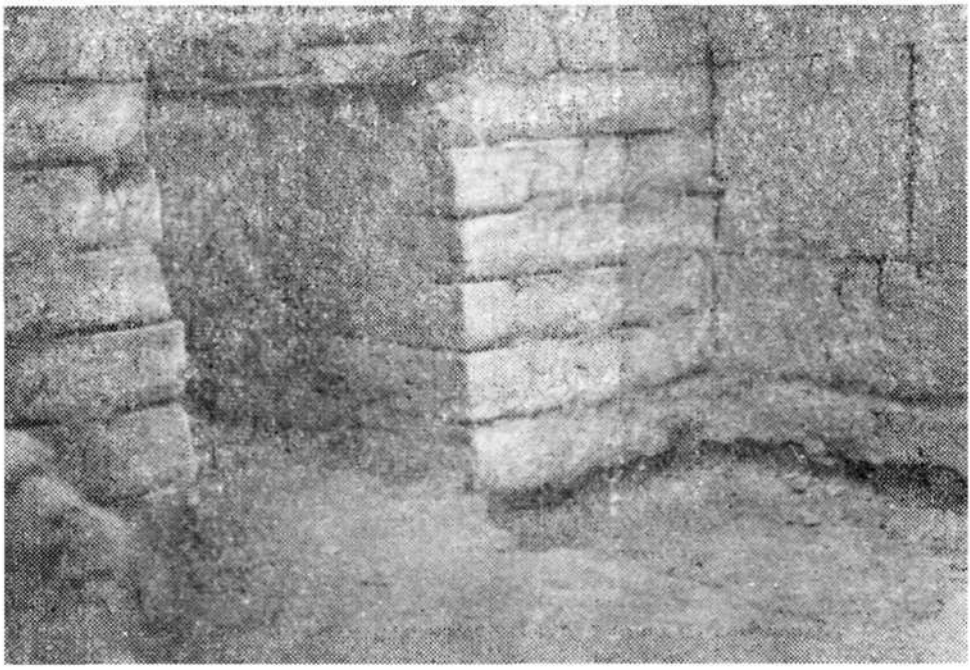

Рис. 39. Городище Калаи Кахкаха II. Помещение № 8. Деталь.

В западной стене этого помещения прорезан крупный прямоугольный оконный проем (высота 146 см, ширина 107 см, глубина у основания 232 см). Он расположен на 47 см выше уровня пола и перекрыт отлично сохранившимся арчовым брусчатым потолком (рис. 33, *2*; *41*). Эта уникальная по своей сохранности находка—крупный оконный проем в здании доисламского периода—позволяет теперь несколько по-иному ставить вопрос об использовании естественного освещения в древней архитектуре Средней Азии. Впоследствии описываемое помещение было аккуратно заложено и включено в планировку верхнего яруса (там это помещение № 11). Закладка состоит из слоев пахсы 6—8 см толщиной и сырцового кирпича размером 60×25×9, 50×25×10 и 48×25×10 см.[54] Одновременно был заложен сырцовыми кирпичами на толстом глиняном растворе и проем, ведущий из этого помещения в коридор среднего яруса. Закладка произведена очень тщательно, в перевязку, поверхность ее, выступающая в виде пилона, со стороны коридора так тщательно заштукатурена, что выявить ее удавалось не сразу.

Как уже отмечалось, помещения среднего яруса здания расположены значительно выше помещений нижнего яруса (рис. 28). Это достиг-

[54] Во время снятия этой закладки на уровне первичного пола были обнаружены мелкие кости, кусочки дерева, керамическое пряслице и фрагменты полусгнившего кожаного изделия.

нуто путем возведения глинобитного стилобата под средний и верхний ярусы, а также уменьшения высоты помещений среднего яруса. Очень показательно, что сохранившиеся пяты сводов «вестибюля» нижнего яруса и коридора среднего яруса расположены на одном уровне. Кроме того, следует указать на одинаковый уровень перекрытий помещений ниж-

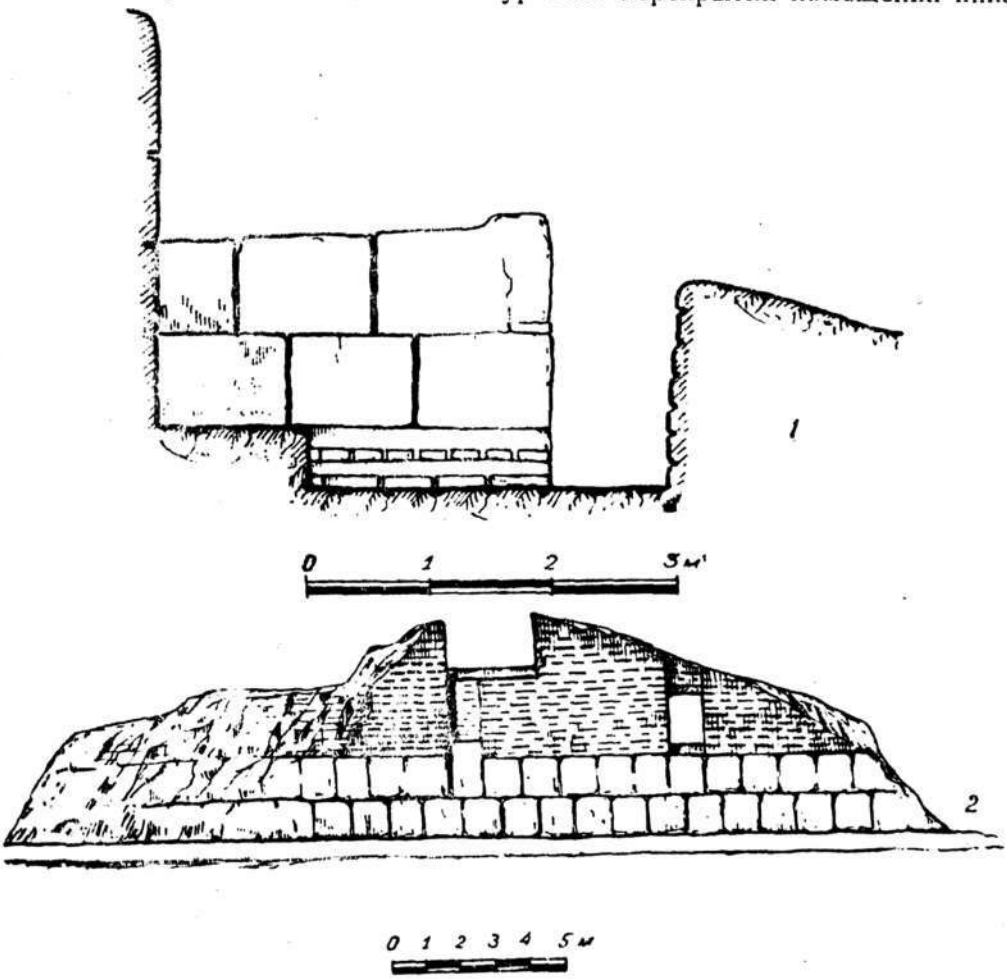

Рис. 40. Городище Калаи Кахкаха II. Замок. *1*—разрез через помещение № 8; *2*—западный фасад.

него и среднего ярусов и отсюда один уровень их крыш. Стилобат, как показало исследование западного фасада здания, состоит из мощных длинных пахсовых «брусьев», уложенных в два ряда в перевязку по направлению с востока на запад. Восточные торцы этих «брусьев» выступают под штукатуркой поверхности западных стен помещений нижнего яруса, а западные торцы их под вскрытым западным фасадом здания. Верхний ярус здания состоял в первичной своей планировке всего лишь из двух помещений, расположенных между северным пандусом и вышеописанной юго-западной комнатой № 8 (рис. 24, 25, 3). Оба они примыкают к западному фасаду здания. В верхний ярус ведут три марша северного пандуса. Последнее колено его выводило непосредственно в небольшую комнату № 9 (290×350 см), служившую прихожей для второго чрезвычайно интересного помещения № 10. Помещение № 9 сохранилось

плохо. На всю длину и высоту до 1 м прослеживалась только южная стена. Западная сохранилась частично (внизу высотой от 15 до 65 см) на участке длиной 210 см. Стены сложены из прямоугольных сырцовых кирпичей и были заштукатурены. В помещении никаких находок не сделано.

В южной стене этой «прихожей» имеется дверной проем (ширина 84 см), ведущий в помещение № 10. Проем имел двойной деревянный порог, от которого сохранились остатки сгоревших и сгнивших балок, соответствующие углублениям в полу, и нишки под стенами. Северная балка порога была из арчи. Она сохранилась на длину 60 см; ширина ее 25 см, высота 15 см. Расстояние между обоими порогами 64 см. Помещение № 10 раскрывалось на вышке холма посредством раскопа, который по мере углубления был значительно расширен. Сразу под дерновым слоем здесь находился ряд плотно слежавшихся больших плоских камней. Ниже после тонкой прослойки лесса начался слой переженной глины, перемешанной с обломками обгорелых сырцовых кирпичей. На глубине 40—50 см от репера были встречены остатки черепных костей и небольшое количество прочих костей двух человеческих скелетов. На глубине 65 см обнаружено несколько невыразительных обломков керамики. Начиная с глубины 1 м по всему раскопу начали попадаться беспорядочно расположенные небольшие по размерам обломки горелого дерева. Это сразу же позволило предположить, что помещение пострадало от сильного пожара. Ниже завал помещения состоял из обломков сильно обгоревшего сырцового кирпича и большого количества обуглившихся фрагментов балок, колонн, жердей различной сохранности и размеров. Среди них имеются фрагменты, украшенные резьбой. Из других

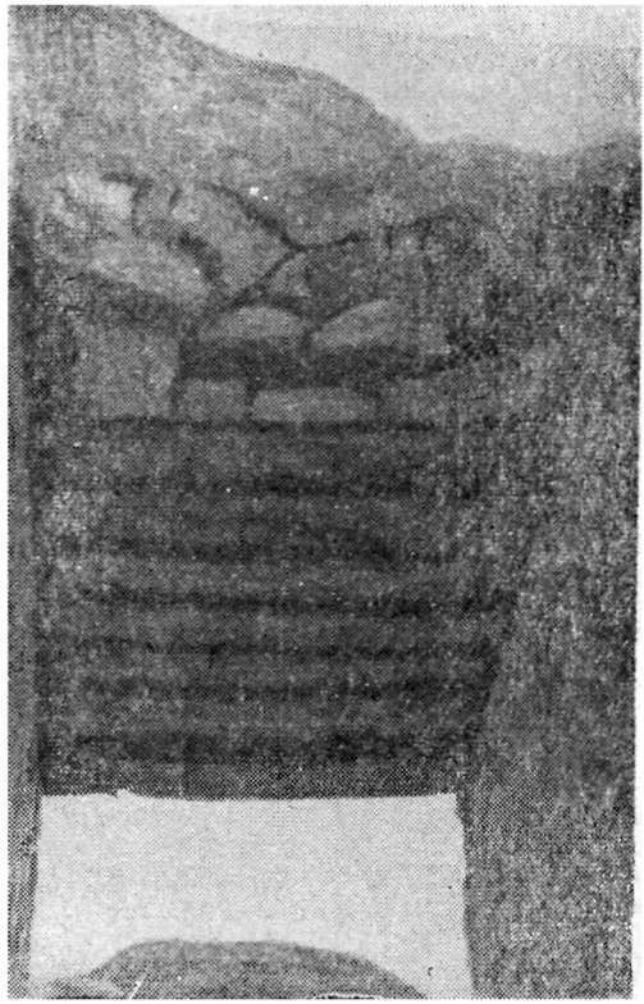

Рис. 41. Городище Калаи Кахкаха II. Помещение № 8. Брусчатый потолок оконного проема.

находок в заполнении следует отметить: почти целый глиняный кувшин с одной ручкой и сильно вздутым, резко сужающимся книзу туловом, обнаруженный несколько выше пола у южной суфы; обломки глиняного котла из грубого серого теста, найденные на полу, и фрагмент плечика сосуда с налепным орнаментом в виде двойной ломанной линии с поперечными насечками. На полу же найден фрагмент бронзового изделия.

Помещение № 10 оказалось чрезвычайно интересным. Оно поднято на 210 см выше, чем уровень среднего яруса, размеры его 525×420 см. Несколько большая ширина (чем соседних помещений) достигнута путем утоньшения в этом месте западной фасадной стены замка на 70 см. По оси западной стены прорезан необычный широкий (265 см) проем, превращающий все помещение, по существу, в открытую на запад лоджию. Проем этот прорезан не до самого пола, а несколько выше (на 50 см), что создает впечатление широкого и длинного «подоконника», выступающего внутрь помещения. Простенки (ширина их 120 см) этого проема во внутренних углах имеют уступы, а на поверхности указанного «подоконника» обнаружены были ямки, заполненные древесным углем. Видимо, в этих уступах располагались какие-то опоры деревянного ограждения проема.

Вдоль северной и южной стен помещения расположены суфы. Выше уже отмечалось, что большая ширина помещения (по оси восток—запад) была достигнута утонением западной фасадной стены замка. Но она имеет полную толщину в нижней части выступа над полом в виде третьей, западной суфы, примыкающей к углам западной стены помещения и к упомянутому «подоконнику». Высота суф 49—53 см. В них сделаны специальные уступы, заполненные древесным углем, видимо, являвшимися остатками колонн перекрытия.

Внутренние стены помещения тщательно заштукатурены глиняной обмазкой в несколько слоев. По штукатурке была нанесена многоцветная роспись, остатки которой сохранились на незначительном участке около юго-западного угла. В остальных местах поверхности стен прокалены, а штукатурка обгорела. Сильно обгорели и разрушены пожаром также поверхности пола и суф. В кладке стен, суф и выкладке пола использован прямоугольный сырцовый кирпич нескольких форматов (вперемешку): 49×25×11, 45×23—24×9, 42×?×10, 50×25×7, 62×35×8 см.

В лоджии были заложены два шурфа, впоследствии соединенные между собой. Они дали возможность выяснить систему кладки основания этого помещения. Платформа лоджии поверх описанного выше стилобата здания была сложена из длинных мощных глинобитных пластов пахсы— «брусьев», имеющих в поперечном разрезе почти квадратную форму (высота 70 см). «Брусья» уложены в направлении запад—восток в два слоя, причем верхний имеет перевязку с нижним, так что межевые края нижнего ряда попадают под середину верхнего. Каждый «брус», в свою очередь, состоит из плотно пригнанных друг к другу блоков пахсы. Таким образом, очевидно, поднятие уровня лоджии и ее северной прихожей над уровнем среднего яруса намечалось заранее, и для этого была возведена описанная дополнительная платформа.

Шурф и некоторые зондажи стен позволили также выяснить взаимосвязь между платформой и стенами лоджии. В основании южной и северной стен лоджии прогрессирующим выступлением внутрь в виде ступенек чередуются ряд сырцовых кирпичей (51×26×9 см) и ряд глинобитных «брусьев». Этот, третий по высоте, ряд пахсового «бруса» является органическим продолжением платформы со строгим учетом уже отмеченной перевязки. Размеры описанных конструктивных элементов

платформы увязаны с размерами помещений. В частности, это мы наблюдаем в том же помещении лоджии: ширину лоджии составляют 5 брусьев пахсы, толщина каждой из боковых стен (южной и северной) точно соответствует ширине одного «бруса»—1 м. Внутреннюю структуру пахсовой платформы лоджии верхнего яруса наглядно демонстрирует разделка на блоки западной стены коридора среднего яруса, которая большей частью представляет собой торцы вышеупомянутых «брусьев».

В процессе раскопок полностью был открыт западный фасад (рис. 40, *2*; 42) первичного здания, а также юго-западный и северо-западный

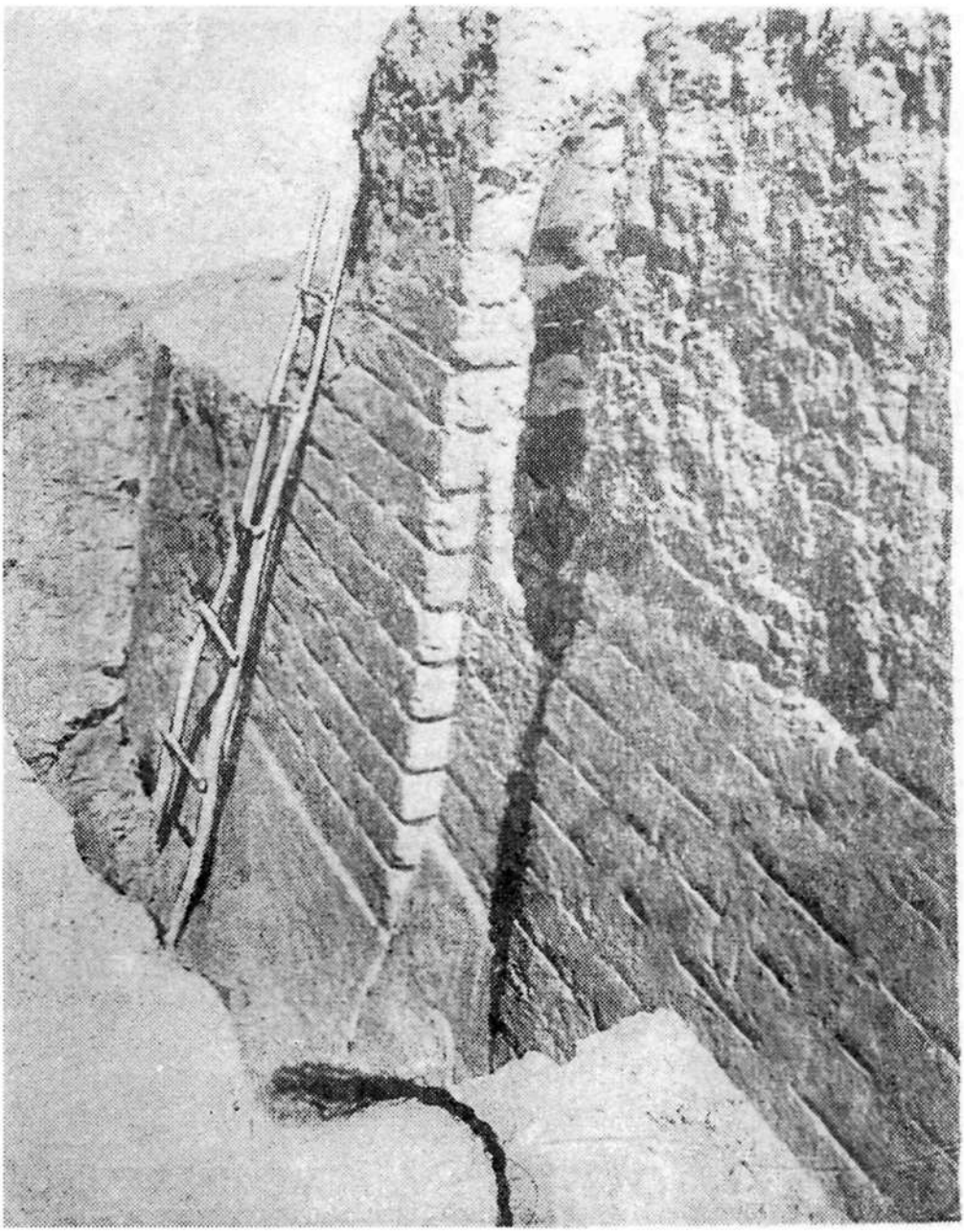

Рис. 42. Городище Калаи Кахкаха II. Замок. Западный фасад. Общий вид.

углы последнего. Эти углы первоначально, видимо, были прямые, но под действием воды и других разрушительных сил приобрели несколько округлую форму. Основанием западного фасада (рис. 43) являются выступающие торцы мощных пахсовых «брусьев» стилобата среднего и

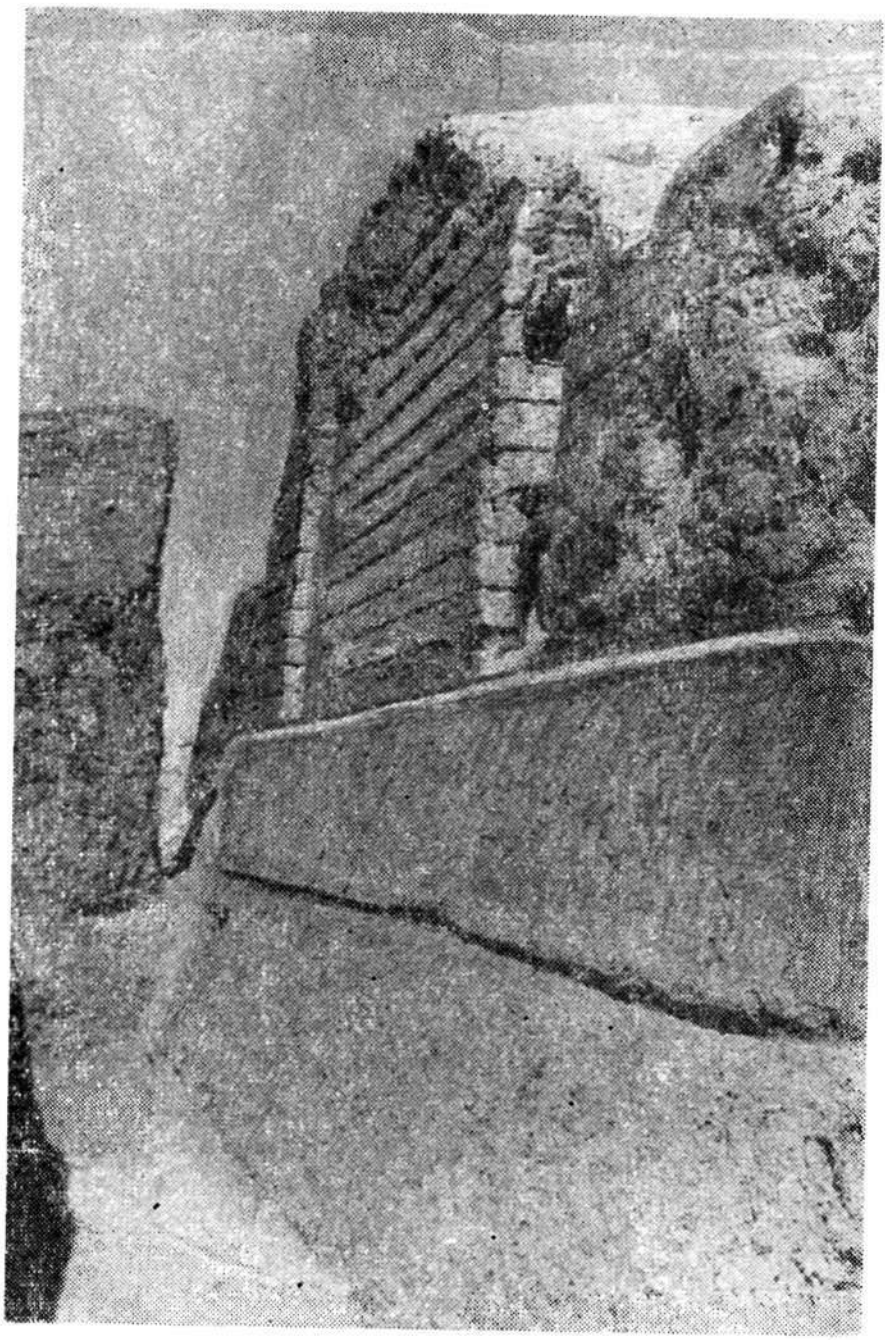

Рис. 43. Городище Калаи Кахкаха II. Замок. Западный фасад (деталь).

верхнего ярусов замка. Их два ряда, и сложены они вперевязку. Поверхность стилобата (торцов) скошена назад под небольшой уклон. Общая высота стилобата составляет 240 см. Выше начинается стена, также скошенная назад, но под несколько меньшим углом. Ее сохранившаяся вы-

сота 280 см. Конструкция стены представляет своеобразный вариант «комбинированной» сырцовой кладки, усложненной дополнительными элементами: чередующиеся ложковые и тычковые ряды разделены слоями пахсы. Между кирпичами каждого ряда оставлены промежутки, также заполненные пахсой (ширина около 25 см). Оригинальность кладки заключается в том, что нижнее ребро лицевой грани каждого кирпича срезано на 45°. Высота каждой прорези составляет около 3 см, расстояние между рядами колеблется от 22 до 26 см.

Таким образом, на затертой оштукатуренной поверхности стены образуются ровные ряды прерывистых горизонтальных выемок, равномерно протянутых по всей плоскости. Они создают впечатление треугольных в сечении пунктирных линий, точно соответствующих невидимым под штукатуркой рядам кирпичной кладки. Затененные «пунктирные» прорези, поочередно то короткие (23—24 см), то длинные (около 50 см), одновременно выявляют внутреннюю структуру стены и создают необычный декоративный эффект—впечатление рустовачной поверхности.

Затененные прорези четко выделяются на светлой поверхности стены и придают ей нарядность и монументальность. Уникальная сохранность западного фасада здания обусловлена пристройкой к лоджии при реконструкции верхнего яруса большого помещения на высокой платформе; это закрывало его почти полностью.

Описанное выше плановое решение верхнего яруса относится к первому строительному периоду замка. Вскоре оно было несколько изменено (рис. 44). Так, юго-западное помещение № 8 среднего яруса было аккуратно заложено слоями пахсы и кирпича-сырца до уровня пола лоджии и включено, таким образом, в планировку верхнего яруса. При этом были заложены и входной проем со стороны коридора среднего яруса и оконный проем, выходящий на западный фасад. Соответственно был прорублен новый дверной проем в восточном конце северной стены, который соединил помещение с лоджией. Проем имел парный деревянный порог, от которого сохранились сильно обгоревшие куски дерева и нишки в обеих щековых стенах. Полностью сохранилась только северная, смежная с помещением № 10 стена; западная и восточная сохранились частично,—они в южной половине сходят на нет. Вдоль северной и западной стен идут широкие (110 см), но низкие (до 45 см) суфы. Суфа имелась и вдоль южной стены, но сохранилась только на 30 см в ширину. Остальная часть этой суфы и сама южная стена помещения разрушены. Если ширина южной суфы была одинакова с шириной остальных суф, то можно приблизительно восстановить линию южной стены и тем самым определить полные размеры помещения: они составят 330×373 см. Восточный край суфы, примыкающий к северной стене, имеет тонкую (15 см) кирпичную перегородку-барьер, отделяющую ее от прохода. Перегородка эта сохранилась на высоту от 50 до 80 см от пола. Эта перегородка и восточная стена помещения при входе образует своеобразную проходную площадку—тамбур (третий по счету в здании), который перед выходом внутрь помещения заканчивается двумя выступами (10×15 см): один расположен на восточной стене, другой отходит от южного конца перегородки. Эти выступы проема сохранились на высоту 40 см. Тамбур в целом совершенно аналогичен тамбурам нижнего яруса.

Стены и поверхности суф были обмазаны толстым слоем глиняной штукатурки. Заполнение данного помещения было такое же, как и помещения № 10. Куски обгоревшего дерева лежали на уровне пола и суф. На поверхности северной суфы в горизонтальном положении с севера

на юг (на расстоянии 60—70 см) лежали три крупных обломка, вероятно, балки перекрытия. В завале было обнаружено несколько невыразительных фрагментов неполивной керамики.

В результате перестройки верхний ярус превратился из двухчастной в трехчастную, вытянутую вдоль западного фасада анфиладу. Вслед за

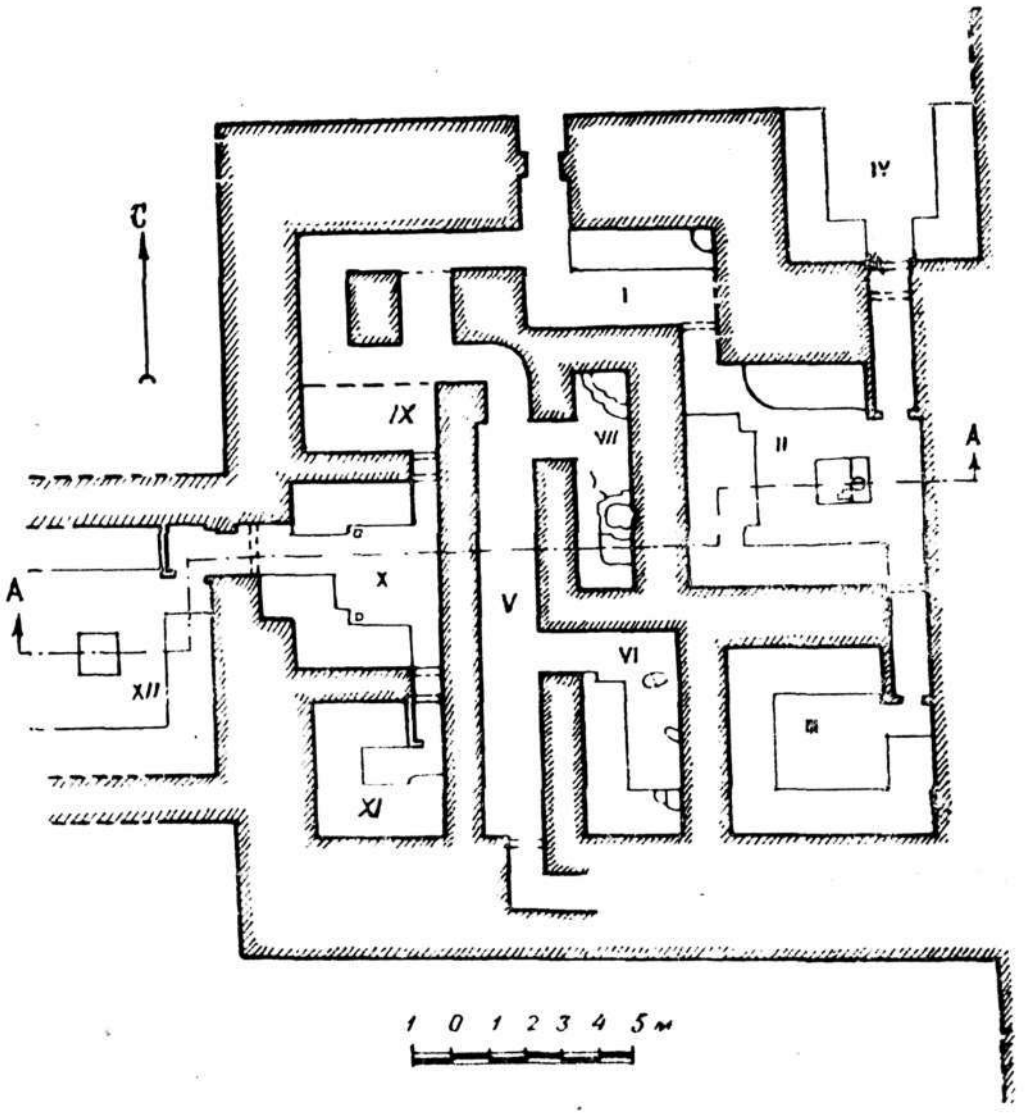

Рис. 44. Городище Калаи Кахкаха II. Замок. План последней реконструкции.

этим к западному фасаду было пристроено еще одно четвертое крупное помещение (№ 12), поднятое на высоком стилобате до уровня верхнего яруса. Видимо, эта пристройка была осуществлена после включения юго-западного помещения № 8 в планировку верхнего яруса (помещение № 11), ибо мастера при закладке его оконного проема украсили внеш-

нюю поверхность последнего в соответствии с убранством всего фасада. Дополнительный кубический объем западной пристройки закрыл большую часть фасада здания, включая ранее заложенный оконный проем его юго-западного помещения в широкий проем лоджии более чем на половину; оставшаяся часть шириной в 124 см была превращена в проход из бывшей лоджии в новое западное помещение № 12. Проход этот (длина 138 см) имеет небольшой подъем (на 12 см) в сторону помещения, в обоих своих концах снабжен деревянными (арчовыми) порогами с концами, уходящими в стены (от них сохранились обгоревшие остатки плах и нишки в стенах). Между порогами пол прохода был выстлан сырцовыми кирпичами (38×26×9 см) и сверху обмазан глиной. Под завалом, заполнявшим проем, прослеживается слой (10—12 см) из кусков обгоревшей штукатурки со следами различных красок—черной, красной, желтой, коричневой, реже синей. Это говорит о том, что стены прохода были расписаны. Дверной проем в помещение № 12 также был прикрыт тамбуром уже знакомого нам вида, с такой же, как в предыдущих случаях, перегородкой (толщина 14 см, сохранилась на высоту 75 см). Тамбур этот имеет небольшое отличие: его дверь прорезана в боковой стенке, а не напротив основного дверного проема помещения, как в описанных выше трех случаях.

Помещение № 12 прямоугольное, размером 685×700 (?) см. Восточная стена его была пристроена вплотную к первичному западному фасаду; она закрыла и открытую сторону лоджии. От южной и северной стен сохранились только основания; западная стена помещения вовсе не сохранилась, и нет уверенности, что она существовала. Скорее всего описываемое помещение, закрывшее собой бывшую лоджию, стало выполнять функцию последней в переделанном верхнем ярусе.

Вдоль южной, восточной и северной стен располагаются суфы, сложенные из сырцовых кирпичей (52×27×9 см) в перевязку на толстом шве и обмазанные сверху глиняным раствором. Ширина южной и северной суф одинаковая—134 см, высота 50—58 см. В юго-восточном углу помещения, на суфе, имелось углубление приблизительно квадратной формы (глубина примерно 50 см, длина и ширина около 60 см), которое было заполнено золой. Стенки его обожжены докрасна. Возможно, оно служило для отопления суф—лежанок. В середине помещения возвышалась квадратная вымостка (130×130 см в основании) высотою 35 см, боковые стороны которой имеют наклон под углом 70°. На ее поверхности, частично уходящей за дневную поверхность холма, прослеживался край полусферической выемки, заполненной золой. Вероятно, это сооружение с ямой являлось обогревательной «жаровней». Расположением и устройством этот очаг весьма близок к очагу зала № 2 нижнего яруса.

На восточной стене помещения были обнаружены обгоревшие участки росписи; следы краски имелись также и на кусках штукатурки в завале. Однако они столь незначительны, что судить о характере росписи невозможно. Можно только сказать, что по краскам, технике их нанесения и штукатурке она ближе к сохранившейся на фрагментах из завала прохода, чем к зафиксированной в помещении № 10. В завале над полом встречены были также куски обуглившегося дерева с остатками резного орнамента; но они очень малочисленны и мелки.

Платформа, на которой было сооружено помещение № 12, была частично исследована при вскрытии западного фасада замка. Под кирпичной выкладкой пола (толщиной 12 см) лежал пахсовый блок толщиной 20 см, затем слой засыпки (мусор, гравий, лесс) толщиной около 80 см, под ним—глинобитная забивка и опять ряд кирпича (49×24×? см), затем вновь засыпка и т. д. Толщина этих чередующихся слоев забивки

примерно одинаковая. Таким образом, платформа помещения состояла из мощного сырцового кожуха, заполненного внутри чередующимися слоями засыпки и глинобитной забутовки; кожух платформы одновременно служит и основаниями для стен помещения.

3. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАМКА И КРЕПОСТИ

В процессе изучения и в предварительных публикациях описанное выше здание именовалось «замком»; так мы будем называть его и в дальнейшем, хотя это наименование представляется теперь несколько условным, поскольку, как увидим ниже, назначение этого своеобразного памятника, по-видимому, гораздо шире, чем только функции укрепленного кешка—замка.

Раскопанное здание возведено на обширном дворе, занимавшем северную часть городища Калаи Кахкаха II.[55] Двор не совсем правильной прямоугольной формы, в настоящее время вытянут с запада на восток на 90—95 м, т. е. во всю ширину городища; ширина двора около 65 см. С северной стороны пространство двора ограничено валом оплывшей стены; западная и восточная граница его совпадают с границами естественной террасы городища—крутыми каменистыми склонами, резко уходящими вниз. Оплывшие остатки двойных стен на западной оконечности двора, часть которых была подвергнута расчистке и изучению, свидетельствуют о том, что и эти границы, несмотря на их естественную малодоступность, были укреплены. Отсутствие следов стен с восточной стороны двора—видимо, результат разрушения склона, значительно исказившего с этой стороны первоначальный правильный прямоугольник укрепленного участка. Лишь в районе раскопанного здания были зафиксированы остатки этих восточных стен городища. Что касается южной границы двора, то ее во всю длину образует край колоссальной прямоугольной платформы. Едва ли можно сомневаться в том, что платформа была создана как основание для какого-то огромного сооружения или целой группы построек, вероятно, по замыслу связанных между собой и, может быть, даже с расположенным вблизи замком. В то же время обособленное расположение замка как будто свидетельствует о его особой роли в этом, по каким-то причинам не осуществленном архитектурном ансамбле.

Замок расположен в крайней восточной части двора, несколько севернее его продольной оси и примыкал к некогда проходившей здесь восточной стене городища. На поверхности двора не видно следов других сооружений, что создает впечатление пустынности раскрывающегося перед замком плоского прямоугольного пространства, почти совершенно лишенного культурного слоя и покрытого ровным слоем материковой гальки. Вход в этот двор прорезан в западной стене городища, у ее северного конца. Ко входу тянется довольно широкий пандус, идущий с севера между оплывами оборонительных стен.

Компактный план замка близок к квадрату: его длина у основания по западному фасаду равна 26,5 м, по южному и северному фасадам около 22,5 м. Вход расположен в северной стороне. Пространство перед северным фасадом, оконтуренное с севера и востока стенами гоордища Калаи Кахкаха II, образует небольшой продолговатый дворик. Прорезавший массивную северную стену замка арочный входной проем разделен на две части двумя прямоугольными выступами (лопатками), на ко-

[55] Данное название здесь применено лишь условно, поскольку речь идет фактически о незастроенном участке городища, но не о дворе как таковом (прим. ред.).

торых, видимо, и покоилась более низкая арка-перемычка. Тем самым строители выделили из глубокого коридорообразного проема наружную входную нишу, являвшуюся явным прообразом портала—пештака.

Чрезвычайно интересна статистика толщины стен, указывающая на ее разнообразие. Наиболее массивными были наружные северная и южная стены замка—335 см у основания. Несколько тоньше внутренняя южная стена айвана—260 см. Далее следует наружная западная (240 см у основания) и боковая западная (210 см) стена айвана. Из внутренних стен выделяется своей толщиной смежная стена (190 см) квадратного зала (помещений № 2) и помещения № 3 нижнего яруса. Толщина стен помещений среднего яруса варьирует от 140 (восточная стена кухни) до 95—100 см (стены коридора). Эта минимальная толщина была принята и для внутренних стен помещений верхнего яруса.

Таким образом, наибольшей массивностью отличаются, естественно, наружные фасадные стены замка, а также стены помещений нижнего, восточного яруса. Тоньше их стены среднего яруса и еще более тонки стены верхнего яруса. Уменьшение толщины внутренних стен замка имеет конкретную направленность—снизу (с востока) вверх (на запад). Несмотря на кажущуюся случайность в выборе толщины стен, строители замка соблюдали здесь вполне определенную закономерность. Заметим также, что восточные стены помещений нижней анфилады замка непосредственно примыкали к восточной стене городища, а может быть, и сливались с ней. Все стены замка сложены из пахсовых блоков и сырцового кирпича (рис. 45). Размер блоков зависит как от соответствующего пролета стен, так и от архитектурно-художественного замысла строителей. Последнее особенно чувствуется в толщине пахсового слоя в комбинированных кладках с «пунктирным» оформлением. Размеры кирпичей несколько колеблются, основная масса тяготеет к стандартам 48—50—52×25—26×8—10 см; имеются варианты 49×25×11 см, 45×23—24×9 см. В целом, отношение ширины и длины равно 1 : 2. Такие прямоугольные сырцовые кирпичи характерны для раннефеодальных сырцовых зданий VI—VIII вв. и часто встречается в Согде (Тали-Барзу, «замок» на горе Муг, Древний Пенджикент и др.), Фергане (Калаи Бало), Чаче (Ак-Тепа) и самой Уструшане (Мунчак-Тепа). Только два формата сырцового кирпича—38 и 42×26×9—10 и 62×35×8 см—несколько выходят за пределы указанного соотношения ширины и длины.

Отметим еще несколько особенностей архитектуры замка. С одной стороны, обнаруженное здесь убранство стен пунктирными прорезями не имеет аналогий в известных ныне архитектурных памятниках доисламской Средней Азии[56] и является, таким образом, уникальным. С другой стороны, пространственно-конструктивная система здания, отдельные ее элементы являются типичными и широко распространенными в древнем среднеазиатском зодчестве VI—VIII вв. Однако в нашем памятнике совершенно исключительной является многообразная и остроумная связь всех его архитектурных элементов, слитых в единый организм. Исключительны сложность и одновременно органическое сочетание объемов и замкнутых пространств, обусловленные, видимо, определенными общественно-бытовыми функциями здания. Необычна последовательность связи художественного убранства стен помещений с внутренней структурой.

---

[56] Встреченная в одном месте рустовая разрезка стены в замке Калаи Бало (Исфара) совершенно иного характера. См. Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, стр. 84.

Шахристанский замок демонстрирует определенный этап эволюции архитектурного типа укрепленного раннефеодального кешка,— этап, характеризующийся перерождением форм сурового крепостного зодчества, прежде функционально обоснованных, а теперь используемых как прис-

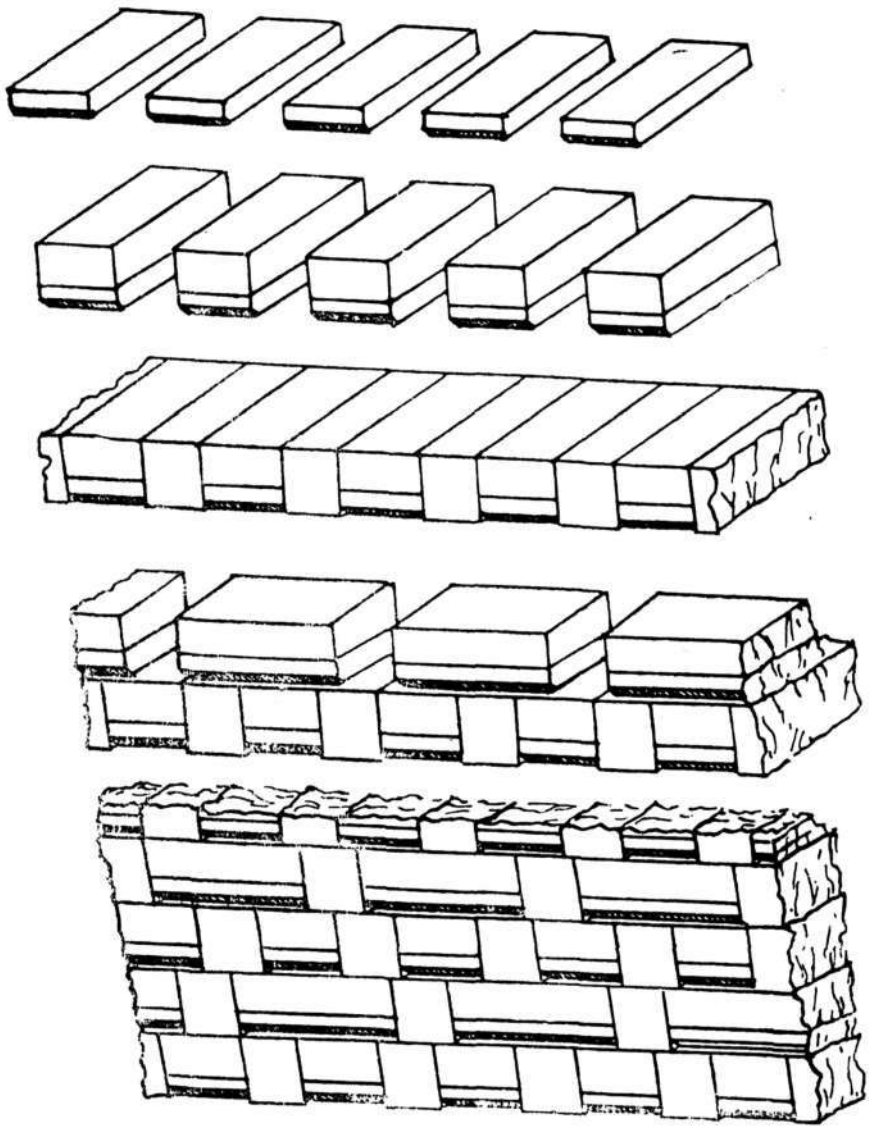

Рис. 45. Городище Қалаи Қахкаха III. Замок.
Предполагаемые стадии кладки стен.

мы традиционного внешнего убранства. В этом смысле он предвосхищает облик монументальных жилых зданий X—XII вв., первый этаж которых имитирует форму массивной, расширяющейся книзу платформы стилобата. Таковы здания вблизи Султан-Калы, Харам-Кёшк вблизи Гяур-Калы, Яккипер древнего Мерва[57] и ряд хорезмийских «каптар-хона»,[58] в ко-

[57] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана—поры рабовладения и феодализма. Тр. Южн.-Туркм. археол. компл. эксп., т. 6, М., 1958, стр. 211, 212.

[58] В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 90, 91.

торых пережиточные внешние формы укрепленного замка сочетаются с совершенно отличной внутренней структурой, вызванной новыми условиями общественной и политической жизни.

Первое, бросающееся в глаза своеобразие планового решения Шахристанского замка—его трехчастность: три комплекса помещений расположены соответственно на трех поднимающихся к западу уступах. Подобный прием в предарабском зодчестве Средней Азии более не встречается, если не считать буддийский храм в Ак-Бешиме. Однако в грандиозном культовом сооружении Ак-Бешима тройной подъем уровня (также ориентированный с востока на запад) использован совершенно иначе: он подчеркивает здесь осевую композицию плана и постепенный переход от пространства обширного двора к небольшому объему святилища. Сходство, таким образом, является чисто внешним и не умаляет своеобразия ярусной композиции Шахристанского замка, в которой распределение помещений по уровням строго соответствует их функциальному назначению. Квадратные, значительные по размерам залы нижнего яруса с их обходными суфами и суфами-эстрадами, с их художественно оформленными стенами, перекрытые плоским деревянным потолком, находят прямые аналогии в жилой архитектуре древнего Пенджикента. Они детально соответствуют тем квадратным помещениям в зданиях пенджикентского шахристана, которые служили центральным ядром отдельных крупных жилых секций. Это парадные залы пенджикентских объектов III, VI, IX, открытые лоджии (айваны) объекта III и др.[59] Эти просторные комнаты единообразной, как будто раз и навсегда установленной формы не являлись жильем в прямом смысле слова, а включены в жилые секции в качестве парадных залов, в которых принимали гостей, устраивали многолюдные праздники и пиры или другие общественные сходки, а в некоторых случаях, быть может, совершали домашние культовые обряды. Сплошная лента суф, тянущаяся вдоль стен пенджикентских залов, указывает на то, что они были рассчитаны на большое число людей; настенные росписи, изображающие приемы, пиры, игры, свидетельствуют о торжественном характере происходивших здесь сборищ. Архитектурный облик этих обширных помещений резко контрастируют с окружающими их многочисленными жилыми комнатами, которые в подавляющем большинстве являют собой характерный пример «коридорной» планировки. Именно в этих-то узких, сводчатых и, по всей вероятности, плохо освещенных помещениях и протекала, очевидно в основном жизнь пенджикентцев.

Два квадратных колонных зала нижнего яруса рассматриваемого замка в полной мере аналогичны охарактеризованным квадратным колонным залам древнего Пенджикента. Помещения шахристанского замка—это, конечно, такие же парадные залы, рассчитанные на одновременный прием большого числа людей. Такой же характер по существу носил, вероятно, и айван. Таким образом, наличие фактически трех приемных залов говорит о большом масштабе и об общественном характере приемов владельца замка. Вероятно, число почетных гостей со временем увеличилось, что вызвало необходимость расширения суф в центральном зале. Чрезвычайная узость прохода между западной и северной суфами зала позволяет предполагать, что последняя была пристроена позже по причине нехватки мест в зале. Само расположение помещений анфиладой, симметричное сочетание большого зала (помещение № 2) с под-

---

[59] В. Л. Воронина. Городище древнего Пенджикента как источник зодчества, стр. 118—122, рис. 5, 7, 11; ее же: К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии. «Сов. археол», № 4, 1957, стр. 83—92.

черкнуто-парадной суфой-«эстрадой» и двух несколько меньших помещений по его сторонам (помещение № 3 и айван № 4), быть может, свидетельствуют и о некоторой общественной дифференциации участников приема: возможно, центральный колонный зал предназначался для владельца замка и особо почетных гостей, а два боковых помещения—для гостей второстепенных. В этой связи следует напомнить о небольшом очаге в центре зала, явно рассчитанном не на изготовление пищи (он мал по размерам, да и расположен в центре самого парадного зала), а на обогревание и, может быть, на разжигание культового огня во время торжественных приемов, церемоний очищения перед восседающим на суфе-«эстраде» владетелем. Возможно, священный огонь разжигался здесь как атрибут религиозной принадлежности участников приема зароастрийскому огнепоклонничеству. Такое же назначение имела, по-видимому, и сырцовая вымостка с овальным углублением, заполненным золой, в центре западного пристроенного помещения № 12 верхнего яруса. Если верны эти предположения, то мы имеем свидетельство в пользу уже ранее высказанного положения о том, что до распространения ислама среди населения Уструшаны господствующей религиозной системой была местная, среднеазиатская форма зороастризма.[60]

Однако вернемся к вопросу о назначении помещений замка. Приведенные выше соображения относительно характера помещений нижнего яруса и сравнение их с наиболее близкими аналогиями в застройке шахристана древнего Пенджикента позволяют предполагать, что эта просторная анфилада помещений предназначалась не для жилья владельцев замка, а служила парадными залами для приема многочисленных гостей, причем соответственно их рангу и общественному положению они размещались в разных помещениях. Относительно назначения помещения № 1 нижнего яруса сомневаться не приходится: оно выполняло функцию распределительного «вестибюля» нижнего, а через северный пандус и верхних ярусов.

Низкие сводчатые комнаты и коридор среднего яруса по своему простому облику больше, чем все остальные залы и помещения замка, соответствуют характеру жилых и хозяйственных помещений. Таковыми они вырисовываются и на основании материалов пенджикентской архитектуры—единственных пока достоверных материалов, рисующих облик богатой городской застройки древнего Согда. Здесь одно из помещений (северное № 7) с очагом, безусловно, выполняло функции кухни, другое (№ 6), несколько большее по размерам с широкими суфами-лежанками, очевидно, являлось жилищем прислуги и, может быть, одновременно кладовой. Об этом же как будто говорит и его соседство с кухней. Довольно широкий коридор среднего яруса тоже одновременно мог быть использован как хранилище продуктов и разной утвари.

В еще меньшей мере могла служить местом жилья владельца роскошно убранная открытая лоджия верхнего яруса. Она высоко поднята над остальными помещениями замка, почти изолирована от них, ее убранство подчеркнуто великолепной резной отделкой колонн и потолка и настенной росписью. Лоджия раскрывается в центре западного фасада проемом, увенчанным торжественным арочным перекрытием, роль обрамления которого играет колоссальная симметричная, превосходно оформленная плоскость первичного фасада замка, композиционным центром которого является проем лоджии. Всеми этими доступными архитектурно-художественными средствами уструшанские зодчие подчеркнули, в частности, и представительный парадный характер неболь-

[60] Н. Негматов. Усрушана в древности..., стр. 77.

шого помещения лоджии. С одной стороны, открытая планировка лоджии, по-видимому, исключает возможность ее жилого назначения, а с другой—ее небольшие размеры совершенно недостаточны для многолюдных приемов. Поэтому назначение лоджии следует искать, вероятно, в ее связи с обширным западным двором замка.

В сочетании прямоугольного двора и раскрытой в его сторону лоджии, лежащей на одной из торцовых сторон двора, можно видеть традиционный композиционный прием, свойственный архитектуре Средней Азии и Ближнего Востока с глубокой древности. Этот прием определял художественную выразительность таких грандиозных дворцовых ансамблей раннесредневекового Ирана, как Таки Касра, Касри Ширин, дворцы Фирузабада, Дамгана и Охейдира. Во всех этих ансамблях, при всей несхожести их архитектурно-художественного облика, наличествует общая черта: их композиционное ядро состоит из открытого двора, на продольной оси которого лежит глубокий сводчатый айван—открытый во двор парадный приемный зал.[61] Такое сочетание двух замкнутых пространств, большого и малого, свидетельствует о характере происходивших здесь церемоний: заполненный народом двор противостоял «тронному» айвану, где в окружении свиты восседал глава государства, области или родовой общины. Этот же композиционный прием в его камерном варианте, т. е. с заменой открытого двора залом, прослеживается в ряде более скромных памятников Ирана сасанидского и раннемусульманского времени,—церквах Ктесифона и Хиры, во дворцах Кусейр-Амра и Хаммам ас-Саракс, жилых домах Самарры. Обращаясь к архитектуре Средней Азии предарабской эпохи, мы без труда обнаруживаем тот же прием «дворово-айванной» композиции в обоих его вариантах,—открытом и камерном. Прямоугольное, с плоским перекрытием помещение, в торце которого (обычно напротив входа) располагалась более или менее глубокая сводчатая ниша, составляло принадлежность множества укрепленных раннефеодальных жилищ. В качестве примеров можно назвать Тешик-Калу,[62] Балалык-Тепа,[63] Хайрабад-Тепа, здание к северу от Кулаглы-Тепа[64] и северо-западный комплекс Варахши.[65] Аналогичное крупное помещение—продолговатое, с глубоким сводчатым айваном, приподнятым над полом, как эстрада, найдено среди жилой застройки Пенджикента, в IX квартале.[66]

Открытый вариант дворово-айванной композиции также представлен в Средней Азии несколькими сохранившимися образцами, не столь, правда, грандиозными, как дворцы сасанидского Ирана, но достаточно бесспорными. Здесь нужно в первую очередь отметить парадный двор дворцового ансамбля Варахши,[67] южная часть которого представляла собой глубокий портик-айван, расположенный на приподнятой площадке и обращенный к двору тремя монументальными арками,— большой

---

[61] Во дворце Ктесифона ограждение двора не сохранилось, но едва ли можно сомневаться в том, что оно существовало: колоссальный, богато украшенный тронный айван дворца не мог быть обращен в сторону открытого, ничем не ограниченного пространства.

[62] С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 141.

[63] Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, рис. 92.

[64] Там же, рис. 26 и 37.

[65] В. А. Шишкин. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.). Тр. Ин-та истории и археол. АН УзССР, вып. 8, Ташкент, 1956, рис. 7, пом. 14.

[66] В. Л. Воронина. Городище Пянджикент как источник для истории зодчества, стр. 126, рис. 11(2). Автор высказывает предположение, что этот зал не имел сплошного перекрытия и был, таким образом, сродни внутреннему дворику.

[67] В. А. Шишкин. Ук. раб., стр. 28, рис. 7, помещ. 12 и 13.

центральной и малыми боковыми. Этот комплекс, видимо, предназначался для торжественных церемоний, во время которых бухар-худат, восседавший на троне под центральной аркой айвана, являлся заполнявшему двор народу.

Аналогичное плановое решение демонстрирует усадьба VI—VII вв. вблизи городища Кара-Тепа, в южном Туркменистане.[68] Возможно, бытование этого парадного приема планировки в жилом строительстве земледельческих, а судя по Пенджикенту, и ремесленно-торговых слоев населения можно объяснить стойкими традициями патриархально-родового уклада, создававшими в среде крестьянского и городского населения известную внутреннюю иерархию, основанную на авторитете родовых старейшин. Укажем также здание на городище Кафыр-Кала (Южный Таджикистан, долина Вахша).[69] Здесь ниша небольшого айвана, как обычно расположенная в торце продолговатого двора, сохранила две угловые глиняные колонки, некогда придерживавшие архивольт фасадной арки айвана. Наконец, внушительный ансамбль дворца Термез-шахов (XI—XII вв.) демонстрирует местный открытый вариант дворово-айванной композиции в его исключительно эффектном воплощении.[70]

Дальнейшее прослеживание эволюции среднеазиатских дворово-айванных ансамблей выходит за рамки настоящей работы. Отметим лишь, что этот планировочный прием сыграл важную роль в развитии крупных архитектурных ансамблей последующих веков (джума-мечети и мадраса) и стал одной из основ, на которой сформировался художественный образ специфического среднеазиатского портала-пештака.

Обращаясь вновь к Шахристанскому замку, нетрудно увидеть в сочетании его обширного прямоугольного двора и широкого проема верхней лоджии характерную и, видимо, основную черту дворово-айванных ансамблей. Обширное, замкнутое пространство двора нацелено своей главной осью в сторону западного фасада замка, и его композиционная связь с лоджией вызывает представление об огромном театральном зале с небольшой, высоко поднятой сценой, порталом которой служит слабо расчлененная плоскость фасада. С этой точки зрения далеко не случайным представляется внутреннее устройство лоджии, ее глубокий подоконник, распространенный в глубь помещения и представляющий собой, в сущности, вместительную суфу. Здесь, под высокой аркой, вознесенной над собравшимися во дворе народом, владетель древнего Шахристана выполнял свои общественно-административные функции.

Отличие данного конкретного решения от большинства выше перечисленных примеров сводится к тому, что лоджия-айван поднята высоко над уровнем двора и недоступна с этой стороны, что она представляет собой не самостоятельный объем, а органически входит в сложную внутреннюю структуру дворцового здания, широкий, слабо расчлененный фасад которого служит ей как бы фоном. Интересно, что и в данном случае строители сохранили в композиции западного фасада дворца (он же фасад лоджии-айвана) намек на традиционную трехчленность, заметную на примерах Касри Ширин, дворцов в Дамгане и Варахше: крупный арочный проем айвана, являющийся центром композиции фасада и замыкающий продольную ось двора, был фланкирован двумя небольшими, вероятно, сдвоенными по вертикали оконными проемами соседних с ай-

---

[68] Г. А. Пугаченкова. Ук. раб., стр. 141.

[69] Т. И. Зеймаль. Работы Вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 г. Тр. АН Тадж. ССР, т. 102, 1959, стр. 83—93.

[70] В. Д. Жуков. Археологическое обследование в 1937 г. дворца Термезских правителей. Тр. АН УзССР, Термезская археол. эксп., т. 2, Ташкент, 1945, стр. 133. и след.; В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии, стр. 93, рис. 196.

ваном помещений: их темные вертикальные прорези располагались по обе стороны от айвана на равном расстоянии от него, подчеркивая тем самым строгую симметрию слегка наклонной, поднятой на высокий стилобат фасадной плоскости.

Анализ плановой композиции Шахристанского дворца в ее историческом развитии позволяет понять, сколь большое значение придавали древние зодчие Средней Азии строгой осевой симметрии дворово-айванных ансамблей. Археологические исследования показали, что в какой-то период существования дворца скромные размеры тронного айвана перестали удовлетворять его обитателей. Видимо, могущество уструшанских афшинов возрастало, а вместе с тем возрастало представление о собственном величии и достойном его архитектурном обрамлении. Так или иначе, но перед первоначальным тронным айваном возникло новое, более обширное помещение того же назначения, выдвинувшееся кубическим объемом из плоскости западного фасада. Прежний тронный айван превратился, таким образом, в подсобное помещение, спрятанное в глубине за новым, еще более роскошным айваном, а его арочный проем, заложенный более чем наполовину, стал играть роль двери, ведущей из старого айвана в новый.

Расположение Шахристанского дворца хотя и соответствует в общем направлению продольной оси двора, все же не совпадает с ней: какие-то причины заставили строителей слегка сдвинуть здание к северу.[71] Это отклонение было принято в расчет мастерами, возводившими новый айван. Они постарались исправить ошибку предшественников, и с этой целью примкнули свою массивную пристройку не к центру фасада, а максимально сдвинули ее к югу, по направлению к геометрической оси двора.

Эти сложные мероприятия, уничтожившие строгую симметрию первоначального парадного фасада дворца, могут быть поняты лишь в том случае, если мы станем на точку зрения древних строителей и их заказчиков, для которых проем айвана и самый тронный айван были в композиционном отношении принадлежностью не столько здания дворца (материальной частью которого они являлись), сколько двора, его прямоугольного, геометрически правильного, вытянутого по оси открытого пространства.

Именно с этой осью они стремились совместить арочное отверстие айвана, как бы не замечая при этом того реального объема, в котором это отверстие прорезано, игнорируя его композиционные закономерности. Этот факт может привести к интересным заключениям о характере художественно-композиционного мышления древних среднеазиатских зодчих, мышления, оперирующего (когда это позволяли реальные условия) не столько объемами, сколько замкнутыми пространствами.

Для того чтобы попасть в парадный двор царской резиденции, житель древнего Шахристана должен был подняться по длинному отлогому пандусу, шедшему с севера на юг вдоль западного края укрепленного городища. Дойдя до верхней площадки пандуса, он сворачивал налево, в ворота, прорезанные в северной оконечности западной стены. Вместе с толпами сограждан он входил на прямоугольную, совершенно пустую площадь, окруженную высокими стенами, сложенными из циклопических блоков желтовато-серой пахсы. Здесь посетитель терял из виду только что окружавшую его природу: мягкие контуры окрестных

---

[71] Возможно, это объясняется расширением двора в южном направлении после завершения строительства замка, что вызвало перемещение к югу продольной оси двора.

холмов, живая зелень садов, живописная панорама долины Шахристан-Сая,— все оставалось по ту сторону однообразных, уходящих вперед стен, цвет которых не отличался от цвета утоптанной горизонтальной поверхности двора. Этот неожиданный и резкий контраст должен был создавать известное напряжение; он не позволял вниманию вошедшего отвлечься какими-либо посторонними деталями (их здесь просто не было) и властно фиксировал его на основном в этой предельно лаконичной, строгой и целенаправленной композиции. Впереди, прямо перед вошедшим, замыкая восточную сторону двора, поднималась высокая стена дворцового фасада. От ворот, с дальней точки, посетитель охватывал взглядом весь фасад—пахсовый, наклонный назад стилобат трехметровой высоты и гладкую плоскость покоящейся на нем стены, тоже слегка наклонной внутрь, вскрытой в центре темным отверстием айвана и двумя вертикальными прорезями боковых окон. Горизонтальные пропорции и членения здания отвечали распластанности дворового пространства и ничем не прерываемым горизонталям его стен; дворцовый фасад с этой точки зрения должен был восприниматься не как одна из граней скрытого за ней объема, а именно как замыкающая пространство плоскость, родственная плоскостям дворовых стен, и в то же время отличная от них в силу своей особой композиционной роли,— отличная, прежде всего, размерами и наличием внутренних членений.

Вероятно, аналогичное ощущение испытывал житель Ктесифона, приближаясь к колоссальному фасаду Таки Кесра. Однако при несомненной общности композиционного замысла различия его конкретного воплощения бросаются в глаза. Дело здесь не только в несоизмеримости размеров двух дворцовых ансамблей, хотя именно это обстоятельство, видимо, определило в каждом случае выбор средств художественно-эмоционального воздействия на зрителя. Сложное пластическое убранство фасада Таки Кесра, его тектоника подчинены масштабности, диктуемой колоссальной аркой айвана. Многоярусная, уменьшающаяся кверху аркатура выразительно подчеркивает величие центрального арочного проема, создает острый эффект контраста. Пафос количества, столь свойственный архитектуре Древнего Востока, проявлен здесь с могучей силой выразительности. Иное дело арка тронного айвана Шахристанского дворца. При своих весьма скромных размерах (более чем в 10 раз меньше, чем арка Таки Кесра), она должна была играть роль внушительного композиционного центра, роль фокуса, концентрирующего на себе внимание сотен людей, заполнивших просторную, замкнутую площадь. Эта задача обусловила и расположение айвана высоко над уровнем земли, и предельный лаконизм архитектурного убранства его широкой «рамы». Скупые горизонтальные членения фасада, его однообразная «пунктирная» рустовка, различимая лишь с близкого расстояния, сосредоточивают все внимание на широком центральном проеме, которому арочное завершение придает отчетливую вертикальную направленность, усиленную вертикалям боковых сдвоенных оконных проемов.

Изложенные соображения дают ключ к пониманию смысла архитектурного образа Шахристанского замка и его внутренней структуры. В свете их может быть понятно отсутствие здесь обычных жилых помещений: в них не было нужды, ибо Шахристанский замок не являлся местом повседневного жилья в прямом смысле этого слова. Здание было выстроено специально для парадных приемов, пиров и многолюдных собраний. Такое назначение его позволяет объяснить и композицию всего ансамбля, и сложное объемно-плановое решение замка, и характер отдельных помещений.

Комплекс крупных парадных залов составляет обязательную и важную часть всех дворцовых ансамблей Средней Азии и Ближнего Востока эпохи античности и раннего средневековья. Резкое разделение на официальную и интимную жилую часть характерно уже для сасанидских дворцов в Фирузабаде (III в.) и Касри Ширин. Этим же, видимо, отличалась и планировка дворца в Ктесифоне, вскрытая недавними раскопками. Неоднократно перестраивавшийся дворцовый комплекс Вархши дает менее отчетливую картину, однако и здесь парадная, западная часть дворца, состоявшая из системы крупных, богато украшенных залов и дворово-айванного комплекса, была отграничена от примыкающей к ней с северо-запада собственно жилой части. Во всех этих случаях налицо более или менее механическое сочетание двух разнородных групп помещений, которые при необходимости могли бы составить вполне самостоятельные архитектурные организмы.

Трудно сказать, почему такая необходимость возникла в Шахристане. Быть может, колоссальная лессовая платформа, ограничивающая с юга двор Шахристанского замка, была предназначена именно для недостающего здесь жилого комплекса. В таком случае постройка замка должна рассматриваться как первая очередь сооружения необычайного по своему размаху дворцового ансамбля.

В свете этих соображений функциональное назначение отдельных групп помещений Шахристанского замка представляется в следующем виде. Анфилада помещений нижнего яруса предназначалась для внутренних приемов и праздничных встреч Шахристанского владетеля с его феодальными вассалами. Верхний ярус, первоначально состоявший из одной лоджии и небольшой прихожей, был рассчитан на торжественное явление владетеля перед заполнявшим двор народом. Очень удобное расположение хозяйственных помещений на среднем уровне между двумя указанными группами помещений позволяло легко обслуживать церемонии обоего вида, происходившие, вероятно, в разное время. Таким образом, одновременно использовались лишь помещения двух соседних ярусов: нижнего и среднего, либо верхнего и среднего. При этом помещения используемого яруса могли быть легко и прочно изолированы, для чего достаточно было запереть дверь, ведущую из вестибюля в большой квадратный зал, или дверь, выводящую из пандуса в прихожую лоджии.[72]

Такое плановое решение известно и в соседнем Согде, точнее в древнем Пенджикенте. По существу, миниатюрным вариантом нижнего и среднего ярусов нашего Шахристанского замка является раскопанный нами же загородный дом № 4 в пенджикентском пригороде. Этот домик состоит из двух частей, разделенных центральным коридором. Первую часть составляет небольшой почти квадратный приемный зал с неглубокими нишами в каждой стене и открытый на запад айван, вторую—хозяйственное помещение, пандусная клетка и кладовая.[73] Здесь, конечно, меньше размеры дома в целом, меньше и количество помещений, но сходство плана в его основе с восточной частью шахристанского замка совершенно очевидно.

Постройка замка и время жизни в нем датируется сделанными находками, резным деревом, росписью, архитектурными данными и указан-

---

[72] На эту интересную особенность планового решения замка обратил наше внимание Б. Я. Ставиский.

[73] О. Г. Большаков и Н. Н. Негматов. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. Тр. Тадж. археол. эксп., т. 3, Мат-лы и иссл. по археол. СССР, № 66, М.—Л., 1958, стр. 168—173; В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пенджикента (Итоги работ 1952—1953 гг.), там же: стр. 204—205 и рис. 9.

ными выше аналогиями VII—началом IX вв. Здание представляет собой прекрасный образец раннесредневекового среднеазиатского укрепленного замка с разумной экономной и в то же время развитой планировкой. В нем изящество парадных комнат сочетается со строгой простотой хозяйственных помещений. Здание было построено прочно, монументально и просуществовало, очевидно, долго, пока не было разграблено (находок в нем сделано весьма мало) и разрушено (а помещения с деревянными конструкциями сожжены) в результате какой-то катастрофы, о чем говорит также наличие 67 скелетов под сводами узкого коридора северного пандуса.

Таким образом, проведенные работы показали, что городище Калаи Кахкаха II представляло собою крупную укрепленную крепость, состоящую из значительного по размерам трехъярусного многокомнатного дворца и огражденного внутреннего незастроенного пространства. Сооружение крепости с такими мощными оборонительными (местами двойными) стенами (свыше 6 м только толщина западной внутренней стены городища) было под силу только крупному владетелю. Как явствует из полученного материала, крепость с ее обширным двором, а также примыкающая к нему северная защищенная площадь могли служить при неприятельских набегах также убежищем для окрестного населения.

Результаты раскопок позволяют до некоторой степени воссоздать и картину гибели крепости. Как следы пожара здания, так и наличие трупов под сводами пандуса замка невольно наталкивает на мысль о какой-то катастрофе, постигшей крепость и его обитателей. Как известно, история Средней Азии VII—IX вв. знаменательна борьбой наших предков с арабскими завоевателями края. Это завоевание было связано с колоссальными разрушениями производительных сил, уничтожением культурных ценностей, гибелью целых городов (Пенджикент и др.). Особенно долго сопротивлялись арабскому нашествию области Уструшана и Хуттал. Первая, куда входил и раннесредневековый Шахристан, была завоевана окончательно лишь в 822 г.[74] Мы склонны разрушение крепости и замка отнести к последствиям именно арабского завоевания. Фанатически настроенный враг—мусульманин после овладения крепостью Калаи Кахкаха II перебил всех защитников и скрывавшихся в нем людей иной веры, опустошил и сжег здание. После или в момент частичного разрушения здания все трупы были перенесены под сохранившийся свод пандуса. Окончательное разрушение здания закрыло входы в пандус и похоронило трупы. После этой катастрофы крепость никогда больше не восстанавливалась и была заброшена окончательно. Здание со временем приобрело форму холма, а стены—вид оплывших валов.

Археологическое изучение городища Калаи Кахкаха II следует считать полностью завершенным. В результате раскопок 1955—1958 гг. и небольших работ 1960 г. нами полностью раскопан и изучен уникальный, первоклассный памятник раннесредневекового среднеазиатского зодчества, давший ценнейший материал к истории среднеазиатской архитектуры и искусства, для изучения антропологического состава его населения и по ряду других вопросов. Его замечательные достоинства, художественные и технические, говорят о высоком мастерстве создавших его зодчих. Это один из ярких доказательств высокого уровня культуры Уструшаны и всего Северного Таджикистана.

---

[74] Н. Негматов. Усрушана в борьбе с арабским нашествием (конец VII—первая половина IX вв.). Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, вып. 5, 1954.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В СЕЛЕНИИ ШАХРИСТАН

(Калаи Кахкаха III)

Селение Шахристан расположено на берегах одноименного Шахристан-Сая, при выходе его из узкой горной долины в широкую Шахристанскую котловину. Оно разделено этим саем на две части—Шахристони Боло (справа от сая)и Шахристони Поён (слева от сая). Наиболее застроена и заселена правая сторона селения, раскинувшегося на двух террасах, повышающихся от ложа сая в сторону подгорной полосы Туркестанского хребта. Шахристони Поён расположен на относительно ровном левом берегу к северу от Шахристони Боло. Селение это, наиболее крупное во всей Шахристанской котловине, естественно, являлось экономическим и, временами, административным центром всей этой котловины: на протяжении многих лет он был центром одноименного района Таджикской ССР, а в 1958 г. был преобразован в сельский совет и подчинен Ура-Тюбинскому району.

Удобное географическое положение этой местности на одном из путей, связывающих населенные пункты равнины (Ура-Тюбе, Хаваст, Заамин и др.) через перевалы с селениями верховий Зеравшана, наличие воды и пригодных для орошения земель притягивало сюда значительное количество населения из окрестных долин и равнин. Так, на грани средних веков образовалось селение, которое впоследствии превратилось в составную часть образовавшегося здесь крупного городского центра, включавшего в себя и рассмотренные выше городища Калаи Кахкаха I, Калаи Кахкаха II. Селение превратилось вскоре в оживленное торгово-ремесленное предместье города (рабад) и впоследствии было окружено стеной. К отождествлению городского центра мы вернемся ниже, в специальной главе, а здесь приведем накопившийся археологический материал о городском рабаде и попытаемся установить время его возникновения и некоторые вехи дальнейшей жизни.

В 1961 г. во время полевых работ Северо-Таджикистанского отряда ТАЭ впервые были обследованы остатки городских стен на территории селения Шахристан и заложен один шурф внутри них. Остатки стен прослеживаются на значительном расстоянии (рис. 46). Они окружали всю западную часть современного селения Шахристони Боло. Хорошо сохранился вал южной стены: он идет почти по краю второй террасы Шахристан-Сая, начиная от верхней чайханы[75] по направлению к юго-западу, в сторону городища Калаи Кахкаха II, расположенного по другую сторону сая. Юго-западная оконечность стены, возможно, снивелирована современными постройками: она теряется недалеко от спуска в Шахристан-Сай. Сохранившаяся часть южной стены имеет длину около 325 м, высота ее от 4 м в юго-западном конце до 10 м в восточном конце. Вал

[75] Чайхана эта стоит на выровненной поверхности юго-восточного угла городских стен, а может быть, над угловой башней.

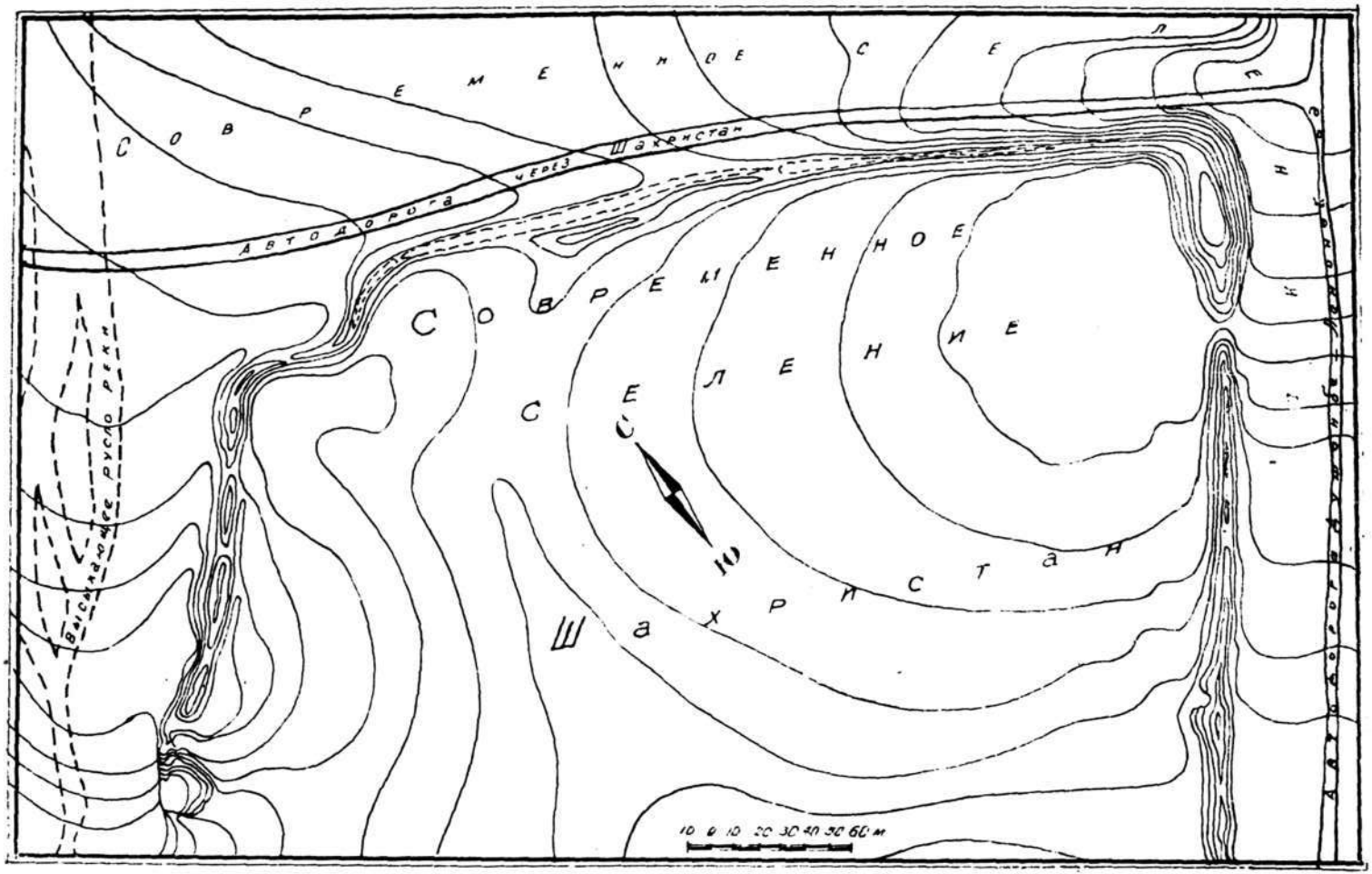

Рис. 46. Городище Калан Кахкаха III. План.

стены довольно прямой, без видимых искривлений. Верхняя часть ее несколько уплощена; ширина у основания доходит до 12 м. В восточной части вал прерывается на 5—6 м. Это, по-видимому, место расположения одних из ворот.

Неподалеку от этих предполагаемых южных ворот в оплыве стены с внутренней стороны систематически производится выемка земли для выделки кирпичей. Здесь обнаружено много жженых кирпичей: квадратных, размерами 18,5×18,5×3; 19×19×3,5 и 19,5×19,5×3,5 см и половинок их, размерами 19,5×9,5×3,5; 19,5×10×3 см. Местами частично обрезан и внешний южный оплыв стены, особенно там, где к ней вплотную примыкают плодовые сады.

Под юго-западной частью вала прокопан арык, который размыл основание и тем самым создал своего рода разрез. Это позволяет почти полностью проследить конструкцию стены в нижней ее части (рис. 47). В основании она сложена из чередующихся рядов пахсовых блоков и

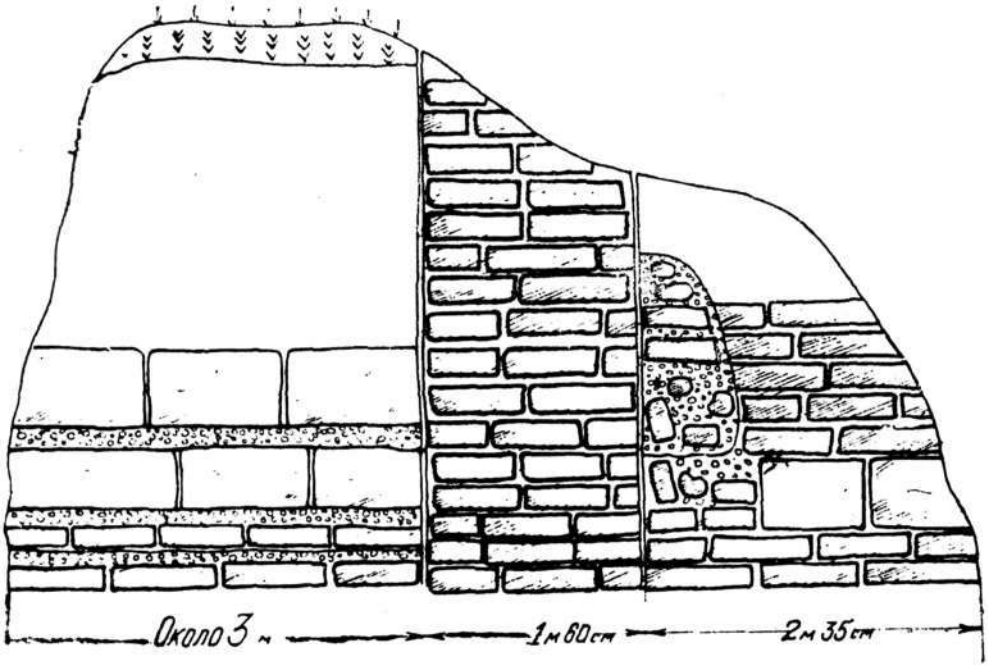

Рис. 47. Городище Калаи Кахкаха III. Южная стена. Поперечный разрез обнажения.

сырцового прямоугольного кирпича, с довольно широкими (около 10 см) прослойками галечника между ними. Толщина блоков 35×40 см; Размеры кирпичей 46—47×24—25×10—11 см, ширина основания около 3 м. С внутренней стороны к указанной стене пристроена очень четко прослеживаемая в обнажении вторая стена, сложенная исключительно из прямоугольных сырцовых кирпичей несколько иных размеров: 45—46×28—29×9—10 см. Ширина этой пристройки 1,60 м. Кладка довольно аккуратная, но местами перевязка кирпичей отсутствует, в обнажении встречаются короткие и длинные стороны кирпичей. Кирпичная кладка прослеживается почти до верха вала, выше идет дерновый слой. В верхней части она местами разрушена поздними впускными погребениями. В обнажении видны куски дерева, чуть ниже них при небольшой зачистке был найден почти целый человеческий череп. К этой сырцовой стене с внутренней стороны примыкает третья стена шириной 2,35 м. Наружная (северная) часть ее внизу сложена из нескольких рядов кирпича и

блоков, но кладка носит беспорядочный характер. Пространство между ней и средней сырцовой стеной заполнено завалом из камней, гальки, кусков сырцового кирпича.

Таким образом, городская стена на данном отрезке четко делится на три части; внешняя сложена аккуратно комбинированной перемежающейся кладкой сырца и блоков, средняя часть—исключительно из сырцовых кирпичей, а внутренняя часть также комбинированной, но очень беспорядочной кладкой, с заполнением отдельных участков просто строительным мусором. Общая толщина ее здесь около 7 м. По результатам изучения обнажения, конечно, трудно решать вопрос об одновременности или разновременности возведения всех частей стены, ибо данных хронологического порядка не получено. Однако бросается в глаза четкая граница между отдельными частями (см. разрез) и небольшое различие в форматах кирпичей. Кирпичи средней части несколько укорочены и расширены по сравнению с кирпичами первой, внешней части. Это дает основание предполагать, что вначале была возведена внутренняя (третья) часть стены, наиболее архаичная по общему облику и наиболее разрушенная. По приходе ее в ветхость к наружной стороне была пристроена сравнительно тонкая сырцовая (средняя) часть; причем в это же время были, вероятно, заполнены строительным мусором пустоты, образовавшиеся в первичной стене (см. разрез). Но, видимо, эта мера по укреплению стены оказалась недостаточной, и вскоре возвели более мощный и прочный внешний кожух. Такая последовательность, конечно, является гипотитической и требует дальнейшей проверки.

Что касается времени постройки стены, то формат кирпича, несколько отличающийся от раннесредневекового, и отмеченные выше находки жженых кирпичей, а также сам характер кладки как будто указывает на IX—X вв. Очевидно, точнее мы сумеем решить этот вопрос лишь после осуществления специального разреза.

Вернемся к описанию других сохранившихся частей стены. От указанной выше чайханы стена круто поворачивает на север и идет, иногда прерываясь, вдоль западной стороны главной улицы селения. При этом она постепенно спускается на нижнюю террасу и по ней идет к саю. Эта восточная часть в значительной степени выровнена и на ней построен ряд зданий. Не доходя до сая, стена почти под прямым углом поворачивает на запад; через 50 м она, видимо, делает еще один поворот—на север и выходит к берегу сая, а затем тянется вдоль него. Эти отрезки очень сильно разрушены позднейшими постройками и в значительной степени смыты.

Судя по не совсем чуткому описанию И. А. Кастанье и П. С. Скварского, 50—70 лет назад Шахристан как будто был окружен двумя рядами стен. Во всяком случае, в восточной части селения и на возвышенностях И. А. Кастанье отметил остатки двойного ряда стен. Первая с остатками сырцовых кирпичей, по его словам, начиналась с тогдашнего базарного места и тянулась вдоль Шахристан-Сая на протяжении свыше 200 м. Затем, после перерыва, она поворачивала на запад и «...по-видимому, заканчивалась на берегу Шахристан-Сая небольшим фортом, подмываемым арыком. В нем сохранились следы кладки из сырцового кирпича. В самом обрыве, начиная с уровня воды протекающего здесь арыка и до самого верха, в прослойках земли видны обломки больших корчаг, глиняных сосудов, осколки стекла и много костей. В разрезе верхнего слоя видны следы бывшего пожарища. Высота обрыва около восьми саженей».[76] Этот же «форт» до И. А. Кастанье был описан П. С.

[76] И. А. Кастанье. Ук. раб., стр. 43.

Скварским. Согласно последнему, он имел и башни: «Одна из башен форта, с внутренней стороны крепости, имеет по своему обрыву совершенно ясные следы пожарища: в разрезе виден слой угля толщиной около 2 вершков, а ниже его аршина на два—другой, менее ясный».[77]

Вторая стена тянулась параллельно первой вдоль естественной ложбины, на юге она терялась. Очень интересен расположенный на последнем отрезке стены, идущей вдоль сая, холм, скрывающий в себе остатки крупного сооружения из сырцового кирпича (рис. 48), видимо, соответствующий «форту» П. С. Скварского и И. А. Кастанье; среди местного населения он известен под названием «Курган». Холм округлый в плане, высотой 14,3 м, с плоской вершиной, он сильно деформирован в результате размывов весенними силями и выемок земли на строительство, со

Рис. 48. Городище Калан Кахкаха III. Холм «Курган». Вид со стороны Шахристан-Сая.

стороны сая край его смыт и нарушен протекающим здесь каналом. По словам О. И. Смирновой (1950 г.), «в срезе тепе на высоте полуметра от основания имеется арочный вход с наклоном примерно в 60°, заваленный на высоте 2,5 м... В верхней части среза со стороны сая обнажены участки стен из сырцового кирпича. В оплывах и выемках северного склона тепе—поздние выгребные ямы, расположенные в непосредственной близости друг от друга».[78] Обвал обнажил интересную деталь сооружения—проем, ведущий вверх. В результате частичной расчистки выяснилось, что это довольно крутой сводчатый ступенчатый подъем шириной 140—145 см. Размер использованных здесь кирпичей—49—50×24—25×9—10 см. Возможно, этот подъем использовался для обеспечения подхода к саю. Такие скрытые «обдузды» характерны для водоснабже-

[77] П. С. Скварский. Ук. раб., стр. 42.
[78] О. И. Смирнов. Ук. раб., стр. 199, рис. 11.

ния городов и поселений; их значение особенно появлялось в военное время в случае осады, когда противник стремился перекрыть источник водоснабжения.

На этом холме местное население часто находило различные старинные предметы, в частности много керамики. Так, в 1958 г. при выемки земли в карьере на глубине 2—3 м были обнаружены обломки поливной керамики X—XII вв. Первые находки в обрыве холма были сделаны еще П. С. Скварским. Он пишет: «Мы нашли в обрыве холма несколько черепков посуды, покрытых глазурью и украшенных надписями, а также множество черепков цветных, узорчатых, очень ярких красок, но без надписей. Из черепков... один с полной надписью (целая фраза, или слово), другой с надписью, разбитый на три части, удобно складываемые, и еще два черепка, на которых слова неполны. Есть еще один черепок с ясно написанными по-арабски словом «Мухаммед».[79] В описываемом месте, на глубине сажени от поверхности земли найдены были две четки, или женские украшения, привешивавшиеся к волосам, заплетенным в косу. Здесь же виден глиняный обожженный шарик с резьбой, который можно принять за детскую игрушку. Случайно я заметил место бывшего очага и здесь, среди золы, угля, костей животных и птиц, нашел много черепков стеклянной посуды, преимущественно зеленого цвета, большею частью донышки графинов. В другом месте, по левому берегу сая, против базара найдены были три медные монеты, сильно окисленные. На одной из них совершенно ясны арабские буквы. Неподалеку обнаружены были: обломок серьги, две четки, подобные вышеупомянутым, и бусы из зеленого стекла».[80]

Находки различных древних предметов имели место и на остальной территории селения Шахристан. Как видно из приведенного в начале книги обзора истории археологического изучения района Шахристана, следы древностей здесь отмечались еще давно. Первое известное нам сообщение в печати принадлежит А. А. Кушакевичу, который указывал на наличие в различных местах Шахристана следов построек из жженого кирпича.[81] Это подтвердил и Н. Лыкошин: «Действительно близ этого селения находятся во многих местах следы построек из жженого кирпича».[82] Согласно В. В. Бартольду, в Шахристане, к северо-востоку от тогдашнего базара, справа от сая, у невысокого холма, в промоине арыка при случайных работах местным жителем была найдена и приобретена судьей Норманом замечательная стеклянная бутылочка с изображением грифов и куропаток, отнесенная им предположительно к домусульманскому времени.[83] П. С. Скварский упоминает рассказы о находке двумя местными мальчиками на пашне по левую сторону Шахристан-Сая золотого чайника, а также золотой фигурки лягушки и золотых монет, происходящих также из Шахристана.[84] Кроме того, он писал, что «кругом селения Шахристана, на расстоянии версты, на поверхности земли, на пашнях и еще больше в обрывах берегов текущей здесь речки, попадаются остатки домашней утвари, посуды большей частью гли-

---

[79] П. С. Скварский. Ук. раб., стр. 42.

[80] Там же, стр. 43—44.

[81] А. А. Кушакевич. Очерки Ходжентского уезда, «Турк. вед.», 1872, № 14.

[82] Н. Лыкошин. Очерк археологических изысканий... Отд. отт. из журн. «Средаз. вестн.», июль и сентябрь, 1896, Ташкент, стр. 9.

[83] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг., стр. 76; его же. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. «Средаз. вестн.», 1896, июнь, стр. 15.

[84] П. С. Скварский. Ук. раб., стр. 44.

няной, монеты, женские украшения и проч. По обрывам берегов остатки древних поселений обнаруживаются на глубине сажени от поверхности земли».[85]

В 1925 г. А. А. Семенов отметил, что в развалинах Шахристана местные жители не раз делали разные ценные находки. Кроме того, важно следующее его наблюдение: «Здесь наблюдается то же явление, что и в Ходженте, слой с остатками старины ныне занесен глиной и круглым речным булыжником, что указывает, что местность подвергалась и былое время сильным наводнениям».[86] Эту же мысль несколько лет спустя повторил Н. Г. Маллицкий. Он писал: «В окрестностях этого селения (Шахристан) находят древние монеты, женские украшения, обломки красивых стеклянных сосудов с изображением птиц. Интересно, что предметы древности находят в Шахристане под слоем земли с круглыми речными камнями; поэтому можно думать, что это древняя столица Уструшаны (Истаравшан) погибла от силевого потока необычайной силы».[87]

О находках различных предметов много раз слышали и сотрудники Уструшанского отряда в 1949 и 1950 гг. По рассказам местных жителей, на территории селения при земляных работах на разной глубине часто встречаются хумы и другие сосуды, в частности мустахары с одним плоским боком, обломки разнообразной домашней утвари. На территории средней школы им. М. Горького при чистке арыка на глубине около 0,5 м был обнаружен настил из жженого квадратного тонкого кирпича (20×3 см), характерного, как считает О. И. Смирнова, для построек X—XII вв.[88] Этот настил тянется на значительной площади. Там же в придорожных и арычных промоинах вместе с кирпичами найдены обломки хумов с налепным орнаментом, ручки от кувшинчиков, венчики хумов и фрагмент очажка с клеточным орнаментом. На этом же участке при земляных работах в 1941 г. на глубине около 4 м был найден хум, описанный и датированный ориентировочно VII—VIII вв. О. И. Смирновой. В Шахристане же найден второй хум, находившийся в 1950 г. у местного жителя Рауфа Таирова и описанный также О. И. Смирновой.[89] В южной части селения в промоине одной из улиц местным учителем Х. Казаковым был обнаружен и в 1950 г. передан Уструшанскому отряду небольшой глиняный кувшинчик, изготовленный в подражание подобным металлическим сосудам.[90]

Особый интерес представляет глиняный фигурный водолей X—XI вв., обнаруженный местной жительницей Р. Шодиевой в промоине улицы им. Кирова, на глубине около 1 м от поверхности. Водолей при содействии того же Х. Казакова был в 1950 г. передан Уструшанскому отряду.[91] От местных жителей были получены сведения также относительно обнаружения ими захоронений в хумах; о находках здесь оссуариев слышал еще В. В. Бартольд.[92]

Во время полевых работ в 1955—1963 гг. местными жителями был передан нам ряд случайных находок: глиняные сосуды, их обломки и

---

[85] П. С. Скварский. Ук. раб., стр. 41.

[86] А. А. Семенов. Материальные памятники арийской культуры в Средней Азии, стр. 131.

[87] Н. Г. Маллицкий. Учебное пособие по географии Таджикистана (курс родиноведения), стр. 119.

[88] О. И. Смирнова. Ук. раб., стр. 199.

[89] О. И. Смирнова. Ук. раб., стр. 200 и рис. 12, 13.

[90] Там же, рис. 15.

[91] Там же, стр. 200 и рис. 14.

[92] В. В. Бартольд. К вопросу об оссуариях Туркестанского края. Изв. Русск. к-та для изучения Средней и Восточной Азии, 1908, № 8, стр. 66.

другие предметы материальной культуры. Весной 1957 г. на территории селения Нижний Шахристан, на левом берегу Шахристан-Сая, в одном из промывов улицы жители обнаружили небольшой глиняный кувшин, который, к сожалению, был разбит ими при откапывании. В кувшинчике оказался небольшой клад, состоявший из ювелирных украшений и золотых монет. Они были переданы в Шахристанскую районную милицию, а затем через Ходжентско-Усрушанский отряд поступили в фонды Института истории им. А. Дониша. Клад включает в себя золотые перстни, серьги и бляшки, бусы из речного жемчуга и другие украшения, а также золотые монеты (КП 520) середины XIII в.[93]

В 1961 г. в селении Шахристан внутри городских стен (в доме Обида Хотамова по улице Кирова) при земляных работах был обнаружен клад металлических изделий. Из этого клада нам были переданы прекрасной работы водолей, чираг (светильник), подставка и верхнее горлышко подсвечника и монета. В том же году на участке Джураева Ахмада были обнаружены хум с крышкой и жернова.

В 1963 г. во время весенних паводков была смыта одна из улиц юго-западной части Верхнего Шахристана. Здесь у дома Зухро Наврузовой после прекращения силя местным населением было подобрано большое количество сероглиняных сфероконических сосудов и обломки других сосудов. Из них летом, во время полевых работ Северо-Таджикистанского отряда, нам удалось собрать у жителей селения[94] десять целых (КП 542/80—89) и несколько обломков сфероконических сосудов, миниатюрный кувшинчик (КП 542/91), обломок керамического очажка (КП 542/92) и несколько обломков других сосудов. Все находки были сделаны в одном месте .

Почти все «сфероконусы» покрыты превосходным разнообразным штампованным орнаментом, хорошей выделки и обжига. Среди них имеются два явно бракованных деформированных сосуда.[95] Можно предполагать, что эти находки—продукция одной гончарной мастерской, которая, по-видимому, находилась где-то в этой части селения. К сажалению, узость улицы и густота окружающих построек не позволяет ведение здесь раскопочных поисковых работ. Это заставило ограничиться лишь осмотром промоины на месте находок. В ней на протяжении приблизительно 150 м (глубиной до 1 м) прослеживается галечниковая почва, которая содержит многочисленные невыразительные фрагменты керамики. В пяти местах на глубине свыше 30—40 см имелись обнажения поперечных (к улице) каменных выкладок из плоских плит. Они сделаны, видимо, для укрепления покатой поверхности террасы, спускающейся в сторону Шахристан-Сая. Значительная древность этих выкладок не вызывает сомнений. В другой части Верхнего Шахристана во дворе дома № 17 по ул. Энгельса (рядом со средней школой им. Островского) в апреле того же года школьником Али Атабаевым был найден и затем передан нам миниатюрный поливной кувшинчик с куфической надписью, датируемый X—XI вв.[96]

---

[93] Предварительную публикацию клада см. Э. В. Кильчевская и Н. Н. Негматов. Находки ювелирных изделий из Шахристана, «Сов. археол.», 1964, № 3, стр. 238—246.

[94] Выражаем большую благодарность жителям, передавшим нам обнаруженные находки: Зухро Наврузовой, учителям средней школы им. Островского Худойбердыеву Игамберди и Очилу Баротову, школьникам Абдусатору Абдусаломову и Одилу Додобаеву, заведующему магазином № 2 Шахристанского сельпо Бободжану Мамарасулову, нашему проводнику Бободжану Ходмидову и др.

[95] КП 542/80—81.

[96] КП 542/99.

В 1964 г. в различных местах селения при смывах силя и землеройных работ обнаружен ряд новых керамических находок, в числе которых имеются сильно закопченный неполивной светильник, миниатюрный игрушечный и красноглиняный бокальчик, небольшой сероглиняный кувшинчик с отбитой горловиной, сосуд-копилка и целая пиала, покрытая зеленой поливой внутри.

На территории селения при различных земляных работах сделано также значительное количество монетных находок, большая часть которых была передана нам в последние годы. Все они определены Е. А. Давидович,[97] а монеты, поступившие в 1957 г., уже опубликованы.[98] Они дают некоторые ценные данные как к истории этого средневекового города, так отчасти и всей Уструшаны. Здесь найдены: две серебряные так называемые «бухархудатские» монеты (обычного типа, на лицевой стороне позади головы государя арабская надпись: «Мухаммад»; две медные саманидские Исмаила ибн Ахмада, чеканенные одна в Самарканде в 286 г. х. (899 г.), другая в 28... г. х; медная саманидская Насра II ибн Ахмада (914—943) с именем его будущего наследника Нуха; медный саманидский фельс Насра II ибн Ахмада, чеканенный в Самарканде в 304 г. х. (916—917 г.); медная саманидская Нуха ибн Насра (943—954); редкая саманидская монета со стертыми датой и местом выпуска; частично обломанный медный саманидский фельс X в.; саманидский или раннекараханидская стертая монета; караханидский медный фельс чекана Ходжента 415 г. х (1024—1025 г.); золотая караханидская XII в., чеканенная от имени Ибрахим арслан Хакана, после того как он овладел Самаркандом и стал главой среднеазиатских Караханидов; медный фельс, чеканенный в Балхе во втором десятилетии XI в.

Упомянутый выше клад 1957 г. включает 2 целых и 7 фрагментов золотых монет. Первая целая монета чеканена в Бухаре в 656 г. х (1258), вторая—в Шафургане в 657 г. х (1258/9) от имени великого монгольского хана Мунке (1251—1259). На одном из фрагментов прочитано имя и титул аббасидского халифа Насира (1180—1225). Из Шахристана же происходит медный посеребренный джагатаидский дирхем самаркандского чекана 630 г. х. (1232—1233 г.) с т. н. угрожающими надписями на таджикском языке. И, наконец, в Шахристане была найдена медная монета конца XV или начала XVI вв., чеканенная в Бухаре.

Весной 1964 г. в южной части Верхнего Шахристана, внутри городских стен, был случайно найден клад серебряных монет, находившийся в глиняном сосуде. Из этого клада нам были переданы 12 хорошо сохранившихся монет, чеканенных в Узгенде в 396 г. х. (1005—1006 г.), Уструшане в 406 г. х. (1015—1016 г.) и Ходженте в 406 г. х. (1015—1016 г.) и 407 г. х. (1016—1017 г.). В этом же году на территории селения были обнаружены еще две медных монеты, чеканенные первая от имени Караханида Абрахима Арслан хакана в последней четверти XII в. (в Самарканде), и вторая—джагатайский анонимный дирхем третьей четверти XIII в.

Перечисленные выше наиболее важные находки, обнаруженные при случайных земляных работах и в смывах улиц во время весенних силей, дают некоторое представление о длительности жизни на этом месте. Однако для выяснения характера культурных напластований и стратиграфии пришлось заложить шурф размером 2×3 м в северной части двора сельской почты (рис. 49). На всей площади шурфа сверху шел слой

---

[97] За это приносим ей искреннюю признательность.

[98] Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г., стр. 154—161; №№ 3, 4, 6, 7, 10, 12, 14, 17.

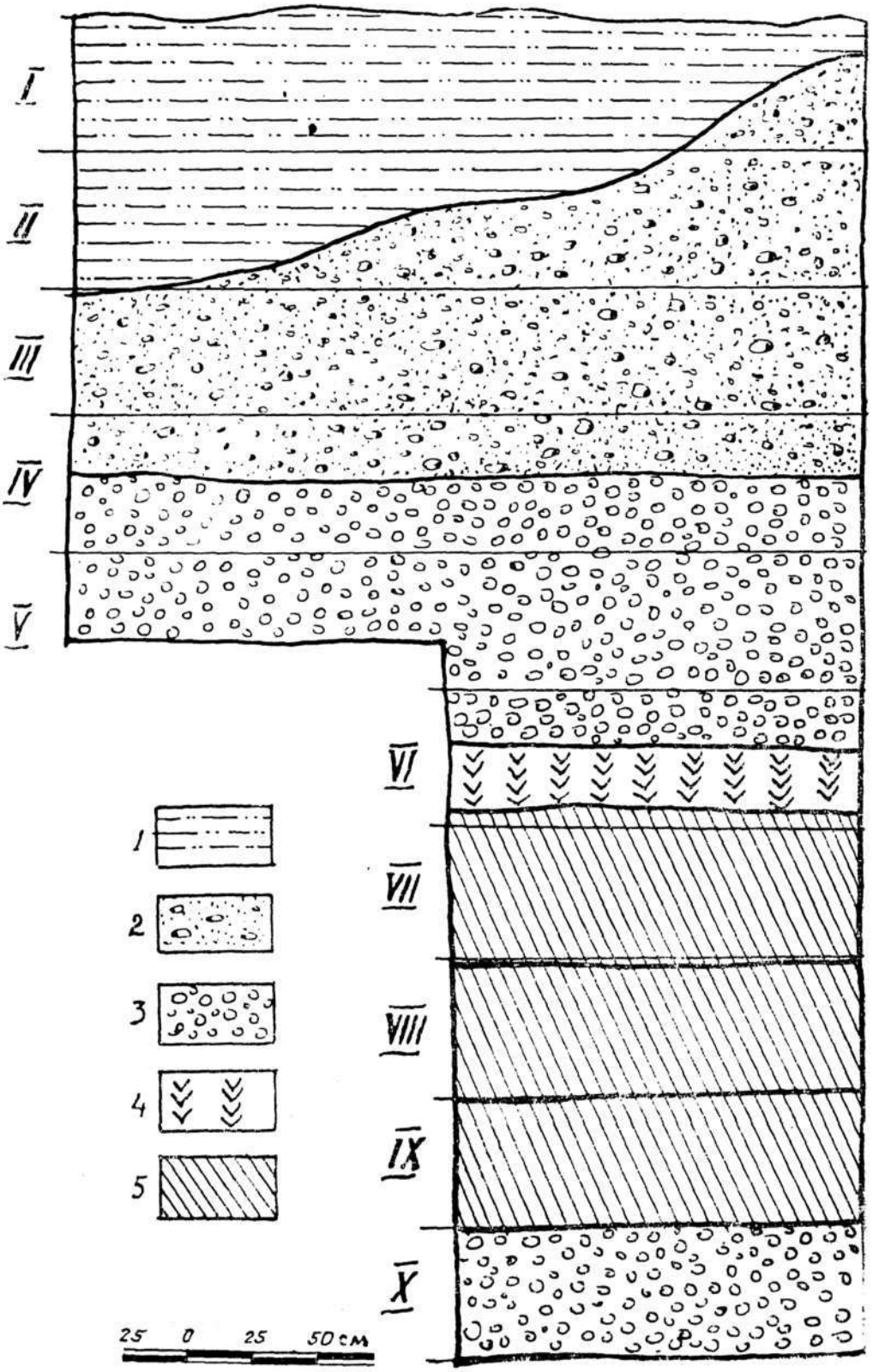

Рис. 49. Городище Калаи Кахкаха III. Шурф № 1. Разрез восточной стенки: *1*—современная мусорная яма; *2*—желто-серый лёсс с галькой; *3*—галечник; *4*—желтый глинистый лёсс. *5*—серовато-желтый слой с прослойкой из костей и керамики.

современного мусора (земля, куски жженых кирпичей, зола и пр.); затем в южной части шурфа начался слой плотного глинистого серо-желтого лесса с галькой, он продолжался на глубине всего яруса III[99] и до середины яруса IV. В этом слое найдены фрагмент сфероконического сосуда, обломок сосуда со штампованным орнаментом, фрагменты стенок сосудов, покрытых зеленой поливой типа «сграфитто», и некоторые др. Видимо, эти находки можно отнести к XI—XII вв.

В середине яруса IV начался сплошной чистый галечниковый слой, который продолжался приблизительно до начала яруса VI. В конце галечникового слоя вновь стали попадаться фрагменты стенок неполивной керамики. Очевидно, этот мощный галечниковый слой представляет собой осадочные напластования, нанесенные сюда силевым потоком. Во всяком случае, наличие данного слоя говорит об определенном периоде запустения этого места.

В конце яруса V площадь шурфа была сужена на половину: в северной части его оставлена площадка для выброса земли. Сначала в западной, а затем и в восточной половине вновь появился слой желтого глинистого слоистого лесса, содержащий кости, угольки и обломки керамики. Слоистость его, видимо, результат стояния тех же силей. Ниже, в конце яруса VI, слоистость лесса прекращается, под ним начинается серовато-желтый слой с включениями фрагментов в основном неполивной керамикой, костей, угольков, нескольких обломков жженых кирпичей. Далее характер слоя не изменился до конца яруса IX.

В конце яруса VII в юго-западном углу было найдено много обломков керамики, из которых следует отметить: фрагмент донца поливного сосуда, на котором на кремовом фоне нанесены коричневые точки, фрагмент стенки поливного сосуда с рисунком коричневой и зеленой краской на светло-кремовом фоне, верхнюю часть глиняного кухонного котла с двумя ручками. Найдены были также ручка и фрагмент стенки стеклянного сосуда, кусок керамического шлака, два жженых кирпича: квадратный (18×18×3,5 см) и прямоугольный (20×9,5×4 см). Приблизительная датировка этих находок может быть дана в пределах X—XI вв.

Среди обнаруженной в следующем ярусе VIII керамики заслуживают внимания: почти целый красноангобированный сосудик с ручкой, фрагмент стенки сосуда, покрытого зеленой поливой орнаментом типа «сграфитто»; обломок донца с коричневым орнаментом на светлом фоне и обломок орнаментированного стекла. Эти находки, видимо, относятся к тому же времени, что и происходящие из яруса VII. В конце яруса VIII был найден фрагмент верхней части широкогорлого сосуда с прочерченными треугольниками и полосами, который очень напоминает сосуды Ферганы так называемого «даваньского» типа.

В ярусе X характер напластования изменился: местами лесс стал светло-желтым, а местами обнажился галечник. В лессе были найдены фрагмент венчика сосуда, покрытого голубой поливой, обломки стенок сосудов со светло-коричневым рисунком на светлом фоне и каменное ядро. На глубине 4,5 м был достигнут материк.

Самый нижний горизонт шурфа может быть датирован по найденной в нем керамике X—XI вв.; отдельные фрагменты могут быть отнесены к

---

[99] Каждый ярус имеет толщину 50 см.

IX в. Как указывалось выше, толстый слой наносного галечника (в пределах ярусов IV—VI) разделяет два пласта, содержащих как будто одновременную керамику. Возможно, этот слой, свидетельствующий о каком-то периоде запустения,[100] разграничивает культурные слои IX—X вв. и XI—XII вв. Однако ввиду многочисленности и чрезвычайной фрагментарности керамических находок это является только предположением. Во всяком случае ясно, что почти весь керамический материал относится к указанным столетиям и что культурные напластования этого времени чрезвычайно мощны.

Наличие остатков стен, данные, оставленные исследователями конца XIX и начала XX вв., и многочисленные случайные находки различных предметов, происходящих из селения Шахристан, позволяют придти к заключению, что на территории современного селения в средние века располагался значительный городской центр. Он начал возникать, видимо, еще на рубеже средних веков. Об этом свидетельствуют упомянутые выше находки стеклянной бутылочки с изображениями грифов и куропаток, отнесенной В. В. Бартольдом к домусульманскому времени, оссуариев, захоронений в хумах, серебряной «бухархудатской» монеты и пр. Вскоре это поселение, видимо, увеличилось сильно и стало постепенно приобретать характер торгово-ремесленного предместья (рабада) уже существовавшего на другом берегу Шахристан-Сая города (развалины Калаи-Кахкаха I и II). К X в. значение этого предместья настолько возросло, что оно было обведено оборонительными стенами, которые впоследствии были укреплены новым мощным кожухом. О непрерывной жизни и расцвете рабада в IX—XIII вв. свидетельствует обнаруженная здесь серия саманидских, караханидских, монгольских монет (конца IX—середины XIII вв.). Подтверждают это в известной мере и случайные находки керамики, стеклянных и металлических изделий, а также данные, полученные в шурфе.

Можно предполагать, что значение рабада возросло и в связи с постепенным упадком жизни на территории Калаи Кахкаха I, фактически оставленного жителями после XII в.[101] К этому времени в рабаде сосредотачивается жизнь всего города: монголы застали жителей средневекового Шахристана уже здесь на правом берегу сая.[102] Город стал расширяться за пределы описанных стен, главным образом к северо-востоку. Начало осваиваться под городскую застройку и левобережье сая, к северу от первичного рабада, т. е. территории современного селения Шахристони Поён. Однако пока самой старой по возрасту находкой в Шахристони Поён является клад золотых предметов, включающий монеты середины XIII в. По-видимому, дальнейший рост города после XIII в. продолжался не очень долго. Очевидно, при Тимуре и Тимуридах городская жизнь здесь постепенно угасала, и он все более и более приобретал характер сельского поселения. Такому упадку, несомненно, способствовал интенсивный рост другого, недалеко расположенного крупного города—Ура-Тюбе, в котором начинает сосредотачиваться экономическая и административно-политическая жизнь области.

---

[100] Ср. приведенные выше наблюдения А. А. Семенова и Н. Г. Маллицкого о нанесенных силами напластованиях почвы в Шахристане.

[101] См. выше в главе о городище Калаи Кахкаха I. До XIX в. жизнь продолжалась лишь на территории арка Калаи Кахкаха I.

[102] Об этом А. Кушакевич писал: «В Ура-Тюбинском районе находился, по преданиям туземцев, при монголах весьма значительный город, на том месте, где в настоящее время стоит селение Шагристон». См. его «Очерки Ходжентского уезда», «Турк. вед.», 1872, № 14.

Разумеется, прилагаемую здесь схему жизни городского центра в Шахристане можно будет проверить и дополнить лишь в будущем, после получения дополнительных археологических данных. Но уже и в свете вышеприведенного материала опровергается заключение И. А. Кастанье о прошлом Шахристана: «Случайные археологические находки едва ли могут указать на бывший когда-то здесь большой центр. Характер местности, надо полагать, мало изменился, так же как и вид самого Шахристана. В настоящее время (в 1915 г.—Н. Н.) он представляет из себя жалкий, заброшенный, беднейший кишлачок...»[103].

[103] И. А. Кастанье. Ук. раб., стр. 51.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ВОПРОСЫ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

К АРХИТЕКТУРЕ ШАХРИСТАНА

В истории архитектуры Средней Азии время раннего, домусульманского средневековья (VI—VIII вв.) занимает чрезвычайно важное место. Несмотря на то что памятники зодчества этого периода стали изучаться лишь в сравнительно недавнее время, уже ныне они известны в количестве, достаточном для определения их особенностей и исторического значения.

Архитектурные памятники раннефеодального периода в подавляющем большинстве являются археологическими объектами, и это, естественно, определяет специфику их фиксации и исследования, во многом отличную от методов изучения архитектурных памятников более поздних периодов. Особенности строительной техники, пользовавшейся материалами из сырой, необожженной глины, нередкое отсутствие прямых датирующих данных, а главное—чрезвычайно плохая сохранность памятников сбуславливают необходимость решения архитектурно-художественных вопросов этого времени в тесной связи с решением широких проблем истории материальной культуры, экономической и политической жизни общества. С этой точки зрения памятники среднеазиатской архитектуры VI—VIII вв. дают историку чрезвычайно выразительный материал. Именно в этот период был выработан ряд характерных архитектурных приемов и форм, которые в дальнейшем получили широкое развитие и на долгие века определили специфику многих черт архитектуры Средней Азии. Сущность и смысл среднеазиатской архитектуры периода развитого феодализма едва ли могут быть поняты без знания архитектурного наследия VI—VIII вв., хотя монументальные руины, извлеченные из земли лопатой археолога, кажутся на первый взгляд столь непохожими даже на ранние сооружения так называемой «мусульманской» архитектуры Средней Азии.

Результаты раскопок, проведенных в последние десятилетия, свидетельствуют о том, что VI—VIII вв. были в Средней Азии временем интенсивного и разнообразного строительства. Дошедшие до наших дней архитектурные памятники этого времени чрезвычайно разнообразны: многочисленные феодальные замки, культовые сооружения и целые городские ансамбли, обнаруженные буквально во всех областях Средней Азии, говорят о системе сложившихся на местной почве приемов планировки и строительной техники, о своеобразных конструктивных и художественных формах—то общих, распространенных на больших территориях, то локализирующихся в отдельных культурных центрах. Несмотря на единообразие строительных материалов и небольшое, в общем, число типов сооружений, архитектурное наследие этого периода демонстрирует такое разнообразие отдельных приемов, форм и деталей, которое очень скоро делает неполной любую попытку систематизации материала, сведения его в некую абсолютную схему. Почти каждое новое открытие в этой области расширяет и изменяет подобные схемы, часто заставляя

по-новому осмыслить уже известный материал. Разумеется, ежегодно открываемые памятники предарабской архитектуры Средней Азии неравноценны по своему художественному и историческому значению; однако среди них нередко встречаются объекты, значение которых выходит далеко за рамки породившего их времени. Особенный интерес для изучения архитектурно-строительного искусства прошлого представляют комплексные объекты—крупные ансамбли и целые города, включающие в себя сооружения различного назначения: жилые, культовые, общественные и оборонительные. Такие архитектурные комплексы рабовладельческой и раннефеодальной эпох, известные ныне на примерах Топрак-Калы, Пенджикента и Афрасиаба, дают богатейший материал для уяснения социальной, экономической и культурной жизни общества, позволяют понять внутреннюю, исторически слагавшуюся структуру города. К подобным объектам относится и древний Шахристан.

Памятники Шахристана относятся к VII—XII вв., т. е. именно к той эпохе, когда раннесредневековая Уструшана переживала свой наибольший расцвет и являлась, судя по многим данным, значительным культурным центром Средней Азии.

Изучая архитектурные памятники древнего Шахристана, мы стремились по мере возможности раскрыть их общественно-социальное содержание и определить присущую им степень типичности и своеобразия. Мы исходили при этом из предположения, что архитектура раннефеодальной Уструшаны (равно как и другие области ее материальной культуры), наряду с чертами, типичными для всей среднеазиатской цивилизации, обладала и своими характерными чертами, которые определялись некоторыми особенностями общественной жизни и художественных традиций. В то же время исследование на местном материале художественных явлений, типичных для всей Средней Азии предмусульманского времени, позволило бы в известной мере уточнить и конкретизировать ряд вопросов, связанных с возникновением среднеазиатского архитектурного стиля эпохи средневековья—стиля, историческая судьба которого завершилась лишь в недавнее время. Понятно, что решение этой сложной проблемы, несмотря на обилие уже накопленного в масштабах всей Средней Азии материала, неизбежно связано с выдвижением гипотез, которые могут быть подтверждены или опровергнуты лишь дальнейшей работой. Шахристан в отличие от Пенджикента, которому он близок хронологически и территориально, не дает пока материалов, говорящих о характере массовой городской застройки; не найдены здесь пока еще и культовые сооружения домусульманского времени. Назначение открытых здесь сооружений, далеко не всегда понятное с первого взгляда, может быть раскрыто в их взаимосвязи, с учетом их роли в общей структуре сложного городского ансамбля, в их общности с аналогичными, ранее открытыми памятниками той же эпохи.

1) ЗДАНИЯ С КОРИДОРНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ ПЛАНИРОВКОЙ

В этом отношении очень характерны два здания Шахристана, раскопанные в 1956—1958 гг. Одно из них расположено на городище Калаи Кахкаха I, в его юго-западной стороне, другое—на отдельно стоящем холме Тирмизак-Тепа на расстоянии около полукилометра к востоку. Несмотря на некоторые различия в конструктивных приемах и деталях планового решения, общее принципиальное сходство планировки обоих зданий не вызывает сомнений. И в том и в другом случае структура плана складывается из центрального коридора, непосредственно связанного со входом, и расположенных по обе стороны от него узких коридорооб-

разных помещений, в большинстве разобщенных между собой и соединяющихся с осью всей композиции—коридором. В обоих случаях архитектура зданий исполнена сурового аскетизма и, видимо, не преследует никаких иных задач, кроме строго функциональных. Эта общность архитектурного решения говорит как будто о том, что функции обоих сооружений должны были быть в общем одинаковыми.

Назначение Тирмизак-Тепа едва ли может вызвать сомнение. Это был один из укрепленных сторожевых постов, которые в немалом количестве разбросаны по окрестностям древней столицы Уструшаны. Об этом говорит и расположение памятника, исключительно удобное в стратегическом отношении (его второе название—Караул-Тепа), и сам характер его архитектуры. Функциям сурового воинского общежития соответствует и структура плана: ряды одинаковых, обращенных в общий коридор комнат, среди которых выделяется жилище командира, более комфортабельное и просторное, но все же строящееся на основе стандартной ячейки. Очевидно, Тирмизак-Тепа была предназначена для пребывания небольшого отряда, охранявшего ближние подступы к столице Уструшаны. Если правильно такое понимание, то близость планового решения Тирмизак-Тепа и здания на городище Калаи Кахкаха I может указывать на то, что и последнее сооружение было предназначено для более или менее близких целей. Это был, конечно, не отдельно стоящий сторожевой пост, а возможно, казарма-общежитие местного гарнизона, насчитывавшего, судя по размерам здания (включая несохранившийся второй этаж), несколько десятков воинов. Прямая связь с городскими укреплениями обеспечивала быстроту занятия им обороны и надежную защиту расположенных неподалеку городских ворот. И здесь наличие в системе единообразных помещений отдельных двухкомнатных секций указывает как будто на определенную служебную (если не классовую) дифференциацию древних обитателей шахристанской «казармы» (рис. 12).

Предлагаемое определение назначения рассмотренных зданий подкрепляется рядом известных в настоящее время аналогий. Планировочная схема этого типа, в основу которой положена система коридорообразных, взаимно параллельных помещений, обычно выходящих в общий коридор, известна в зодчестве Средней Азии с первых веков н. э. Ее принято называть «коридорно-гребенчатой» или просто «коридорной». Некоторые исследователи видят в ней не только прием, характерный для строительного искусства народов Средней Азии эпохи рабовладения и становления феодальных отношений, но и усматривают в параллельно расположенных, узких и темных, погребенных в толще сырцовой кладки коридорах наиболее древний планировочный прием раннефеодальной архитектуры, отвечающий нарождающимся новым общественным отношениям и неспокойной политической жизни той эпохи. По мнению В. А. Лаврова, расчленение массива здания на параллельные коридорообразные помещения—это наиболее ранний прием планировки средневекового жилого дома на территории Средней Азии, прием, определявшийся простейшим способом устройства сводчатых перекрытий.[104] Действительно, древнейший среднеазиатский способ перекрытия помещений с помощью «поперечных отрезков» предполагает весьма скромную ширину перекрываемых комнат, их очень значительную длину и самое элементарное взаиморасположение; лишь при соблюдении этих условий целесообразность и сама практическая осуществимость приема будут сохранены. Но узкие, сводчатые, параллельно расположенные комнаты-коридоры все же не являлись специфической особенностью среднеазиатской архитектуры

[104] В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии, стр. 44.

именно VI—VIII вв. Этот прием применялся как в предшествующую эпоху, в архитектуре рабовладельческих государств Средней Азии, так и значительно позже. Однако в обширных дворцовых ансамблях Средней Азии поры рабовладения прием параллельных комнат-коридоров сочетался с другими, более совершенными конструктивными и планировочными приемами. Архитектура среднеазиатской античности знала и грандиозные колонные залы, богато украшенные лепниной и скульптурой (например, «квадратный зал» Старой Нисы,[105] «большой зал» Гяур-Калы в древнем Хорезме,[106] «зал царей» и другие залы «Топрак-Калы»[107]), и широкопролетные сводчатые айваны (таковы дворцы парфянских царей в Хатре), и просто различные по размерам помещения квадратной или близкой к квадрату конфигурации.

В. А. Лавров, прослеживая эволюцию планировочных приемов раннефеодального укрепленного замка, «кёшка», исходит из того, что в ее основе лежала идея параллельных и абсолютно равнозначных комнат-коридоров. Дальнейшее развитие рассматриваемой системы планировки В. А. Лавров видит в выделении входного поперечного коридора, соединяющего помещения, в сокращении длины комнат-коридоров (что приближает их пропорции к привычным пропорциям жилых помещений), и, наконец, в образовании среди этих комнат центрального купольного ядра. С этого момента планировка из равномерно линейной превращается в центрическую, и продолговатые, прежде совершенно равнозначные помещения сгруппировываются вокруг основного, ярко выраженного композиционного центра.[108] В этой гипотезе, бесспорно очень логичной и убедительной, есть все же несколько слабых сторон. Прежде всего, ее логика не зиждется на достаточно твердых историко-археологических данных; датировка каждого из звеньев этой логической цепи весьма приблизительна. Нет гарантии, что первое звено цепи—замок на горе Муг—возникло прежде, чем одно из ее последних звеньев—кёшк Ак-Тепа близ Ташкента, или прежде чем хорезмийский кёшк Тешик-Кала (пример достаточно ясно выраженной центричной планировки), занимающий в предложенной схеме срединную позицию. Кроме того, сама эволюция принципов планировки жилого кешка, переход от линейной схемы плана к его центрическому построению не находят в гипотезе В. А. Лаврова достаточного объяснения. Что заставило среднеазиатских строителей VI—VII вв. ввести в равномерную сетку комнат-«пеналов» квадратное купольное помещение и почему именно этому помещению суждено было превратиться в композиционный центр новой, принципиально иной организации плана, остается все же неизвестным. Наконец (и это в известной мере причина только что отмеченного недостатка), рассмотренная гипотеза отличается несколько формальным подходом к анализируемым явлениям. Та или иная система планировки рассматривается вне связи с конкретными общественно-экономическими условиями, конкретным назначением данного здания и его отдельных помещений. Например, план северо-киргизского караван-сарая XV в. Таш-Рабат рассматривается в последовательной связи с планом термезского жилого замка № 5, хотя очевидно, что функция крупного общественного сооружения—караван-са-

---

[105] Г. А. Пугаченкова. Реконструкция «квадратного зала» парфянского ансамбля Старой Ниссы. Тр. Южн.-Туркм. археол. компл. эксп., т. 2, Ашхабад, 1951.

[106] Ю А. Рапопорт, С. А. Трудновская. Городище Гяур-Кала. Тр. Хорезм. археол.-этногр. эксп., т. 2, М., 1958, рис. 8.

[107] Ук. сб., рис. 90 на стр. 198. См. также М. А. Орлов. Реконструкция «зала воинов» дворца III в. н. э. Топрак-Кала. Археол. и этногр. работы Хорезм. эксп. 1945—1948 гг., М., 1952.

[108] В. А. Лавров. Ук. раб., стр. 44.

рая — и небольшого феодального замка, несмотря на некоторое внешнее сходство их планов, весьма различны. Такой формальный подход в известной мере помешал В. А. Лаврову раскрыть внутренний смысл исследуемой им эволюции планировочных идей раннефеодального жилого дома.

Иной точки зрения придерживается В. Л. Воронина.[109] Отмечая известные ей примеры коридорной («линейной») системы планировки, она считает эту систему характерной лишь для отдельных районов Средней Азии (Согд, нижнее течение Зарафшана, верховья Сыр-Дарьи, Варахша, Уструшана) и совершенно несвойственной Хорезму. Для последнего, по мнению В. Л. Ворониной, характерна центрическая структура плана жилья. К сожалению, примеров такого рода компактной группировки помещений вокруг общего центра В. Л. Воронина не приводит, хотя упоминает Топрак-Кала в качестве примера употребления в древнем Хорезме коридорной системы. Таким образом, В. Л. Воронина полагает, что не центричная система планировки выросла из «линейной», но обе указанные системы возникли и существовали одновременно в различных областях Средней Азии. Здания с комнатами-коридорами и линейной планировкой, характерной, по мнению В. Л. Ворониной, для центральных областей Средней Азии, отличаются слабым выявлением функций отдельных помещений, которые выглядят в общем равнозначными. Наоборот, в кешке Тешик-Кала (взятом как типичный пример хорезмийской центричной системы планировки) назначение каждого помещения вполне определенно и дифференцировано. Смысл линейно-коридорной планировки с нивелированными функциями отдельных помещений В. Л. Воронина видит в расселении большесемейными домовыми общинами, а в самих зданиях с коридорной планировкой усматривает своеобразный тип патриархальных общежитий, завершивших в Хорезме путь своего развития еще в V в., а а в центральных областях Средней Азии просуществовавших на несколько столетий дольше.

Вопрос, таким образом, стоит так: были ли здания с линейной, «коридорно-гребенчатой» системой плана ранним, повсеместно распространенным типом среднеазиатского жилища эпохи становления феодальных отношений, являлась ли эта система локальной особенностью жилого зодчества отдельных областей Средней Азии той эпохи, или же, как предполагаем мы, она была свойственна лишь одному, не совсем обычному типу жилья—типу воинских общежитий, казарм и сторожевых постов. Важность этого вопроса обусловлена тем, что с его решением, как мы видели, связана проблема возникновения и развития типов жилой архитектуры Средней Азии феодальной эпохи, на много веков вперед определившей эволюцию среднеазиатского зодчества. Практический и художественный смысл планировки рассмотренных выше зданий Шахристана станет для нас, быть может, яснее, если мы рассмотрим, хотя бы вкратце, другие архитектурные памятники Средней Азии с аналогичной системой плана.

Однако сначала необходимо уточнить терминологию. Зданиями с «коридорно-гребенчатой» планировкой следует называть далеко не все постройки, помещения которых отличаются продолговатыми пропорциями. Принадлежность здания к той или иной системе планировки определяется не самим наличием вытянутых в плане помещений (они наличествуют буквально всюду, даже в кешках с ярко выраженной центрич-

---

[109] В. Л. Воронина. Изучение архитектуры древнего Пенджикента. Тр. Согд. Тадж. археол. эксп., т. I, Мат-лы и иссл. по археол. СССР, № 15, М.—Л., 1950, стр. 190, 191.

ной планировкой), а их взаиморасположением. Зданиями или комплексами помещений с коридорной планировкой мы будет называть лишь те, в которых единообразные комнаты вытянутых пропорций расположены рядом, параллельно одна другой и симметрично относительно какой-то общей оси.

1. Рассмотрение интересующего нас планировочного приема начнем с дворца в предполагаемой столице рабовладельческого Хорезма Топрак-Кала (III в.). Здесь интересующую нас планировку имеет северо-восточная башня, входящая во внешнюю линию обороны не только дворца, но и всего города. Комплекс состоит из пяти совершенно одинаковых узких комнат, расположенных в направлении С—Ю, длиной в 13 и шириной около 3 м. Входные проемы в южных торцовых стенах соединяли эти помещения с поперечным коридором, дошедшим до нас в состоянии сильного разрушения.

Сейчас, когда раскопки огромного дворца хорезмшахов завершены, отчетливо видна разница между компактной, строго геометричной группой этих комнат-коридоров и живописным комплексом обширных, богато украшенных залов, расположенных в центральной части дворца. Самые принципы планировки здесь, очевидно, совершенно иные. Да и само изолированное положение башни, мало связанной с основным жилым массивом дворца, говорит об особом назначении расположенных здесь помещений. Это едва ли были кладовые (хотя сам характер «коридорной» планировки как будто не противоречит этому), так как помещения хозяйственного назначения должны были бы иметь более удобную связь с дворцом,— такими помещениями являлись, быть может, комнаты-коридоры к востоку от северо-западной башни.[110] Все: и связь рассматриваемого комплекса с системой внешней обороны, и его место во внутренней структуре дворца, и характер и взаиморасположение помещений—говорит в пользу того, что перед нами в данном случае—тип военного общежития, казарма воинов, которые заняты охраной дворца и в случае необходимости могут быть использованы в системе городской обороны.

II. Архитектурный комплекс на городище Гяур-Кала (Хорезм) относится, по мнению его исследователей, ко II в. н. э.[111] Здесь у самой стены, рядом с парадным двухколонным залом имеются остатки шести одинаковых, вытянутых в ряд больших помещений шириной 5—6 м. Плохая сохранность не позволяет определить первоначальную длину этих помещений,— можно лишь предполагать, что она была равна длине соседнего зала, и помещения, таким образом, имели вытянутые пропорции. Возможно, что они доходили до протянутого с юга дренажного люка и, следовательно, были значительно длиннее. Сохранившимися северными торцами помещения упирались в узкий проход, тянувшийся на некоторой высоте вдоль городской стены. Хотя большая ширина комнат указывает здесь на балочную, а не сводчатую систему перекрытий, и хотя разрушение южных торцов не позволяет выяснить, был ли здесь продольный коридор и имелся ли второй ряд помещений, общее сходство этого комплекса со зданием на городище Калаи Кахкаха I (распространяющееся и на связь с городскими укреплениями) едва ли может вызвать сомнение. Исследователи комплекса на Гяур-Кале указывают на его назначение с полной определенностью: «В примыкавшем к крепостной стене здании,

---

[110] Правда, находки в одной из комнат этой группы позволяют рассматривать и ее как место размещения частей дворцовой охраны (С. П. Толстов. Работы хорезмской экспедиции 1949—1953 гг. Археол. и этногр. работы Хорезм. эксп. М., 1958, стр. 196).

[111] Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская. Городище Гяур-Кала..., стр. 349.

очевидно, располагался гарнизон крепости, занимавший однотипные простые комнаты вдоль стен. Более богатый зал предназначался либо для начальника гарнизона, либо для официальных церемоний».[112]

III. Замок на горе Муг. Это укрепленное здание высится на труднодоступной скале, на левом берегу Зеравшана, недалеко от селения Кум.[113] Планировка этого здания отличается большой примитивностью: пять узких комнат-коридоров (западная ввиду неправильной формы здания была короче) соединились на севере общим сквозным проходом, никак не изолированным от самих помещений. Здесь же на севере находился единственный, по-видимому, вход. Помещения сводчатые, без признака оконных проемов, без следов какого-либо декоративного убранства, столь типичного даже для небольших феодальных и городских жилищ этого времени. Всякому, кто крутыми и небезопасными тропами добирался до этого сурового горного гнезда, высящегося среди безлюдных скал, ясно, что вопреки иногда высказываемому мнению резиденцией пенджикентского и предполагаемого самаркандского владетеля оно не могло быть. Здесь был только сильно укрепленный сторожевой пост, замыкающий дорогу незванным гостям, которые могли бы проникнуть через Анзобский и Шахристанский перевалы в заповедную долину Зеравшана и двинуться отсюда на запад—к цветущим городам и селениям равнинного Согда. Здесь обитали периодически сменяемые отряды воинов, не нуждавшихся, конечно, во время своей сторожевой службы в чрезмерном комфорте. Отсюда—аскетическая простота этого жилища, приспособленного лишь к суровому быту находящихся на посту солдат. По существу, это тоже военное общежитие, а не жилой замок, т. е. не место постоянного пребывания феодала и его семьи. Лишь трагическое стечение обстоятельств прославило этот затерянный в горах сторожевой пост как последнюю временную резиденцию мятежного пенджикентского владетеля. Поэтому «замком Диваштича» Мугский замок может быть назван только очень условно: он принадлежал в числе других подобных построек названному лицу, но, безусловно, не был местом постоянного обитания его самого, его семьи и двора.

IV. Кзыл-Кала, крупный укрепленный замок древнего Хорезма, расположен невдалеке от Топрак-Кала. Его строительство и существование относится к кушано-афригидской эпохе,— V—VII вв. Цокольная часть состоит из сплошного массива «параллельно идущих узких и длинных комнат, разделенных, по-видимому, на две группы центральным коридором».[114] Назначение этих помещений не вызвало у исследователей сомнений: они локализованы как помещения для гарнизона и жителей крепости (которые в случае военной опасности должны принимать участие в обороне цитатели).

V. В ансамбле дворца раннесредневековой Варахши комплексы помещений с «коридорной» планировкой зафиксированы дважды. Это—южная крепостная башня, выдвинутая далеко вперед из фронта дворцовых сооружений, и обширное восточное здание, примыкающее к цитадели дворца. Раскопанный этаж башни состоит из четырех параллельно расположенных и одинаковых (за исключением более короткого западного) помещений, соединенных у южных торцов сквозным проходом; планировка здесь, таким образом, почти буквально повторяет «Мугский замок». Помещения этой «южной анфилады», по выражению В. А.

---

[112] Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская. Городище Гяур-Кала..., стр. 362.
[113] Мат-лы иссл. по археол. СССР, № 15, табл. 5(2). Реконструкция В. Л. Ворониной. Масштаб чертежа неверен.
[114] В. А. Лавров. Ук. раб., стр. 27—28.

Шишкина,[115] были завалены фрагментами резного алебастрового убранства стен; однако изысканный ганчевый декор украшал, как выяснилось, не стены узких комнат анфилады, а помещения несохранившегося верхнего этажа, куда из второй с запада комнаты вела широкая лестница. Едва ли случайно, что южная башня с ее коридорной планировкой вынесена за систему внешней городской стены и является, таким образом, важнейшим звеном городских укреплений. Предполагать в таких условиях обычные жилые помещения чрезвычайно трудно. И если представить себе, что в цитадели Варахша находился отряд воинов, призванный нести дежурную службу в самом ответственном месте городских укреплений, то более удобное место, чем «южная анфилада», для пребывания такого отряда едва ли можно найти.

Восточное здание, как показали археологические исследования, было пристроено к массиву цитадели. Его вскрытая раскопками плановая схема довольно сложна, однако она легко членится на отдельные группы равных между собой помещений, расположенных параллельно или перпендикулярно одно другому.

Назначение описанного здания не вызвало сомнений у его исследователей: «Здание пристройки, несомненно, имело оборонительное назначение. Но отсутствие бойниц указывает, что оно не только служило целям обороны, а было, видимо, предназначено для пребывания в нем людей..., т. е. оно одновременно было казармой, где располагался «гарнизон», несущий охрану дворца и цитадели».[116]

VI. На городище Батур-Тепа (левобережье Верхнего Зеравшана) А. М. Мандельштам раскопал часть здания VII—VIII вв., план которого, к сожалению, еще не опубликован.[117] Судя по описанию, здание состоит из центрального сводчатого коридора и узких комнат, примыкающих к нему торцами, по пяти с обеих сторон. Главный вход расположен в восточном торце коридора. Дверные проемы, ведущие из коридора в комнаты, сдвинуты с осей комнат в сторону одной из продольных стен.

Все эти характерные черты планировки, за исключением количества помещений, вполне могли бы войти в описание здания на городище Калаи Кахкаха I или Тирмизак-Тепа, близких Батур-Тепе и хронологически, и территориально.

VII. «Курган». Под таким названием известно сырцовое здание, находившееся в северной части Старого Термеза, вблизи средневековой городской стены. Точное время его постройки неизвестно. Б. Н. Засыпкин, первый исследователь этого памятника, считал его общежитием при мечети и относил, таким образом, к мусульманскому времени.[118] В. А. Шишкин, производивший здесь раскопки, датирует «Курган» VI—VII вв.[119] Однако оба исследователя согласны в том, что он был не жилым замком, а типом культового общежития. Здание, первоначально бывшее двухэтажным, являет собой образец симметричной «коридорно-гребенчатой» планировки. По сторонам центрального входного коридора, делящего его пополам, размещено по пяти совершенно одинаковых продолговатых «келий», обращенных к нему торцами. Боковые фасады были оформлены полукруглыми гофрами.

---

[115] В. А. Шишкин. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.), стр. 27.

[116] В. А. Нильсен. Варахшская цитадель. Тр. Ин-та истории и археол. АН УзССР, вып. 8, Ташкент, 1956, стр. 88.

[117] А. М. Мандельштам. Раскопки на Батур-Тепе в 1955 г. Тр. АН Тадж. ССР, т. 63, Душанбе, 1956, стр. 57—59.

[118] Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры Термезского района. Культура Востока, 2, М., 1928, стр. 18, 19.

[119] В. А. Шишкин. «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза, Тр. АН УзССР, Термез. археол. эксп., т. 2, Ташкент, 1945, стр. 98—131.

Не отрицая, что «Курган» мог быть сооружен в качестве общежития при храме, а впоследствии и при мечети (для нас важен сам факт атрибуции его общежитием), мы хотели бы указать и на допустимость его использования как здания казарменного типа, как форпоста на окраине расширяющегося ремесленного пригорода. Во всяком случае, такое предположение не противоречит результатам археологических исследований, а чрезвычайно близкое сходство планировки термезского дома с рассмотренными выше постройками подводит под него некоторую базу.

VIII. Дом в Сарыге (северная Киргизия)[120] состоит из центрального коридора и нескольких узких коридорообразных помещений, обращенных к нему торцами. Раскопки здания не были завершены, однако в раскрытой части оно своей планировкой поразительно напоминает рассматриваемые постройки Шахристана. А. Н. Бернштам, проводивший раскопки и исследования этого памятника, датировал его VI—VII вв., однако размер сырцового кирпича указывает, по мнению Г. А. Пугаченковой, на более позднее время (IX—X вв.).

IX. Замок Калаи-Боло (южнее Исфары)—памятник с многовековой историей. Воздвигнутый в VI—VII вв., он служил резиденцией местного бека еще в XVIII—XIX вв., причем за время столь длительного существования его планировка неоднократно и кардинально менялась.[121] Нас интересует в данном случае планировка, которую Калаи-Боло получил в XI—XII вв., когда он после долгих лет запустения вновь стал резиденцией крупного феодала. К этому времени высокая платформа замка была разделена на две части: на севере сохранились следы большой парадной комнаты, некогда, видимо, связанной с недошедшим до нас комплексом жилых помещений, а южная сторона, отделенная от северной квадратным двориком, состояла из двух рядов одинаковых продолговатых комнат, открытых дверными проемами, прорезанными в торцах, в разделяющей их центральный коридор. Пропорции этих помещений уже не столь вытянуты, но в остальном все принципы «коридорно-гребенчатой» планировки здесь полностью соблюдены: перед нами все та же система аскетически простых келий, выстроившихся по сторонам прямого коридора,—система сурового воинского общежития.

Характерно подчеркнутое разделение северного предполагаемого жилого комплекса помещений и южного, а также и то, что оба они имели независимые один от другого и не сообщавшиеся между собой входы. Подобное планово-композиционное решение может быть объяснено функциями крупного феодального замка, объединявшего в своих стенах жилье владельца-правителя и место постоянного пребывания его боевой дружины.

X. Наиболее поздний пример интересующего нас приема планировки—здание на городище Старой Нисы (Южная Туркмения), датируемое XIV в.[122] Оно состоит из трех пар продолговатых, изолированных, расположенных одна против другой комнат, разделенных широким и, видимо, ничем не перекрытым коридором, в который выходят двери всех помещений. Ничего нового к описанному выше эта элементарная схема не прибавляет. Исследователи с полным основанием видят в данном зда-

---

[120] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

[121] Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, стр. 70—137.

[122] Е. А. Давидович. Отчет о раскопках 1947 г. на площади квадратного зала Старой Нисы. Тр. Южн.-Туркм. археол. компл. эксп., т. 2, Ашхабад, 1951, стр. 134 — 141.

нии «...постройку официального, может быть, казарменно-сторожевого назначения».[123] Сооружение в XIV в. *подобного здания* свидетельствует о древней, но еще далеко не изжившей себя традиции.

Вышеизложенное показывает, что рассмотренный тип планировки был в течение многих веков свойственен зданиям определенного, сравнительно узкого назначения, связанным, по-видимому, с задачами обороны и размещения войск. В одних случаях это городские казармы, поставленные с таким расчетом, чтобы живущие в них воины могли без труда и быстро занять линию обороны (Топрак-Кала, Варахша, Қахкаха I, Термез) в других—укрепленные сторожевые посты, возведенные в стратегически важных пунктах (замок на горе Муг, Тирмизак-Тепа) или жилье феодальной дружины (Қалаи Боло). Однако почти во всех случаях можно предполагать, что это не жилище, приспособленное для обитания семейного коллектива, не жилье феодала, земледельца или горожанина. Поэтому едва ли справедливо представлять «коридорно-гребенчатую» систему планировки в качестве исходной точки развития среднеазиатского жилища (пусть даже только феодального) эпохи средневековья,— в качестве той первичной схемы, которая впоследствии, в силу неясных причин, трансформировалась в жилище центрического типа. Недостаточно обоснованным кажется и стремление представить «коридорно-гребенчатую» систему планировки свойственной лишь отдельным районам Средней Азии и не свойственной, скажем, Хорезму: пример Топрак-Қалы и Гяур-Қалы едва ли может быть сброшен со счетов. По этой же причине трудно согласиться с гипотезой В. Л. Ворониной, видящей в «коридорной» системе планировки тип жилища, приспособленного для расселения большесемейных домовых общин—парных семей, составляющих большую патриархальную семью. Подобной точке зрения противоречит приведенный выше материал, да кроме того сохранение такой формы жилища в XI—XIV вв. в высококультурных областях Термеза, Исфары и Нисы было бы ничем не оправданным анахронизмом.[124]

«Коридорно-гребенчатая» система планировки намного пережила породившую ее эпоху. Как специфическая форма среднеазиатского жилья общественного типа она сохранилась и получила дальнейшее развитие в зданиях медресе, ханако и караван-сараев периода развитого средневековья, в значительной мере определив специфику планового и объемно-пространственного решения этих сооружений. Ряды вытянутых в одну линию продолговатых, сводчатых, не сообщающихся между собой единообразных келий-худжр составляют подавляющую массу помещений в зданиях медресе—высших учебных заведений Средней Азии, архитектурный тип которых сложился в XI—XII вв. Ничем принципиально не отли-

---

[123] Е. А. Давидович. Отчет о раскопках 1947 г. на площади квадратного зала Старой Нисы. Тр. Южн.-Туркм. археол. компл. эксп., т. 2, Ашхабад, 1951, стр. 141

[124] Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский, прослеживая эволюцию интересующего нас планировочного приема, усматривают этап этой эволюции в следующих типах: 1) коридорообразные комнаты, равные по размеру и сомкнутые продольными стенами, соединены проемами, расположенными вдоль общей торцовой стены. Коридор при этом отсутствует (пример—замок на горе Муг и южная башня Варахши); 2) сквозной ряд проходов отделяется от помещений стеной, параллельной внешним стенам,—образуется односторонний коридор, в который выходят двери комнат (пример один, гораздо более ранний,— северо-восточная башня Топрак-Калы); 3) коридор переносится на продольную ось здания, комнаты располагаются по обеим его сторонам (примеры—Калаи Боло, и дом XIV в. в Старой Нисе и др.). См. Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, стр. 191, рис. 90). Эта схема не подтверждается вышеприведенным материалом, показывающим, что все три «исторических этапа» фактически существовали одновременно в VII—XII вв., а прием, соответствующий второму этапу, бытовал еще в рабовладельческую эпоху.

чается от этой системы расположение келий в суфийских общежитиях — ханако и комнатах для приезжих купцов в караван-сараях. Во всех крупных, как правило, общественных сооружениях наличествует все та же древняя архитектурно-планировочная идея, развитие которой мы проследили на ряде памятников предыдущих эпох, и которая, по-видимому, не была свойственна обычному типу среднеазиатского жилья эпохи рабовладения и феодализма.

Судя по рассмотренным примерам, «коридорно-гребенчатая» планировка, по-видимому, не была продуктом развития какого-либо отдельного направления среднеазиатской архитектуры: возникшая из реальных потребностей общественной жизни и обусловленная возможностями строительной техники, она была распространена повсеместно, от Хорезма до Термеза и от Нисы до Исфары. Следовательно, шахристанская «казарма» и Тирмизак-Тепа едва ли представляют собой памятники, удобные для изучения специфических, свойственных только раннесредневековой Уструшане архитектурных приемов и форм. Местные особенности архитектуры сказались здесь, видимо, лишь в отдельных деталях, таких, как «елочная» кладка арок, форма тромпа в углу коридора Тирмизак-Тепа и способ перекрытия этого угла. В то же время само наличие подобных деталей дает основание предполагать, что зодчество Уструшаны VII—VIII вв. обладало своими особенностями, техническими и художественными, связанными и особенностями местной материальной культуры, и специфическими чертами местного общественного уклада. Очевидно, характер этих особенностей может быть прослежен с наибольшей отчетливостью на примере других, менее «универсальных» памятников древнего Шахристана.

2) ЗДАНИЕ ДВОРЦОВОГО ТИПА И ЕГО РЕКОНСТРУКЦИЯ

К числу таких памятников нужно в первую очередь отнести монументальное здание дворцового типа, раскопанное на городище Калаи Кахкаха II в период 1955—1960 гг. (рис. 24, 47). Здесь мы попытаемся раскрыть примененные в его архитектуре конструктивно-художественные решения и представить его первоначальный облик.

Шахристанский замок был сооружен, в основном, в течение одного строительного периода. Более поздние переделки и пристройки легко отличимы от первоначального сооружения, что дает возможность с большой ясностью разглядеть художественный и конструктивный замысел его создателей. Этот замысел отличается цельностью и продуманностью, свидетельствующими о твердом проведении в жизнь заранее намеченной архитектурной идеи. Остановимся на конструктивном и объемно-пространственном решении замка, что позволит в дальнейшем уяснить смысл его несколько необычных архитектурных форм.

Здание сооружено из блоков пахсы и крупного сырцового кирпича (средний размер—49×24, 5×9—10 см), причем употребление этих основных материалов строго подчинено сложной уступчатой конфигурации его объемов. Основанием сооружению служит слой материковой гальки, поверхность которого слегка понижается в западном направлении. Непосредственно на этот слой поставлены стены нижнего (восточного) комплекса помещений. Основанием для верхних ярусов служит мощная платформа—стилобат, сложенная из двух рядов крупных пахсовых блоков; общая высота платформы составляет 2,40 м, а высота каждого слоя отдельно—соответственно 1,20 м. Эта высокая платформа выступает на западном фасаде в виде цоколя с наклонной назад под углом 32° поверхностью, расчлененной на отдельные вертикальные, перевязанные между собой квадры (рис. 40). В данном случае «рустованный» стилобат за-

падного фасада представляет собой не поверхностную, декоративную нарезку слоев пахсы—прием, известный по большому количеству среднеазиатских памятников предарабской эпохи.[125] Разделенные двухсантиметровыми швами квадры, шириной в 103 см., действительно являются торцами пахсовых «брусьев», уложенных в два слоя во всю глубину глинобитной платформы. «Брусья» эти уложены в направлении запад—восток, что представляется весьма логичным, ибо извилистый восточный контур стилобата, совпадающий с западной границей нижнего яруса, создал бы при ином, поперечном направлении большие трудности для строителей.

Стены замка в основном сложены в технике «комбинированной кладки», состоящей в последовательном чередовании рядов кирпича и тонких слоев пахсы. Выше отмечалось, что часть западного фасада замка была еще в древности закрыта сооруженной здесь пристройкой. Это обстоятельство счастливо отразилось на сохранности заложенной части фасада, совершенно исключительной для древнего сырцового среднеазиатского здания. После удаления примыкающей к фасаду части пристройки этот крупный участок стены (около 45 м²) выглядел так, словно еще вчера вышел из рук строителей. На его гладко оштукатуренной глиняным раствором поверхности с отчетливыми следами ремонтных подмазок не было заметно дождевых потеков, что свидетельствует, между прочим, о том, что сооружение пристройки велось в конце лета, до начала осенних дождей. Рассмотрение особенностей кладки стен Шахристанского замка удобно произвести на примере этого участка фасада, прекрасно сохранившегося и к тому же связанного с интерьером здания двумя крупными проемами (рис. 40 и 42). Поверхность стен западного фасада наклонена внутрь, подобно поверхности расположенного ниже пахсового стилобата. Однако угол наклона здесь составляет всего лишь 10°. Изнутри плоскость внешней стены вертикальна. Сужение фасадной стены кверху хорошо прослеживается при измерении щек оконного проема юго-западного помещения: в то время как у основания проема толщина стены равна 252,5 см, у верха проема на 147 см выше она составляет 232,5 см. Кладка начинается трехсантиметровым отступом, образующим на границе между стилобатом и стеной узкую полочку. Первый ряд кирпичей лежит непосредственно на пахсовой платформе; между уложенными тычком кирпичами оставлены промежутки в 15—20 см. Далее следует слой пахсы, который заполняет промежутки между кирпичами и доводит общую высоту кирпично-пахсового слоя до 24—26 см. Затем на выровненную поверхность первого слоя укладывается второй, ложковый ряд кирпичей с такими же широкими промежутками, и на него снова наращивается пахсовый слой высотой в 15—16 см. Таким образом, кладка продолжается вверх со строгим чередованием тычковых и ложковых рядов, однако без вертикальной перевязки швов: кирпичи последующего ряда укладываются без расчета на расположение кирпичей предыдущего ряда. В некоторых местах кладки фасада нами были замечены тонкие вертикальные швы, отделяющие кирпичи одного ряда вместе с наращенной на них пахсой от расположенных между ними пахсовых заполнений, имеющих форму вертикальных вставок. В связи с этим наблюдением процесс кладки рисуется несколько более усложненным: очередной лицевой ряд кирпича в этом случае не заливали сплошь глиной, но, по-видимому, наращивали пахсой отдельно каждый кирпич, и лишь затем

---

[125] В. Л. Воронина. Древняя стоительная техника Средней Азии, «Архит. насл.», № 3, М., 1953, стр. 10, рис. 7; С. Г. Хмельницкий. Опыт реконструкции буддийского храма городища Ак-Бешим, стр. 250.

забивали пахсовыми вставками широкие швы между образованными таким образом небольшими двухслойными блоками (рис. 45).

Подобный способ комбинированной кладки был, видимо, нередок в доарабском зодчестве Средней Азии. В. Л. Воронина, классифицируя строительные приемы древней среднеазиатской архитектуры, отмечает наличие его на Мунчак-Тепе и в Пенджикенте, т. е. в памятниках, и территориально, и хронологически близких шахристанскому замку.[126] Он зафиксирован также В. А. Шишкиным в Варахше, где был употреблен при строительстве древнейшей доарабской части дворца.[127]

Но наряду с чертами несомненной типичности, комбинированная кладка шахристанского замка обладает особенностью, которая резко выделяет ее из ряда аналогичных, известных до сих пор приемов. Особенность эта состоит в следующем. У всех кирпичей лицевого ряда угол между постелью и выходящей на фасад узкой (ложковой или тычковой) гранью обрезан под 45°; у угловых кирпичей обрезаны соответственно два края постели. Срез составлял 2,5—3 см, т. е. примерно треть высоты кирпича. Едва ли эта операция производилась при формовке: в таком случае она требовала бы не меньше трех различных форм (для обычных кирпичей, идущих во внутренние части кладки, тычковых и ложковых рядов) и сильно усложнила бы процесс строительства. Скорее всего, срезы производились по готовому сырому кирпичу, непосредственно перед его укладкой. Полученные таким образом дополнительные узкие грани образовывали на глади стены горизонтальные, треугольные в сечении прорези, затененные и потому резко выделяющиеся на светлой, гладко оштукатуренной поверхности. Ровный верх пахсового слоя являлся нижней гранью каждой такой прорези; вертикальные пахсовые вставки, заполняющие промежутки между сырцово-пахсовыми элементами следующего ряда, образовывали ее боковые треугольные грани, а верхний косой гранью являлся самый срез кирпича. Таким образом, когда готовая стена покрывалась слоем скрывавшей ее структуру глиняной штукатурки, она оказывалась как бы перетянутой множеством прерывистых, «пунктирных» линий, соответствующих числу рядов кладки. Это своеобразное контррельефное убранство, внешне как будто никак не связанное с формой составляющих стену элементов—сырца и пахсы, в то же время очень точно (хотя и «иносказательно») передавало внутреннюю структуру стены. Действительно, чередующимися рядами длинных и коротких прорезей-пунктиров выразительно подчеркивается чередование ложковых и тычковых рядов кирпича. Характер конструкции, таким образом, выявлен с помощью хитроумного, чисто художественного приема, в то время как сама она спрятана под ровным, нивелирующим слоем обмазки.

Так оформлены все стены замка, как внешние, так и внутренние, сложенные в технике описанной комбинированной кладки. «Пунктирами» были украшены даже щеки дверных и оконных проемов. Декоративный смысл этого приема не вызывает сомнений. Он подчеркивается еще и тем, что, как показал шурф в центральном помещении верхнего яруса, «пунктиры» оформляли только открытые обозрению части стен, скрытые же под полом ряды кладки, при той же самой структуре, не были украшены «пунктирами». С помощью этого шурфа установлена сложная система субструкции помещений верхнего яруса, тесно связанная с конструктивно-пространственной организацией всего здания в целом. Ниже мы по-

---

[126] В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии, стр. 12, рис. 9 (2б).

[127] В. А. Шишкин. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.), стр. 14.

пытаемся дать представление об этой необычайно продуманной и стройной системе, свидетельствующей о высоком мастерстве и удивительном пространственном воображении древних уструшанских зодчих.

Пахсовая платформа стилобата ограничивается в плане уступчатой линией, совпадающей с восточной стеной шахты пандуса, северной и восточной стеной кухни и восточной стеной примыкающего к кухне с юга помещения (план, рис. 44). Стены, оконтуривающие эту линию с востока, стоят непосредственно на материке. Они сложены в технике описанной комбинированной кладки и по отношению к пахсовой платформе, примыкающей к ним с запада, играют роль футляра. Выше платформы, на ее поверхности, уложены два ряда комбинированной сырцово-пахсовой кладки общей высотой в 0,5 м, как бы прослаивающие все здание. На западном фасаде они выступают как два нижних ряда «пунктирной» кладки фасадной стены; во всех помещениях среднего яруса, включая коридор, они также расположены в основании стен, непосредственно у пола, роль которого здесь играет поверхность стилобата; наконец, они сливаются со стенами помещений нижнего яруса, образуя здесь два верхних ряда комбинированной пунктирной кладки. По отношению к помещениям верхнего яруса указанные ряды играют роль основания платформы, поднимающей их над остальными помещениями замка. Выше этого основания массив платформы состоит из двух мощных пластов пахсы высотой около 70 см каждый. Конструкция платформы аналогична конструкции стилобата: слои состоят из «брусьев», уложенных в направлении запад—восток, разрезанных на отдельные квадры и перевязанных по высоте: «брусья» верхнего ряда сдвинуты на половину ширины по отношению к «брусьям» нижнего ряда. Характерно, что размеры этих крупных конструктивных элементов увязаны с размерами помещений: ширину верхней комнаты-лоджии составляют 5 «брусьев» пахсы, а толщина каждой из боковых стен точно соответствует ширине одного «бруса», равной, с небольшими отклонениями, одному метру. В то же время один слой комбинированной «пунктирной» кладки, высота которого в среднем равна 27 см, составляет ровно треть высоты стандартного пахсового «бруса».

На чертеже, изображающем разрез через западные помещения замка (рис. 25, *3*), отчетливо видна взаимосвязь между платформой верхнего яруса и расположенными на ней стенами, в основании которых лежит еще один (третий по высоте) пахсовый «брус». Последний является органическим продолжением платформы вверх, без нарушения строгой перевязки отдельных блоков-«брусьев». Здесь видно также, что разделка на блоки западной стены коридора среднего яруса состоит в большей части из торцов вышеупомянутых «брусьев» и выглядит, таким образом, своеобразным, выполненным в натуре разрезом, наглядно демонстрирующим внутреннюю структуру пахсовой платформы. Восточная стена юго-западного помещения также сложена из блоков пахсы, размером и расположением не отличающихся от восточной грани платформы, продолжением которой она является. В то же время боковая грань платформы составляет нижнюю часть северной стены этого помещения. Отметим кстати, что два слоя комбинированной кладки, играющие роль основания платформы, выступают внутрь юго-западной комнаты и образуют вдоль ее северной стены упомянутую выше суфу.

Таким образом, в основе пространственно-конструктивной системы западных помещений замка лежит единый модуль—пахсовый блок сечением 70×95—100 см, кратный, с одной стороны, более мелкому элементу—слою комбинированной кладки, и с другой — размерам стен и пролетам самих помещений. Однако двойной стосорокасантиметровый пласт

разбитой на блоки пахсы, являющийся основанием помещений верхнего яруса, не ограничен лишь этой частью здания. Подобно двум расположенным под ним рядам комбинированной кладки, он прослаивает все внутренние стены замка на высоте 2,30—2,40 м от уровня полов нижнего яруса. Строители явно стремились создать прочную конструктивную связь между всеми помещениями, расположенными на разных уровнях, и этим объясняется странное, на первый взгляд, сочетание материалов в стенах нижних помещений: на двенадцати рядах комбинированной пунктирной кладки (они здесь тоньше, чем в западной части здания, и составляют 19—21 см, за счет менее толстой прослойки пахсы) лежат два ряда тяжелых пахсовых блоков.

В древней архитектуре Средней Азии пахса, как более тяжелый материал, обычно употреблялась в качестве основания для сырца. В случае чередования пахсовых и сырцовых слоев (как, например, в буддийском храме VII—VIII вв. в Ак-Бешиме)[128] в основание стен укладывался все-таки слой пахсы. Едва ли можно понять отступление шахристанских строителей от этого разумного правила, если рассматривать данный прием сам по себе, без учета общей конструктивной системы здания. Строители позаботились даже о перевязке западной фасадной стены с расположенной за ней пахсовой платформой верхнего яруса: в то время как верхний пласт блоков-«брусьев» примыкает к внутренней поверхности этой стены, нижний пласт внедряется в ее толщу более чем на метр. Эта перевязка хорошо видна в северо-западном углу юго-западного помещения, где специально с этой целью был сделан зондаж.

Подводя итоги приведенному выше по необходимости сложному описанию, отметим несколько основных моментов. Обнаруженное в шахристанском замке своеобразное убранство стен с помощью пунктирных прорезей не находит пока прямых аналогий в известных ныне архитектурных памятниках Средней Азии предарабского периода и является, таким образом, уникальным. Характерной чертой предарабского зодчества Средней Азии является независимость художественного убранства стены от ее внутренней структуры. Строители Хорезма, Пенджикента, Варахши не только не пытались связать убранство своих построек с конструктивными приемами, выявить эти приемы художественными средствами, но, наоборот, стремились замаскировать конструктивную основу построек с помощью штукатурки, живописи, рельефной ганчевой декорации. Между тем уже памятники X—XI вв. демонстрируют, как известно, прямо противоположный принцип декоративного убранства, основанный на максимальном выявлении художественного эффекта самой кирпичной кладки, ее фактуры, ритма и конструктивных особенностей. Столь резкий разрыв художественных традиций и взглядов едва ли был возможен; между двумя принципиально противоположными методами декоративного убранства должны были существовать какие-то промежуточные этапы.

Таким недостающим звеном и представляется «пунктирное» убранство Шахристанского замка. Функциональная связь внешнего оформления стен со способом их кладки видна здесь уже вполне отчетливо: пунктирные прорези своим расположением и размерами соответствуют структуре комбинированной кладки, чередующимся тычковым и ложковым рядам сырца. Правда, они выявляют внутреннюю структуру стены косвен-

---

[128] Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953 — 1954 гг....

но, иносказательно, но первый шаг сделан: сама кладка, еще скрытая слоем глиняной обмазки, становится источником художественного эффекта.[129]

Южный фасад мавзолея Араб-Ата в Тиме (977 г.) наглядно показывает связь этого, по-видимому, традиционного приема со следующим историческим этапом развития среднеазиатской архитектуры. В оформлении этого фасада, состоящем из характерной кладки парными кирпичами, разделенными широкими швами, имеется странная, на первый взгляд, особенность: нижний кирпич каждой пары сколот снизу по всей длине примерно на половину своей толщины. Образовавшиеся выемки заполнены ганчевым раствором и затерты. Так создается впечатление, что нижние кирпичи каждой пары тоньше лежащих на них верхних.

Тщательное обкалывание нескольких сотен жженых кирпичей, ничего не прибавившее к художественному эффекту «парной» кладки и, безусловно, затруднившее работу строителей, само по себе выглядит необъяснимым. Оно становится понятным при сравнении с «пунктирной» кладкой Шахристанского замка, где каждый лицевой сырцовый кирпич точно так же обрезан снизу. Только силой широко распространенной и давней традиции можно объяснить это перенесение приема, зародившегося в сырцовой кладке, на новый неподатливый материал, причем перенесение чисто механическое, ибо декоративный эффект парной кладки построен, очевидно, на совершенно ином принципе. В то же время исключительно эффектная декоративная кладка парными, разделенными вертикальной вставкой кирпичами, столь характерная для среднеазиатского зодчества X—XIV вв. и придавшая ему немалую долю неповторимого своеобразия, находится в прямой связи с «пунктирной» кладкой Шахристанского замка. В последней, по существу, налицо уже все составляющие элементы будущей «парной» кладки: два горизонтальных элемента—кирпич и лежащая на нем прослойка пахсы, и вертикальная пахсовая вставка. Правда, горизонтальные элементы здесь еще неодинаковы: пахсовая прослойка несколько толще кирпича (именно эту особенность по традиции, не считаясь с иным материалом, воспроизводит мавзолей в Тиме), и способ внешнего выявления конструкций здесь иной, более архаичный. Поиски оптимального решения еще явно не завершены. И все же само наличие этих элементов и их взаимосвязь свидетельствуют о том, что «пунктирная» кладка Шахристанского замка—прямой предшественник «парной» кладки, ставшей на многие века характерной чертой среднеазиатского зодчества.

Что касается охватывающей все здание пространственно-конструктивной системы, то отдельные ее элементы—пахсовые блоки, комбинированная кладка, расширение стен книзу и т. д.—были типичными и широко распространенными в древнем строительном искусстве Средней Азии; они встречаются в большинстве известных ныне среднеазиатских памятников VI—VIII вв. Однако исключительной должна быть признана та многообразная и остроумная связь, с помощью которой все эти элементы были слиты в единый архитектурный организм, в сложное сочетание объемов и замкнутых пространств, несомненно обусловленное определенными общественно-бытовыми функциями здания. Наконец, необычной является последовательность, с которой строители сочетали художественное убранство стен с их внутренней структурой. Выше отме-

---

[129] Поиски декоративного выявления внутренней структуры стены велись уструшанскими зодчими этой эпохи в разных направлениях. Об этом свидетельствует комбинированная кладка Мунчак-Тепа, выполненная из пахсы и сырца разных оттенков и, очевидно, рассчитанная на декоративный эффект (В. Л. Воронина. Изучение архитектуры древнего Пянджикента..., стр. 191).

чалось, что пунктирными прорезями украшены лишь те стены (как внешние, так и внутренние), которые сложены в технике комбинированной кладки. Этот принцип не нарушался даже тогда, когда стены одного и того же помещения оказывались возведенными из разного материала. Так, две стены юго-западного помещения, южная и западная, сложенные из рядов комбинированной кладки, украшены «пунктирами», в то время как северная и восточная стены, сложенные из пахсовых блоков, сохраняют гладкую, расчлененную на крупные квадры поверхность. Строителей в данном случае не смутили различия графического узора стен одного, к тому же небольшого помещения.

Остановимся теперь на особенностях конструктивного и художественного решения отдельных помещений.

«Вестибюль» нижнего яруса был перекрыт сырцовым сводом, основание которого сохранилось с обеих сторон в виде криволинейно нависающих рядов кладки (рис. 25, *2*; 26). Пяты свода слегка выступают из плоскости стен, а с северной стороны свод дополнительно опирается на четыре ряда выступающих из стены кирпичей. Сохранившиеся части сводчатой поверхности образованы напуском горизонтально лежащих рядов кирпича—мы имеем, таким образом, дело с так называемым ложным сводом, безусловно являвшимся лишь основанием для настоящей, расположенной выше сводчатой оболочки. Последняя, несомненно, была возведена в технике наклонных или поперечных отрезков—самой распространенной в древней технике сводчатых конструкций среднеазиатского сырцового строительства. Именно в этой технике выполнен дошедший до нас свод, перекрывающий наклонный коридор пандуса. Пяты свода вестибюля расположены на разной высоте: северная — на расстоянии 2,90 м от пола, южная—на расстоянии 3,30 м. Подобная разность уровней пят известна по ряду образцов древнего зодчества Средней Азии.[130] Она характерна для помещений, граничащих с внешней стеной здания, причем в этом случае внутренняя пята всегда лежит выше внешней, и асимметричный «ползучий» свод работает как контрфорс, противостоя распору внутренних частей сооружения. К сожалению, сохранившиеся нижние участки поверхности свода недостаточны для точного восстановления его кривой и ее последующего пропорционального анализа. Однако они позволяют судить об общей эллиптической форме свода, наиболее характерной для среднеазиатской архитектуры раннефеодального периода, и определить первоначальную высоту помещения, составлявшую примерно 4,75 м.

Стены вестибюля, включая щеки входного проема, сложены в технике комбинированной кладки и соответственно этому украшены горизонтальными рядами пунктирных прорезей. Верхние участки западной и южной стен состоят из двух рядов крупных пахсовых блоков—это ничто иное, как отмеченное выше продолжение пахсовой платформы верхнего яруса, распространенное на все внутренние стены. Для того чтобы опереть на стену южную пяту свода, строителям пришлось вырубить в пахсовой прокладке стены ступень, протянувшуюся во всю длину помещения. Верхний ряд блоков был при этом подрублен на всю высоту, нижний—примерно на 20 см, т. е. на высоту двух рядов сырцовой кладки. На образовавшийся горизонтальный уступ был затем уложен нависающий пояс—фриз, и выше—первые, еще горизонтальные ряды кладки свода. В результате больше половины высоты пахсовой прокладки оказалось

---

[130] В. Л. Воронина. Ук. раб., стр. 17, 18.

скрыто в глубине кирпичного основания свода, что привело к впечатлению, будто по верху южной стены вместо стандартных двух рядов пахсы уложен лишь один, более узкий ряд.

Следует отметить еще одну особенность продольных стен вестибюля: их поверхности не вертикальны, а несколько наклонены назад. Угол наклона составляет около 3°. Наклон стен в данном случае, безусловно, связан со сводчатым характером перекрытия, распору которого они должны противостоять. Подобный прием, благодаря которому стены успешней сопротивляются силе распора свода, зафиксирован на многочисленных памятниках древней и средневековой архитектуры Средней Азии: в Хорезме (куполное помещение и арочные проемы замка № 36 Беркут-Калинского оазиса, VIII в.), в Чаче (арочные проемы Ак-Тепа, VI—VII вв.), в Киргизии (арочный проем буддийского храма в Ак-Бешиме)[131] и, наконец, в самой Уструшане (арочные проемы Мунчак-Тепа[132] и стены большого помещения Тирмизак-Тепа). В последующие эпохи этот прием не исчез; он сохранился и в строительстве из жженого кирпича, о чем свидетельствуют, например, грандиозные портальные арки самаркандских построек XIV—XVII вв.: мечети Биби-Ханым, медресе Улугбека, Шердор и Тилло-Кори. Щековые стены их порталов имеют ясно различимый наклон, благодаря которому пролет портальных ниш у основания меньше пролета у пят свода.[133]

Отметим еще один своеобразный декоративный прием, использованный в убранстве вестибюля. Швы кирпичной кладки свода и расположенного ниже выступающего фриза подчеркнуты параллельными бороздками, продавленными пальцами в сырой массе глиняного раствора. Эти двойные и тройные линии создают на поверхности глиняной штукатурки орнаментальный узор, весьма точно соответствующий характеру кладки и, таким образом, художественно выявляющий ее. И здесь мы видим постоянную связь между конструкцией и ее художественным выражением, столь характерную для архитектуры замка в целом. Аналогичными декоративными швами украшен внутренний фасад арочной перемычки входного проема. Это единственная арка замка, дошедшая (хотя и не в совершенной сохранности) до наших дней (рис. 27). Она относится к типу ползучих: западная пята опирается на поперечную к плоскости арки западную стену вестибюля. Пролет арки (117 см) на 10 см меньше ширины самого проема за счет небольшого выступа пят. Кладка арки «комбинированная» (по классификации В. Л. Ворониной).[134] В ее основании (правом, доступном обозрению) расположено «плечо», сложенное в технике клинчатой кладки и состоявшее, по-видимому, из шести расчленен-

---

[131] Л. Р. Кызласов. Ук. раб., стр. 174, рис. 16.

[132] В. Л. Воронина. Ук. раб., стр. 24, рис. 27. Автор указывает здесь, что «форма проемов с аркой описанного типа (с клинчатой, веерообразной перемычкой—С. Х.) и скошенными стенками может считаться локальным признаком, характерным, очевидно, для Осрушаны в целом». Между тем ареал распространения арочных проемов и сводчатых помещений со скошенными стенами выходит, безусловно, далеко за пределы собственно Уструшаны.

[133] Ш. Е. Ратия (Мечеть Биби-ханым в Самарканде. М., 1950, стр. 62) считал, что расширение вверх проема портальных ниш указанных памятников, а также наклон внутрь их фасадных плоскостей имели две цели: во-первых, обеспечение большей устойчивости и длительной сохранности облицовок; во-вторых, в случае с арками—создание приятного оптического эффекта. Первое предположение опровергается тем, что означенный прием веками употреблялся в постройках, совершенно лишенных облицовки. Что касается наклонности щековых стен порталов самаркандских памятников, то конструктивный, а не художественный смысл этой формы опять-таки подтверждается большим количеством древних примеров. Здания, в которых этот прием употреблен, в основном очень скромного размера, не нуждались, конечно, в предполагаемых Ш. Е. Ратия оптических поправках.

[134] В. Л. Воронина. Ук. раб., стр. 23.

ных рядов кирпича обычного размера. Ряды, составляющие «плечо», резко убывают по длине: в то время как нижний ряд, наклоненный к горизонту на 5° и состоящий из неполных двух кирпичей, равен 80 см, шестой ряд, наклоненный к горизонтам на 22° и состоящий уже из одного кирпича с четвертью, равен 60 см. Выше своего единственного плеча арка сложена из пяти концентрических, уложенных плашмя рядов. Кладка плашмя не ограничивается венчанием арки, но, по-видимому, доходит до левой пяты, скрытой в толще поперечной стены. Арочная перемычка имеет, таким образом, вид широкого архивольта, внешний контур которого образован более пологой кривой, чем внутренний. Вероятно, это обстоятельство вызвано тем, что высота внешнего контура арки лимитировалась высотой пяты свода, в которую арка упирается. Пересечение арки и свода вызвало бы здесь появление распалубки, весьма усложняющей конструкцию. Интересно, что внешняя арка входного проема, детали которой с трудом просматриваются на сильно разрушенной поверхности северного фасада, отличалась, по-видимому, иными очертаниями и структурой. Она была заключена в прямоугольную рамку и имела значительно более высокую стрелу подъема внешнего контура. Сложена она была из уложенных плашмя рядов сырца, без «плеч», причем ряды эти расходились веерообразно из центров, расположенных на уровне пят. Кривизна каждого последующего ряда была, таким образом, больше кривизны предыдущего. Плохая сохранность внешней арки помешала, к сожалению, ее детальному изучению и фиксации. Что касается внутренней арки, то ее конструкция имеет близкие аналогии в ряде среднеазиатских построек той же эпохи. Сочетание клинчатых «плеч» и выведенного плашмя зенчания характерно для арок Ак-Тепа, где уложенное плашмя венчание все же опирается на тонкую клинчатую перемычку;[135] Варахши, где наружный контур архивольта ограничен пределами венчания, а кладка «плеч» сливается с кладкой стены;[136] Пенджикента[137] и Ак-Бешима.[138] Последний пример весьма близок сходством конструкции (в Ак-Бешиме она усложнена разгрузочным клинчатым рядом полукирпичей, облегающих сверху сложенное плашмя венчание), а также тем, что здесь второй фасад арочного проема целиком сложен в технике кладки плашмя. В то же время арка Шахристанского замка отличается характерной асимметричностью кладки, не имеющей как будто аналогии среди известных нам в среднеазиатском зодчестве способов возведения арок. Отметим попутно, что описанная арка по форме и способу кладки составляет исключение из большого числа арочных перемычек, выявленных на других памятниках древнего Шахристана. Все они являют собой образцы «елочных» арок, характеризующихся следующими основными чертами:

1. Кирпичи в перемычке составляют две в общем симметричные ветви.

2. Расположение кирпичей в ветвях наклонное, почти параллельное, внешние края приподняты.

3. Перемычка не имеет внешнего контура и сливается с окружающей кладкой (единственное исключение—арка в погребе Тирмизак-Тепа, сложенная аналогичным образом, но оконтуренная стрельчатым архивольтом).

---

[135] В. Л. Воронина. Ук. раб., рис. 25.

[136] В. А. Шишкин. Ук. раб., стр. 56, рис. 10.

[137] В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пенджикента. Тр. Тадж. археол. эксп., т. 3, Мат-лы и иссл. по археол. СССР, № 66, М., 1958, стр. 206, рис. 11.

[138] С. Г. Хмельницкий. Ук. раб., стр. 259—262.

4. Форма арочной кривой не зависит от характера кладки и может быть изменена с помощью растески без нарушения прочности конструкции.

В основе арок данного типа (они характерны и для Пенджикента) лежит, по-видимому, классическая клинчатая перемычка, видоизмененная в соответствии с местными строительными приемами и материалами. Характер перемычки проема, ведущего из вестибюля в зал, установить не удалось. Возможно, это была арка; не исключено также, что перемычкой непосредственно служил последний блок нижнего пахсового ряда, длина которого (120 см) превышает длину других блоков. Проем закрывался дверью, расположенной в плоскости стены вестибюля. От нее сохранился деревянный брус порога и в восточной стене—вертикальная выемка от дверной рамы. Концы порога были запущены в толщу стены с помощью специально для этого оставленных прямоугольных гнезд. Аналогичные пороги (в некоторых случаях двойные) найдены в ряде других дверных проемов замка.

Структура и убранство стен зала, а также следующего за ним помещения нижнего яруса аналогичны структуре и убранству стен вестибюля; наружные стены сплошь сложены в технике «пунктирной» кладки, а внутренние на соответствующей высоте (12 рядов «пунктиров») прорезаны двумя горизонтальными рядами пахсовых блоков. Оба ряда пахсовой прослойки видны здесь на всю их высоту. Исследование этих помещений показало, что их «пунктирное» убранство на каком-то этапе перестало устраивать владельцев замка. Новый декор был нанесен на слой глино-саманной штукатурки, скрывшей первоначальный узор «пунктирной» кладки. Он состоял из рельефных арочек, выдавленных пальцами прямо по сырой штукатурке и многократно повторенных на поверхности стен. Арочки, образованные одновременным нажатием трех пальцев, расположены в шахматном порядке—основания вышележащих арочек упираются в вершины нижележащих. Подобной системой беспрерывно повторяющихся арочек (значительно меньшего размера) были украшены и стены айвана, после того как слой новой глиняной обмазки скрыл его изначальное «пунктирное» убранство. Аналогичный узор из арочек зафиксирован и в ряде объектов Пенджикента. Своей примитивной техникой этот декор подобен тому рельефному узору, что подчеркивает, «прорисовывает» швы сырцовой кладки свода вестибюля. Оба эти мотива явились, по-видимому, основой изысканных орнаментальных композиций, украсивших памятники архитектуры следующей эпохи. В монументальном среднеазиатском зодчестве IX—XI вв. декоративное выделение определенных швов кирпичной кладки превратилось в эффектный и широко распространенный мотив. Так оформлен интерьер среднего мавзолея в Узгене: здесь ритмический узор углубленных швов создал на гладкой поверхности стен подобие строгого и нарядного графического ковра.[139] Таков и мавзолей в Сенгебесте (Иранский Хорасан), у которого орнаментальное убранство стен интерьера состоит из чередования бесконечно повторяющихся ступенчатых прорезей. Они также представляют собой орнаментированные в определенном порядке швы кирпичной кладки. Наконец, отметим великолепный мавзолей Араб-Ата в кишлаке Тим близ Катта-Кургана. Здесь интересующий нас прием употреблен снаружи, в убранстве боковых фасадов (где он чрезвычайно близок оформлению интерьера мавзолея в Сенгебесте) и деталей портала.[140]

---

[139] А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники Киргизии. М.—Л., 1950, стр. 61, рис. 18.

[140] Г. А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-Ата (из истории архитектуры Мавераннахра IX—X вв.). «Искусство зодчих Узбекистана», 2, Ташкент, 1963.

Что касается узора из арочек, то мы усматриваем его дальнейшее развитие в весьма близких орнаментальных мотивах мавзолея Шир-Кабир в Машаде (IX в.). Здесь по обеим сторонам известного ганчевого михраба расположены ганчевые же, покрытые тонкой резьбой панели, основной орнаментальный мотив которых образуют два ряда арочек, оконтуренных куфическими надписями и заполненных стилизованным растительным орнаментом. Арочки расположены в шахматном порядке: основания верхнего ряда опираются на стрельчатые вершины нижнего.[141] Наряду с развитием в монументальном зодчестве, этот орнаментальный мотив сохранил свой первоначальный облик в массовой жилой архитектуре и в таком виде дожил до наших дней.[142]

Ремонтные работы, в результате которых погибла «пунктирная» орнаментация стен нижних помещений, не ограничивались, вероятно, первым ярусом. Можно предполагать, что именно в этот момент юго-западное помещение, путем повышения уровня пола, вошло в комплекс верхних помещений, и что одновременно с этим центральная верхняя лоджия была украшена живописью, закрывшей первоначальную «пунктирную» обработку стен. Однако не исключена возможность, что живописное убранство появилось здесь позже, после пристройки дополнительного обширного и, видимо, весьма парадного помещения, которое также было украшено живописью.

Юго-западное помещение интересно прежде всего сохранившимся здесь оконным проемом (рис. 33, *2*; 39; 41). Способы естественного освещения в древней архитектуре Средней Азии все еще недостаточно выяснены, и даже долголетние раскопки Пенджикента не позволяют пока решить этот вопрос. До сих пор считалось, что дневной свет проникал внутрь среднеазиатских монументальных построек VI—VIII вв. либо через отверстия в кровле (если комнаты были перекрыты плоскими деревянными потолками), либо через узкие проемы, прорезанные высоко в торцовых стенах сводчатых комнат. К этому добавляются такие сомнительные источники света, как небольшие отверстия в сводах (нигде, кажется, не зафиксированные), а также фрамуги входных дверей.[143] Наличие крупного оконного проема в жилом здании предарабского периода позволяет теперь по-иному поставить эту проблему. Отличное состояние найденного проема, вплоть до сохранности его деревянной брусчатой перемычки, делает эту находку уникальной. Прямоугольный вертикальный проем отделен от пола лишь одним рядом кирпично-пахсовой кладки высотой в 47 см, играющим роль низкого подоконника. Его деревянное перекрытие состоит из 12 арчовых брусьев, запущенных в стены на глубину 80—110 см. Находящиеся в кладке стены концы брусьев были предварительно подтесаны снизу на 1,5 см,—таким образом, каждый элемент деревянного перекрытия оказался крепко зажатым между щековыми плоскостями проема. Крайний внутренний брус расположен на 7,5 см глубже поверхности стены, что позволило замаскировать его запущенные в стену концы слоем глиняной штукатурки. Непосредственно над проемом перемычка, видимо, не была замаскирована и выделялась темной горизонтальной полосой на фоне более светлой «пунктирной» кладки.

---

[141] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, стр. 173. Неясно, почему эта панель, являющаяся неотделимой частью михраба, не попала в его реконструкцию, выполненную А. М. Прибытковой (см. «Архит. насл.», 11, М., 1958, стр. 143, рис. 11).

[142] В. Л. Воронина. Архитектурные памятники древнего Пянджикента. Матлы и иссл. по археол. СССР, № 37, М.— Л., 1953, стр. 130.

[143] В. Л. Воронина. Городище древнего Пянджикента как источник для истории зодчества, стр. 120.

Наружный фасад проема не нуждался в подобной маскировке, ибо был заглублен на 20 см по отношению к плоскости западного фасада. Это заглубление продолжается и выше перемычки, вплоть до современной дневной поверхности. Создается впечатление, что первоначально эта часть фасада представляла собой высокую плоскую нишу, начинавшуюся непосредственно у стилобата. Нижняя часть ниши, между первым и седьмым рядами «пунктирной» кладки, была как бы прорезана во всю ее ширину оконным проемом. Подобная вертикальная раскреповка, по ширине равная расположенному в ее основании окну, намекает как будто на то, что в ее верхней части находилось второе, меньшее по высоте окно, объединенное таким образом с нижним проемом общим заглубленным обрамлением.

Ближайшие аналогии этой композиции мы находим в народной жилой архитектуре Таджикистана и Узбекистана, где весьма типичным мотивом является вертикальное совмещение двух равных по ширине проемов—высокого, низко расположенного окна (в некоторых случаях играющего также роль двери) и небольшого верхнего проема, обычно забранного узорной решеткой «панджара». Подобная двусветность, придающая зданиям торжественный и нарядный облик, является характерной чертой народного зодчества Средней Азии и особенно тех ее областей, которые в древности были заселены согдийцами и близкими им народностями: Самарканда, Ходжента, Ферганы и Бухары. Число иллюстрирующих этот мотив примеров практически бесконечно.[144] Впервые совершенно четко он выражен на так называемом Аниковском блюде, где главному входу в изображенное здание отвечает расположенный прямо над входом прямоугольный, горизонтальных пропорций проем, в котором видна голова глядящей из него женщины. Помимо основного, функционального воплощения в архитектуре жилых зданий и гузарных мечетей, означенный прием оказал большое влияние на художественный облик монументальных культовых зданий среднеазиатского средневековья. Мы находим его здесь в каноническом сочетании двух панелей—вертикальной и квадратной. Примером этого классического композиционного мотива является убранство главного фасада караван-сарая Дая-Хатын, простенки галереи мавзолея Санджара в Мерве, обрамление портала мечети в Анау, убранство щековых стен мавзолея Туркан-Ака в самаркандской Шахи-Зинда и Абу-Саида в Мехне, оформление граненых башен-гюльдаста мечети Биби-Ханым, а также множество других памятников XV—XVII вв. Можно предполагать, что трансформация именно этого мотива привела к выделению горизонтального панно с надписью над арочной нишей традиционного среднеазиатского портала-пештака; он оказал влияние и на формирование михрабных композиций, что выразилось в сочетании ниши михраба с расположенным над ней квадратным декоративным панно и объединении их общей прямоугольной рамкой. В качестве примеров можно привести композиции Искодарского михраба (XI в.), михрабных стен бухарской мечети Баланд (XVI в.) и самаркандской Тилло-Кори (XVII в.). В дальнейшем этот традиционный мотив вновь оказывает влияние на жилую архитектуру, где на его базе создается широко распространившееся убранство помещений, состоящее из системы вертикальных и квадратных орнаментированных панелей.[145]

---

[144] См., например, рис. 8, 9, 10, 12, 22, 43 в книге В. Л. Ворониной «Народные традиции архитектуры Узбекистана». М., 1951. Аналогичные примеры на материале Самарканда см. в кн. С. Н. Полупанова «Архитектурные памятники Самарканда», М., 1948, табл. 130—131.

[145] В. Л. Воронина. Народные традиции архитектуры Узбекистана, рис. 79; С. Н. Полупанов. Архитектурные памятники Самарканда, табл. 134, 138.

В архитектуре шахристанского замка мы как будто различаем первооснову всех этих функциональных и (главным образом) декоративных мотивов, свидетельствующую об их глубокой традиционности. На основании вышеизложенного данная часть западного фасада замка представляется в виде вертикальной заглубленной панели, нижняя часть которой занята дошедшим до нас окном, а верхняя—проемом меньшей высоты, судя по наиболее распространенным аналогиям—квадратным или близким к квадрату. О существовании этого второго проема свидетельствуют как будто и некоторые косвенные данные. Весь торжественный, представительный характер западного, главного, обращенного к обширному двору фасада замка говорит о том, что его высота должна была быть повсюду одинаковой. Об этом же свидетельствует и его симметричная композиция, в которой окну юго-западного помещения соответствовало окно, освещавшее пандус: остатки последнего, очень деформированные, были обнаружены во втором колене пандусного коридора при его зачистке. Все это исключает как будто возможность существования здесь ассиметричного, уступчатого контура. Но если это так, то перекрытие первоначального юго-западного помещения должно было располагаться вровень с перекрытием соседней комнаты-лоджии, находившейся на 2 с лишним метра выше. Это значит, что юго-западная комната должна была отличаться исключительно большой высотой, равной приблизительно 6 м, высотой, редкой даже для предарабского зодчества Средней Азии, для которого, судя по ряду известных нам памятников, была характерна очень большая высота помещений. При такой высоте и низком расположении сохранившегося проема верхние части юго-западной комнаты должны были тонуть во мраке. Они могли освещаться либо через окно «второго света», расположенное над сохранившимся окном, либо с помощью светового отверстия в потолке, подобного тем, которые предполагаются в помещениях первого яруса, в случае, если перекрытие комнаты было деревянным. Против последнего предположения, однако, есть несколько доводов. Прежде всего, такой источник света исключает необходимость в оконных проемах, а строители замка, судя по всему, были мало склонны к нефункциональному украшательству. Кроме того, едва ли можно объяснить случайной прихотью строителей тот факт, что южная внешняя стена юго-западного помещения имеет ясно ощутимый равномерный наклон назад, составляющий 5° к вертикали. Мы видели на примере вестибюля, что подобный наклон стен, как правило, связан со сводчатой конструкцией перекрытия и объясняется стремлением усилить сопротивление стены возникающей в своде силе распора. Этот проем, являющийся характерной особенностью строительства из сырца и пахсы, зафиксирован, как мы видели, и на другом памятнике Шахристана—Тирмизак-Тепа, где сохранились также нижние части свода; он, по-видимому, может считаться типичным для предарабского зодчества Уструшаны, хотя встречается и в других центрах древней таджикской культуры.[146] Следует отметить, что наклон внутренних стен далеко не всегда сопутствовал сводчатым перекрытиям: в большинстве сводчатых помещений древних памятников Хорезма, Бухарского оазиса и других областей Средней Азии стены строго вертикальны; в то же время наличие такого наклона в помещениях, перекрытых плоскими потолками, совершенно неизвестно.

---

[146] Коридор с наклонными внутренними стенами имелся в Хульбукском дворцовом комплексе (Хутталь, X—XI вв.); помещения с аналогичным наклоном стен зафиксированы в замке Калаи Боло (Исфара, XII в.). См. Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, стр. 78, рис. 37.

Таким образом, можно с большой долей вероятности предполагать, что перекрытие юго-западного помещения было сводчатым, и что свод опирался на его южную и северную стены. Причем внутренняя северная стена, жестко связанная с системой соседних помещений, в дополнительном укреплении не нуждалась и была выведена вертикально. При таком решении помещение по необходимости должно было отличаться исключительной высотой, так как сырцовые сводчатые конструкции допускают лишь очень постепенное увеличение кривизны, что и определило их характерные эллиптические очертания. Правда, перекрытие сводом в ширину близкой к квадрату комнаты является не совсем обычным для строительной техники Средней Азии этого периода, однако, пролет свода (4,25 м) не был пределом для сводчатых конструкций VII—IX вв. Так, крупное помещение кешка Сулу-Қошук (VII—VIII вв.) было перекрыто сводом с пролетом 4,70 м, а несколько более поздний караван-сарай на городище Кишман-Тепа демонстрирует ряд комнат-худжр, сырцовые своды которых были переброшены на ширину 4,90 м.[147]

Все это как будто свидетельствует о том, что система двух расположенных по вертикали и объединенных заглубленной перемычкой окон, столь логично входящих в композицию западного фасада, должна была соответствовать и внутреннему устройству помещения, для которого иное размещение световых проемов едва ли было возможно.

Интересно, что другая заглубленная панель точно таких размеров, шириной в 105 и глубиной в 20 см, была расположена на строго геометрической оси западного фасада, на уровне между стилобатом и проемом лоджии. Точные обмеры показали, что последний несколько сдвинут к югу с центральной оси фасада таким образом, что контур его северной щеки совпадает с северным краем означенной заглубленной панели. Строители замка, создавая эту малопонятную деталь, позаботились о том, чтобы в месте ее примыкания к стилобату не образовалось опасного отступа, который был бы быстро размыт дождями: они нарастили в этом месте стилобат до соединения его круто наклонной поверхности с заглубленной плоскостью панели. Предположение, что эта плоская и прямоугольная выемка является закладкой какого-то проема, не оправдалось. Кладка фасадной стены на этом участке составляет единую, ничем не нарушенную систему одновременно уложенных сырцово-пахсовых слоев, украшенных снаружи пунктирными прорезями. Смысл этой загадочной впадины понять трудно. Ясно лишь, что в композиционном строе фасада она была призвана играть какую-то определенную роль. Об этом свидетельствует и точное совпадение ее размеров с размерами вертикальной панели, включающей окно юго-западного помещения, и совпадение ее левой (северной) стороны с левой же стороной лоджии и, наконец, ее осевое расположение на фасаде. Быть может, строители замка, вынужденные почему-то сдвинуть широкий проем лоджии с центральной оси фасада, решили все-таки подчеркнуть эту ось созданием дополнительной рельефной вертикали.

Выше отмечалась поразительная конструктивная взаимосвязь всех элементов архитектуры замка, свидетельствующая о глубоко продуманном общем замысле. Она отчетливо демонстрируется и на западном фасаде: оконный проем и подобная ему осевая заглубленная панель не только расположены над соответствующими блоками пахсового стилобата, но и точно равны им по ширине, а два с половиной пахсовых блока составляют ширину проема лоджии. Кроме того, высота стилобата равна расстоянию от подножия стены западного фасада до основания проема

---

[147] Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 156, 165.

лоджии, что составляет 10 рядов «пунктирной» кладки; таким образом, высота пахсового блока стилобата равна пяти рядам кладки. И здесь, таким образом, налицо употребление общего модуля, связывающего разнородные детали архитектуры в единое стройное целое.

***

Попробуем теперь, на основании имеющихся данных, представить себе первоначальный облик замка. Начнем с определения высоты помещений и формы их перекрытий, которое в известной мере облегчается замечательными особенностями конструктивной системы здания: стандартностью и кратностью строительных элементов, а также их расположением в виде отдельных, связанных между собой горизонтальных поясов, как бы рассекающих объем здания на соответствующих уровнях. Есть достаточные основания распространить эти особенности и на верхние, несохранившиеся части постройки.

Высота сохранившихся стен помещений среднего яруса складывается из высоты двух рядов пахсовых блоков и расположенных под ними двух рядов комбинированной кладки, равных по высоте двум третям пахсового блока. Выше отмечалось, что данная система точнейшим образом соответствует устройству платформы под помещениями верхнего яруса. Но стены этих помещений частично сохранились, и их устройство ясно видно: в основании их лежал третий, считая от стилобата, ряд пахсовых блоков, верхняя поверхность которого совпадала с поверхностью широкого «подоконника» комнаты-лоджии. Выше стены были сложены из комбинированной «пунктирной» кладки. Распространив эту систему на средний ярус, мы можем с большим основанием считать, что стены его помещений состояли из трех, и только из трех рядов пахсы, опирающихся на два ряда комбинированной кладки. Иными словами, они завершались на уровне верха пахсового слоя, уложенного в основание стен комнаты-лоджии или (что то же самое) на уровне «подоконника» проема лоджии. Полученный таким образом размер (2,60 м) вполне подходит для высоты стен нешироких коридорообразных помещений, перекрытых—в этом едва ли может возникнуть сомнение—сырцовыми сводами. О верности избранного нами метода свидетельствует, между прочим, следующий факт: арочная перемычка глубокого изогнутого проема, ведущего из коридора к пандусу, сохранилась на северной торцовой стенке коридора на столь значительную высоту, что может быть реконструирована с достаточной точностью. Дорисовывая очертания арки, мы не связывали ее высоту с предполагаемой высотой стен коридора. Тем не менее эти высоты совпали: вершина архивольта арки оказалась на одном уровне с пятами сводов коридора и кухни. Очевидно, своды эти имели характерную для того времени форму, неоднократно зафиксированную на памятниках Пенджикента, Варахши, Мунчак-Тепа и самого Шахристана,— эллиптическую, с крутым подъемом от пят. Своды коридора и кухни, имеющие равную ширину, должны были совпадать и по размерам, и по очертаниям. Сводчатое перекрытие соседнего с кухней более широкого помещения при равной высоте отличалась, по-видимому, более пологой кривой.

Помещения нижнего яруса перекрывались плоскими деревянными потолками. Об этом свидетельствуют крупные размеры этих залов, превышающие возможности сводчатых сырцовых конструкций, квадратная конфигурация, следы деревянных колонн, предназначенных, очевидно, для поддерживания прогонов балочного перекрытия, и, наконец, обилие обнаруженного здесь обгоревшего дерева. Ближайшая аналогия указан-

ным помещениям—парадные залы в жилых кварталах пенджикентского шахристана, для которых также характерны и квадратный план, и четыре колонны, несшие балочные перекрытия, и вытянутые по периметру стен суфы, и даже выделение одной более широкой суфы с помощью боковых прямоугольных вырезов, гнезд для баз колонн.[148] Сходство подчеркивается отдельными случаями почти точного совпадения размеров, например квадратных залов из пенджикентского здания VI и большого зала Шахристанского замка. Небольшое композиционное различие их состоит лишь в том, что вход в пенджикентские парадные залы расположен на одной из осей помещения и не закрыт тамбуром, а также в том, что ни один из них не является проходным.

В отношении парадных залов Пенджикента было высказано бесспорно верное предположение, что они освещались через открытую среднюю часть потолка.[149] Это справедливо также и для обоих помещений нижнего комплекса Шахристанского замка, причем в данном случае мы можем с большей определенностью говорить о характере потолочных проемов, занимавших, видимо, все пространство между четырьмя колоннами.

При исследовании древней архитектуры Средней Азии неоднократно указывалось на вероятность употребления в ней так называемого «дарбазного» перекрытия—брусчатой ступенчатой конструкции, состоящей из нескольких венцов квадратной или восьмиугольной формы, расположенных один над другим и завершающихся световым отверстием. «Дарбазный» свод, совмещающий функции вентиляционного отверстия и светового проема, был в свое время широко распространен на огромных пространствах Азии—от Закавказья до Кореи.[150] Он применялся и в зодчестве ряда областей Средней Азии—в Хорезме, Семиречье, на Памире, а также в Афганистане и Восточном Туркестане. Представляет особенный интерес то обстоятельство, что именно в Таджикистане эта своеобразная форма просуществовала особенно долго, и в произведениях народного зодчества дожила до наших дней.[151] Исходя из одних только этих соображений, мы могли бы предположить, что световые отверстия в перекрытиях помещений первого яруса были увенчаны ступенчатыми «дарбазными» венцами. Некоторые находки на другом памятнике Шахристана, а именно: на остатках здания VIII в. н. э. на холме Урта-Курган,[152] ставят данное предположение на еще более твердую почву. Все это как будто дает основание предположить, что перекрытия помещений нижнего яруса имели следующий вид: на четырех колоннах лежали балки прогонов, концы которых были запущены в стены. Квадрат, образованный пересечением прогонов (в зале—близкий к квадрату прямоугольник) оставался открытым и был увенчан несколькими рядами квадратных или восьмиугольных брусчатых венцов, каждый из которых был меньше предыдущего и повернут по отношению к нему на 45°. Прямоугольные пространства между каждой парой колонн и параллельными им стенами перекрывались, вероятно, с помощью меньших балок, опертых на прогоны и расположенных перпендикулярно к ним. Выше этих

---

[148] В. Л. Воронина. Городище Пянджикента как источник для истории зодчества, стр. 121, рис. 5.

[149] Там же, стр. 121.

[150] М. Ильина. Древнейшие типы жилищ Закавказья. Сообщ. Ин-та истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, вып. 5, М., 1946.

[151] В. Л. Воронина. Жилище Ванча и Язгулема. Архитектура республик Средней Азии, М., 1951, рис .1, 2, 3.

[152] См. Н. Негматов, Е. Д. Салтовская. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1960 г., стр. 85 — 88.

балок мог располагаться настил из «васы»—материала, с древнейших времен распространенного в жилой архитектуре Таджикистана, а еще выше начиналась плоская земляная кровля.

Что касается высоты помещений нижнего яруса, то она может быть определена с помощью уже отмеченных соображений, ибо очередность строительных элементов, характерная для верхнего и среднего яруса, продолжается и здесь. Разница лишь в том, что три ряда пахсовых блоков покоились здесь не на двух рядах комбинированной кладки, а на двенадцати. Так как закрепление балок перекрытия в толще пахсы представляет значительные трудности; можно предполагать, что третьим рядом пахсы стены не заканчивались: над ним должно было возвышаться еще два-три ряда комбинированной кладки, соответствовавших уровню деревянных прогонов перекрытия. Восстановленный, таким образом, потолок оказывается расположенным на одном уровне с шелыгами сводов среднего яруса. Следовательно, оба яруса—нижний и средний—находились под общей плоской кровлей, что в свою очередь косвенно подтверждает правильность принятого нами метода реконструкции.

Верхний ярус, состоявший из одной роскошно украшенной лоджии и ее маленькой прихожей, поддается реконструкции с большими трудностями. Здесь уже нет опорных точек, позволяющих определить первоначальную высоту помещений. Однако решение этой задачи, с известной степенью приблизительности, все же представляется выполнимым.

Проем лоджии, шириной в 265 см, сохранился на высоту шести рядов пунктирной кладки, т. е. на 1,5 м. Был ли он прямоугольным или завершался арочной перемычкой? Мы склонны ко второму решению, как более соответствующему парадному характеру архитектуры западного фасада, так и на основании некоторых известных аналогий. Мотив фасадной стены с расположенным в ее центре широким арочным проемом был употребителен в раннефеодальном зодчестве Средней Азии, о чем свидетельствует изображение согдийского кешка на росписях в объекте VI древнего Пенджикента.[153] Это интереснейшее изображение представляет собой укрепленный двухэтажный замок, второй этаж которого прорезан широким арочным проемом. Верхняя часть проема забрана сплошной деревянной панелью, ограниченной внизу, на уровне пят арки, деревянной же перемычкой, опертой на расположенную в центре колонку и боковые пристенные стойки. Колонка и стойки в свою очередь опираются на горизонтальную обвязку в основании проема, нижняя часть которого забрана сквозной деревянной решеткой. В основании проема лоджии Шахристанского замка также лежал массивный деревянный брус, о чем свидетельствуют квадратные гнезда в соответствующих местах обеих щековых стен, расположенные на уровне подоконника и заполненные остатками истлевшего дерева. Эта деталь указывает на близость отмеченной аналогии и позволяет предполагать, что широкий проем в центре западного фасада Шахристанского замка имел деревянный переплет, состоявший из аналогичных элементов: двух обвязок, нижней и верхней, расположенной на уровне арочных пят; укрепленных между ними вертикальных стоек и, быть может, частичного заполнения с помощью досчатых панелей и решеток.

Сам мотив широкого наружного проема, перекрытого аркой и расположенного в композиционном центре фасада, восходит к архитектуре дворцовых сооружений древней Парфии и сасанидского Ирана—таких, как дворцы в Хатра (I—II вв. н. э.) и Ктесифоне (VI в. н. э.), открытые наружу колоссальными сводчатыми айванами. Эволюция этого компо-

---

[153] Скульптура и живопись древнего Пянджикента, М., 1959, табл. XIII.

зиционного мотива прослеживается в памятниках среднеазиатского зодчества следующей эпохи. Он использован, например, в архитектуре крупного сырцового здания XI—XII вв. в районе древнего Мерва, к западу от Султан-Калы.[154] Это монументальная постройка принадлежит уже иной эпохе; тем больший интерес представляет ряд черт, сближающих ее с памятниками предарабского периода, и в частности с Шахристанским замком. Двухэтажный объем мервского дома скрывает строго симметричную плановую структуру, состоящую из центрального зала и примыкающих к нему с четырех сторон помещений. Этажи связывались пандусом, занимающим один из углов здания. Для нас особенный интерес представляют помещения второго этажа, расположенные по осям всех четырех фасадов. Эти квадратные сводчатые комнаты раскрывались наружу необычайно широкими арочными проемами; при ширине комнат, равной 5 м, ширина проемов составляет несколько более 3 м. Помещения, таким образом, имели вид открытых лоджий, подчеркивающих вертикальные оси фасадов. Близость подобного решения фасадов аналогичным формам Шахристанского замка очевидна. Она распространяется также и на плановое решение второго этажа мервского дома, которое, в сущности, основано на четырехкратном повторении вокруг центрального зала трехчастной композиционной схемы верхнего яруса Шахристанского замка. Разумеется, планировочная идея мервского дома совершенно иная, и отдельные элементы, связывающие ее с Шахристанским замком, скомпанованы в ней по-иному; однако наличие этих элементов говорит само за себя.

Интересно, что арочные проемы лоджий в привлеченных нами аналогиях—и в изображении замка на пенджикентских росписях, и в мервском доме—весьма близки по своим очертаниям. В обоих случаях они перекрыты арками с полого-коробовой кривой, несколько приплюснутых очертаний. Арки этого типа, трехцентровые по начертанию, известны по памятникам Пенджикента[155] и южной Туркмении (Мерв и городище Ал-Аскер).[156] Это обстоятельство свидетельствует о большой достоверности пенджикентского изображения. Мы не сочли, однако, возможным увенчать на реконструкции проем лоджии Шахристанского замка аркой подобного очертания, ибо архитектурно-археологический материал Уструшаны пока не дает для этого оснований. При реконструкции был выбран часто встречающийся тип эллиптической трехцентровой кривой, вписывающейся в прямоугольник с отношениями сторон, равными $1 : \sqrt{3}$. Арка с большей стрелой подъема повлекла бы за собой чрезмерную высоту расположенного за ней помещения. Это же соображение подсказывает, что арка лоджии начиналась где-то поблизости от верха сохранившейся кладки, быть может, всего на один «пунктирный» ряд выше. В таком случае общая высота проема составляла бы 3,2 м и точно соответствовала бы 13 рядам «пунктирной» кладки фасада, причем кривая арки начиналась бы на высоте семи рядов кладки. Полученный таким образом проем вписывается в прямоугольник, высота которого точно равна диагонали между нижним углом проема и противоположной пятой. В то же время нижняя часть проема, ограниченная постелью лежащего в его основании бруса и линией арочных пят, образует прямоугольник весьма характерных пропорций, широко распространенных в древнем и средневеко-

---

[154] Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 208—210.

[155] В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии, рис. 29, 30 (д).

[156] Г. А. Пугаченкова. Своды в архитектуре южного Туркменистана. Тр. Южн.-Туркм. археол. компл. эксп., т. 8, Ашхабад, 1958, стр. 239, рис. 28, 29.

вом зодчестве Средней Азии—$1 : \sqrt{2}$.[157] Иными словами, ширина проема лоджии равна диагонали квадрата, сторона которого соответствует расстоянию от основания бруса до начала арочной кривой.

Вершина найденного таким образом проема должна была находиться на 3,8 м от уровня пола лоджии. Для сравнительно небольшого помещения такая высота представляется значительной, и поэтому можно думать, что потолок лоджии был расположен немногим выше. Потолок был деревянным, балочным, богато украшенным резьбой. Его остатки, являющиеся драгоценными образцами древнетаджикского искусства резьбы по дереву, найдены в большом количестве на полу помещения. Он, быть может, поддерживался двумя деревянными колоннами, следы которых сохранились в виде квадратных, заполненных углем углублений. Судя по этим следам, колонны располагались у боковых суф, одна против другой, на расстоянии 2,25 м от восточной стены лоджии. Подобное расположение колонн показывает, что основой перекрытия служил прогон, расположенный по длине лоджии, параллельно ее западной и восточной стенам. Найденные в центре помещения фрагменты резного дерева, украшенные ромбической нарезкой, пальметтами и волнистым растительным орнаментом являются, вероятно, остатками именно этого центрального прогона, который имел в таком случае высоту около 20 см. В то же время есть основания предполагать здесь, как это показано на реконструкции, дарбазное перекрытие со световым люком. (см. след выпуск). Другие фрагменты, украшенные цепочками четырехлепестковых розеток и заглубленными крестиками, представляют собой, по-видимому, остатки поперечных балок перекрытия; их сечение составляет 12×14 см.[158]

Фрагменты резного дерева третьего типа, украшенные рядом орнаментированных арочек, мы склонны отнести к фризу, располагавшемуся вдоль стен лоджии непосредственно под потолком. Фризы такого рода (правда, обычно живописные, а не резные) широко известны в народной архитектуре Северного Таджикистана; они и ныне составляют одну из характернейших деталей убранства айванов жилых домов и гузарных мечетей. Резной деревянный фриз входил в убранство интерьера памятника, территориально близкого Шахристану,— мавзолея Муслихиддина в Ленинабаде. Он украшал здесь внутренние стены здания XIII—XIV вв., впоследствии перестроенного.[159] Обнаружение декоративного фриза в убранстве интерьера Шахристанского замка свидетельствует, быть может, о том, что родиной этой формы убранства, столь широко распространенной в народном зодчестве Средней Азии, была именно Уструшана.

Большой интерес для реконструкции представляют прямоугольные вертикальные выемки, расположенные на внутренних углах проема лоджии и являющиеся, без сомнения, следами находившихся здесь деревянных стоек. Подобные стойки были отмечены нами на изображении замка из пенджикентских настенных росписей; там они служат опорой балки, перекрывающей пролет арочного проема на уровне его пят. Несомненно, что эту же роль—роль боковых элементов деревянной рамы—играли и стойки, врезанные во внутренние углы проема лоджии. Проем имел, таким образом, двойное ограждение—внутреннее, которому принадлежат следы означенных стоек, и наружное, опиравшееся на горизонтальный брус, уложенный в его основании. Это устройство должно было предох-

---

[157] М. С. Булатов. О некоторых приемах пропорционирования в архитектуре Средней Азии. Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, вып. 3, Душанбе, 1953.

[158] В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента. В кн: Скульптура и живопись древнего Пянджикента, М., 1959, рис. 26.

[159] Исследование мавзолея Муслихиддина в данное время готовится к изданию.

ранять от зимних холодов помещение, раскрытое наружу почти во всю свою ширину. Вероятно, оно было съемным, по крайней мере частично, так как в летнее время надобность в подобной изоляции отпадала. Изображение замка на пенджикентских росписях дает довольно точное представление о его внешнем виде.

Что касается айвана, расположенного в северо-восточном углу замка, то было бы очень заманчиво представить его в виде высокой арочной ниши, прообраза широко распространенного впоследствии среднеазиатского пештака. Однако такая реконструкция была бы лишена достаточного обоснования. Ширина айвана (более 5 м) превосходит возможности сырцовых сводчатых конструкций и указывает на горизонтальный, архитравно-балочный характер перекрытия. С другой стороны, укромное расположение айвана в дальнем углу небольшого дворика, образованного близким соседством северного фасада замка и стены двора, свидетельствует о его бытовом назначении. Вообще вся композиция северного фасада с несимметричным расположением входного проема и ниши айвана имеет подчеркнуто интимный, «домашний» характер, резко контрастирующий с торжественным строгим обликом западного фасада, обращенного к огромной пустой площади двора. Большая высота айвана, равная высоте здания, придавала бы ему неуместную в данном случае значительность, и с точки зрения бытовых надобностей владельцев замка являлась бы просто ненужной и неудобной. Однако интимный характер айвана, вытекающий из его места в общей композиции, не исключает его нарядного убранства. Можно предположить, что балочное перекрытие ниши айвана было также украшено изысканной резьбой—излюбленным здесь видом художественной декорации, крупным центром которой был, безусловно, древний Шахристан. Пятиметровый пролет слишком велик для деревянного прогона, нагруженного к тому же кладкой расположенного над ним участка стены; он, безусловно, вызывал необходимость в дополнительных опорах. План айвана, близкий к квадрату, позволяет предполагать, что его перекрытие поддерживалось двумя парами деревянных колонн, расположенных в начале и конце боковых, сложенных из пахсы суф. Таким образом, айван может рассматриваться как третье четырехколонное помещение нижнего яруса, отличное от двух других отсутствием наружной стены (и следовательно, сплошным перекрытием) и составляющее вместе с ними трехчастную систему взаимосвязанных залов.

Наибольшую сложность представляет собой реконструкция верхних частей здания. Восстановление первоначальных высот помещений указывает на то, что объем помещений, примыкавших к западному фасаду, отличался большей высотой и возвышался, подобно надстройке, над плоской кровлей помещений нижнего и среднего ярусов. Такое сочетание нарастающих объемов соответствует как будто парадной роли западного фасада и расположенной за ним лоджии. Однако подобное, чисто формальное соображение противоречит нашим знаниям о монументальном раннефеодальном зодчестве Средней Азии, зодчестве, для которого характерна необычайная статичность, компактность и лаконизм внешних объемов. Уступчатое, экспрессивное, асимметричное нарастание масс противоречило бы духу архитектуры этого времени и заставляло бы смотреть на Шахристанский замок, как на необъяснимое исключение из общих эстетических правил, порожденных реальными условиями эпохи. Едва ли это могло быть так. Несмотря на бесспорное своеобразие, шахристанский замок все же является типичным для своего времени сооружением, в архитектуре которого можно без труда увидеть мотивы, общие для облика многих монументальных построек этой эпохи. Созда-

тели сложной и, по-видимому, не совсем обычной внутренней структуры здания явно стремились придать ей традиционный внешний облик, и трудно поверить, что они могли отойти от этого облика в основном—статистической уравновешенности наружных объемов.

Исходя из этого предположения, можно думать, что уступу приподнятых западных помещений должна была соответствовать какая-то надстройка, уравнивавшая беспокойный ступенчатый контур боковых фасадов замка. С этой точки зрения обращает на себя внимание необычайная массивность именно боковых фасадных стен, толщина которых доходит до 330 см, в то время как толщина стены западного фасада не превышает 230 см. Столь резкое утолщение стен боковых фасадов (самых массивных стен замка) нельзя объяснить какими-либо конструктивными причинами, например, стремлением создать лучшее противодействие распору сводов: за исключением небольшого участка северной стены и, быть может, еще меньшего участка южной (места расположения вестибюля и юго-западного помещения), они этого распора не испытывают. Характерно, что именно сводчатые помещения среднего яруса ограничены наиболее тонкими стенами,—строители замка справедливо считали, что стены толщиной всего лишь в 1 м. могут с успехом выдержать силу распора обычного сводчатого перекрытия. Исключительная массивность южной фасадной стены могла бы быть объяснена тем, что в ее толще пролегал наклонный коридор, являвшийся продолжением коридора среднего яруса и выводивший, по-видимому, на уровень кровли. Однако северная стена такого коридора не имеет, а между тем ее толщина соответствует толщине южной стены. Вряд ли можно объяснить это обстоятельство и нерасчетливостью строителей: мы уже видели, что архитектурный организм замка был создан с необычайной продуманностью, распространенной в равной мере и на общие массы, и на детали. В данном случае чрезмерная толщина боковых фасадных стен замка может быть объяснена тем, что по их верху располагался сквозной обходной проход значительной ширины, которая могла быть получена лишь с помощью основательного утолщения нижележащей стены. Этот обход должен был иметь фундаментальное ограждение, ибо в противном случае он мог бы располагаться непосредственно на кровле. Как выглядела эта предполагаемая надстройка и какие цели преследовали ее создатели? Ответ на это дает изображение замка на Аниковском блюде. Здесь отчетливо видна открытая арочная галерея, венчающая объем монументального здания и, безусловно, имеющая оборонное значение. Едва ли прав А. И. Тереножкин, считающий увенчанный арочной галереей объем каркасной постройкой («деревянной, ...обмазанный глиной»):[160] этому противоречит форма расположенного над аркой фриза, сложенного из наклонно лежащих кирпичей и завершающегося рядом ступенчатых зубцов—«кунгра». Обе эти архитектурные детали являются характерными и традиционными элементами именно кирпичной архитектуры и в каркасной постройке не могли иметь места. Так, фризом из наклонно лежащих кирпичей украшено восточное здание мавзолея Ходжа-Машад в Саёте, на юге Таджикистана (X—XI вв.).[161] Этот древний мотив сохранился в таджикском зодчестве до недавнего времени, о чем свидетельствует, в частности, ряд сырцовых жилых домов Ленинабада XIX—начала XX вв. Таким образом, изображенная на Аниковском блюде арочная галерея, несомненно, воспроизводит монументальную, выполненную в кирпиче ар-

---

[160] А. И. Тереножкин. К истории искусства Хорезма. Рельеф «сасанидского» блюда и архитектурные памятники Хорезма. Изд-во «Искусство», 1935, стр. 125.

[161] А. М. Беленицкий. Мавзолей у селения Саят. Краткие сообщ. Ин-та истории мат. культуры АН СССР, вып. 33, М., 1950, стр. 137, рис. 67.

хитектурную форму. Оборонное назначение аркады, увенчавшей изображение замка на Аниковском блюде, едва ли может вызвать сомнение, так же как и существование ее реальных прототипов. В то же время она представляет собой весьма логичное и художественно законченное завершение массивного объема здания, конечный элемент перехода от его тяжелого основания к легкому, воздушному венчанию.

Изображение несколько иного здания, увенчанного арочной галереей, мы встречаем на другом «сасанидском» серебряном блюде.[162] Здесь представлена кубическая постройка, всю верхнюю половину которой занимает сплошная аркада, несущая тяжелый, украшенный «кунгра» антаблемент. Несмотря на условную плоскостную трактовку изображения, можно понять, что здание завершается группой из пяти куполов (с центральным, более крупным куполом), что в сочетании с арочной галереей, кубическими пропорциями и единственным, центрично расположенным входом делает его чрезвычайно похожим на известный бухарский мавзолей Саманидов (начало X в.). Оба указанных изображения, вероятно, запечатлели два разных типа древнего среднеазиатского здания: в первом случае—укрепленного замка, во втором, по-видимому, монументального дворцового павильона. Однако в обоих случаях важным элементом архитектурного облика здания является арочная галерея, расположенная в его верхней части. Такое совпадение едва ли случайно; оно свидетельствует о широком распространении этой архитектурной формы в доарабском зодчестве Средней Азии.

Среди памятников последующего времени, выстроенных из жженого кирпича и поэтому лучше сохранившихся, известен ряд сооружений с верхними обходными галереями. Все они относятся к типу монументальной купольной усыпальницы. Таковы упомянутый мавзолей Саманидов в Бухаре, мавзолей Абу-ль-Фазла в Серахсе (XI в.), мавзолей Абу-Саида в Мехне (XI в.), мавзолей Санджара в Мерве (XII в.), мавзолей Ал-Газали в Тусе (XI—XII вв.), мавзолей Туглук-Тимур хана у Алмалыка (XIV в.), мавзолей Буянкули хана в Бухаре (XIV в.), мавзолей Улджейту в Султании (XIV в.), мавзолей Хол-Байкара в Регарском районе Таджикской ССР. В некоторых из указанных памятников обходные галереи открыты наружу и составляют важную черту их внешнего облика; в других скрыты в толще верхних участков стен и представляют собой полутемные или совершенно темные коридоры.

Вопрос о происхождении и смысле верхних обходных галерей в зодчестве Средней Азии еще не нашел окончательного решения. Если не считать формалистической концепции Е. Дица, усматривающего в этой архитектурной форме подражание декоративной аркатуре башенных «ступа» Афганистана,[163] большинство исследователей склонно рассматривать ее как рудимент обходных галерей, окружавших святилища древних, домусульманских культовых зданий.[164] Эта гипотеза, как-будто обоснованная наличием таких галерей в целом ряде культовых построек доарабской Средней Азии, Афганистана, Восточного Туркестана и Ирана, обладает существенным недостатком. Она не объясняет, почему обход-

[162] A Survey of Persian Art. т. IV, табл. 237 (в дальнейшем SPA).

[163] SPA, т. 2, стр. 924.

[164] Впервые эта гипотеза была видвинута Л. И Ремпелем в его статье «Мавзолей Измаила Саманида» («Академия архитектуры», № 5, М., 1936, стр. 31). В дальнейшем она нашла отражение в трудах Г. А. Пугаченковой (Конструктивные элементы мавзолея Санджара, Изв. АН Туркм. ССР, т. 2, Ашхабад, 1952; е е ж е: «Пути развития»..., стр. 321), В. Л. Воронининой (К характеристике архитектуры Средней Азии эпохи Саманидов. Тр. АН Тадж. ССР, т. 27, 1954, стр. 45), А. М. Прибытковой (Памятники архитектуры XI в. в Туркмении, М., 1955, стр. 36; е е ж е: О некоторых местных традициях в зодчестве Средней Азии IX—X вв. «Архитектурное наследство», 11, М., 1958, стр. 140).

ные галереи древних храмов, расположенные на уровне земли, были перенесены наверх, на уровень основания купола средневекового мавзолея, и превратились в венчающий элемент его фасадов. Нам представляется более верным другое предположение. Верхние обходные галереи возникли в среднеазиатской архитектуре как принадлежность жилых укрепленных замков, как важная деталь их оборонительной системы.[165] Такие галереи должны были представлять собой крытый сквозной проход, расположенный на кровле замка, по периметру его стен. Именно такой вид имеет галерея замка на Аниковском блюде. В архитектуре крупных дворцовых сооружений, менее подверженных опасности непосредственного нападения, но по традиции воспроизводящих формы укрепленного кешка, боевые галереи трансформировались в мотив открытой аркады, также расположенной по периметру плоской кровли. В данном случае (примером может служить изображение на упомянутом серебряном блюде) галереи теряют свое оборонное значение и используются как традиционный и эффектный прием, с помощью которого тяжелая кубическая масса здания как бы растворяется сверху в прозрачном рисунке легких арочных колоннад. Если в первом случае за верхними обходными галереями, расположенными на кровле, не могли скрываться помещения (задачи обороны не требовали этого), то во втором случае такое решение не исключено. Арочные проемы галереи могли быть использованы как дополнительный и удобный источник света для высоких дворцовых зал.

В саманидскую эпоху формы дворцового зала-павильона с квадратным или крестообразным планом явились, по-видимому, основой для создания образа монументальной купольной усыпальницы, и в структуре этого нового образа тема обходной арочной галереи приобрела иной смысл: она стала маскировать переход от квадрата основания к куполу, создавая одновременно дополнительное противодействие распору последнего. Традиция сохранила древний образ арочных галерей в глухой декоративной аркатуре, украшающей фасады и интерьеры ряда среднеазиатских и иранских памятников. Таков, например, упомянутый мавзолей Абу-Саида в Мехне, у которого верхние части боковых фасадов оформлены чередой плоских стрельчатых ниш;[166] таков и мавзолей двенадцати имамов в Иезде, где глухой аркатурой оформлены внешние грани восьмерика.[167]

Что касается отражения мотива обходных арочных галерей в архитектуре интерьера, то примером его может служить тот же мавзолей Абу-Саида, у которого верхние части внутренних стен оформлены глухой стрельчатой аркадой. Декоративная глухая аркатура с фестончатыми арочками украшает верхние части внутренних стен мавзолея Гунбади-Али в Абаркуне (XI в.);[168] интерьеры двух древнейших построек комплекса Джума-мечети в Испагане—так называемые малый и большой купол (XI в.)—оформлены аналогичным образом: в малом здании глухая аркатура украшает грани восьмерика между трompами, в большом—нижние, вертикальные части крупных трompовых ниш.[169] Наконец, в мав-

---

[165] Это предположение высказано в некоторых работах Г. А. Пугаченковой. См., например, ее статьи «К вопросу о научно-художественной реконструкции мечети Биби-Ханым». (Тр. САГУ, нов. сер., вып. 61, кн. 6, Ташкент, 1953) и «Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах» (Тр. Ин-та истории и археол. АН УзССР, т. 2, Ташкент, 1950, стр. 36). Этой же точки зрения на происхождение венчающих галерей придерживается М. С. Булатов. См. его статью «О некоторых приемах пропорционирования в архитектуре Средней Азии», стр. 9.

[166] Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 279.

[167] SPA, т. 2, табл. 273.

[168] Там же, табл. 335.

[169] Там же, табл. 286, 287.

более Ак-Астана, исключительно интересном памятнике саманидского времени, интересующий нас мотив выражен чрезвычайно своеобразно: здесь грани—промежутки между тромпами оформлены рельефной кирпичной имитацией деревянной колоннады (по три колонны на грань), увенчанной горизонтальными ступенчатыми подбалками.[170] Эти «подбалки», выступающие из углов простенков внутрь, не оставляют сомнения в смысле изображенной здесь формы. Конструктивным прототипом данного убранства явилась, очевидно, не арочная, а стоечно-балочная галерея, располагавшаяся некогда по верху стен некоторых древних монументальных зданий. Общим для всех этих примеров (их можно было бы умножить) является расположение глухих декоративных аркад в верхних участках стен четверика; каждая такая стена интерьера как бы воспроизводит один из фасадов, увенчанный сквозной обходной галереей, арочной или стоечно-балочной.

Мотив верхних обходных галерей раннефеодальных кешков нашел чрезвычайно разнообразное декоративное отражение в зодчестве Средней Азии. Он воплотился в сквозных или глухих аркадах «равак», венчающих пештаки таких разновременных зданий, как мечеть в Анау (XV в.), мавзолей Сайфиддина Бохарзи в Бухаре (пештак XVI в.) и Кок-Мазар в Маргелане (XVIII—XIX вв.).[171] Но, пожалуй, особенно интересно, что имитация венчающих стену аркад входит в убранство ряда укрепленных усадеб—«ховлы» Южного Туркменистана.[172] «Ховлы», сложенные из орнаментированных пахсовых блоков, укрепленные угловыми и промежуточными башенками, донесли до наших дней весьма точный облик монументальных жилых построек предарабской эпохи. Завершение их стен графически изображенной бесконечной аркадой является, быть может, лучшим свидетельством справедливости нашего предположения.

Изложенные соображения позволяют думать, что боковые фасады Шахристанского замка действительно завершались обходной арочной галереей, выпрямлявшей ступенчатый контур стен до уровня западного фасада. Галерея была возведена из тяжелого материала, потребовавшего фундаментального основания. Таким материалом мог быть сырец или пахса, но ни в коем случае не дерево. Формы галереи реконструированы предположительно, ибо материалов для точного их воспроизведения, разумеется, нет. Мы исходили при этом из допущения, что галерея Шахристанского замка не должна была играть своей прямой оборонной роли: об этом как будто говорит дворцовый характер здания, открытого наружу большими и малыми проемами. Формы суровой крепостной архитектуры здесь еще сохранены, но они лишены своего первоначального смысла: стилобат, который в большинстве укрепленных замков VI—VIII вв. является сплошной платформой, поднимающей уровень помещений и делающей их недосягаемыми с земли, играет в Шахристанском замке вполне декоративную роль. Видимо, владелец замка рассчитывал не столько на крепость его стен, сколько на мощь разветвленной системы обороны, кольцом окружавшей древний Шахристан. Исходя из этого характера архитектуры Шахристанского замка, мы сочли допустимым увенчать его

---

[170] Б. А. Литвинский. Архитектурный комплекс Ходжа Нахшран. Тр. АН Тадж. ССР, т. 17, Душанбе, 1953, стр. 133. Указанная форма отмечена в статье как «уступчатые ниши», что неправильно. Г. А. Пугаченкова. Ак-Астана-баба, «Сов. археол.», № 3, 1960. Рисунок на стр. 325 не вполне точен.

[171] А. К. Писарчик. Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы. Тр. АН Тадж. ССР, т. 42, Душанбе, 1956, стр. 156.

[172] Г. А. Пугаченкова. Этнографические памятники туркменской народной архитектуры. Тр. Южн.-Туркм. археол. компл. эксп., т. 9, Ашхабад, 1959, стр. 362, 366, рис. 20, 26.

не боевой галереей с небольшими проемами и широкими простенками между ними, а открытой аркадой на круглых кирпичных столбах. Естественно, что эта деталь реконструкции может претендовать на минимальную достоверность, однако само по себе наличие в данном месте обходной арочной галереи, безусловно, широко распространенной формы предарабской архитектуры, представляется как будто обоснованным.

Полученный таким образом единый массив здания (см. табл. II, III) увенчан фризом из наклонно лежащих кирпичей (мотивом Аниковского блюда и пенджикентского изображения, о древности и традиционности которого упоминалось выше) и ступенчатыми зубцами «кунгра», широко распространенным в предарабском зодчестве типом венчания, известным и по изображениям (Аниковское блюдо, настенные бордюры и замок пенджикентских росписей),[173] и по сохранившимся образцам (находки на Ак-Тепа, в Таразе и Ак-Бешиме).[174]

***

Сложность пространственного конструктивного решения Шахристанского замка, остроумное выражение его не совсем обычного функционального и художественного содержания говорят не только об особенностях местной архитектурной школы, но и о сравнительно высоком уровне, которого достигла культурная жизнь маленькой Уструшаны перед арабским нашествием. Они, возможно, косвенно свидетельствуют и о далеко зашедшем процессе централизации государственной власти, об усложнении ее функций, вызвавшем потребность в сооружении специального здания общественно-представительного назначения. В предарабской архитектуре Средней Азии мы еще не знаем другого сооружения, выстроенного исключительно для подобных целей и отличающегося столь совершенной продуманностью архитектурно-художественного и функционального замысла. Рядом с многообразными чертами, связывающими архитектуру Шахристанского замка с архитектурой Пенджикента и других, более отдаленных областей Средней Азии, в этом здании легко усматриваются своеобразные черты, указывающие на самостоятельное художественное лицо раннефеодального зодчества Уструшаны, которая, судя по всему, отнюдь не была культурным захолустьем среднеазиатского мира.

Первый этап изучения архитектурных памятников Шахристана можно считать завершенным. Он в силу поставленных задач не дал общей картины городского ансамбля, подобной той, что открывается раскопками Пенджикента. В Шахристане пока выявлены отдельные архитектурные объекты, взаимосвязь между которыми может быть определена подчас лишь гипотетически. Однако значение этих объектов для изучения зодчества Таджикистана и всей Средней Азии исключительно велико. Большинство открытых в Шахристане памятников обладает несомненной художественной ценностью, и все они дают богатый фактический материал, позволяющий судить о развитии целого ряда планировочных и конструктивных приемов, о формировании художественного образа здания в зависимости от его назначения, о внутреннем содержании широко распространенных композиционных форм.

Архитектура раннесредневековой Уструшаны раскрывается как органическая часть общего среднеазиатского архитектурного искусства, свя-

---

[173] В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пянджикента, стр. 93, рис. 3 (е).

[174] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950, стр. 110; А. И. Тереножкин. Согд и Чач. Краткие сообщ. Ин-та истории мат. культуры СССР, вып. 33, М., 1950, стр. 164, рис. 71; Л. Р. Кызласов. Ук. раб., стр. 235.

занная с ним специфическими приемами строительной техники, плановых решений и конструкций. Анализ архитектуры зданий коридорно-гребенчатого типа позволяет не только установить его «универсальность», вызванную определенными общественно-политическими условиями эпохи, но и по-новому поставить вопрос о назначении подобных сооружений. Точно так же и композиционные приемы общественных дворово-айванных комплексов, рассмотренные на примере Шахристанского замка и подкрепленные еще не опубликованным материалом Чил-Духтарон, раскрываются в аналогии с многочисленными ансамблями того же типа, мелкими и крупными, разбросанными на территории Средней Азии и Ирана. В этих приемах и формах нетрудно усмотреть сложение тех общих композиционно-художественных принципов, которые затем на много веков определили особенности среднеазиатского архитектурного стиля, планировочных и объемно-пространственных решений монументального средневекового зодчества Средней Азии.

Вместе с тем, архитектура древнего Шахристана раскрывается как искусство своеобразное, пользующееся самостоятельными художественными приемами и в некотором отношении стоящее впереди зодчества других областей Средней Азии.[175] Конструктивное решение Шахристанского замка, поразительное по цельности замысла, логике и целесообразности, органически вытекающее из художественной идеи, не имеет себе равного среди известных нам памятников предарабской среднеазиатской архитектуры. Его композиционное решение, несмотря на многочисленные параллели, также уникально. Даже тип парадного четырехколонного зала, широко распространенный, судя по раскопкам Пенджикента, в архитектуре соседнего Согда, нашел в Уструшане свое своеобразное воплощение. Возможно, именно Уструшана с ее рано определившейся централизацией государственной власти была одним из первых государственных образований раннефеодальной Средней Азии, где парадная, представительная часть феодального жилища отделилась от его жилой, бытовой части и превратилась в самостоятельный архитектурный объем. Архитектурный анализ Шахристанского замка позволяет видеть в этом здании именно такое общественное, представительное содержание, резко отличающее его от обычных жилых построек этого времени—как укрепленных феодальных замков-кешков, так и городских домов. Специфика этого содержания, в значительной мере присущая и еще неопубликованному Урта-Кургану, видимо, определила сложную внутреннюю структуру обоих зданий—прихотливое, но целесообразное сочетание парадных залов, в котором уже не без труда усматриваются следы первоначальной структуры укрепленного дихканского кешка.

Первый этап изучения зодчества древнего Шахристана ограничился, таким образом, изучением отдельных крупных построек и сравнительно небольших комплексов. И хотя это изучение дало, несомненно, важные результаты, ограничиваться ими нельзя. Теперь, на пороге второго этапа, задача должна быть поставлена шире: нужно начать комплексное изучение памятников на широкой площади с тем, чтобы уяснить общую структуру городского ансамбля, характер городской застройки, систему магистралей, внутреннее соотношение кварталов, их связь с цитаделью и укреплениями. Результаты уже проделанных работ дают основание надеяться, что и эта новая задача будет решена столь же успешно, и история среднеазиатского градостроительства обогатится новым значительным материалом.

[175] Данная оценка, как представляется, после получения дополнительного материала в будущем требует специального обоснования, особенно при учете того, что датировка памятников дается с использованием аналогий именно в архитектурном аспекте (прим. ред.).

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЖИВОПИСЬ И РЕЗНОЕ ДЕРЕВО КАХКАХИ

1. ЖИВОПИСЬ

Большую историко-культурную ценность представляют собой остатки, хотя и незначительные, стенных росписей, обнаруженные в центральном и западном помещениях верхнего яруса замка на городище Калаи Кахкаха II.

Роспись, выполненная по слегка залощенной ганчем штукатурке, почти повсеместно обгорела в результате постигшего замок пожара, и остатки ее дошли до нас, главным образом, в виде отдельных пятен краски на небольших фрагментах, сохранившихся на южной и западной стенах центрального помещения, а также восточной стене западного помещения. Масса кусков обгоревшей штукатурки со следами различных красок—черной, красной, желтой, коричневой и реже синей—лежала слоем в 10—20 см на полу прохода, соединяющего эти два помещения.

Наблюдения, которые удалось сделать при раскопках, позволяют считать, что многокрасочной росписью была покрыта вся поверхность стен. Вполне определенно выявленным элементом росписи является бордюр, расположенный над суфами: остатки сохранились в средней части южной стены и по низу юго-западного и северо-западного пилонов лоджии, там, где поверхность разрушена в меньшей степени. Бордюр (табл. 12) сверху и снизу окаймлен полосами, закрашенными по шаблону; в этих полосах незакрашенными оставались правильной формы кружки, расположенные впритык друг к другу. Светлый фон окаймления бордюра образует двойные горизонтальные полоски, заключающие внутри по одному ряду кружков; пространство между полосками было заполнено сложным волютообразным орнаментом усложненного характера, каждый завиток здесь заканчивается цветком в виде трилистника, каждая пара завитков отходит от общей линии, причем один из завитков по направлению часовой стрелки, второй—в противоположном направлении. Треугольное по форме пространство между завитками заполнено изображением крупного цветка. Ввиду того что роспись подверглась интенсивному действию огня и сильно закопчена, определить цветовую гамму было трудно. С уверенностью можно только сказать, что кружки не были закрашены, волютообразный орнамент с цветками был выполнен желтым цветом, а окаймляющие полосы—красным. Этот бордюр в основном очень близок меандровому бордюру на стене северного крыла айвана второго храма городища древнего Пенджикента.[176] Различие между ними состоит лишь в построении орнамента среднего пространства—в пенджикентском бордюре каждый завиток обособлен и не связан с соседними. Бордюрная кайма является весьма распространенным приемом окантовки в пенджи-

---

[176] А. М. Беленицкий. Археологические работы в Пенджикенте. Краткие сообщ. Ин-та истории мат. культуры АН СССР, вып. 55, 1954, стр. 45, рис. 10.

кентской живописи.[177] Аналогичная бордюрная кайма (по низу фрески) имеется и на росписи «восточного» зала дворцового комплекса Варахши.[178]

О том, каков был характер росписи бордюра, мы можем судить по относительно хорошо сохранившемуся небольшому фрагменту на западной стене центрального помещения (рис. 50). Здесь непосредственно над бордюром сохранилась нижняя часть фигуры мужчины, одетого в длин-

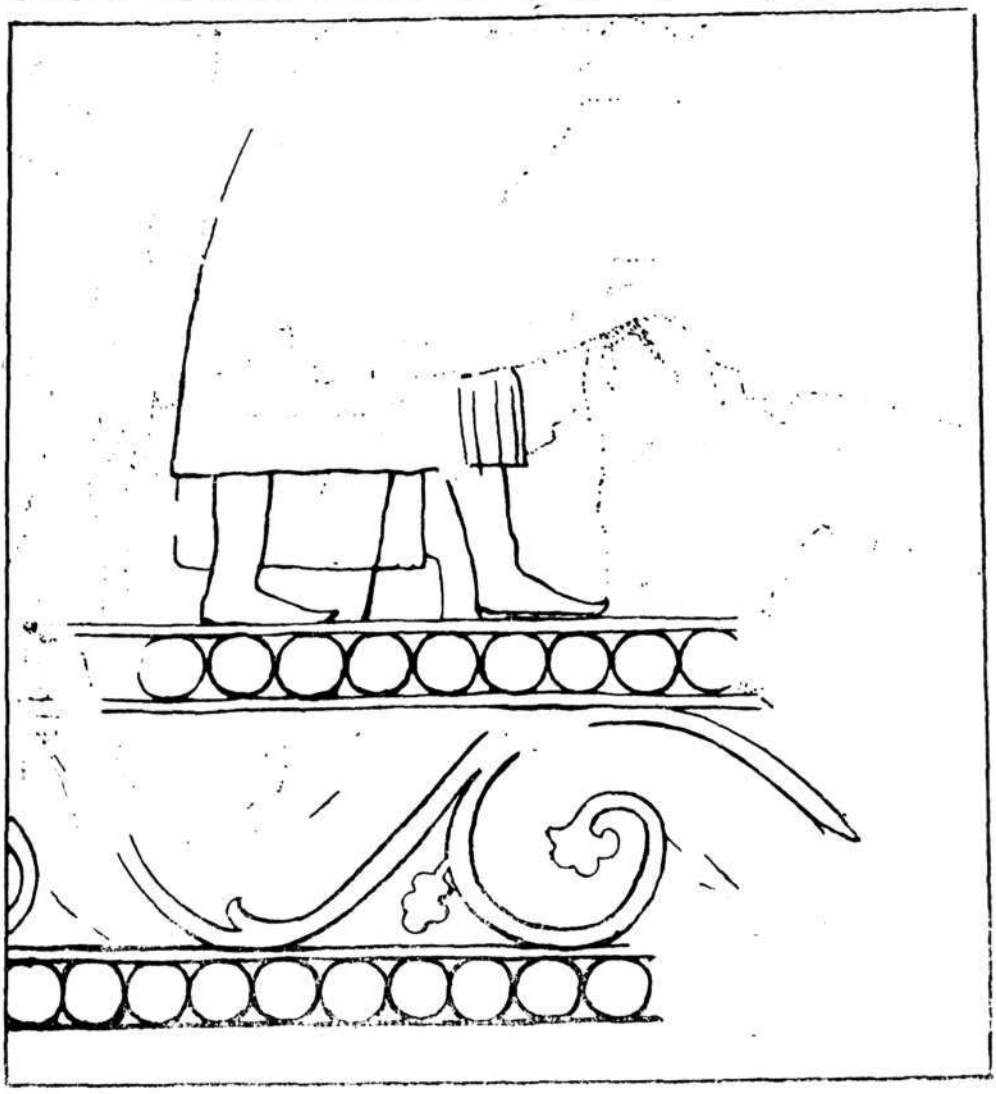

Рис. 50. Городище Калаи Кахкаха II. Замок. Помещение № 10. Деталь росписи. Прорисовка.

[177] Такой каймой обведены: роспись помещения 10 первого храма, бордюрный фриз на нижней части северной стены того же помещения, на восточной стене помещения 6 объекта III. Этой каймой выделены друг от друга яруса росписи в помещении 7 объекта III, обведена нижняя часть композиции на северной и западной стенах помещения 1 объекта VI и многие другие сцены. См. «Живопись древнего Пенджикента», табл. VII—XI, XXIV—XXIX, XXXII, XXXVI, XXXVII, XXXIX.

[178] В. А. Шишкин. Варахша (Предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.), «Сов. археол.», 23, М., 1955, стр. 111, рис. 6; его же, Варахша, М., 1963, табл. XIV.

ное широкое верхнее платье, обтянутое «передником». Из-под одежды выступают босые ноги, причем левая выставлена вперед, фигура в целом обращена вправо от смотрящего. У ног ее различаем нижний конец упирающегося в землю тонкого вытянутого предмета—по всей вероятности, древко пики. Эта фигура скорее всего изображала воина. Она явно перекликается с изображением воина на простенке «Д» центрального зала второго храма городища древнего Пенджикента.[179] Различие здесь состоит лишь в том, что пенджикентский воин обут и одежда его несколько короче (выше колен). Судя по этому фрагменту и всей сумме наблюдений в других местах, роспись Шахристанского замка была сюжетной. Большего мы, к сожалению, не можем сказать. Но сам факт наличия её здесь представляет исключительно большой историко-культурный интерес. Он в первую очередь подтверждает существование этого вида искусства и в Уструшане, расширяя ареал распространения раннесредневековой мавераннахрской живописи, представленной теперь находками в Пенджикенте, Варахше, Балалык-Тепа, Шахристане[180] и Самарканде.

2. РЕЗНОЕ ДЕРЕВО

Хорошо известно, что дерево играло важную роль в древней архитектуре народов Средней Азии: об этом, помимо исторических источников (например, «История Бухары» Наршахи), свидетельствуют находки реальных остатков архитектуры, число которых с каждым годом все увеличивается. Древние колонны Старой Матчи, Фальгара и Хивы, михраб из Искодара, резные панно из Ашта и Шейх Муслихиддина (Ленинабад), многочисленные находки, сделанные в Пенджикенте, наконец, находка резных деревянных деталей архитектуры в комплексе Шахи Зинда (у мавзолея Кусама ибн Аббаса)—все это не только подтверждает широкое применение дерева в средневековой архитектуре Средней Азии, но и указывает на конкретные формы этого применения, позволяет восстановить облик давно, казалось бы, исчезнувших архитектурных форм. Поэтому понятен интерес исследователей к этой новой и важной проблеме истории среднеазиатского искусства.

В развалинах памятников древнего Шахристана, датируемых VII—VIII вв., найдено большое количество деревянных деталей архитектуры. По большей части это—остатки погибших от огня перекрытий и их опор, а также пороги, косяки и перемычки проемов. Весь этот материал интересен как с архитектурно-строительной точки зрения (ибо деревянные конструкции и формы среднеазиатской архитектуры предисламской эпохи все еще известны очень мало), так и в художественном отношении, поскольку большое количество деревянных фрагментов, найденных в Шахристане, украшено резьбой. Все деревянные конструкции сделаны из арчи, этого вечного дерева, изобилующего и поныне на близлежащих склонах предгорий Туркестанского хребта.[181] Наибольшее количество деревянных архитектурных деталей (в том числе все, украшенные художест-

---

[179] «Живопись древнего Пенджикента», табл. XVII.

[180] В 1963 г. выявлено наличие живописи на другом шахристанском памятнике—холме Чиль-Худжра. Роспись здесь еще полностью не открыта.

[181] «Арча»—древовидный можжевельник (Juniperus Excelsa), растет по преимуществу на склонах гор. Древесина арчи розовато-коричневатого тона, мелкослойна, хорошо режется; отличается исключительной сопротивляемостью червоточине и гнилостным грибковым заболеваниям. Известно немало случаев многовековой службы арчовых бревен, брусьев и досок в архитектурных памятниках Средней Азии, например в мавзолее Султана Санджара в Древнем Мерве (XII в.), в медресе Улугбека в Бухаре (XV в.) и мн. др.». (Н. М. Бачинский. Резное дерево в архитектуре Средней Азии. Госархитиздат, 1947, стр 31, прим. 1)

венной резьбой), найдено в трех зданиях Шахристана—на замке городища Калаи Кахкаха II, в Урта-Кургане и на Чиль-Худжре. Здание на Кахкахе II было гражданским сооружением дворцового типа; Урта-Курган и Чиль-Худжра, видимо, соединяли представительно-парадные функции с функциями жилища. В данной публикации мы рассмотрим лишь дерево из первого объекта.

а) Дерево из Калаи Кахкаха II. Большинство помещений этого здания имело, несомненно, деревянные перекрытия. В помещениях нижнего яруса от них не осталось никаких следов, если не считать трухи от сгнившего дерева на месте двух колонн большого зала. Труха эта заполняла прямоугольные вырезы в суфе зала, что позволяет понять назначение последних: это, видимо, гнезда для деревянных колонных баз. Пожар уничтожил и колонны, и поддерживаемый ими потолок, форма которого может быть восстановлена лишь по аналогии с подобными же залами Пенджикента. Зато сравнительно хорошо сохранились пороги, сделанные из массивных арчовых брусьев. Проемы, ведущие из большого зала в малый и в вестибюль, были снабжены одинарными порогами, состоящими из прямоугольного арчового бруса (ок. 20 см ширина и ок. 15 см толщина), уложенного на пол и запущенного на глубину 20—25 см, в стены проема. Пороги расположены не посередине проемов, а у краев, заподлицо с поверхностью одной из стен. Дверь из пандусной площадки в верхнюю парадную лоджию, так же как и появившаяся позже дверь из лоджии в юго-западную комнату, была отмечена двойным порогом—параллельными брусьями, уложенными заподлицо с обеими поверхностями стены и закрепленными торцами в гнездах кладки. Особенно интересен двойной порог у выхода на айван. Он состоит из арчовых брусьев шириной 30 и 20 см, лежащих один от другого на расстоянии 81 см и уложенных между ними двух поперечных плах, на половину своей ширины—12 см — запущенных в стену. Плахи торцами примыкают к брусьям порога, но не скреплены с ними. Между брусьями порога, несколько ближе к внутреннему брусу, в стены были запущены две круглые деревянные стойки, одна против другой. Стойки не выступали из поверхности стен и были скрыты слоем штукатурки; их назначение, вероятно, связано с несохранившимся полотнищем двери. Форма порогов с трудом поддается исследованию и фиксации, так как здесь дерево, не обожженное пожаром и лишенное защитного угольного слоя, истлело и превратилось в рыхлую порошкообразную массу. Поэтому размер и конфигурация брусьев с большой точностью определяются по гнездам, оставленным ими в сырцовой кладке проемов. Деревянными порогами снабжены не все дверные проемы Шахристанского замка. Их лишены проемы помещений среднего яруса, вход в пандус и выход из него в коридор. Видимо, наличие порога следует считать свидетельством того, что данный проем был первоначально снабжен дверью, полотнище которой держалось на раме, опертой на нижний арчовый брус. Во всяком случае, паз для такой рамы, сохранившийся в проеме между вестибюлем и большим залом нижнего яруса, расположен точно над порогом. Та же картина отмечена и в Урта-Кургане.

К совершенно исключительным находкам нужно отнести целиком сохранившееся деревянное перекрытие окна в юго-западном помещении среднего яруса замка (рис. 39 и 41). Его сохранность объясняется тем, что глубокий (2,30 м) проем окна был еще в древности заложен в связи с изменением уровня пола комнаты и переходом ее из среднего яруса в верхний. Перемычка состоит из 12 арчовых брусьев 15—20 см шириной, вплотную подогнанных один к другому и образующих сплошной настил, воспринимающий тяжесть вышележащей кладки стены. Брусья аккурат-

но обтесаны только с нижней, видимой стороны. Они запущены в кладку на 90—115 см (при пролете в 105 см), причем расположенные в кладке части подтесаны сверху и плавно заостряются к концу. Эти части подтесаны также и снизу на 1,5 см, так что открытые середины брусьев как бы зажаты между стенами проема. Крайние брусья, внешний и внутренний, были расположены глубже поверхности стен: у фасада на 15 см, изнутри на 7 см. С веками массив сырцовой кладки вокруг проема превратился в монолит, и сгнившие арчовые брусья перестали испытывать нагрузку. Они сохранились, не изменив ни своей формы, ни расположения, поддерживаемые снизу кирпичной закладкой, плотно забившей проем. Никаких следов орнаментальной резьбы на брусьях нет: это была утилитарная перемычка, но выполненная с мастерством, свидетельствующим о распространенности такого рода деревянных конструкций в зодчестве предарабской Уструшаны.

В предварительных публикациях отмечалось, что наиболее многочисленные и интересные находки деревянных деталей были сделаны в верхнем центральном помещении Шахристанского замка, которое, очевидно, представляло собой открытую во двор, пышно украшенную «тронную» лоджию. При раскопках здесь в завале было обнаружено большое количество фрагментов резного дерева, беспорядочно лежавших остатков рухнувшего при пожаре перекрытия (табл. IV—X).[182] Обуглившийся, не подвергшийся гниению верхний слой древесины сохранил здесь, как и в Пенджикенте, разнообразную орнаментальную резьбу; здесь имеются сюжеты как чисто орнаментальные, так и зооморфные, и даже антропоморфные.

В. Л. Воронина, опубликовав в свое время некоторые образцы резьбы по дереву из Шахристанского замка, отметила их большую близость (почти тождество) резному дереву Пенджикента.[183] Она особо указала на сходство орнаментальных мотивов, трактовки и техники исполнения. Разделяя в целом это мнение, мы все же должны отметить, что резное дерево Шахристана обладает рядом специфических особенностей, в основном выражающихся в способах художественной обработки деталей деревянных конструкций и в наличии орнаментальных мотивов, в Пенджикенте не встречающихся. Остатки деревянного резного перекрытия «тронной» лоджии обнаружены в беспорядочном состоянии на разных уровнях завала, поэтому выяснить его характер на основании взаиморасположения этих сохранившихся частей было невозможно. Однако классификация фрагментов в соответствии с украшающим их орнаментом позволяет установить несколько групп деревянных элементов, каждая из которых характеризуется одинаковой конфигурацией, размерами и типом резного убранства. Таким образом, выясняется, что конструкция перекрытия включала в себя по меньшей мере следующие элементы:

1. Прямоугольные в сечении балки шириной 17 и высотой 12 см. Нижняя поверхность их украшена западающими крестиками, располо-

---

[182] Первичная полевая обработка обуглившегося дерева из верхнего яруса замка городища Калаи Кахкаха II в 1955 г. была сделана В. Л. Ворониной, М. П. Винокуровой, Т. И. Зеймаль и Н. Негматовым, а лабораторная обработка их произведена в Ленинграде в реставрационных мастерских Государственного Эрмитажа под руководством П. И. Кострова его сотрудниками Е. Г. Шейниной, М. П. Винокуровой и Т. В. Коваленко.

[183] В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент Пенджикента. Скульптура и живопись древнего Пенджикента, М., 1959, стр. 128 и след.; Е е ж е. Архитектура древнего Пенджикента (результаты раскопок 1954—1959 гг.). Тр. Тадж. археол. эксп. Матлы и иссл. по археол. СССР, т. 4, № 124, М.— Л., 1964, стр. 84, рис. 27, 28. Резное дерево обнаружено не на Калаи Кахкаха I, как ошибочно считает В. Л. Воронина, а на Калаи Кахкаха II.

женными в «шахматном» порядке (табл. IV, Б). По ширине балки помещалось, видимо, 3 полных крестика или 2 полных и 2 половины по краям. Боковые поверхности декорированы сверху цепочкой четырехлепестковых рельефных розеток в узком горизонтальном обрамлении. Такого рода фрагменты найдены в особенно большом количестве. По мнению В. Л. Ворониной, они представляют собой остатки балок перекрытия.[184]

2. Брусья около 20 см высотой, украшенные по боковым сторонам (в последовательности сверху вниз) лентой ромбической нарезки, поясом пятилепестковых пальметт и волнообразным побегом со спиральными отростками и стилизованными листьями. Ширина брусьев этого типа не выяснена, так же как и характер убранства их нижней поверхности. В. Л. Воронина видит в них прогоны, служившие основанием для балок, чему как будто соответствует их значительная высота, почти вдвое большая, чем у предполагаемых балок.

3. Две деревянные детали типа массивных досок, размеры: первой — длина 67, высота 25, толщина 7 см; второй—высота 20 и толщина 9 см. Они украшены мотивом аркатуры, состоящей из примыкающих одна к другой арочек, украшенных чередой резных пятилепестковых пальметт (подобных тем, что входят в убранство боковых сторон «прогонов», только значительно менее крупных), и выпуклым наружным пояском. Сами арочки вырезаны в виде выпуклой полоски, сверху и снизу окаймлены полосами из косых перекрещивающихся насечек. Начертание арочек не строго геометрическое, а приблизительное, видимо, выполненное на глаз. В поля между арочками вписаны половины четырехлепестковых розеток с вытянутыми и заостренными лепестками (табл. V, А и Б). Выдвинутое В. Л. Ворониной предположение, что эти фрагменты являются частями настенного фриза, представляется очень убедительным.

4. Единичный фрагмент, не имеющий аналогий и представляющий собой односторонне сохранившийся кусок бруса высотой 17,5 см. Его боковая сторона украшена цепочкой четырехлепестковых розеток, аналогично предполагаемым «балкам». Однако здесь цепочка расположена не по верху балок, а ниже, так что над ней оставлена ничем не украшенная, равная ей по ширине (4,5 см) лента. Толщина сохранившегося фрагмента около 5 см; первоначально она, очевидно, была больше.

5. Единичный фрагмент криволинейно-выпуклой формы, высотой 8,5 см (табл. VI, *А*). Его нижняя часть имеет профиль плоского «эхина» с узкой полочкой у основания, а верхняя, вертикальная, украшена овальными выпуклыми глазками в окружении стилизованных побегов, которые, охватывают глазок снизу вверх как бы тройной подковой, сомкнутой изнутри и постепенно разгибающейся наружу. Сохранился один глазок с его изящным обрамлением и часть обрамления соседнего слева глазка. Этот исключительно интересный (хотя, к сожалению, мелкий) фрагмент находит ближайшую аналогию в капители деревянной колонны, найденной в Пенджикенте. Восьмигранный импост к этой капители украшен по каждой грани круглыми выпуклыми медальонами в окружении подковообразно изогнутых побегов, заканчивающихся вверху лепестками.[185] Шахристанский фрагмент представляет собой, видимо, остаток подобного импоста, украшенного традиционным декоративным мотивом, однако не граненого, а круглого. Он, значит, принадлежит не перекрытию, а его вертикальной опоре.

---

[184] Состояние фрагментов не позволяет определить первоначальные размеры балок с абсолютной точностью. Здесь и ниже взяты максимальные размеры сохранившихся частей.

[185] В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пянджикента, стр. 112, рис. 13.

6. Единичный фрагмент длиной 37 и шириной 12 см, с рельефным изображением фантастического существа (табл. IV, А). Сохранилась нижняя часть человеческого торса (как будто мужского) с широко разведенными бедрами, которые заканчиваются закрученными вверх змеиными хвостами. На чудовище надет небольшой круглый передник, покрытый чешуйчатым узором и украшенный двойной орнаментированной каймой. Справа у торса сохранились остатки какой-то детали, относящейся, видимо, к фону и состоящей из двух рядов граненых пирамидальных выступов. Слева видны следы такой же детали или руки.

Это изображение находит ближайшую аналогию в скульптурной глиняной панели айвана второго храма древнего Пенджикента. Здесь центр панели южной стены, по описанию А. М. Беленицкого, «...занят фигурой фантастического существа с человеческим туловищем, заканчивающимся двумя петлеобразно загнутыми змеевидными хвостами. Обе руки отбиты в предплечье. Туловище обнаженное. Лишь вокруг бедер слабым рельефом намечен пояс пальметок, образующий набедренную повязку».[186] Фигура по пояс как бы выходит из воды, которая показана в виде рельефных волн. На этом фоне изображены также различные морские существа (рыбы, дельфинообразные существа и пр.). Как отмечает А. М. Беленицкий, сказочный образ змеиного тритона в сочетании с чудовищем «макара» был широко распространен в буддийском искусстве Индии и Афганистана. Оба эти образа истолковываются как символическое олицетворение водной стихии.[187]

Пенджикентское изображение тритона, как и вся панель, деталью которой оно является, по-видимому, составляет часть какого-то эпического повествования. Оно не столько декоративно, сколько сюжетно. Это подчеркивается общей композицией панели, свободной и асимметричной, подчиненной развитию сюжета: трактовкой фигуры мощного торса с непропорционально маленькими завитками ног-хвостов. Наоборот, изображение тритона из Шахристанского замка выполнено декоративно. Оно абсолютно симметрично, два энергичных завитка ног-хвостов, заканчивающихся закрученными вверх спиралями, образуют четкое горизонтальное основание для изящного торса. Вероятно, эта подчеркнутая горизонтальность фигуры,—следствие гипертрофированно развитых «хвостов», соответствовала горизонтальности всей композиции, от которой сохранился лишь этот небольшой фрагмент. Отмеченный характер изображения позволяет предположить, что оно в данном случае не имело символического смысла (как это было в Пенджикенте), а представляло собой чисто декоративный мотив.

Следует отметить еще близкую параллель шахристанскому тритону, имеющемуся в скульптурных изображениях Северного Афганистана, в частности в скульптурных украшениях Шоторака.[188] Этот мотив резного орнамента был широко распространен и в русской народной резьбе вплоть до XIX в. Так, близкое к нашему фрагменту изображение фантастического существа, состоящее из человеческой головы (с головным убором) и чешуйчатого тулова с витым (также чешуйчатым) рыбьим хвостом встречается в виде пережитка русского старокрестьянского ис-

---

[186] А. М. Беленицкий. Археологические работы в Пянджикенте, стр. 45, рис. 9, 2; Его же. Новые памятники искусства древнего Пенджикента. Опыт иконографического истолкования. «Скульптура и живопись древнего Пенджикента», М., 1959, стр. 70, 81, табл. XXIX, XXXI.

[187] А. М. Беленицкий. Новые памятники искусства древнего Пенджикента, стр. 73 — 75.

[188] J. Meunie. Schotorak. Mémoires de la delegation archeologique francaissen Afghanistan (MDAFA), t. I, Paris, 1942, pl. XXXVII.

кусства резьбы в Северном крае. Этот древний мотив был использован, наряду с другими, еще в конце XIX в. при попытках возрождения национального древнерусского стиля.[189] Образцы интересующего нас мотива в русской народной резьбе XIX в. говорят об устойчивой и долговечной традиции изображения подобных фантастических существ.

7. Единичный фрагмент бруса длиной 70, шириной 20 и толщиной 12 см ,украшенный рельефным изображением человека (табл. VI, Б). Частично сохранилась фигура идущего мужчины, мастерски выполненная высоким рельефом. Утрачены голова, предплечье правой руки и кисть левой; ноги сохранились выше колен. Но все же видно, что фигура изображена в характерной «египетской» позе: грудь и плечи развернуты фронтально, тогда как руки (изображенные в движении, как при энергичной ходьбе) и шагающие ноги, судя по направлению верхних сохранившихся частей, видны в профиль. Легкий наклон торса вперед подчеркивает стремительность движения. Фигура одета в кафтан, перетянутый по узкой талии поясом, застегнутый на груди круглой пуговицей и украшенный двумя симметричными отворотами. Украшение последних в рельефе передано ромбической насечкой. Подобной насечкой украшен кафтан и ниже пояса, где у левого бедра как будто заметны следы рукоятки меча или жезла. В более ранних публикациях[190] описанный фрагмент был принят как остаток одной из колонн, поддерживающих перекрытие помещения. Это мнение обосновывалось наличием здесь изображения фигуры в рост, что как будто предполагает вертикальное расположение бруса. Между тем внимательное знакомство с фрагментом убеждает в том, что оно должно быть пересмотрено.[191]

Принятые в среднеазиатском зодчестве деревянные колонны во все времена и повсеместно имели круглое (точнее, многогранное) сечение. В этом убеждает материал народной архитектуры, находки древних колонн в Фальгаре и Старой Матче, изображения колонн на оссуариях и блюдах, воспроизведения их в кирпиче. Деревянный ордер Средней Азии и его составная часть—колонна изучены сейчас с достаточной полнотой, но среди известного нам материала нет деревянных опор с квадратным или прямоугольным сечением. Надо полагать, что их и не было, ибо подобная форма деревянной опоры в условиях Средней Азии была бы бессмысленной и конструктивно, и экономически. Тем более не может быть принят за остаток колонны фрагмент сечением 20×12 см, представляющий собой, по существу, плаху или толстую доску.

На действительное назначение рассматриваемого фрагмента указывает резное убранство его боковой стороны, состоящее из знакомого нам сочетания пояса пятилепестковых пальметт с «гирляндой» (лентой, украшенной системой ромбовидных прорезей). Форма этих элементов убран-

[189] Н. Н. Соболев. Русская народная резьба по дереву. М.— Л., 1934, стр. 71, рис. 31. Более отдаленную аналогию мы имеем в резном фризе XIX в. ГИМа, где изображена «сирена», с человеческим туловом с двумя руками, держащими растительные листья (в правой) и змею (в левой), и головой в парике и венце. Витый рыбий хвост покрыт чешуей (там же, рис. 45). Изображение такой же «сирены» с рыбьим хвостом имеется в деталях резьбы наружных украшений изб из коллекции того же музея (там же, рис. 266). Аналогичная «сирена» с рыбьим хвостом влево (в отличие от предыдущих, идущих вправо) изображена на фризе из коллекции Кустарного музея в Москве (там же, рис. 268).

[190] Н. Н. Негматов. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1955 г. В кн. «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.». Тр. АН Тадж. ССР, т. 63 (Душанбе), 1956, стр. 65; Его же. Археологические раскопки в Шахристане. Мат-лы Второго совещ. археол. и этногр. Средней Азии, М.— Л., 1959, стр. 208; Н. Н. Негматов, Т. И. Зеймаль. Усрушанский замок в Шахристане. «Сов. археол.», № 2, 1959, стр. 208.

[191] Эта ошибка отмечена уже и В. Л. Ворониной в «Архитектуре древнего Пенджикента» (результаты раскопок 1954—1959 гг.)», стр. 87, прим. 57.

ства, как и их сочетание, характерны для потолочных прогонов или балок. Утолщение фрагмента под рельефным изображением человека также характерно для горизонтальных конструктивных элементов потолка. Балки, как мы увидим ниже, имели такие утолщения в своих крайних отрезках, непосредственно лежащих на опоре. Среди остатков деревянных перекрытий, найденных в Шахристане, особенно много фрагментов принадлежит именно этим крайним частям балок с резким перепадом толщины, частям, которые во время пожара воспламенялись в последнюю очередь. В характере фигуры и ее расположении на горизонтальной поверхности потолочной балки нет противоречия. Архитектура Ближнего и Среднего Востока знает примеры человеческих изображений, сделанных прямо на потолке. Одно из помещений омейядского замка Кусейр Амра, например, было украшено по своду изображениями животных, а также человеческих фигур в полный рост и по плечи.

Если посмотреть описанные выше фрагменты с точки зрения их орнаментального оформления, то можно придти к заключению, что наряду с изображениями человека, тритона и архитектурно-арочного сюжета, основными мотивами резного орнамента Шахристанского замка выступают ромбическая насечка, пальметты, четырехлепестковые розетки и волнистый стебель. Последний из этих мотивов встречен и на сохранившемся живописном бордюре на стене той же лоджии. Другие мотивы—ромбические насечки, пальметки и волнистый стебель применены в орнаментации боковых сторон балок, бордюр которых состоит из розеток; нижняя грань балок украшена чаще всего мотивом крестиков.

Декоративные и декоративно-изобразительные мотивы резного дерева из Шахристанского замка находят множество аналогий в искусстве Пенджикента и всей Средней Азии в целом, и еще шире—в наиболее распространенных формах ближне- и средневосточного искусства. Пользуясь современной терминологией, часть этих мотивов можно было бы назвать типовыми; в некоторых нетрудно увидеть глубоко традиционную, издревле существующую художественную тему. Так, в пятилепестковых пальметтах есть основание видеть сильно трансформированный мотив античного аканта, в свое время широко распространенный в искусстве Средней Азии.[192] Уплощенный «потомок» аканта принял здесь в V—VIII вв. форму пяти- или семилепестковой пальметты с боковыми, круто изогнутыми листьями. Эта форма, выполненная различной техникой в различном материале, усматривается и в резном ганчевом убранстве Варахши,[193] и в варианте, очень близком нашему,— в росписях Балалык-Тепа,[194] и в живописных орнаментах Пенджикента,[195] и в глиняной лепнине буддийского храма в Ак-Бешиме.[196] В резном дереве Пенджикента шахристанские пальметты находят ближайшую аналогию, доходящую до тождества. Здесь совпадают и манера резьбы, и характерная форма деталей, и общая композиция. Специфика последней состоит в том, что пальметты, вопреки природе своего прототипа аканта, изображаются как бы перевернутыми «вниз головой». Сочная и сдержанная моделировка, трактовка листьев пальметт, не говоря уже об их композиционной роли,

---

[192] Г. А. Пугаченкова. Акант в архитектуре Средней Азии. Сб. ст. «Памяти М. С. Андреева», Тр. АН Тадж. ССР, т. 120, Душанбе, 1960, стр. 169—180.

[193] В. А. Шишкин. Архитектурная декорация дворца в Варахше. ТОВГЭ, IV, Л., 1947, стр. 247, 250, рис. 61, 65.

[194] Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе, Ташкент, 1960, рис. 122, 123, 143.

[195] В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента, стр. 95, рис. 5а.

[196] Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—54 гг. Тр. КАЭЭ, т. 2, М., 1959, стр. 199, рис. 33 (I).

столь близки в Шахристане и Пенджикенте, что возникает предположение либо о работе в обоих городах одной группы мастеров, либо об исключительной унификации этого традиционного мотива в Согде и Уструшане. По-видимому, этот глубоко традиционный мотив сыграл известную роль в сложении типа многолопастной раковинообразной конхи (мавзолей Мухаммада ибн Зайда, Текеша, михраб в Аште) и многолопастной арки. Под несомненным воздействием ближне- и средневосточной культуры мотив пятилепестковой пальметты, очень близкий шахристанскому, проник в XI в. в искусство Испании.

Если форма ленты, покрытой сплошной сеткой ромбических граненых выступов, и восходит, по остроумной догадке В. Л. Ворониной, к эллинистическому мотиву лавровой гирлянды, то нужно признать, что в резных деталях из Шахристанского замка она нашла свое органическое «деревянное» воплощение. Резкие грани мелких ромбических «чешуек» глубокие и узкие прорезы между ними контрастно дополняют мягкую моделировку пальметт, их плавные контуры, текучее сочетание небольших выпуклостей и впадин. Ритмично изогнутый стебель со спиральными отростками и лепестками вводит в это сочетание графический мотив, основанный на эффекте волнообразного движения. Этот мотив использован, как уже отмечено выше, и в живописном бордюре, остатки которого найдены в том же помещении Шахристанского замка. Позже он становится одним из самых распространенных мотивов орнаментального искусства Средней Азии и в разнообразных вариантах доживает до наших дней. Этот мотив употреблен в резьбе по дереву и в росписях Пенджикента, однако нужно признать, что наиболее выразительное, мастерски изысканное воплощение он нашел в то время в резьбе по дереву, украсившей потолок лоджии Шахристанского замка. Аналогичный мотив резьбы из Пенджикента[197] отличается статичностью, чрезмерностью деталей, дробностью—в целом, рядом с «классической» трактовкой мотива в Шахристане, он производит впечатление «барочного». Четырехлепестковые розетки Шахристанского замка также находят ближайшую аналогию в резном дереве Пенджикента. В обоих случаях они используются собранными в цепочки и украшают верхние части горизонтальных элементов перекрытия. Этот мотив, в той же роли бордюра, употреблялся и позже,— в рельефном майоликовом убранстве среднеазиатских памятников XV—XVII вв.[198]

В архитектуре XI—XII вв. нашел употребление и прием украшения плоскости сеткой выемчатых крестиков, отмеченный выше как один из мотивов резьбы по дереву Шахристанского замка. Так, в северном мавзолее Узгена (XII в.) задняя стена портала целиком покрыта сеткой мелких западающих крестиков, образующих на кирпичной поверхности стены эффектную игру света и тени. Нужно заметить, что если в технике резьбы по дереву этот мотив выглядит не совсем органичным, то для рельефной кирпичной кладки он как будто специально создан. Не исключено, что шахристанские резчики по дереву действительно переняли этот мотив у мастеров сырцовой кирпичной кладки, которые, как теперь ясно, уже в VII—VIII вв. умели украшать поверхности сырцовых стен с помощью разнообразных декоративных эффектов.

Мотив аркады, которым украшено несколько крупных фрагментов, имеет в своей основе реальную архитектурную форму. Любопытно, что украшение междуарочных промежутков рассеченными пополам четырех-

[197] В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента..., стр. 118, рис. 17.

[198] См., напр., мавзолей Кутлук-ака в Шахи Зинде.

листниками находит прямую аналогию в аркадах бия-найманских оссуариев: здесь треугольные поля между арками также украшены фигурой, состоящей из одного узкого, ланцетовидного, опущенного вниз по оси колонны листа и двух горизонтально лежащих половинок, как бы растущих из одного центра. Разница лишь в том, что на оссуариях этот центр отмечен кружком.[199] Другая аналогия, также современная рассматриваемому материалу, но не столь близкая,— аркада павильона из Пенджикентской «сцены оплакивания», где промежутки между арками украшены причудливо изрезанными трилистниками. Судя по опубликованным копиям,[200] эти трилистники не являются вариацией мотива оссуариев и шахристанского резного дерева, а представляют собой самостоятельный орнаментальный сюжет, сходство которого с интересующим нас обусловлено формой украшаемого поля. Однако несомненно принципиальное сходство приема заполнения треугольного междуарочного поля, отличного от приемов более позднего времени и, видимо, характерного для архитектуры VII—VIII вв. Как отмечалось, фрагменты, украшенные мотивом аркады, представляют собой остатки фриза, который, должно быть, украшал верхние части стен помещения у их стыка с перекрытием. Этот прием и поныне распространен в народном зодчестве Таджикистана и Узбекистана. Декоративные досчатые фризы (правда, не резные, а живописные)—непременная принадлежность парадных помещений народного жилища, интерьера гузарных мечетей и колонных айванов, обычных для зданий того и другого типа. О традиционности и древности употребления подобных фризов говорит находка в мавзолее Муслихиддина в Ленинабаде,— здесь резной фриз, украшенный эпиграфическим и растительным орнаментом, украшал сверху внутренние стены первоначального здания мавзолея, сооруженного в XIV в. Фрагменты еще более древних превосходных досчатых фризов обнаружены В. А. Литвинским в мечети Аштсахоба в селении Ашт[201] и при раскопках городища древнего Пенджикента. Но если фрагменты резного дерева из Шахристанского замка, украшенные мотивом аркады, действительно принадлежат подпотолочному фризу, то украшение их этим мотивом представляется необычным и нуждается в расшифровке. Известные нам принципы среднеазиатского зодчества VII—XII вв., зодчества последовательно конструктивного, не позволяют предположить, что мотив аркады использован здесь чисто орнаментально, в отрыве от своего материального прототипа. Вероятно, условно-декоративное воспроизведение аркады в верхних частях стен парадного помещения не случайно и соответствует традиционному сочетанию реально существовавших, объемно-пространственных форм архитектуры. Невероятно, чтобы зодчий VII—VIII вв. изобразил аркаду «висящей» в воздухе, лишенной зрительной опоры. С этой точки зрения можно было бы предположить, что стены помещения под фризом были

---

[199] Б. Н. Кастальский. Бия-Найманские оссуарии. Самарканд, 1908, см. репродукцию и фотографию обломков оссуариев. А. А. Потапов. Рельефы древней Согдианы как исторический источник. «Вестн. древней истории», 2(3), 1938, стр. 129, рис. 2, стр. 136, рис. 11; А. Я. Борисов. К истолкованию изображений на бия-найманских оссуариях. Тр. Отд. Востока Гос. Эрмитажа, т. 2, Л., 1940; В. Л. Воронина. К вопросу об изучении доарабского зодчества Средней Азии. Сообщ. Ин-та истории и теории архитектуры, вып. 8, М., 1947, стр. 37, рис. 1; Б. Я. Ставиский. Оссуарии из Бия-Наймана. Тр. Гос. Эрмитажа, т. 5, Культура и искусство народов Востока, 6, Изд-во ГЭ, Л., 1961, стр. 162—176.

[200] «Живопись древнего Пенджикента», М., 1954, табл. XIX, XX, XXI.

[201] Б. А. Литвинский. Предварительный отчет о работах в Карамазарских горах отряда по сбору материалов для составления археологической карты в 1954 г. В кн.: «Археологические работы в Таджикистане в 1954 г.». Тр. АН Тадж. ССР, т. 37, Душанбе, 1956, стр. 60.

украшены живописным изображением колонн, по аналогии подобных колоннам бия-найманских оссуариев. На это намекают и остатки росписей на стенах лоджии.

Украшение аркатурой верхних частей стен может быть расшифровано как декоративное воспроизведение арочной галереи, изображенной на «аниковском» блюде Ленинградского Государственного Эрмитажа, «сасанидском» блюде Берлинского музея и, видимо, широко распространенной в раннесредневековом гражданском зодчестве Средней Азии. Как уже отмечалось, есть некоторые основания считать, что и Шахристанский замок был увенчан подобной галереей, которая здесь была уже лишена первоначального оборонного значения. В VII—X вв. декоративными аркадами украшались не только фасады дворцовых зданий (как это видно на примере Охейдира), но и интерьеры их парадных помещений.[202] Украшение такой аркадой главного помещения верхнего яруса Шахристанского замка подчеркивает его особо парадное назначение, что вполне вяжется с богатым резным убранством потолка и широким проемом, превращающим эту небольшую комнату в торжественную, раскрытую во двор лоджию.[203]

Подобная трактовка шахристанского резного фриза помогает уяснению смысла аркадной композиции бия-найманских оссуариев, воспроизводящих, по-видимому, не абстрактную «идею» аркады, а конкретную архитектурную форму арочной галереи, традиционно увенчавшей богатое дворцовое здание VII—VIII вв. В этой связи находят объяснения и венчающие бия-найманские оссуарии зубцы. Если ход наших рассуждений верен, то было бы логично продолжить аналогию и предположить, что гладкие, не украшенные резьбой внутренние пространства арочек шахристанского фриза первоначально несли живописные изображения богов и героев местного эпоса. Миниатюрные размеры арочек заставляют предположить здесь не изображения фигур в полный рост, как на оссуариях из Бия-Наймана, а лишь лица. Аналогом в этом случае может служить украшенный аркадой оссуарий с Афрасиаба,[204] создатель которого, впрочем, проявил непонимание используемого мотива, разорвав грубоватое изображение аркады нелепой в данном контексте дверью.

Единственное резное изображение человека из Шахристанского замка находит много параллелей среди росписей Пенджикентна, что позволяет говорить о чрезвычайно близкой трактовке человеческого образа в предарабском искусстве Согда и Уструшаны. Продолговатый, конусообразно расширяющийся кверху торс с характерной узкой талией и широким разворотом плеч типичен для персонажей пенджикентской стенописи. Не менее характерно и движение рук, свойственное положению бега или быстрой ходьбы и известное по большому количеству пенджикентских изображений.[205] Рукоять меча, изогнутая на-

---

[202] См., например, зал-вестибюль омейядской цитадели в Аммане (E. Diez. Op. cit, s. 31, abb. 35). Отголоски этого приема видны в ряде купольных мечетей Ирана XI—XII вв. (напр. «большой купол» исфаханской Джума-мечети), где верхние углы четверика изнутри украшены рельефной аркатурой.

[203] Аналогичные арочки украшали главный зал здания VII городища древнего Пенджикента.

[204] А. С. Стрелков. Оссуарий Государственного исторического музея, «Искусство Средней Азии», М., 1930; В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента, стр. 41, рис. 4.

[205] См. напр. «Скульптура и живопись древнего Пенджикента», табл. XIV.

подобие крючка (если правильна трактовка этой найденной детали) находит прямую параллель в росписи, украшающей помещение 1 объекта VI в Пенджикенте.[206] Вместе с тем могут быть отмечены и своеобразные черты шахристанского изображения. Нельзя считать типичной для пенджикентской живописи фронтальный «египетский» разворот плеч при полном профильном положении фигуры: живописцы Пенджикента либо разворачивали фигуру вполоборота, либо более или менее скрывали торсом заднее плечо с рукой. Кафтан шахристанского персонажа, застегнутый посредине как будто до самого низа и украшенный двумя «стеганными» отворотами, отличается от одежд знатных пенджикентцев, которые носили кафтаны с круглым глухим воротником и без отворотов. Одежду с двумя симметричными отворотами носит один (видимо, главный) персонаж росписей Балалык-Тепа,[207] однако на этом сходство и заканчивается, ибо костюм последнего и покроем, и деталями (включая форму отворотов) очень мало напоминает одежду шахристанца. Высказывавшееся ранее в литературе мнение, что на рассматриваемом фрагменте изображен воин,[208] едва ли правильно. Это предположение основано на сходстве данного изображения и с изображениями пенджикетских росписей. Однако изображенные в росписях Пенджикента воины, все без исключения, одеты в пластинчатые и кольчатые доспехи, которые резко отличаются от «гражданских» кафтанов других персонажей. Шахристанская же фигура облачена именно в такой «гражданский» кафтан. Угадывающееся здесь наличие меча не может быть основанием для воинской атрибуции персонажа, — мечи, судя по письменным источникам и на живописи Пенджикента, были обычной принадлежностью костюма раннесредневековых феодалов—дихкан.

По-видимому, вырезанные на деревянных деталях архитектуры изображения человека и фантастического существа были в свое время частями более сложных композиций. Попытке уяснить смысл этих композиций препятствует прежде всего наше незнание вазиморасположения деталей, вытекающего из конструкции перекрытия. Классификация сохранившихся фрагментов по их вероятной конструктивной принадлежности позволяет разбить их на следующие группы:

1. Брусья, представляющие собой горизонтальные части перекрытия. Размеры их различны: крупные, около 20 см высоты и неизвестной ширины (они украшены по бокам лентами «гирлянды» пальметт и стебля); средние, 12 см высоты и 20 см ширины (фрагмент с фигурой человека); средние, 17 см ширины и 12 см высоты (нижняя поверхность украшена крестиками, боковые — розетками); мелкие, 12 см высоты и около 14 см ширины (убранство то же, что у предыдущих). Фрагмент, украшенный цепочкой розеток у середины высоты также является, вероятно, остатком бруса. По своим размерам (17,5 см высоты) он должен быть причислен к средним. Таким образом, здесь насчитывается по меньшей мере 4 размера брусьев (в сечении), что слишком много для обычного балочного перекрытия, состоящего из прогонов и балок.

2. Плахи высотой 29 см и толщиной 9 см, украшенные мотивом аркады. Вероятнее всего, они являются остатками настенного подпо-

---

[206] См. напр. «Скульптура и живопись древнего Пенджикента», табл. VIII (крайний правый простенок).

[207] Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе, рис. 107. Прочие персонажи балалык-тепинских росписей одеты в костюмы с одним правым отворотом. Правый отворот иногда встречается и в костюмах пенджикентских персонажей.

[208] А. М. Беленицкий. Новые памятники искусства древнего Пенджикента, стр. 81.

толочного фриза. Быть может, к этому фризу относится и фрагмент с изображением чудовища-тритона, хотя его толщина—12 см—совпадает с высотой некоторых балок перекрытия, что едва ли случайно.

3. Фрагмент, определяемый по аналогии как часть импоста или капители, указывает на то, что перекрытие поддерживалось вертикальными деревянными опорами. Неясен вопрос о том, были ли эти опоры свободно стоящими или пристенными. Нам представляется более обоснованным второй вариант. Правда, на продольной оси помещения, около северной и южной суф были найдены заполненные углем ямки, похожие на следы сгоревших колонн. Однако точно такие по размеру ямки имелись и у внутренних углов широкого западного проема, и тут им отвечают четвертные вертикальные выемки для стоек, которые по своим габаритам (18×18 см) слишком малы для опорного столба, державшего на себе половину тяжести массивного балочного перекрытия. Кроме того, расположение вероятных здесь колонн в свою очередь предполагает направление основного прогона не поперек помещения, а вдоль; это должно было без нужды увеличить длину прогона, что с конструктивно-строительной точки зрения всегда нежелательно и опасно, а в данном случае ничем не оправдано. Реконструкция деревянного перекрытия лоджии Шахристанского замка представляется, таким образом, более сложной, чем это может показаться на первый взгляд.

б) Некоторые общие замечания. Мы уже отметили самые близкие и непосредственные аналогии пенджикентской живописи с шахристанской росписью (бордюр, изображение воина), пенджикентской глиняной скульптуры с шахристанской деревянной скульптурой (изображение тритона).

В шахристанском и пенджикентском резном дереве господствуют одни и те же элементы, одна и та же трактовка орнамента и техника резьбы. По общности стиля и техники, по совпадению ряда мотивов орнамента, как правильно отмечает В. Л. Воронина, оба памятника должны быть признаны одновременными и принадлежащими одной художественной традиции.[209] Отмечено сходство арочек в живописи (в Пенджикенте) и на дереве (в Шахристане). Можно наметить и ряд других аналогий. Аналогична пенджикентской и техника росписи по штукатурке. В целом наблюдается много общих элементов в орнаменте и сюжетах с произведениями искусства Пенджикента.[210] Известная аналогия отмечена в деталях росписи Варахши. Живопись Варахши и Пенджикента приблизительно одновременны. Скульптуру Пенджикента А. М. Беленицкий считает более ранней, чем относящуюся к последнему этапу существования Пенджикента живопись, и поэтому склонен датировать ее VI в. н. э.[211] Бия-найманские оссуарии, в рельефе которых засвидетельствовано наличие арочного мотива, датируются VII в. н. э.[212] Все это не противоречит датировке шахристанского резного

---

[209] В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пянджикента, стр. 129.

[210] А. М. Беленицкий. Новые памятники искусства древнего Пенджикента, стр. 81.

[211] А. М. Беленицкий. Археологические работы в Пянджикенте, стр. 46—47; Его же. Новые памятники искусства древнего Пянджикента, стр. 77.

[212] А. Я. Борисов. Ук. раб., стр. 31—33, 39; В. Л. Воронина. К вопросу об изучении доарабского зодчества Средней Азии. Новые исследования по истории архитектуры народов СССР, М., 1947, стр. 36.

дерева VII—VIII вв. н. э.[213] Дополнительным основанием к этому служит одинаковая техника нанесения росписи по штукатурке во всех трех отмеченных пунктах. Приведенные аналогии из мотивов бия-найманской и афрасиабской терракоты показывают, что шахристанско-пенджикентская орнаментальная традиция не была совершенно обособлена, что она выходила за рамки этих двух пунктов, возможно, в пределы всего Согда и Уструшаны.[214]

Отсутствие полной аналогии шахристанского резного дерева с имеющимися другими подобными памятниками, большее совершенство форм и техники резьбы, так же как и достоинства шахристанской росписи, свидетельствуют о наличии самостоятельной местной уструшанской художественной школы и о глубокой укоренившейся традиции этой отрасли искусства. Так, в украшении внутреннего убранства центрального помещения замка (роспись стен, резьба колонн и потолка) человеческими и фантастическими изображениями, геометрическим и растительным орнаментом было бы неверно видеть разрозненные, не связанные между собой отдельные детали. Во всей композиции внутреннего убранства помещения чувствуется определенное единство. Здесь налицо согласованная работа живописца и резчика, стремившихся к комбинированному использованию в настенной живописи и резьбе по дереву всех видов орнамента.

Находки резного дерева в Пенджикенте и Шахристане VII—VIII вв., теперь позволяют несколько углубить хронологические рамки наличия согдийско-уструшанского искусства резьбы по дереву. Как известно, еще недавно не были известны его образцы старше IX—XI вв., а причиной этого справедливо считалась недолговечность самого материала.[215] Пожар, уничтоживший также росписи стен, оказал неоценимую услугу истории, сохранив ценнейшие обуглившиеся фрагменты древнейшей резьбы по дереву. Нет никакой гарантии, что великолепные образцы резного дерева, открытые за последние годы в Пенджикенте и Шахристане, включают в себя весь комплекс употреблявшихся тогда орнаментальных и изобразительных мотивов. Многие из них, вероятно, погибли без остатка. Поэтому было бы поспешностью делать вывод о локальных особенностях отдельных школ художественной резьбы на основании лишь того, что, например, в пенджикентской резьбе отсутствует мотив выемчатых крестиков. Гораздо большее значение имеют несомненные черты сходства художественной резьбы по дереву, ее мотивов и стилистических приемов. Это сходство убедительно свидетельствует о близости художественных культур раннесредневековой Уструшаны и Согда, близости, за которой кроется близость экономической, общественной и культурной жизни обеих стран, не говоря об этническом родстве их населения. Стилистическая отработанность традиционных мотивов резьбы, таких, как пальметты, перлы, «гирлянды,» их употребление в устойчивых композиционных сочетаниях, равно употребительных в Шахристане и Пенджикенте, говорят о долгом предыдущем пути развития, пройденном искусством резьбы по дереву в

---

[213] Признаком принадлежности шахристанской живописи и резного дерева к предисламскому времени является наличие непринятых при исламе изображений человеческих фигур как в росписи, так и на дереве. Отметим также, что верхние части всех фигур, несомненно, преднамеренно сбиты, что, очевидно, сделано руками мусульманских воинов при арабском завоевании края (это наблюдается и в Пенджикенте); факт пожара замка, вероятно, обязан наличию здесь «языческих», с точки зрения арабов, изображений.

[214] См. так же В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пянджикента, стр. 138.

[215] Н. М. Бачинский. Резное дерево в архитектуре Средней Азии, стр. 10—11.

этих древнейших очагах среднеазиатской культуры. Несомненная и близкая общность художественной культуры согдийского Пенджикента и уструшанского Шахристана, проявившаяся в резьбе по дереву не меньше, чем в архитектуре и строительной технике, предвещает культурное единство таджикского народа, сложение которого в VIII в. шло уже очень интенсивно.

В. Л. Ворониной был отмечен факт воплощения одних и тех же мотивов архитектурного орнамента Средней Азии в различных художественных техниках и материалах.[216] Это наблюдение подтверждается и материалом Шахристана. Так, типичный для резного дерева бордюр, состоящий из пятилепестковых пальметт и ромбической «гирлянды», украшал одну из тамбурных стенок еще неопубликованного Урта-Кургана. По своей трактовке этот лепной, тонко моделированный рельеф очень близок резному дереву, однако в нем есть и характерные особенности. Полоса «гирлянды» имеет здесь отчетливую выпуклость, благодаря чему приобретает характер невысокого полувала; образующие «гирлянду» ромбы менее рельефны и лишь намечены диагональными прорезями. Такая трактовка формы убедительно подтверждает высказанное В. Л. Ворониной предположение, что «гирлянды» пенджикентского и шахристанского резного дерева представляют собой трансформированный мотив лавровой гирлянды, характерный для эллинистической архитектуры. В глиняной лепнине этот мотив в большей степени сохранил свой первоначальный характер, чем в деревянной резьбе. Можно смело предположить, что и другие орнаментальные мотивы резного дерева воспроизводились в живописи, лепнине и вышивке. Последнее предположение обосновывается любопытным материалом позднего народного искусства. В народной вышивке Таджикистана и Узбекистана известна форма горизонтальных фризовых полос «дорпеч» или «зардевор», которые вешаются на стены прямо под потолком, по всему периметру помещения. Эти шитые фризы, как правило, украшены мотивом арочек, образующих вокруг комнаты, в верхних частях стен сплошной пояс декоративной аркатуры.[217] Едва ли случайно сходство этого приема декоративного убранства с приемом украшения арочками деревянного настенного фриза Шахристанского замка. Обоснованность аналогии подтверждается не только совпадением композиционных ролей «арочных» фризов — деревянного резного VIII в. и вышитых матерчатых XIX в., но и близким сходством таких деталей, как заполнение тимпанов арочек. Эта их аналогия подтверждает наше предположение, что резной аркатурный фриз Шахристанского замка располагался именно под потолком, что вытекает из взгляда на него как на декоративно трансформированный архитектурный мотив венчающих аркад.

Открытие резного дерева Шахристана — выдающееся событие в области истории искусства Средней Азии. Оно не только значительно расширяет и обогащает наши представления о среднеазиатском искусстве домусульманской эпохи, не только недвусмысленно указывает на связь этого искусства с искусством народов сопредельных стран, но и позволяет уяснить важную роль деревянных конструкций и форм в раннесредневековом зодчестве Средней Азии, роль, о которой раньше можно было догадываться лишь по литературным источникам. Возможность изучения деревянных деталей архитектуры VII—VIII вв. и их декоративного убранства возникла лишь недавно. Несмотря на богатство и

---

[216] В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента, стр. 127.
[217] Г. Л. Чепелевецкая. Сузани Узбекистана, Ташкент, 1961, стр. 20. рис. 9.

выразительность уже имеющегося материала, до окончательных выводов здесь еще очень далеко. Замечательные находки в Пенджикенте и Шахристане дают основание считать именно эти города основными центрами среднеазиатской раннесредневековой художественной резьбы по дереву. Теперь ясно, что в раннесредневековом зодчестве Средней Азии живописное и скульптурное убранство употреблялось исключительно широко и богато, и не только в храмовом и дворцовом строительстве, но и в архитектуре рядовых земледельческих усадеб, и в городском жилище. Нет оснований считать, что с искусством резьбы по дереву дело в то время обстояло иначе. Сравнительная немногочисленность известных сейчас образцов объясняется, конечно, лишь недолговечностью материала, которому, для того чтобы сохраниться и попасть в руки исследователей, нужно было сначала сгореть. Можно ожидать, что новые находки резного дерева, сделанные в различных местах Средней Азии, еще больше обогатят наши знания этого древнего вида декоративного искусства и позволяет поставить вопрос о роли Уструшано-Согдийской школы в его развитии. При этом не следует все же упускать из виду, что именно Ура-Тюбе, древний уструшанский город и сосед Шахристана, является в течение многих веков признанным, широко известным центром художественной резьбы по дереву.

в) Вопрос о принадлежности верхнезеравшанского резного дерева. В связи с массовыми находками обуглившегося резного дерева в Пенджикенте и Шахристане, относящихся к VII—VIII вв. и являвшихся непосредственными предшественниками известных резных деревянных колонн и михраба из селения Старой Матчи и Фальгара, теперь более твердую почву получает положение о наличии глубокой непрерывной традиции резного искусства в указанной горной зоне, отграниченной с двух сторон Пенджикентом и Шахристаном (позже—Ура-Тюбе). При обнаружении и публикации староматчинских и фальгарских памятников их исследователи М. Е. Массон и В. Л. Воронина еще сомневались в возможности изготовления этих превосходных образцов в горных труднодоступных селениях, расположенных в отдалении от основных культурных центров, а поэтому появление их связывали с приходом сюда колонистов из нижележащей долины.[218] Теперь выявление двух ближайших центров резного дерева, один из которых существовал как развитая столица целой горноравнинной страны Уструшана (Шахристан-Бунджикат) как раз во время создания верхнезарафшанских шедевров (X—XI вв.), позволит снять сомнения исследователей и отнести эти памятники к предметам местного производства, уточнив район их возникновения пенджикентско-фальгарско-матчинско-шахристанским кругом.

В связи с данным вопросом нельзя пройти мимо статьи В. М. Филимонова, посвященной недавнему открытию деревянных деталей архитектуры в комплексе самаркандского мавзолея Кусама ибн Аббаса.[219] На этой статье необходимо остановиться подробно, ибо она, на наш взгляд, демонстрирует недостаточно серьезное отношение к важной историко-художественной проблеме.

---

[218] М. Е. Массон. К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры, открытых М. С Андреевым в горах Самаркандской области. Сб. «Таджикистан,» Ташкент, 1927, стр. 7; В. Л. Воронина. Резное дерево Зеравшанской долины, Тр. Согд.-Тадж. археол. эксп., т. 1, МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950, стр. 216.

[219] В. М. Филимонов. Древнее резное дерево из комплекса Кусама ибн Аббаса в ансамбле Шах-и-Зинда. Искусство зодчих Узбекистана, т. 1, Ташкент, 1962, стр. 267—278.

Деревянные фрагменты архитектуры, открытые в небольшом замурованном помещении рядом с мавзолеем Кусама, состоят из двойного фриза с куфической надписью и орнаментальным бордюром над ней, расположенного над фризом сложно орнаментированного прямоугольного панно и выступающей из этого панно своеобразной тройной консоли. Автор именует фриз антаблементом (без кавычек), панно — триглифом, а промежутки между панно (сохранившимся и предполагаемыми) — метопами, хотя рассматриваемые фрагменты резного дерева даже в формальном отношении весьма далеки от соответствующих форм древнегреческой архитектуры. В. М. Филимонов считает несомненным стилистическое сходство этих фрагментов с известными зеравшанскими памятниками — курутской и оббурдонской колоннами и искодарским михрабом, и на основании этого делает следующий, далеко идущий вывод: великолепные зарафшанские колонны, «достойные украшать любую столичную мечеть», сделаны, конечно, не в горной глуши, а в самом Самарканде, скорее всего — для того помещения при мавзолее Кусама, где сохранились остатки резного дерева. В этом же помещении, которое автор без колебаний объявляет мечетью, якобы первоначально находился и искодарский михраб. Лишь во время монгольского нашествия эти произведения столичного искусства были тайно вывезены из Самарканда и рассеяны по горным кишлакам, жители которых, конечно, никогда не могли создать ничего подобного. Такой ход мысли приводит автора к созданию смелой реконструкции предполагаемой мечети, в которой нашли место и опубликованные им фрагменты, и искодарский михраб, и курутская (или оббурдонская — на выбор!) колонна. Сделанные автором выводы заслуживают того, чтобы внимательно присмотреться к их научным и логическим предпосылкам. Действительно, правота автора в этом вопросе означала бы радикальную переоценку художественных ценностей, распространенных на обширных пространствах, в том числе и на территории Северного Таджикистана, обладающего, как теперь ясно, древней и своеобразной культурой. К сожалению, прямолинейность и смелость авторской концепции прямо пропорциональны скудости опубликованных им материалов. В публикации В. М. Филимонова отсутствует главное — детальный археологический обмер найденных фрагментов, на котором была бы отчетливо видна их форма, характер и расположение их резного убранства. Этот недостаток не восполняют ни многословное описание, ни весьма неясные фотографии (к тому же плохо воспроизведенные), ни эффектно выполненная реконструкция. Последняя к тому же вызывает существенные возражения.

Реконструированное В. М. Филимоновым панно («триглиф» по терминологии автора)[220] украшено рядом концентрических прямоугольных бордюров разной ширины, вписанных один в другой. В это многослойное орнаментальное обрамление врезана выступающая из панно консоль, врезана таким образом, что зрительно закрывает верхние ряды орнаментальной резьбы, которые как бы продолжаются под нею, и тем самым нарушают композиционный замысел декоративного убранства панно, вступает в противоречие с ним. Подобное противоречие между архитектурной формой и ее декоративным убранством совершенно несвойственно среднеазиатскому зодчеству, как древнему, так и более новому, с его органическим единством конструкции и декора, с подчинением декора тектонической логике объемной формы. Именно поэтому оно не находит ни аналогий, ни объяснений (за исключением

[220] В. М. Филимонов. Ук. раб., рис. 2.

маловероятного предположения, что панно первоначально существовало без консоли и было целиком открыто). Между тем степень сохранности найденных фрагментов, о которой можно судить по схематическому чертежу,[221] позволяет реконструировать панно таким образом, что указанное противоречие отпадает. Можно предположить, что прямоугольные обрамления, составляющие декоративное убранство панно, не были замкнуты, а окружали консоль только с трех сторон,—с боков и снизу. Не исключено (судя по некоторым, более поздним аналогиям), что наружная широкая лента орнамента могла продолжаться горизонтально в обе стороны, соединяя все панно с консолями в единую систему. При таком решении расположение консоли оказалось бы органически связанным с резным многорядным убранством панно, а это последнее подчеркивало бы роль консоли как смыслового центра композиции.

Говоря о самой консоли, автор отмечает, что она «завершается тремя утолщенными... фигурами, декоративно расчлененными вдоль на две половинки... По объемной форме завершение консоли напоминает трехглавое птицеподобное чудовище, впечатление от которого ассоциируется с трехглавым филином...».[222] Эта ассоциация совершенно произвольна. Три скругленных торца консоли, украшенные широко распространенным мотивом разделенных на дольки шестиугольников, не несут на себе никаких признаков зооморфных, даже предельно стилизованных мотивов. Их нельзя здесь разглядеть при всем желании. Чувствует это и автор, облекая свое утверждение в предельно уклончивую форму. Это, однако, не помешало ему в дальнейшем настаивать на своем субъективном впечатлении со все нарастающей категоричностью. На следующих страницах, при перечислении зооморфных мотивов резьбы прямо упоминается «...даже трехглавое филиноподобное существо», а после описания орнаментальной резьбы панно говорится: «И над этими тремя изображениями нависает фантастическое трехглавое существо, как бы подавляющее своей формой (?) все нижележащее».[223] С необычной легкостью «доказав», таким образом, наличие несуществующего филина, автор подводит под этот домысел следующую теоретическую базу: «Трактовка подобной темы весьма интересна, тем более что многими исследователями отмечались подобные символические темы в отделке ряда сооружений. Так, в интерьерах мавзолеев XIV — XV вв. красной нитью проходит тема вечной загробной райской жизни, отраженная в изображениях фантастических волшебных садов, райских птиц и т. д.»[224]

Нужно ли говорить о том, что ссылка на реалистические изображения в тимуридских мавзолеях не имеет в данном случае никакого смысла, и что аналогия с изображениями райских садов была бы бессмысленна даже в том случае, если бы фантастический «трехглавый филин» был безусловно доказан?

Для обращения автора с материалом этот пример очень показателен. Субъективизмом и домыслами отмечен имеющийся в статье анализ орнаментальных мотивов. На том основании, что общие в своей основе мотивы трактуются в разных местах по-разному, играют разную роль в композиции и не повторяют в точности один другой, автор строит целую теорию развития и упадка этих мотивов, очевидно, сознательно запечатленного древними мастерами в нескольких фрагментах резного дерева: «Сопоставляя узоры отдельных орнаментальных

---

[221] В. М. Филимонов. Ук. раб., рис. 1.
[222] Там же, стр. 272
[223] Там же, стр. 273.
[224] Там же.

поясков, выполненных по одной и той же схеме, можно заметить осмысленную (?) трактовку каждого из них. Так, если мотив, проходящий над надписью (рис. 4 А), представлен как зарождающийся, то следующий—более широкий и развитый (рис. 4 Б). Декорировка третьего, узкого обрамления (рис. 4 В), трактуется уже в вялых, сухих, лишенных той жизненной энергии и гибкости формах, которые характерны для предыдущих орнаментальных поясков».[225] Едва ли и это странное умозаключение, жертвой которого пал изящный «третий» мотив, заслуживает серьезного разбора. Совершенно непонятно, зачем потребовалось мастерам демонстрировать в одном месте всю «жизнь» орнамента, используя его заведомо упадочный (если верить автору) вариант. Столь же произвольна избранная автором последовательность. С неменьшим основанием «третий» мотив можно признать «первым», и тогда вся схема вывернется наизнанку.

Теперь посмотрим на доказательства самаркандского (точнее, «кусам-ибн-аббасовского») происхождения зеравшанского резного дерева. Автор утверждает: «Анализ особенностей резьбы, трактовки отдельных элементов, характера изображения растительных мотивов и изображений зооморфных существ из комплекса Кусама ибн Аббаса сразу вводит его в круг таких выдающихся памятников древнего деревянного зодчества Средней Азии, как колонны и михраб Зеравшанской долины. При сравнении особенно поражает общность в технике исполнения и приемах детализации элементов декора путем нанесения линий—прорезей, выполненных на конус, офактуривания плоскостей деталей крапом, чешуйками и сеткой посредством выреза конусообразных углублений срезов в виде полумесяца и т. п...»[226] Сразу же заметим, что упомянутого выше «анализа особенностей резьбы» и т. д. в статье по существу нет. Но даже его наличие мало изменило бы дело. Декорировка поверхностей с помощью прямых или криволинейных прорезей и чешуек обнаруживается едва ли не всюду, где существует искусство резьбы по дереву,—во всяком случае, далеко за пределами Средней Азии. Что касается мелких конусообразных углублений точечной, круглой и продолговатой формы, то они свойственны технике резьбы по ганчу, существовавшей в Средней Азии и других странах Среднего Востока. Перенос этих мотивов в деревянную резьбу говорит о влиянии техники ганчевой резьбы на художественную обработку дерева. Кроме того, далеко не все памятники зарафшанского резного дерева демонстрируют этот, в общем, широко распространенный прием. Его нет, например, в искодарском михрабе, резьба которого в целом показывает зависимость от приемов и форм ганчевой резьбы.

Таким образом, нет достаточных оснований связывать резное дерево Верхнего Зеравшана, имеющее очень широкий круг аналогий, с одной лишь самаркандской находкой. Вынужден это признать и сам автор, повторяющий совершенно справедливое замечание В. Л. Ворониной[227] (но без ссылки на нее) о том, что «не менее интересные аналогии» рассматриваемому материалу демонстрирует широкий круг памятников резьбы по ганчу IX—X вв. — от Самарры до дворца Термезшахов. Уже одно это признание, казалось бы, вкорне подрывает гипотезу о «самаркандском» происхождении зеравшанских памятников. Автора, однако, это не смущает, и категоричность, с которой он утверждает свою идею, все более возрастает: «...обнаружены в Самарканде уникальные части разрушенной и разграбленной древней мечети...

---

[225] Там же, стр. 273.
[226] Там же, стр. 273—274.
[227] В. Л. Воронина. Резное дерево Зеравшанской долины, стр. 218, 219.

представляют настолько убедительное тождество с «зеравшанскими» памятниками резного дерева, что не вызывает никаких сомнений не только вопрос о создании их самаркандскими мастерами, но и принадлежность их к самаркандским культовым постройкам. Не исключена даже возможность, что наиболее значительные из них являются частями именно этой мечети».[228]

Прежде чем перейти к рассмотрению такой «возможности», отметим еще раз, что отдельные наблюдения автора, разрозненные и совершенно формальные, не показали ни «убедительного», ни какого-либо другого тождества самаркандской находки памятникам резного дерева Верхнего Зарафшана, за исключением стилистических мотивов, общих для искусства Средней Азии и соседних стран Востока. Речь может идти не о тождестве, а о совпадении некоторых широко распространенных приемов и форм, ни в коей мере не раскрывающих, конечно, внутреннее художественное содержание памятников.

На чем же основано убеждение автора в том, что искодарский михраб с двумя колоннами из Старой Матчи были сделаны в Самарканде, что они находились в одном помещении с фрагментами резного дерева, найденными в Шахи-Зинде, и что это помещение было мечетью при гробнице Кусама ибн Аббаса? Последнее автор вообще не считает нужным доказывать. Остальное выводится из следующего умозаключения, связанного с событиями монгольского нашествия: «После разрушения Самарканда (Афрасиаба)и сложившегося к тому времени крупного комплекса Шахи Зинды здесь оставалось немало транспортабельных, высокохудожественных памятников зодчества, являющихся составной частью объектов фанатического почитания. Преследования, учинявшиеся монголами, вынуждали особенно стойких сторонников и проповедников ислама бежать в отдаленные горные районы, что, естественно, могло сопровождаться одновременным вывозом и архитектурных остатков, как священных реликвий, с наиболее популярных мест поклонений».[229] Оставим в стороне тот факт, что при разрушениях и пожарах в первую очередь гибнут именно деревянные детали архитектуры, и что у хрупкого деревянного михраба и колонн с их тончайшей резьбой было меньше всего шансов сохраниться в этих условиях. Согласимся и с тем, что михраб и колонны были объектом фанатического религиозного почитания, подобно христианским иконам, хотя на самом деле, как известно, это не так: михраб (не говоря уже о колоннах) вовсе не тождественен алтарю, он лишь указывает направление на «кыблу» и никакой особой святостью не обладает. Его не возбраняется трогать, можно входить в нишу, сидеть в ней и т. д. Едва ли поэтому михраб и колонны, при всей их «транспортабельности», заслуживали увоза в горы в качестве «священных реликвий».

Все это, однако, второстепенные моменты. Главное в том, что нарисованная автором картина поругания и разрушения монголами мусульманских святынь Самарканда не соответствует известным нам фактам: «... самаркандское духовенство, в противоположность бухарскому, не оказало противодействия монголам и с самого начала пользовалось с их стороны тем уважением, какое шаманисты вообще оказывали духовенству всех религий».[230] Причиной гибели соборной мечети Самарканда был не религиозный фанатизм монголов, а то обстоятельство, что здесь пытались закрепиться последние защитники

---

[228] В. М. Филимонов. Ук. раб., стр. 276

[229] Там же, стр. 276.

[230] Академик В. В. Бартольд. Соч., т. 1, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, М., 1963, стр. 480.

городской цитадели. Лояльность захватчиков по отношению к исламу выразилась и в том, что из многотысячного населения города лишь служители его не подверглись разграблению. Таким образом, никаких особых религиозных «преследований, учинявшихся монголами», в Самарканде не было, а значит, не было и основания для спасения (путем тайного увоза в горную глушь) «транспортабельных» религиозных святынь.

Все эти факты мало смущают автора. Смело двигаясь дальше, он с детальной точностью реконструирует облик «мечети», которая «...представляла собой квадратное в плане сооружение с плоским перекрытием. В средней части оно поддерживалось четырьмя резными деревянными колоннами типа оббурдонской или курутской и имело девятиплафонный потолок. На основе опубликованных данных, касающихся высотных отношений основных частей древних колонн IX—XII вв. и личных наблюдений, определена высота помещения в интерьере 4,08 м».[231] Поразительная точность, с которой — до сантиметра! — вычислена высота несуществующего «помещения в интерьере», основана, таким образом, лишь на чьих-то обмерах каких-то «основных частей» неких древних колонн. Ссылка на личные наблюдения дела существенно не меняет, тем более, что в статье нет указаний на то, что исследователями был найден древний пол помещения. Последнее обстоятельство очень важно, ибо автор пользуется неожиданно появившимся полом для того, чтобы применить к своей реконструкции модульную систему, открытую В. Л. Ворониной при изучении курутской и оббурдонской колонн и искодарского михраба.[232] Найденный его модуль равен 24 см, т. е. пяди — расстоянию между большим пальцем и мизинцем раздвинутой ладони. Как всякая мера, основанная на естественных соразмерностях человеческого тела, он был распространен очень широко, и не только в Средней Азии. Поэтому нет оснований считать эту единицу измерения особенностью самаркандской школы зодчества, а тем более делать отсюда вывод о принадлежности Самарканду зеравшанских памятников. Это было бы неверным даже в том случае, если бы применение модуля В. Л. Ворониной к резным фрагментам из Шахи Зинды зиждилось на гораздо более реальном основании.

В данном же случае такого основания нет, так как курутская и оббурдонская колонны, как известно, лишены своих нижних частей, о размерах которых можно лишь строить предположения. Поэтому полученные автором «весьма примечательные результаты», сводящиеся к тому, что уровень эпиграфического фриза «...соответствует уровню низа шеек капителей оббурдонской и курутской колонн, а балки перекрытия оказались на одном уровне с консолями триглифов»,[233] — примечательным лишь упорным стремлением доказать недоказуемое.

После всего этого трудно удивиться точности, с которой автор реконструирует мечеть, определяет число плафонов потолка (хотя четырехколонная система допускает разное количество их), число и размещение дверей, толщину стен и т. д. Не вызывает уже удивления и не встречающееся в Средней Азии размещение консолей диагонально на углах здания. Пожалуй, странно лишь то, что при определении верхней линии кровли обычная смелость вдруг изменила автору, и эта линия на реконструкции проведена пунктиром.

---

[231] В. М. Филимонов. Ук. раб., стр. 276.
[232] В. Л. Воронина. Ук. раб., стр. 211, 212, 215.
[233] В. М. Филимонов. Ук. раб. стр. 278.

Научная интерпретация замечательных памятников резного дерева из Старой Матчи и Фальгара чрезвычайно сложна. В. Л. Воронина, в осторожной форме допустившая возможность создания их самаркандскими мастерами, вместе с тем справедливо отметила, что «...долина Зеравшана в древности не была глухим, отрезанным от культурного мира углом, но имела достаточно широкие культурные связи...»[234] Совершенно несомненны как своеобразие верхнезеравшанского резного дерева, так и его стилистическая общность с широким кругом художественных явлений раннего восточного средневековья. Своеобразная «варяжская теория», отрицающая возможность создания высокохудожественных произведений искусства на местной основе и допускающая лишь их импорт, здесь недопустима. Обнаружение первоклассных памятников древнего искусства и архитектуры в небольших селениях, отдаленных от крупных культурных центров, говорит лишь о том, что мы все еще недостаточно знаем историческую географию древних культурных земель Средней Азии, недостаточно представляем себе историю их хозяйственного и культурного развития.

Найденный в отдаленном селении Ашт резной глиняный михраб X—XI вв. представляет собой уникальное произведение искусства, безусловно, достойное украшать «любую столичную мечеть».[235] Следуя логике В. М. Филимонова, немыслимо допустить, что этот михраб был создан там, где он находится сейчас. Однако его безусловная «нетранспортабельность» не допускает никакого иного решения, хотя Ашт удален от Самарканда гораздо более, чем Искодар и Оббурдон. Вместе с тем едва ли случайно, что именно аштский михраб, несмотря на фрагментарность своего нынешнего состояния, являет собой наиболее близкую аналогию искодарскому михрабу. Эта аналогия распространяется на убранство тимпанов, украшенных нигде более не встречающимся мотивом спиральных, тесно прилегающих один к другому побегов; на украшение конхового заполнения арки большим круглым медальоном; на оформление арки полукруглыми фестонами, которые в аштском михрабе трактованы в условно-плоскостной манере; на отдельные орнаментальные мотивы, такие, как переплетающиеся меандры и трилистники в прямоугольной сетке; наконец, на характер эпиграфического убранства, поразительно совпадающего несмотря на разницу материала. Все это дает основание считать, что оба памятника принадлежат единому художественному кругу, локализующемуся в Северном Таджикистане и сравнительно мало связанному с художественным кругом Самарканда.

Археологические раскопки последних лет показали, что еще в домусульманское время в Северном Таджикистане было по меньшей мере два крупных центра художественной резьбы по дереву — Пенджикент и Шахристан, и что их искусство было стилистически весьма близким. Обращаясь к памятникам верхнезеравшанского резного дерева, нетрудно за локальными художественными особенностями увидеть черты, связывающие их с образцами более раннего искусства этих двух центров. Так, прорези в форме чечевицы, которыми декорирована поверхность орнаментальных «картушей» курутской колонны, складываются в орнаментальный мотив, хорошо известный по живописи Пенджикента — в мотив сетки, составленной из пересекающихся окружно-

---

[234] В. Л. Воронина. Резное дерево Зеравшанской долины..., стр. 219, 220.

[235] С. Г. Хмельницкий, Н. Н. Негматов. Михраб в с. Ашт, «Сов. археол.», № 2, М., 1963.

стей.[236] Пятилепестковая пальметта, типичная для деревянной резьбы Пенджикента и Шахристана, украшает консоли искодарского михраба и верх капители курутской колонны. Вместе с тем элементы резного орнамента верхнезеравшанских памятников (например, ромбическая сетка с трилистниками, обрамляющая искодарский михраб) находят в искусстве Ближнего и Среднего Востока множество более широких аналогий, что, конечно, вовсе не свидетельствует об иностранном происхождении этих памятников.

Точно так же обстоит дело с фрагментами резного дерева из Шахи Зинды. Наряду с несомненно своеобразными чертами (форма консоли) и их орнаментальном убранстве видны и очень широко распространенные мотивы, и даже такие, которые как будто говорят о воздействии северотаджикистанского художественного стиля. Так, изогнутые, расширяющиеся кверху и увенчанные зубчиками фигуры одного из обрамлений панно находят единственную и близкую аналогию в резьбе упомянутого аштского михраба, где этот мотив употреблен неоднократно — в заполнении «листьев» конхи, обрамлении и декоративном «замке» нижней арки. Учитывая архаичность материала аштского михраба (необожженная глина), а также естественность этой формы для выполнения в мягком, пластичном материале, нужно в данном случае признать за михрабом логический и хронологический приоритет. Но, конечно, было бы крайним легкомыслием лишь на этом основании заключить, что резное дерево Шахи Зинды изготовлено в Аште. Именно горные районы с обилием строительного дерева, давней традицией обработки и применения дерева в быту и жилье (от деревянной посуды до деревянных каркасных построек), чему способствовало и почти полное отсутствие строительной глины, являются подлинными центрами резного искусства. Одним из таких центров выступает Верхний Зеравшан (Фальгар и Старая Матча) — по образному выражению А. Ю. Якубовского, «царство резного дерева, резных михрабов и резных колонн»[237], границы которого теперь оконтуриваются массовыми археологическими находками резного дерева в двух пунктах — на западе, у выхода из узкой зеравшанской теснины, на городище древнего Пенджикента, и на севере, за одним из самых оживленных перевалов, в Шахристане.

Таким образом, принадлежность колонн и михраба из ряда селений Старой Матчи и Фальгара местному производству и местным постройкам, с нашей точки зрения, не подлежит сомнению. Этот уструшано-согдийский район развития искусства резьбы по дереву имеет четкие границы, включающие согдийский рустак Пенджикента и уструшанские рустаки Бургар, Матча и Бунджикат. Если вспомнить преследования со стороны фанатичных мусульман любых проявлений местных доисламских культурных традиций, включая и изобразительное искусство, имевшие место в период внедрения и утверждения ислама в Средней Азии (VIII—X вв), то памятники матчинско-фальгарского резного дерева с их во многом доисламскими сюжетами, конечно, не могут считаться произведениями самаркандских мастеров, выполненными для мусульманской мечети тогдашнего крупного центра ислама—Самарканда, это продукт производства глубинного горного района, где еще

---

[236] Скульптура и живопись древнего Пенджикента, М., 1959, рис. 7, на стр. 97, табл. 25.

[237] А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг., Тр. Согд.-Тадж. археол. эксп., т. I, МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950, стр. 47.

ислам не совсем внедрился[238] и где еще были живучи местные доисламские традиции, проявляющиеся здесь больше чем где-либо и археологически, и в архитектуре, и в обычаях и обрядах захоронений (Зосунский могильник, шахристанский курган Тепаи Пирмухаммад, мемориально-культовые постройки Чил-Духтарон и др.) и в прочих областях жизни. Таких примеров можно привести много. Мы ни в какой мере не склонны отрицать наличие центра искусства резьбы по дереву в Самарканде. Видимо, и здесь развивался один из таких центров. Но мы против насильственного приписывания Самарканду произведений верхнезеравшанского искусства. Этот самый распространенный вид искусства Верхнего Зеравшана бытовал здесь значительно раньше, по крайней мере, начиная с VII—VIII вв. (Пенджикент)[239] через все средневековье вплоть до новейшего времени. Заметим, что за последние годы экспедициями Института истории им. А. Дониша Академии наук Таджикской ССР в Старой Матче и Фальгаре обнаружен ряд новых образцов резного дерева, относящихся к средним векам и XVIII—XIX столетиям.[240]

Таким образом, искусство резьбы по дереву в Старой Матче и Фальгаре — это более чем тысячелетнее местное традиционное явление, и какие-либо попытки искусственной «прописки» его сохранившихся памятников в ином центре не обоснованы. В несомненной художественно-стилистической общности самаркандского и верхнезеравшанского резного дерева следует искать не узколокальные особенности этого искусства, а его более общие основы, вызванные к жизни принадлежностью обоих этих центров к художественной традиции одного народа.

Художественная культура Средней Азии IX—XII вв. была исключительно богата и разнообразна. Она активно воздействовала на культуру и искусство соседних стран и сама испытывала встречные воздействия. Многие исторические центры ее, впоследствии погибшие, лишь недавно стали объектом изучения; многие, вероятно, еще не обнаружены. Лишь объективный историко-художественный анализ, избавленный от домыслов, даст возможность разобраться в непростом пути развития древнего искусства Средней Азии, в сложном взаимовлиянии его отдельных школ и направлений. Попытки же привязывания различных достижений художественной культуры среднеазиатских народов к какому-либо одному, произвольно выбранному центру способны лишь затруднить решение этой задачи.

---

[238] Вопрос о первых шагах ислама в Уструшане и ее верхнезеравшанских рустаках, а также о времени внедрения там ислама нами уже ставился раньше. См. Н. Негматов. Усрушана в древности..., стр. 81—82.

[239] Удивляет полное умолчание В. М. Филимоновым пенджикентского резного дерева, которое как раз явно «мешает» его построениям по вопросу принадлежности верхнезеравшанского дерева.

[240] Кстати, Старая Матча и Фальгар на протяжении средних веков являлись также крупнейшими центрами таджикского искусства резьбы по камню. Здесь еще давно М. С. Андреевым и другими исследователями, а позже экспедициями Института истории им. А. Дониша зафиксированы многие сотни таких памятников на камнях, кайраках и других намогильных сооружениях. Развитие этого искусства в данном районе не раз отмечалось и в старых среднеазиатских сочинениях («Бабурнома» и др.).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НАХОДКИ ИЗ ГОРОДИЩ КАЛАИ КАХКАХА

Вещественных находок в публикуемых памятниках сделано сравнительно немного. Очень мало их обнаружено при раскопках замка Калаи Кахкаха II, почти ничего не дошло до нас от первого периода жизни в юго-западном здании Калаи Кахкаха I. Таким образом, мы имеем мало образцов керамики и других находок, относящихся к первому периоду жизни шахристанских памятников, т. е. к VII—IX вв. Это объясняется, видимо, причинами постигшей эти памятники катастрофы — ограблением их при иноземном нашествии в начале IX в. н. э. Это событие сопровождалось также полным разрушением замка и частично здания на Калаи Кахкаха I.

Больше находок сделано в слоях вторичного заселения здания на Калаи Кахкаха I. Это поливная и неполивная керамика и некоторые другие вещи X—XII вв. Значительно больше находок сделано в различные годы при случайных работах на территории селения Шахристан, наиболее старая часть которого в прошлом составляла обведенный особой стеной рабад (Калаи Кахкаха III) существовавшего здесь средневекового города. Отсюда происходят единичные и групповые находки керамики и монет и ряд небольших кладов бронзовых и золотых изделий. Последние относятся к довольно длительному времени— приблизительно от VII—VIII до XIX вв.

1. КЕРАМИКА

Керамика обнаружено на городищах Калаи Кахкаха I, II и III в целом не очень много. На представленных табл. XI—XIX мы постарались включить почти все находки, сделанные когда-либо на этих памятниках, за исключением клада сфероконических сосудов и превосходного глиняного поливного водолея, найденных при смывах одной из современных юго-западных улиц Шахристана и намеченных к специальной подробной публикации.

Как и следовало ожидать, Калаи Кахкаха II дала только неполивные сосуды, за исключением одного поливного светильника, на Калаи Кахкаха I обнаружены и неполивная, и поливная (последняя меньше), а на территории современного селения Шахристан, пожалуй, больше поливная керамика. В целом же примерно 90% всех керамических находок составляют неполивные сосуды.

Неполивная керамика. Крупные широкогорлые сосуды представлены в основном тремя формами: это хумы, хумча и кубышки.

Дошли до нас обломки венчиков от 13 хумов: все ручной работы, из красной глины разного оттенка и не очень тщательного размола с редкой примесью мелкого гравия, разного качества обжига. Поверхность большинства венчиков покрыта довольно качественным светлым ангобом. Формы и размеры венчиков хумов приводятся в табл. XI; XII, *22*. На фрагментах трех хумов (КП 207—2384; КП—542—93 и КП-

359—81) отогнутая закраина венчиков завершается линией зубцов — вдавлений, причем на последнем из них это сделано специальным налепным жгутиком, что придало венчику большую профилировку. На двух других венчиках (КП 207—2341 и 2447) по их плоской и широкой верхней поверхности косо прочерчены двойные и тройные прямые бороздки. Обломки венчика самого крупного хума (КП 269—137) отличаются тщательной выделкой, безупречным качеством ровного светлого ангоба и изящной, но скромной декоративной отделкой: по плечику хума идет горизонтальная налепная линия с частыми вдавлениями большим пальцем под небольшим уклоном, а по верхней широкой гладкой поверхности венчика прочерчены двойные «висячие» к сосуду прорезные линии, через ровные промежутки, сходящиеся к наружному краю венчика. Обломок профилированного венчика другого крупного хума примечателен наличием глубоко вдавленного изображения извивающейся змеи (КП 207—2317, табл. XII, *22*).[241] Остальные фрагменты никаких декоративных элементов не имеют (КП 207—2335, 2342, 2345 и 2395; КП 269—297; КП—359—21).

Из Шахристана происходит два случайно найденных хума. Приведем их описание, данное О. И. Смирновой:

«Хум низкий (высота 85 см), с приземистым туловом (максимальный диаметр 70 см) и сравнительно узким дном (30 см). Тулово украшено двумя рядами лепных валиков в виде жгута, опоясывающих его, и снабжено двумя парами массивных ручек. Ручки окаймлены арочками из аналогичного ложного жгута. Сосуд вылеплен из очень хорошего теста, прекрасного обжига и покрыт желтовато-белым ангобом ровным слоем. По внешнему виду, а также по глубине, на которой был найден хум, он может быть ориентировочно отнесен к VII—VIII вв. н. э.»[242] (табл. XII, *1*).

«Второй хум, как и первый, низкий, с приземистым туловом (высота 85, наибольший диаметр 67 см), но узкой горловиной (диаметр 20 см); дно сравнительно узкое (31 см); венчик плоский и широкий (5 см), украшен резным рисунком по плоскости венчика и по его краям. По плечевым частям непосредственно под горловиной идет гребенчатый резной рисунок, под ним располагается надпись арабским письмом, исполненная весьма изящным и красивым насталиком. Рисунок и подписи нанесены до обжига. Сосуд прекрасного красноватого обжига и покрыт ровным слоем светло-коричневого ангоба».[243]

Хумча представлены одним склеенным из обломков целым сосудом и венчиками и стенками от семи других, обнаруженных в раскопах, а также целым хумча, найденным случайно. Склеенная хумча (табл. XIII, *1*) имеет шаровидно вытянутое тулово, уменьшающееся к донцу, широкое и очень низкое горло, увенчанное низким же венчиком несколько вытянутых пропорций (внутренний диаметр венчика — 22 и 24 см). К верхней части хумча прилеплены на одинаковом расстоянии друг от друга три детали: две мелкие петлевидные ручки, идущие от плечика к венчику и один налепной короткий слив, укрепленный к плечику вдавлениями. Внутри слива на спинке сосуда прорезано отверстие. Спинка и горловина хумча украшены тремя рядами волнистых линий, отделенных один от другого тремя же рядами прямых горизонтальных парных прочерченных бороздок. Этот орнаментальный

---

[241] Мотив змеи — оберега домашнего очага и семейного изобилия очень распространен в среднеазиатских народных поверьях.

[242] О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г..., стр. 200, рис. 12.

[243] О. И. Смирнова. Ук. раб., стр. 200, рис. 13.

прием завершен по наружному краю венчика еще одной горизонтальной бороздкой. Таким образом, сочетание орнаментальных волнистых и прямых линий с миниатюрными петлевидными ручками и сливом с его пальцевыми сдавлениями создало довольно эффектное декоративное убранство сосуда. Хумча сделана на круге, из глины хорошего помола и красноватого оттенка, имеет слабый налет такого же ангоба, обжиг равномерный. Размеры: высота — 41,5 см, диаметр дна — 18 см, максимальный диаметр тулова — 42 см, диаметр по основанию горла — 34 см, наружный диаметр венчика 26 и 28,5 см, толщина черепка — 1—1,5 см. Фрагменты описанного хумча были обнаружены в замке Калаи Кахкаха II. Остальные фрагменты хумча также носят следы гончарного круга, сделаны из красноватой глины разного характера обработки, в том числе есть фрагменты из пористой глины. Поверхность трех фрагментов хумча покрыта светлым ангобом, причем на последнем из них по предварительной темно-коричневой подгрунтовке (КП 207—2387, КП 269—296 и КП 207—2290), на трех других венчиках сохранились следы густого красного ангоба (КП 207—2340 и 2399; КП 542—92). О формах венчиков дает представление табл. XII, *3—8*. На двух венчиках сохранились следы налепного волнистого жгутика (КП 207—2340 и КП 542—92), на одном — следы прочерченной по горловине волнистой полосы и нечеткие следы каких-то непонятных оттисков по верхнему краю венчика (КП 207—2337). На последнем фрагменте по наружному краю венчика идет налепной жгутик с ромбами, а на плечике — налепная штампованная выпуклая «кубба» (КП 269—148, табл. XII, *19*).

Наконец, целая хумча несколько иной формы и характера обнаружена в 1961 г. случайно при земляных работах во дворе гр-на Джураева в с. Верхний Шахристан. Хумча (табл. XIII, *2*) сделана на круге из красноватой глины с большой примесью зернистого песка, тщательно обожжена, очень тонкостенна (3—5 мм). Форма сосуда шаровидная, несколько приплющенная сверху и оттянутая книзу, венчик прямой, постепенно расширяется и завершается чуть отогнутой закраиной. По плечику сосуда прочерчены девять рядов бороздок, придающих ему эффект законченности формы и отделяющих четко венчик. Ниже плечика сосуд вместо ручек имеет треугольные плоские налепы, завершающиеся в верхней части стилизованными, но достаточно четкими головками баранов, сделанными из вьющихся тонких жгутиков глины, имитирующие рога и другие детали морды животного.[244] Размеры хумчи: высота—31,5 см, диаметр дна—17 см, диаметр широкой части тулова—30,5 см, диаметр венчика—14 см.

Широкогорлые низкие сосуды, отнесенные нами к типу кубышек, представлены двумя сосудами. Первый целый сосуд (табл. XIII, *4*) имеет следующие размеры: высота — 34 см, диаметр венчика — 38,5 и 40,5 см, максимальный диаметр тулова — 44 см, диаметр дна — 29 см. Сосуд сделан на круге, из прекрасно отмученной красноватой довольно чистой глины и равномерно обожжен. Форма сосуда баночно-приплющенная, что отразилось особенно на венчик: несколько нарушились его очертания (см. размеры диаметра венчика). Едва намеченное плечико сосуда выделено пояском; в наиболее широкой части тулова, ниже плечика сосуд имеет две петлевидные небольшие ручки. Последние сделаны из одного жгутика, но разделены вертикальной бо-

---

[244] Аналогичные находки нередки, смысл таких изображений в литературе рассматривался не раз и мы из-за экономии места не станем распространяться на эту тему. Отметим лишь несомненный интерес этой находки в понимании домусульманских культовых представителей уструшанцев.

роздкой. Венчик сосуда прямой, более округлая верхняя часть его переходит в четкую вертикальную несколько отогнутую наружную поверхность. По плечику сосуда выше указанного пояска идет четкий ряд волнистой линии, а ниже — неровный ряд косых насечек разных очертаний. Сосуд найден в замке Калаи Кахкаха II. Второй обнаруженный там же сосуд (табл. XIII, *6*) точно такой же, тоже сделан на круге, но несколько грубее и из худшего качества глины: глина красноватая, пористая, с примесью камушков; обжиг, однако, неплохой, равномерный. Форма сосуда такая же, как предыдущая. Разница лишь в более прямом переходе стенки в венчик, в большой отогнутости венчика и более низкой посадке петлевидных мелких ручек, причем одна из них налеплена наоборот: массивная, обычно располагавшаяся внизу часть ручки здесь попала наверх, а вторая ручка больше профилирована. Орнаментация этого сосуда состоит лишь из одной волнистой линии, проходящей на уровне верха ручек. Размеры сосуда: высота — 32—34 см, диаметр дна—30,5 см, диаметр венчика—46 см, диаметр широкой части тулова — 46 см.

Кувшины представлены крупными и мелкими формами. Среди крупных кувшинов имеется ряд целых сосудов и много обломков донъев, венчиков и ручек от таковых. Первый целый кувшин (КП 207—2300, табл. XIII, *9*) происходит из замка Калаи Кахкаха II. Сосуд сделан хотя и на круге, однако пропорции его нечеткие, особенно, неумело выполнена нижняя часть, которая непропорционально вытянута и расширена. Не соответствуют масштабам и горловина с ручкой. Но в целом форма сосуда близка к шаровидной. Он сделан из глины болотного цвета, обжиг равномерный. Размеры: высота — 39 см, диаметр дна —13,5 см, максимальный диаметр тулова — 26 см, диаметр горла — 7,5 см, диаметр венчика — 8 см. Второй кувшин (КП 269—282, табл. XIII, *17*) из замка Калаи Кахкаха II склеен из обломков. Форма кувшина близка к первой, но больше шаровидна. Размеры: высота 36 см. диаметр дна — 12 см, широкой части тулова — 28 см, горла — 8,5 см, венчика — 8 см. Кувшин выделан на гончарном круге из сероватой глины с небольшой примесью измельченного камня. Противоположная ручке сторона венчика кувшина примята и превращена в носик-слив.

Несомненно, продукцией серийного производства являются третий и четвертый совершенно одинаковых кувшина, найденных, кстати, и вместе в комнате № 5 юго-западного здания Калаи Кахкаха I. Кувшины эти высокие, грушевидной формы, выполнены на гончарном круге из красной глины с примесью измельченного камня; хорошего обжига. Они имеют высокие горловины и изящные, несколько расширяющиеся закраины. Совершенно одинаковые разделенные вертикальным ребром на две полосы ручки кувшинов идут от широкой части тулова к середине горловины. Оба кувшина были покрыты тонким слоем светлого ангоба. Пожалуй, имеется только одно отличие в отделке кувшинов: у третьего (КП 359—3, табл. XIII, *7*) по плечику идут три ровных декоративных желобка, а у четвертого (КП 359/4, табл. XIII, *10*) такие желобки лишь едва намечены по тулову, но настолько слабо, что они не попали и на рисунок сосуда. Размеры третьего кувшина: высота—36 см, диаметр дна — 13 см, широкой части — 24 см, горла — 7 см, венчика — 9 см. Размеры четвертого кувшина, высота—36,5 см, диаметр дна — 11,5 см, широкой части — 25 см, горла — 8 см, венчика—9 см. Эти кувшины по своей законченности форм, да и по месту находки, относятся к несколько более позднему времени, чем первые два.

Пятый кувшин (КП 269/293, табл. XIII, *21*) дошел до нас без венчика. Он также почти грушевидной формы, имеет следующие сохранившиеся размеры: высота до горла — 32 см, диаметр дна — 11 см, широкой части тулова — 22 см, горла — 9 см.

От шестого кувшина сохранилась полностью верхняя часть (КП 207/2263, табл. XIV, *22*): плечико, горлышко с прямым венчиком, снабженным по верху кольцевой бороздкой, ручка, идущая под прямым углом от плечика к венчику и, наконец, наиболее примечательная деталь—энохоевидный вертикальный слив.[245] Кувшин этот сделан из хорошо отмученной чистой красноватой глины, покрыт таким же ангобом и хорошо обожжен.

К крупным кувшинам относится еще большое количество их обломков и целых донышек. Все они выполнены на гончарном круге, качество работы хорошее и отличное, абсолютное большинство сделано из красной глины, а три фрагмента — из сероватой, в тесте некоторых сосудов имеется примесь мелкого щебня и песка, поверхность фрагментов покрыта больше светлым, меньше красноватым ангобом, некоторые фрагменты поверх слегка залощены. Переход от стенок к донышкам трояκого рода: а) с резким четко выраженным ребристым переходом (КП 207/2319, 2322, 2360, 2438; КП 269/270; КП 359/17, табл. XIII, *12, 14;* XII, *12, 14, 16*) с плавным нечетким переходом (КП 207/2265, 2266, 2325, 2386; КП 269/168, 268, 269, 271, 279; КП 317/659; КП 359/15, табл. XIII, *3, 5, 8, 13, 15, 16, 18, 20;* XII, *10, 11, 13,* и *15*) и в один фрагмент с четким поддоном, выступающим за линию стенок кувшина (КП 359/16, табл. XIII, *19*). Все донышки плоские, гладкие, без каких-либо кольцевых или прочих вырезок.

Отметим еще три фрагмента горлышек с венчиком от трех крупных кувшинов. Первый из них сделан на круге из чистой красной глины, покрыт толстым слоем коричневого ангоба, венчик под прямым углом сильно оттянут наружу и очень профилирован (КП 542/94, табл. XIII, *22*). Второй фрагмент характеризуется прямым горлышком и выступающей отогнутой закраиной; и глина, и выделка не отличается качеством; фрагмент покрыт светлым ангобом (КП 207/2277, табл. XIII, *23*). И наконец, фрагмент сильно отогнутого под прямым углом венчика с отдельными вкраплениями камушков (КП 269/125, табл. XIII, *24*). Отдельно обнаружены две ручки, одна из них с частью венчика (КП 269/272, КП 317/660, табл. XIII, *25, 26*).

Среди мелких кувшинчиков также имеются и целые формы, и отдельные фрагменты. Целых кувшинчиков, собственно, три. Первый из них был обнаружен еще давно на территории с. Шахристан, а фото его опубликовано О. И. Смирновой.[246] Кувшинчик (табл. XII, *2*) с шаровидным туловом, гладким плоским дном, высокой узкой горловиной, профилированным расширяющимся венчиком, с длинным сливом и крупной длиной ручкой, идущей от плечика к венчику. Размеры его: высота 32,5 см, диметр дна — 9,3 см, широкой части тулова — 24 см; горла — 6 см, венчика — 10 см. Второй кувшинчик (табл. XIII, *11*) происходит из юго-западного здания Калаи Кахкаха I. Он имеет как и первый шаровидное тулово, плоское дно, но короткое и широкое горло и прямую ручку. Размеры: высота — 19 см, диаметр дна — 6 см, широкой части тулова — 15 см, горла — 6 см, венчика — 7,5 см.

---

[245] Среди находок с городищ Калаи Кахкаха известные еще две находки фрагментов энохоевидных сливов кувшинов (КП 317/703, табл. XV, *23* и КП 269/257, табл. XIV, *23*).

[246] О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г., стр. 200 и рис. 15.

Но, пожалуй, самым лучшим образцом шахристанских кувшинчиков является экземпляр, обнаруженный в комнате № 2 юго-западного здания Калаи Кахкаха I. Кувшинчик этот (КП 317/672, табл. XIV, *2*) станковой работы, сделан из прекрасно отмученной красной глины, поверх которой нанесен тонкий слой светлого ангоба, отлично обожжен. Сосуд склеен из многочисленных обломков, ручка и часть горловины с венчиком не сохранились. Форма кувшинчика грушевидная, имеет расширенный плоский поддон и, видимо, высокую горловину. Размеры сосуда: высота до горловины — 18 см, диаметр поддона — 9,7 см, широкой части тулова — 15,5 см, горловины — 5 см. Плечико и горловина сосуда были богато орнаментированы. По плечику идет широкий пояс миндалевидных вырезов, выше—четыре группы кольцевых вырезов, причем в каждой группе по две крупных и по две соединенных оськ мелких колец, еще выше, на плечике у перехода к горлышку, узкий пояс ногтевых вырезов. По низу горлышка располагается широкий пояс из частых находящих друг на друга волнистых линий. В целом достигнут максимальный декоративный эффект, что в сочетании с изящной законченной формой сосуда позволило мастеру-гончару создать шедевр керамического искусства.

Аналогичных последнему кувшинчиков было, видимо, много. Сохранились фрагменты плечика с таким же поясом миндалевидных вырезов, с рядами мелких вдавлений и линиями бороздок (КП 359—12, табл. XIV, *7*). На другом фрагменте плечика вырезаны ветки растения с тремя корнеплодами внизу (КП 269/274, табл. XIV, *4*). Плечико фрагмента третьего кувшинчика украшен мотивом солнечного диска и рядом одинаковых углублений вокруг. Такие диски, видимо, были и на других местах плечика. Этот «солнечный» ряд сверху и снизу обведен бордюром прочерченных гребенчатых бороздок (КП 359/11, табл. XIV, *5*). Все три фрагмента кувшинчиков — станковой работы, сделаны из красноватой чистого помола глины, первый из них покрыт густым светло-серым, второй тонким светлым и третий красным ангобом. Из-за экономии места не станем описывать остальные фрагменты боковин, плечиков, горлышек, венчиков и донышек. Все они приведены на табл. XIV.[247] Отметим лишь, что слив одного из кувшинчиков выполнен в виде реалистического изображения морды быка (КП 359/8, табл. XV, *28*), а поддон другого кувшинчика имеет просверленное отверстие, цель которого неясна (КП 269/165, табл. XIV, *3*). К этой же группе примыкают еще два миниатюрных кувшинчика, к сожалению, оба с отбитыми верхними частями и фрагменты от третьего. Первый из них (табл. XV, *2*) сделан из серой глины и неплохо обожжен. Форма тулова (диаметр широкой части — 9 см) кувшинчика шаровидная. Хотя сосудик имеет довольно широкое донышко (диаметр 5,5 см), однако, для большей устойчивости последнее утолщено до 2 см, в то время как толщина черепка плечика равна 4 мм. Кувшинчик выполнен на круге, но придонная и донная часть подправлена острым инструментом. Единственным украшением сосудика является полоса неглубоких бороздок по широкой части тулова. Второй кувшинчик (КП 542/91, табл. XV, *9*) совершенно иной, репчатой формы, несколько вытянутых пропорций: неширокое тулово (диаметр 6,5 см), расширяющийся сравнительно высокий ложный поддон (диаметр 3,4 см). Сделан он на круге из желтоватой чистой глины и покрыт снаружи мутно-коричневым

---

[247] КП 207/2256, 2321, 2330, 2339, 2413, 2421 (табл. XIV, *16*, *11*, *19*, *20*, *14*), 2297; КП 269—136, 157, 158, 159, 165, 257 (табл. XIV, *17*, *13*, *9*, *10*, *3*, *23*), 273 (табл. XII, *20*, 259, 276; КП 317—667, 671, 672, 673, 675 (табл. XIV, *8*, *18*, *1*, *6*, *12*); КП 542—96 (табл. XIV, *15*).

ангобом. Оба сосудика были найдены в южной части с. Верхний Шахристан при смыве одной из улиц. Кувшинчики, скорее всего, использовывались как емкости для фармацевтических жидкостей. Об этом же говорит и обнаружение второй из них вместе со сфероконическими сосудами. Ближе ко второму и фрагменты третьего тонкостенного кувшинчика (КП 317/704, табл. XV, *15*).

Следующая категория сосудов—глиняные котлы. Они представлены из раскопок на Калаи Кахкаха I, II и III одним целым и большим количеством обломков сосудов. Целый котел (КП 269/298, табл. XV, *30*) найден в пандусе замка Калаи Кахкаха II. Котел формы, близкой к конической, приплющен сверху, имеет круглое дно, а верхняя часть—широкое плечо, которое завершается прямым невысоким венчиком, профилированным с наружной поверхности ребристыми выступами по краю и по средней части. Размеры котла: высота—26,5 см, диаметр широкой части тулова—32 см, диаметр венчика—18 см, высота венчика—3 см. Котел, судя по совершенству форм и профилей, явно сделан на круге, глина с большой примесью измельченного камня — сланца, чего много в районе наших памятников; поверхность покрыта внутри светлым, а снаружи светло-красноватым ангобом. Вся нижняя часть сосуда снаружи сильно закопчена.

Почти полную форму дает второй крупный фрагмент маленького котла грубой ручной лепки из глины с большим количеством примеси сланцевого измельченного камня. Сосудик этот имеет шаровидно коническую (книзу) форму, крупное ушко—ручку и грубо оттогнутую тонкую закраину (КП 269/153, табл. XV, *31*). Среди фрагментов ряд обломков принадлежит наиболее крупному толстостенному котлу, ручной довольно тщательной лепки с двумя ушками—ручками и прямой низкой, несколько отогнутой закраиной (КП 317/697, табл. XV, *29*). Особо отметим фрагмент плечика станковой работы с горизонтальной ручкой, сделанной из налепного жгутика с отверстием посредине (КП 317/679, табл. XV, *32*). Остальные многочисленные фрагменты венчиков котлов дают разнообразные варианты их профилировок, начиная от простейших чуть выделенных закраин и кончая сложным многоребристыми венчиками (см. табл. XV, *33*; XVI; XII, *21*). Имеется два обломка от котлов с плоскими донышками.

Горшки представлены только одним экземпляром. Это маленький широкогорлый горшочек станковой работы из бледно-розовой глины с большим процентом примеси крупного песка, снаружи покрыт светлым ангобом. Форма шаровидно-приплющенная, донышко плоское гладкое, венчик отогнут и местами закручен вниз. Размеры горшочка: высота—7,5 см, диаметр донышка—5,5 см, диаметр широкой части тулова—11,8 см, диаметр венчика—9 см. Горшочек найден в пандусе замка Калаи Кахкаха II, был прикрыт плоским камнем округлой формы (КП 269/300, табл. XV, *3*).

Следующую группу керамических находок составляют фрагменты донышек неполивных чаш (коса). Первый фрагмент (КП 207/2274, табл. XII, *17*) обнаружен в составе подъемного материала с городища Калаи Кахкаха II. Фрагмент толстостенный, сделан из светлой чистой глины. Поддон (высота 5 мм) плоский, гладкий, выделен от стенок чаши дополнительной кольцевой бороздкой. Чаша, видимо, сравнительно поздняя. Второй экземпляр был найден в комнате № 5 юго-западного здания Калаи Кахкаха I. Он отличается более изящной выделкой из красной хорошо отмученной глины, покрыт красным же ангобом. Под-

дон (высота 8 мм) внутри полностью вырезан (КП 359/2, табл. XII, *18*). Чашу эту можно отнести к последнему периоду жизни в здании (XII в.).

Очередную группу составляют фрагменты кружковидных и бокаловидных сосудов. Кружки представлены фрагментами боковин, на многих из которых сохранились петлевидные ручки. Все они выполнены на круге (КП 207/2374, 2383; КП 269/132, 156, 255, 275, 286, 290; КП 317/676, 701; КП 359/9; табл. XV, *19—22*, *26*). К этой же группе примыкает целая кружка-цедилка в виде неглубокого, широкого резервуара с прямыми стенками и отогнутым венчиком, с пятью крупными отверстиями на дне и с одной петлевидной ручкой. Цедилка толстостенна и массивна, покрыта светлым ангобом. Обнаружена она случайно при рытье канала у подножия Калаи Кахкаха I (КП 269/170, табл. XV, *7*). Среди фрагментов бокаловидных сосудов имеется миниатюрная ножка с расширяющимся поддоном (КП 207/2252, табл. XV, *12*), покрытая светлым ангобом; фрагмент от второго бокала с более широкой нижней частью (КП 317/702); обломок верхней части крупного широкого тонкостенного бокала со сферической нижней частью, бокал покрыт снаружи темно-коричневым, а изнутри светло-коричневым ангобом (КП 542/96, табл. XV, *18*); есть фрагмент закраины другого бокала (КП 269/662, табл. XV, *25*). Сюда же мы склонны отнести низкий кубковидный, слегка расширяющийся кверху сосуд на широком плоском дне. Сосуд покрыт светлым ангобом (КП 317/698, табл. XV, *13*). К этой же группе относятся миниатюрная глиняная рюмочка с коническим резервуаром на низкой широкой ножке, сделанная из красной глины на круге и покрытая красноватым ангобом (табл. XV, *11*) и другая рюмочка на высокой массивной ножке с шаровидным маленьким резервуаром из красной глины со светлым ангобом (КП 269/171, табл. XV, *10*).

Неполивных светильников (чираги) обнаружено всего 6 экземпляров. Из них четыре найдено в замке Калаи Кахкаха II (КП 269/301—304). Последние в виде миниатюрных плошек с разной степени загнутыми закраинами и разной степени глубины резервуара. Все с одной стороны имеют закопченные носики, отжатые от стенок. В небольшой степени намечены и поддоны чирагов. Чираги сделаны из желтоватой чистого состава глины, покрыты светлым ангобом, за исключением одного чирага, внутренняя поверхность которого закрашена красным ангобом. Более конкретное представление о каждом чираге дает табл. XVII. Пятый и шестой одинаковых чирага уже более поздние, имеют развитую форму и изящные пропорции: резервуар у них круглой формы, закрытого типа (вверху имеют лишь небольшое отверстие) с прямыми стенками, с одной стороны имеют длинный прямой носик для фитиля, на противоположной стороне на плечике вертикально закреплены по одной изящной ручке—петелек. Чираги сделаны из хорошей глины, один покрыт светлым ангобом и равномерно обожжен, о втором судить невозможно: он сильно закопчен. По верху ручек и поперек резервуара прочерчены парные бороздки; на спинке первого резервуара расположены четыре стилизованные птички в полете, второго—кружочки. Первый чираг не закопчен и в употреблении не был. Оба обнаружены в районе с. Шахристан.

Из числа одиночных находок отметим груболепной сосудик круглой формы без ручек и с прорезанной острым инструментом щелью наверху, через которую пройдет предмет величиной с монеты. Видимо, сосуд этот выполнял роль копилки или какой-либо детской игрушки (табл. XV, *4*). Найдены в замке Калаи Кахкаха II фрагмент груболепной обожженной докрасна жаровни с вертикальной стенкой типа ванночки (КП 269—281,

табл. XVIII, *14*) и на территории с. Шахристан почти целый водопроводный кубур, изготовленный на гончарном круге из красной глины хорошего обжига (КП 317/721, табл. XVIII, *13*).

На публикуемых памятниках в разное время обнаружены 12 обломков разной величины от переносных глиняных очажков (КП 207/2318, 2332, 2385 и 2407; КП 269/151; КП 359/22 и 23; КП 427/957; 492/423; КП 542/92). Все украшены штампованным и налепным растительным и геометрическим орнаментом, порой очень изящного выполнения. Большинство фрагментов изображено на табл. XVII.

Большой интерес представляет крупный обломок резной неполивной терракоты, обнаруженной случайно при земляных работах у подножия городища Калаи Кахкаха I в районе старых сооружений местного учреждения водхоза (КП 427/958, табл. XVII, 7). Обломок, собственно, представляет собой часть толстой (6 см) облицовочной плитки из окаменевшей светло-серой глины высококачественной выделки; верхняя (лицевая) треть плиты вырезана в виде глубокого геометрического узора типа гиреха. На лицевой поверхности фрагмента местами сохранились следы светлого ангоба.[248]

При характеристике тех или иных сосудов или их обломков нам уже приходилось не раз отмечать наличие их декоративных украшений, выполненных трояко: налепами, вырезкой и штампом по еще сырому сосуду. Их декоративное убранство включает в себя от простых волнистых линий и зигзагообразных налепов до сложнейших сочетаний с миндалевидными врезками (на кувшинчике) и штампованными «кубба», а также налепными изображениями морды животных (баранов, быка).

Все изделия описанной неполивной керамики с трех городищ Калаи Кахкаха, за исключением небольшого количества экземпляров, вполне укладываются в два выявляемых периода жизни людей на изученных объектах этих памятников. Эти «предарабский период VI—VIII вв., захватывающий в Уструшане и начало IX в., и период развитого средневековья—X—XII вв. Видимо, значительный отрезок IX в. после нашествия и погрома арабского войска в 822 г. изучаемые здания не функционировали. Это подтверждается и чисто раскопочными данными юго-западного здания Калаи-Кахкаха I (см. выше).

К первому периоду относятся все керамические находки с замка Калаи Кахкаха II, разрушенного полностью и навсегда в начале IX в. Их можно выделить по указаниям места находки. Основные: первый хум, описанный и датированный О. И. Смирновой (табл. XII, *1*), целая склеенная хумча (табл. XIII, *1*), два широкогорлых низких сосуда типа кубышек (табл. XIII, *4*, *6*); первый, второй и шестой кувшины (табл. XIII, *9*, *17*, табл. XIV, *22*); целый крупный (табл. XV, *30*) и второй мелкий (табл. XV, *31*) и ряд других фрагментов котлов; единственный горшочек (табл. XV, *3*), все фрагменты кружковидных и бокаловидных сосудов, включая кружку цедилку (табл. XV, 7) и низкий кубковидный сосуд на плоском дне (табл. XV, *13*), четыре неполивных чирага в виде плошек и фрагмент жаровни. От первого периода жизни в юго-западном здании Калаи Кахкаха I ничего не сохранилось, за исключением немногих битых маловыразительных фрагментов. Ко второму периоду относятся все неполивные керамические находки с юго-западного здания Калаи Кахкаха I и с Калаи Кахкаха III (с. Шахристан). Место находки основных целых сосудов отмечены при описании.

---

[248] Этот предмет приобретает особую ценность в связи с новыми находками резной архитектурной терракоты на новых объектах городища Калаи Кахкаха I (1963 г.).

Из обоих этих периодов, на наш взгляд, выпадают описанные выше керамическая «копилка», фрагмент донышка первой неполивной чаши с поверхности Қалаи Қахкаха I, ряд фрагментов хумов и некоторые другие находки. Более дифференцированное хронологическое деление неполивной керамики с трех Қалаи Қахкаха пока преждевременно до обработки всей массы керамических находок с других объектов Уструшаны.

Поливная керамика. Поливная керамика представлена чирагом конца VIII—начала IX вв. с замка Қалаи Қахкаха II и рядом превосходных находок с Қалаи Қахкаха I и с территории с. Шахристан. К последним относятся: целая склеенная из обломков чаша (коса) с черным растительно-геометрическим орнаментом по светлому фону, крупная чаша (шохкоса) с черным же иного мотива растительно-геометрическим рисунком по голубому фону, фрагменты блюда с зеленым и коричневым пятнистым и линейным светло-коричневым орнаментом по светлому фону, чашечка (пиала) со сплошным светлым ангобом, датируемые X—XII вв., археологически целые чаши с сине-голубо-коричневым рисунком по светлому фону, фрагменты вазы и целая чашечка со сплошной ядовито-зеленой поливой, чираги и многочисленные фрагменты керамики с полихронным рисунком последующих периодов. Поливная керамика в целом изящна по формам, декоративна, многогаммна и с превосходной растительно-геометрической орнаментацией. С целью их издания в цвете автор счел целесообразным подробно их не рассматривать в данной работе.

В целом неполивная и поливная керамика Қалаи Қахкаха очень разнообразна по формам, высококачественна, выделана на гончарном круге, скромно, но изящно орнаментирована и не уступает лучшим керамическим сериям развитых гончарных центров Средней Азии рассматриваемого времени. То, что вся эта керамика является продуктом местного бунджикатского столичного производства Уструшаны, не подлежит никакому сомнению. Хотя малый размах раскопочных работ еще не позволил вскрыть местные керамические мастерские, однако некоторые косвенные данные о существовании их здесь мы уже имеем: это, прежде всего, большие куски гончарного шлака, обнаруженные в завале замка Қалаи Қахкаха II (КП 269/285), уже отмеченное присутствие местного измельченного сланца в глине ряда сосудов и прочие наблюдения.

2. МЕТАЛЛ

Металлических изделий из публикуемых памятников имеется немного. Меньшая их часть найдена непосредственно во время раскопок на Қалаи Қахкаха. Остальная часть принадлежит к числу случайных находок, сделанных в разное время главным образом, на территории современного селения Шахристан. Имеющиеся в нашем распоряжении находки железных, бронзовых и золотых изделий в какой-то мере освещают историю металлического производства рассматриваемого района и достигнутого уровня развития материальной культуры.

Железо. Все железные изделия происходят из раскопок. Пять железных предметов найдены в юго-западном здании на Қалаи Қахкаха I. Среди них железный стерженек длиной 8,5 см круглый в сечении (диаметр 1 см), с чуть уплощенными обоими концами, найденный на полу центрального коридора нижнего этажа (КП 269/152, табл. XX, *3*), округло-плоский железный предмет (диаметр 2,5 см) неопределенного назначения (КП 269/154, табл. XX, *4*), обломок железного ножа с прямой спинкой и чуть выпуклым рабочим лезвием из помещения № 5 нижнего этажа (КП 359/5, табл. XX, *2*), совершенно целый железный нож с чуть выпуклой спинкой и несколько вогнутым в значительной степени срабо-

танным лезвием. В конце нож имеет заостренный черенок. Длина ножа без черенка 14,5 см, с черенком 17,8 см, толщина спинки 4 мм (КП 269/160, табл. XX, *1*). Найден этот нож в проеме помещения № 4 нижнего этажа. В помещении № 5 был найден обломок крупного толстостенного (7 мм) железного сосуда, видимо, типа котла с прямой закраиной, выделенной несколько ниже чуть выпуклой полоской (КП 359/6, табл. XX, *6*). На этом же городище (Калаи Кахкаха I), на его дневной поверхности был поднят кусок кричного железа (КП 542/98).

Несколько железных изделий происходит из Калаи Кахкаха II. В помещении № 8 среднего яруса замка был найден деформированный небольшой тонкий нож с более или менее прямым рабочим лезвием и выпуклой спинкой. (КП 269/283). Более интересное изделие было обнаружено в пандусе замка. Изделие это серповидной формы (КП 269/306, табл. XX, *7*) с сильно вогнутым заостренным лезвием, в конце имеет остатки черенка, у стыка которого сохранился пропущенный через отверстие стерженек с заклепками-головками на обоих концах. Последние предназначались для закрепления деревянной ручки, следы которой сохранились также отчетливо. Сохранившаяся длина изделия—19 см, длина стерженька с заклепками—2 см, пазы между головками стерженька и поверхностью черенка равны 5—7 мм.

Бронза. Пожалуй, самой первой находкой таковых изделий на интересующих нас объектах является кувшин, обнаруженный случайно в начале 90-х годов XIX в. на городище близ селения Шахристан, скорее всего на Калаи Кахкаха I, и отнесенный «ко времени (домусульманского) владычества.[249] Как явствует из сообщения военного губернатора Самаркандской области, сосуд этот был предъявлен ему. Судя по бумагам Самаркандского музея, кувшин этот впоследствии, в 1896 г. был подарен к открытию музея графом Н. Я. Ростовцевым.[250] В них же сохранились два заключения известных исследователей о дате кувшина: М. М. Дьяконова, относившего его к IX—X вв., и Р. Кесаева—к XII—XIII вв. Затем кувшин привлек внимание Е. В. Зеймаля, который произвел фотофиксацию, обмеры сосуда и подыскал некоторые аналогии к нему.[251] Сохранность кувшина посредственная, он довольно долго и основательно был в употреблении. Ряд мест его тулова разрушен полностью (табл. XXI). Тулово кувшина грушевидной формы с одинаковым сужением кверху и книзу. Место соединения тулова и горла обозначено выпуклым пояском. Поддон прямой и несколько расширяющийся книзу—«ложный», т. е. изнутри не отделен никакой перегородкой от тулова кувшина. Эта важная деталь встречается и на нижеописанных бронзовых кувшинах из Шахристана. Венчик и ручка кувшина усложнены напайными скульптурными деталями. К широкому горизонтально отогнутому венчику с обоих боков припаяны детали в виде раскрытых крыльев птиц, а к задней, несколько расширенной и подтреугольной части венчика припаян верхний конец ручки. Последняя выше уровня венчика завершается *очень изящной, ажурной скульптурно решенной пальметкой, состоящей* из обводного, почти округлого пояса с одним крупным и шестью мелкими, выступающими по наружному краю шишечками и из скульптурно-решетчатого внутреннего заполнения. Нижний конец ручки завершается плавно загнутым назад ушком. Рельефно разработана и вся задняя (от кувшина) поверхность ручки. В целом пропорции кувшина, на наш взгляд, довольно изысканы. В них чувствуется определенная логика и

---

[249] См. раздел «История изучения района Шахристана».

[250] В коллекциях Самаркандского музея кувшин значится под шифром А—185—1.

[251] Приношу большую признательность Е. В. Зеймалю за предоставление в наше распоряжение этих материалов.

строгость соотношения объемов. Отдельные части хорошо сгармонированы по своим пропорциям с общей формой сосуда.

Сосуд декорирован довольно сдержанно. Помимо скульптурно-узорной ручки с пальметтообразным гребешком, тулово кувшина было украшено нарезными узорными розетками, располагавшимися на широкой части сосуда по обе стороны от слива. На одной из сохранившихся розеток видны следы заплетенного растительного орнамента, выгравированного в невысоком рельефе. Общая форма розетки округлая, гранатообразная. В нижней и верхней части ее видны выступающие орнаментальные завершения—внизу в виде донца сосуда, вверху—пикообразного трилистника. Размеры кувшина (по наружному объему): общая высота—35 см, высота поддона—5,5 см, высота тулова—17,5—18,5 см, максимальный диаметр поддона—11 см, максимальный диаметр тулова—17,2 см, минимальный диаметр тулова (вверху и внизу) равный—7,5 см, минимальный диаметр горла—4,3 см; диаметр венчика: внутренний—7,7 см, по наружному отогнутому краю—9,5 см.

Переходя к датировке шахристанского кувшина, прежде всего заметим, что форма и пропорции сосуда в целом, казалось бы, приближают его к кругу памятников сасанидского времени. Примерно к этому же времени приводит и аналогия пальметтообразного навершия ручки кувшина с таковым на керамическом сосуде из пенджикентских материалов краеведа В. Р. Чейлытко, хранящемся в фондах Института истории им. А. Дониша.

Шахристанский кувшин очень близко напоминает известный бронзовый кувшин из Государственного музея Грузии с надписью, содержащей дату и имя мастера (ибн Язид) из Басры.[252] Особенно близки форма сосуда, пальметтообразное завершение ручек и боковые детали венчика горлышек. Но еще более близкой аналогией является кувшин из Государственного Эрмитажа, приобретенный в 1888 г. Императорской археологической комиссией у среднеазиатского коллекционера Мирзы Бухарина.[253] Публикация сосуда недавно подготовлена О. Г. Большаковым. Эрмитажный и шахристанский кувшины совершенно близки почти во всех деталях: по форме поддона, тулова, венчика с дополнительными скульптурными деталями и завершение ручки (пальметтки).

Ряд аналогий можно наметить и с другими памятниками восточной торевтики.[254] Нам представляется, что рассматриваемый шахристанский кувшин по технологическим и декоративным признакам можно отнести к памятникам шахристанской торевтики X—XII вв. К этому же времени, видно, принадлежат и эрмитажный сосуд из Средней Азии и кувшин грузинского музея из Басры. Как уже отмечалось выше, отнесение басрийского кувшина к концу VII в. несколько сомнительно. В этом отношении показательно, что автор датировки басрийского сосуда М. М. Дьяконов нашел возможным аналогичный шахристанский кувшин отнести к IX—X вв.

Среди бронзовых изделий большой интерес представляют два целых и два фрагмента бронзовых колоколовидных розетки-подвески, обнаруженные в 1957 г. в кладе в селении Нижний Шахристан, по левую сторо-

---

[252] М. М. Дьяконов. Об одной ранней арабской надписи, Эпигр. Востока, I, М.— Л., 1947, стр. 5—8, рис. 1 и 2. Чтение даты 69 г. х. нам представляется не бесспорным, так же как и следующее утверждение автора: «Поскольку имя Язид было распространено в это время, главным образом среди арабской аристократии, а ремесленник, сделавший эту вещь вряд ли был арабом (?), то мне думается, что это имя заказчика (?), какого-нибудь представителя арабской военной знати» (стр. 8).

[253] Гос. Эрмитаж, СА—12745.

[254] Например, несколько кувшинов из альбома: F. Martin «Alltere Kupferarbeiten aus dem Orient», Stockholm, 1902, Taf. 27, 130.

ну Шахристан-Сая (табл. XXII, внизу слева).[255] Хотя клад в целом как будто датируется имеющимися в его составе золотыми монетами 50-х годов XIII в.,[256] эти бронзовые розеткообразные детали какого-то украшения в виде колоколовидных подвесок, по-видимому, относились к изделиям ювелиров более ранней эпохи. Дело в том, что одной из особенностей ювелирных изделий является их длительный срок жизни. Иногда те или иные изделия—серьги, кольца, браслеты и т. п., передавались из поколения в поколение и подчас жили не одно столетие. В данном случае, надо полагать, мы имеем дело именно с таким предметом. Совершенно очевидно, что эти колоколообразные розетки-подвески были частью более сложного наборного предмета, скорее всего именно характерной восточной серьги, состоящей иногда из нескольких таких колоколовидных розеток, смонтированных одна над другой, и именно верхняя розетка в таких случаях была самой маленькой, а одна, иногда две последующие, больших и часто тоже неодинаковых размеров. Не менее вероятно также, что эти тонкие, изящные и тщательно выполненные детали принадлежали другой, не менее распространенной на Востоке серьге, состоящей из довольно крупной колоколовидной верхней части и подвесных, более мелких розеток подобной же формы.[257] Например, на скульптурных изображениях из Пальмиры хорошо видна форма такой серьги.

Отливка таких, в полном смысле ювелирных деталей из столь твердого и не очень податливого металла, каким является бронза, даже при использовании восковой модели была делом нелегким. Техника выполнения бронзовых розеток методом литья также очевидна и определяется их формой. Говорить о штампе или технике просечки в данном случае невозможно из-за большой ажурности очень тонких лепестков розеток, к тому же еще сильно загнутых вовнутрь, что совершенно исключает эти способы их изготовления.

Следовательно, крошечные бронзовые розетки являются деталями характерной для Востока зонтообразной двух- или трехъярусной серьги с подвесными шариками или розетками, как в данном случае, либо закругленными в спираль проволочками с мелкими бусинками. Подобный вид серьги широко известен в ювелирном искусстве народов Средней Азии, Индии, Афганистана, Ирана, Азербайджана более позднего времени, но является глубоко традиционным, о чем свидетельствуют два приведенных рельефа из Пальмиры с изображением таких же серег и бронзовые серьги Кавказа.[258] Одна, в принципе такая же, ажурная золотая цилиндрообразная деталь серьги с пастовой бусиной внутри найдена при раскопках древнего Пенджикента. Все это, вместе с техникой изготовления методом литья, дает нам право говорить о более раннем происхождении наших бронзовых розеткообразных подвесок, нежели большинство предметов клада, датируемого серединой XIII в.

Из раскопок юго-западного здания на Калаи Кахкахе I происходит бронзовое украшение от пояса в виде бабочки, аналогичное кочевническим изделиям раннего средневековья. Чрезвычайно интересна другая

---

[255] Клад предварительно издан. См. Э. В. Кильчевская и Н. Негматов. Находки ювелирных изделий из Шахристана. «Сов. археол.», 1964, № 3, стр. 236—246.

[256] Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г., стр. 158—159.

[257] См., например, H. T. Bossert, Altsyrien Tübingen, 1951, рис. 441 и 551; Матлы по археол. Кавказа, т. 8, М., 1900, табл. CVII, рис. 26.

[258] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, Мат-лы по археол. Кавказа, т. 8, М., 1900, табл. XIII, рис. 5 и табл. XXXIV, рис. 6; Д. М. Атаев. Гаринский могильник—памятник средневековой Аварии (серира). Уч. зап. Ин-та истории, яз. и лит-ры Даг. филиала АН СССР, т. 6, Махачкала, 1959, табл. I, рис. 9; табл. II, рис. 2—4 и табл. IV, рис. 4, 7—9.

находка бронзового изделия—обломки ступки, которые удалось собрать и склеить (КП 427/810а, табл. XVIII, 15). Находка эта сделана случайно при земляных работах на обводном канале у северного подножия Калаи Кахкаха I. Ступка небольшого размера довольно массивная, несколько деформирована. Толстые стенки постепенно расширяются кверху. Поддон прямой, высокий и монолитный. Переход поддона к расширяющимся стенкам обозначен пояском. Размеры: общая высота 5,6 см, высота поддона 2,3 см, диаметр верхнего края 6,2 см, диаметр поддона 3,5 см, глубина ступки 3,9 см. Ступка скорее всего использовалась для аптечных или аналогичных этому нужд.

Очень ценен и интересен клад бронзовых изделий, случайно обнаруженный в 1961 г. при земляных работах в доме гражданина Обида Хотамова по улице Кирова селения Верхний Шахристан, т. е. как раз внутри сохранившихся городских стен Калаи Кахкаха III. Из этого клада нам были переданы прекрасной работы целый кувшин, целый чираг (светильник), подставка и верхнее горлышко подсвечника и монета. Бронзовый кувшин сохранился довольно хорошо (КП 492/499, XXIII). Выполнен он в технике литья, видимо, отливался по частям: отдельно тулово, горловина с носиком, ручка и поддон. Форма сосуда весьма своеобразна и в целом решена пластично, хотя и не имеет традиционных для восточной средневековой бронзы изобразительных скульптурных деталей. Несмотря на небольшой размер, кувшинчик все же довольно тяжелый. Шаровидное, чуть сплюснутое снизу тулово сосуда укреплено на высоком расширяющемся воронкообразном поддоне. Поддон «ложный», т. е. не отделенный никакой перегородкой от тулова кувшина. Эта важная деталь уже встречена на выше описанном кувшине из Шахристана. Поддон в верхней части снаружи профилирован рельефным выступом. Горлышко сосуда не очень высокое, кверху слегка сужается. Оно заканчивается шарообразным расширением с резко выступающим и приподнятым на конце сливом. Каждый пластический сам по себе объем формы сосуда отделен от другого четкой рельефной профилировкой. Крышка кувшина не сохранилась, но, судя по системе ее крепления на двух выступающих ушках, можно предполагать, что она была приблизительно аналогичной крышке светильника, найденного вместе с данным сосудом. Размеры кувшина: общая высота—21,5 см, высота поддона—3,6 см, высота тулова—10,5 см, диаметр поддона максимальный—9,5 см, минимальный—4,5 см; максимальный диаметр тулова—11 см; диаметр горлышка: максимальный—3 см, минимальный—2,4 см; диаметр шарообразного расширения горлышка—4,6 см. Кувшин был богато украшен резным гравированным орнаментом, выполненным, скорее всего, после окончательной монтировки отдельно отлитых частей сосуда. Узоры располагались на тулове сосуда в виде довольно широкого резного пояса и небольшого медальона и с завитками над ним. На горлышке они заполняли четыре (из восьми) ложчатые грани. Кроме того, три профилированных грани тулова кувшина покрыты нарезными поперечными штрихами, чем достигнуто общее единство и цельность декоративного убранства всего сосуда.

По наблюдениям искусствоведа и технолога Э. В. Кильчевской,[259] чеканка деталей и стыков отдельно литых поддона и горлышка сосуда выполнена очень искусно. Причем узоры нарезных орнаментальных фризов и медальона выполнены двумя способами—контурными линиями с выбиранием фона, т. е. так называемой глубокой гравировкой, при кото-

---

[259] Выражаю искреннюю признательность Э. В. Кильчевской за неоднократные консультации и помощь в изучении описываемого кувшина.

рой достигается одновременно и глубина фона и рельефность изображения. Этим первым способом (глубокой гравировкой) выполнены основной фриз тулова, узоры ложчатых граней горлышка и собственно центральный «медальон» тулова (под сливом). Обычной техникой линейной гравировки выполнены верхняя часть орнаментальных завитков указанного центрального «медальона» и надпись. Резные узоры с выбранным фоном, судя по изломам всех закругленных линий, выполнены расходником, а надпись и верхние контурные линии верхнего узора «медальона», видимо, нанесены штихелем. По мнению Э. В. Кильчевской, за последнее говорит меньшее совершенство и изящество форм и контуров гравированных узоров. Центральный фриз тулова образован собственно ритмическим переплетанием двух жгутов, создавшим четырнадцать круглых медальонов, половина которых заполнена гравированными неповторяющими друг друга плетениями, а остальные превращены во вдавленные ямки-чашечки, служившие, видимо, гнездами для каких-то вставок. Вполне возможно, что в эти ямки были вмонтированы выпуклые детали—«глазки» из декоративного камня, эмали или пасты, которые до нас не дошли. Все ямки были выбиты при помощи одного инструмента с округлым рабочим концом. Ныне часть утонченных стенок ямок от времени и коррозии разрушились. Однако в хорошо сохранившихся углублениях никаких следов крепления или пайки предполагаемых вмонтированных деталей не прослеживается.

Первые семь украшенных гравировкой медальонов решены по-разному: в центре фриза, на оси носика кувшина, помещена восьмилепестковая розетка, по ее бокам два медальона из заплетенных неодинаковых узоров, далее вправо, к ручке один медальон заполнен очень обобщенным зооморфным изображением птицы, а остальные медальоны заполнены неповторяющимися несложными узорами из перевитого жгута. Между медальонами фриз заполнен двух-трехлепестковыми растительными мотивами. Четыре ложчатых грани горлышка кувшина также заполнены узорами, а остальные четыре промежуточных грани оставлены пустыми, чем подчеркнуты как форма самого горлышка, так и узор остальных граней. И здесь узор каждого из них резной, неповторяющийся. Это варианты традиционных растительных плетеных мотивов. На тулове кахкахинского кувшина, справа от «медальона», сделана надпись почерком, близким к «куфи». Она спускается вниз от верхней грани места стыка тулова с плечиком. Надпись читается хорошо: عمل احمد — «работа Ахмада».

Публикуемый кахкахинский кувшин по своей форме, размерам и пропорциям имеет точную копию из соседнего объекта Чил-Духтарон. В отличие от первого, чилдухтаронский кувшин (КП 492/498) не имеет декоративного убранства и несколько худшей сохранности. Полная идентичность формы обоих кувшинов (по размерам, пропорциям, соотношениям объемов и всех деталей—носиков, поддонов и т. п.), единая техника их выполнения дают все основания считать, что они отлиты по одной форме, в одной мастерской и, скорее всего, на месте, в Шахристане. Другая точная копия наших кувшинов обнаружена в 1959 г. в районе городища древнего Ахсыкета (Фергана). Этот бронзовый кувшин точно датируется XI в. н. э. совместно найденными монетами 1047 г.[260] Сходство форм и пропорций кахкахинского, чилдухтаронского и ахсыкетского кувшинов настолько близко, что, видимо, можно будет говорить не только об отнесении ахсыкетской находки к уструшанскому торевтиче-

---

[260] См. А. Смирнов. Находки в Средней Азии. «Декоративное искусство СССР», 1963, № 5 (66), стр. 37 и рис. на стр. 38.

скому кругу изделий, но и об их изготовлении в одной форме, в той же мастерской. Эти же данные позволяют говорить о возможности серийного выпуска таких сосудов. Наши кувшины по своему общему силуэту, а также сохранившаяся ручка одного из них с объемными выступающими деталями в самых общих чертах напоминают аналогичные средневековые сосуды Ирана с зооморфными ручками.[261] Растительные мотивы узора, а также стилизованные изображения птиц на кувшине и на бронзовом светильнике очень напоминают мотивы, часто встречающиеся в керамике и в архитектурном декоре из Хульбука, Афрасиаба и многих других памятников. Совокупность всех данных позволяет отнести публикуемый кахкахинский кувшинчик в XI—XII вв.

К этому же кругу памятников относится небольшой бронзовый литой светильник, обнаруженный в том же кладе 1961 г. (КП 492/502, табл. XXIV). Он состоит, собственно, из трех отлитых отдельно частей: корпуса-резервуара, носика и крышки. Резервуар шарообразной, несколько приплюснутой (снизу и сверху) формы (диаметр 5,7 см). Спереди к нему припаян массивный, но короткий и глубокий канал носика. Край носика отогнут. Часть канала носика сверху у резервуара прикрыта припаянной ажурной решеткой. По бокам к тулову резервуара припаяны горизонтально расположенные подтреугольные «крылышки», украшенные каждое тремя ямками. Сзади светильник вместо ручки имеет припаянную прямоугольную массивную шишечку, выступающую на 6 мм от поверхности тулова. Крышка светильника сделана в виде куполочка с семью отверстиями в ее верхней части и шарообразным завершением. Крышка прикреплялась к двум выступающим ушкам, расположенным вертикально на краю тулова. В целом пропорции светильника очень гармоничны, несколько тяжелый непропорционально-массивный плавно загнутый вверх носик увеличивает масштабность сосуда. Декоративное убранство его состоит из выступающих скульптурных деталей тулова и завершения крышки и носика. Кроме того, светильник украшен насечным орнаментом в виде поясков (по верхнему краю тулова и по середине задней части) и двух выгравированных несколько небрежно стилизованных изображений птиц, расположенных в передней части тулова по бокам носика. Прямых аналогий шахристанскому светильнику среди известных нам предметов торевтики не встречается. Наш светильник лишь отдаленно напоминает бронзовый светильник из б. Джеванширского уезда Елизаветпольской губернии.[262] В целом совершенство пропорций, техника выполнения, превосходная орнаментация описанных сосудов показывает высокий уровень художественной культуры средневекового Шахристана.

Наконец, к тому же кладу 1961 г. принадлежат еще три предмета, менее интересных с художественной точки зрения и, может быть, более поздних хронологически. Это целая бронзовая трубка (КП 492/503) с отогнутыми краями (длина 19,3 см, диаметр 3,1 см), бронзовая подставка подсвечника в виде блюдца (диаметр 12,3 см) на трех коротких, круглых в сечении ножках с прямыми чуть расширяющимися невысокими (1,5 см) стенками, завершающимися отогнутым краем (КП 492/501, табл. XVII, 18). Подставка в центре имеет округлое отверстие для установки, видимо, складной вертикальной стойки подсвечника, верхняя часть которой также сохранилась. Последняя представляет собой собранную из отдельных отлитых узлов трубку. Верхний узел трубки—круглой формы, несколько расширен кверху (диаметр 3 см). Он предназначен для вставки

---

[261] SPA, VI, табл. 1295, 1296, 1309.

[262] См. Отчеты Имп. археол. комиссии за 1895 г., СПб., 1897, стр. 57, рис. 120.

самой свечки. Средний узел имеет шаровидную чуть приплюснутую форму (диаметр 3,1 см), в нем сделаны два ряда расположенных в шахматном порядке отверстий, имевших не только декоративное, но и чисто функциональное назначение—для прохода воздуха. Нижний узел сужен вниз (диаметр 2,2 см), имеет граненую форму и предназначен для насадки на нижнюю несохранившуюся трубку. В целом трубка довольно профилирована и изящна. Соединяющие грани узлов покрыты чуть заметными насечными штрихами. Такой тип подсвечников был широко распространен в позднейшее время. Однако наши находки, видимо, можно отнести к наиболее ранним их образцам.

Золото. Золотые изделия из Шахристана представлены тремя перстнями, тремя обручевидными серьгами с граненым ромбическим утолщением на конце, двумя штампованными бляшками и монетами (из них две целых и семь лишь фрагменты). Все они входят в состав клада, обнаруженного на территории селения Нижний Шахристан (табл. XXII).[263] По определению Е. А. Давидович, первая целая монета (КП 326/1) чеканена в Бухаре в 656 г. х. (1258 г. н. э.), вторая целая (КП 326/2)—в Шафуркане в 657 г. х. (1258 г. н. э.) от имени великого монгольского хана Мункэ (1251—1259). На фрагментах двух монет (КП 326/3, 4) прочитаны имя и титул аббасидского халифа Насира (1180—1225) .

Особенно большой интерес представляют украшения, ибо мы еще очень мало знаем об этой области искусства Таджикистана в прошлом. Ювелирное дело народов Востока—это необычайно богатая, и в то же время «прихотливая» область декоративного искусства, которая тесно связана с многообразием национальных костюмов и обычаев, охватывает множество различных материалов и технических приемов художественной обработки их и имеет свои закономерности смены стилей обусловленные спецификой художественных идеалов различных культур и эпох. Если ювелирное искусство стран Европы в значительной мере изучено—известны его основные художественные школы и локальные варианты, ясна общая картина развития на протяжении его многовековой истории и т. д.,—то в отношении ювелирного искусства народов Передней и Средней Азии, не менее многообразного и, по-видимому, еще более древнего, приходится констатировать противоположное: здесь исследованы лишь отдельные, главным образом локальные явления. Они представляются лишь фрагментами того весьма сложного целого, которое предстоит восстановить для полного и правильного понимания художественного творчества народов Востока. Рассматриваемые здесь находки являются именно одним из таких фрагментов—важным в силу того, что мы имеем определенные основы для датировки. Хотя все они входят в состав одного клада стилистические признаки, декоративные элементы и технические приемы исполнения различны, что говорит против возможности видеть здесь продукцию одной ювелирной мастерской. Кроме того, вполне вероятна и их относительная разновременность.

Рассмотрим подробнее отдельные предметы. Серьги (КП 520/4) имеют вид овальных незамкнутых обручей с многогранной головкой—утолщением на одном конце; второй конец тонкий почти заостренный, им серьга продевалась в прокол уха. В противолежащей головке части обруча имеется незначительный изгиб, вероятно, сделанный для того, чтобы серьги держались всегда в одном и том же положении. Такой весьма своеобразный тип серьги в известных нам публикациях украшений Вос-

---

[263] Монеты определены и опубликованы Е. А. Давидович (Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г., стр. 158, 159), а остальные предметы клада—Э. В. Кильчевской, Н. Н. Негматовым. Далее, до стр. 186 текст написан Э. В. Кильчевской и Н Н. Негматовым.

тока не встречается; однако аналогией им могут рассматриваться довольно часто встречаемые на Кавказе обручи—браслеты с таким же многогранным утолщением посередине и очень близкая по форме, но более массивная бронзовая серьга. Эти бронзовые браслеты характерны для горного Кавказа рубежа нашей эры, серьги же—для VII—VIII вв. н. э.; выполнялись они техникой литья с последующей зачисткой. Последнее также является моментом подкрепляющим возможность сопоставления.

В пользу изготовления серег в технике литья говорят некоторые детали обработки и отделки граненого утолщения, в частности наличие в отдельных местах по краям граней заплывов металла, образовавшихся при отливке, плохая зачистка в ряде случаев ромбических граней и их поверхностей. На боковых гранях двух серег, например, видны незачищенные полоски-желобки, являющиеся следами разъемной формы. По-видимому, отделка производилась не очень тщательно и снимался лишь незначительный слой самых заметных шероховатостей. Возможно, что обруч после отливки дополнительно подковывался или зачищался; однако очевидно, что серьга отливалась целиком, возможно даже в закругленном виде.

Две серьги имеют близкую вытянутую форму, но третья заметно более округлую; не совпадает у них и форма граней, так же как размер самих граненых утолщений, неодинакова общая длина и толщина обручей. Это позволяет считать, что все они происходят от разных комплектов и, очевидно, отливались не в одной и той же форме. В этом случае мы имеем свидетельство наличия нескольких сходных литейных форм в одной мастерской либо указание на производство почти одинаковых изделий несколькими мастерскими.

Для характеристики ювелирного искусства Шахристана, особый интерес представляют перстни (КП 520/1—3, табл. XXII), составляющие основную ценность клада. Это довольно массивные на вид, но сравнительно легкие (полые внутри) золотые перстни с большими каменными вставками и рельефными, сильно выступающими орнаментальными деталями; два из них имеют конусообразную, сужающуюся кверху форму каста, завершенную округлой, слегка выступающей поверхностью камня.

В одном (КП 520/1) вставлена бирюза естественной неправильной формы и не очень хорошего качества, причем неправильную форму камня повторяет верхний край оправы. Во втором перстне (КП 520/3) камень не сохранился, однако по верхнему краю каста видно, что он также имел неправильную округлую форму.[264] Наклон конуса каста этого перстня из-за меньшего размера несохранившегося камня более значителен, чем у первого. Закрепление камней произведено при помощи четырех длинных закругленных наверху пластинок-лапок из листового золота (того же сечения, что и другие детали кольца), напаянных по всей высоте конусообразного ката от самого его основания. В нижней части эти лапки закрыты припаянными рельефными медальонами, имеющими узорный контур и украшенными плетенкой. Эти детали создают довольно выразительный скульптурнопластический декор. Медальоны и их рельефный узор выполнялись техникой штампа, что видно по отделке и округлой, но довольно четкой трактовке деталей плетенки. Возможно, однако, что иногда для поправки деталей производилась очень незначительная подчеканка на лицевой стороне рельефа. Пайка медальонов и отдельных частей каста производилась очень тщательно. Подоб-

---

[264] Найденные отдельно два бирюзовых камня несколько меньшего размера, чем отверстие верхнего края каста рассматриваемого перстня, поэтому принадлежали другим, несохранившимся изделиям.

ный прием создания скульптурной формы, известный еще в некоторых сасанидских серебряных блюдах, где отдельные детали высокого рельефа были тоже напайными,[265] говорит о довольно высоком уровне мастерства изготовителей и об устойчивости ряда традиционных технико-декоративных и выразительных средств торевтики на Востоке. Общее пластически-узорное решение формы рассматриваемых перстней еще больше обогащалось введением гравированных узоров, размещенных между рельефными деталями каста. В обоих круглых перстнях гравированные растительные узоры в виде свободно, ассиметрично брошенной веточки заключались в треугольники, служащиеся к нижнему краю каста. Верхняя линия треугольной рамки проходила по краю оправы и занимала весь отрезок между рельефно выступающими лапками крепления. У третьего перстня, имеющего прямоугольную форму каста в соответствии с формой камня (алмандина), уже нет той функциональной оправданности решения всех пластических деталей, как у двух круглых. Здесь полоски крепления помещены по углам прямоугольного каста, а рельефные узорные медальоны между ними имеют уже чисто декоративное значение. Они лишь общей пластикой форм создают ощущение органического единства всего решения предмета. Гравированный орнамент на этом перстне также размещен иначе: здесь узоры заполняют свободные треугольные плоскости между полосками крепления и выступающими вверх рельефными медальонами.

Несмотря на отмеченные различия все три перстня характеризуются одним стилем общего декоративного решения и единством приемов выполнения: их следует считать произведениями одной школы ювелирного искусства, для которой, очевидно, специфично использование сочетания рельефных узоров типа плетенки с пышным растительным орнаментом, выполненными гравировкой. Оба эти элемента, как известно, весьма характерны для средневековья. О принадлежности рассматриваемых перстней к произведениям одной школы свидетельствуют и некоторые детали. Так, весьма характерная рельефная деталь нижней части обруча кольца в виде напаянного плоского кружочка с шариком поверх него, а также гравированные по сторонам несложные геометрической формы штрихи настолько близки на всех трех перстнях (особенно на двух крупных), что это дает право предполагать изготовление их в одном центре ювелирного производства. Нельзя не обратить внимания и на то, что общий характер плетеных узоров в рельефных медальонах и растительный гравированный орнамент, да и приемы их композиционного построения, имеют много общего с архитектурным орнаментом средневековья, и особенно VI — VII вв. Орнаментальные рельефные плетенки медальонов и гравированные растительные завитки узора между ними—излюбленный, очень распространенный мотив в памятниках резьбы по ганчу (Варахша, Афрасиаб, Хульбук), по дереву (Пенджикент, Фальгар, Старая Матча, колонны Хивинской мечети Джума). Несколько реже они встречаются на резной неполивной и поливной терракоте, например, на фрагменте портала мавзолея Ибрагима ибн Хасана из Самаркандского музея, на щеке арки мечети Намозгох в Бухаре (XII в.), причем в последнем случае мы имеем почти точную копию рельефной плетенки. Тоже можно встретить на керамических очажках X—XII вв., на керамических неполивных облицовочных плитках XII—начала XIII вв., например, на таковых из Ахсы-

[265] См., например, И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 3, 5, 6, 8.

кета.[266] В то же время более тщательное рассмотрение деталей дает основание предполагать наличие здесь продукции двух разных мастерских. Большой круглый перстень с бирюзой и перстень прямоугольной формы с альмандином выполнены в одной манере, а их рельефные узоры одним штампом. Это видно и по характеру пышного растительного орнамента и по приемам гравировки его красивых округлых форм, смелых и уверенных по линиям. О несомненном стилистическом единстве этих двух перстней говорят и штампованные медальоны с весьма выразительными заплетенными узорами внутри. Все они по орнаменту и четкости проработки форм, упругости и отчеканенности линий, одинаковы. Можно говорить даже о выполнении их одними и теми же штампами. Третий перстень (без камня), при том же общем стиле и решении рельефных штампованных узоров, отличается иным уровнем мастерства выполнения и иным почерком гравированных орнаментов. Наряду с одинаковым общим силуэтом узора штампованных рельефных медальонов, плетеный орнамент и детали решения совершенно иные. Линии его на этом перстне более запутаны, менее четки по прорисовке, их ритм не столь ясен и логичен. Это говорит о том, что выполнены они уже другими штампами, вырезанными другим мастером, не столь совершенно владевшим техникой резьбы и не так тонко и искусно выполнявшим те же в основе и, по-видимому, глубоко традиционные орнаментальные формы.

Особенно обращает на себя внимание грубо и небрежно сделанная гравировка растительных форм узора, которые едва угадываются за весьма хаотическими, часто не по форме орнамента лежащими штрихами. Мастер часто применяет условно-геометрические штрихи, в виде параллельных нарезок, создающих уже совершенно иной ритмический строй узора. Кроме того, для большего выявления гравированных узоров и подчеркивания их декоративной звучности первый мастер, руке которого принадлежат два перстня с сохранившимися камнями, применяет черную пасту, втертую в глубокие нарезки узоров. Второй же мастер этим весьма выразительным и эффективным декоративным средством не пользуется, что понятно, ибо черная паста, втертая в гравированные линии, только подчеркивала бы небрежность выполнения гравировки. Вместо этого он прибегает к игре неясного мерцания порезок, используя тот же прием гравировки уже для создания иного декоративного эффекта.

Мы не имеем пока сколько-нибудь близких аналогий рассмотренным перстням, но можно надеяться, что по мере дальнейшего изучения ремесленного производства и накопления памятников ювелирного дела эпохи средневековья они появятся. Иные вопросы ставит перед нами третья группа предметов клада. Это крупные штампованные из тонкого листового золота бляшки (табл. XXII внизу) типа нашивных, широко применявшихся для украшения одежды у большинства кочевых народов Востока (Средней Азии и Кавказа). Характерный рогообразный узор дает основания предполагать связь их с тюркскими художественными традициями. Однако здесь имеется одно важное различие: у обычных нашивных бляшек, как правило, для прикрепления их к одежде делались маленькие едва заметные (просеченные) отверстия у краев, в данном же случае мы имеем припаянные сверху ушки, довольно значительного диаметра, предназначенные, очевидно, не для прикрепления их к одежде. Подобное дополнение, видимо, обусловлено иным применением данных бляшек. Значительная ширина отверстия напаянного ушка, его ориентация вдоль

---

[266] См. *Л.* И. Р е м п е л ь. Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теории построения. Ташкент, 1961, рис. 28, *4*; 33, *1*; 46, *1*; 50, *13*; 54, *31*; 56, *2—4*; 57, *1* и *3*; 58; *60*; 62, *1*; 70; 71, *2*; 76; 88, *1*; 113, *3*; 119 *1*.

плоскости бляшки, и, наконец, подчеркнутость нижней части в виде совсем небольшого выступа-трехугольника — все это дает основание предполагать, что набор данных бляшек, нанизанных на толстую нить или шнур, скорее всего, мог служить своеобразным ожерельем. Декоративная выразительность нашивных бляшек одежды тюркских народов в данном случае была использована для создания иного украшения. Такое активное претворение весьма традиционной и широко распространенной формы, надо полагать, могло произойти уже как результат взаимодействия культур тюркоязычных и ираноязычных народов Средней Азии. Следовательно, здесь можно предполагать либо их широкое ремесленное производство тюркскими народами для массового сбыта в городах, либо активное, творческое восприятие местными ювелирами наиболее характерных и в художественном отношении и наиболее выразительных форм этого искусства соседних тюркских народов.[267]

Рассмотренные золотые ювелирные изделия, видимо, являются продукцией местного производства. Заметим, что клад не единственный случай находки предметов из золота в Шахристане. Еще в конце прошлого столетия побывавший там П. С. Скварский отмечал, что «...по слухам два мальчика на пашне по левую сторону речки (т. е. именно в районе находок наших золотых изделий—*Н. Н.*) выпахали золотой чайник, но куда он исчез—неизвестно. Несколько лет тому назад туземец из Шахристана продавал золотую лягушку, служившую подвеской, как украшение; находили там и золотые монеты».[268] В 1957 г. в Шахристане случайно была обнаружена и передана нам золотая караханидская монета XII в., чеканенная от имени главы среднеазиатских Караханидов Ибрахима Арслан хакана (КП 328/17).[269]

Время, в которое был зарыт клад, определяется входящими в его состав монетами 1258—1259 гг. Выше отмечалось, что по общим стилистическим признакам, декоративным и техническим приемам золотые изделия не составляют единую группу и не могут рассматриваться как продукция одной ювелирной мастерской. В этом отношении, прежде всего, следует выделить две золотые бляшки с чертами, несколько тяготеющими к тюркской художественной среде. Серьги и перстни смело можно отнести к изделиям местной, таджикской культурной среды. В числе последних как будто выделяется продукция разных мастерских (или мастеров), возможно, несколько различная и по времени. Относительно наиболее ранним в составе клада представляются золотые серьги; перстни же мы склонны датировать временем монет, т. е. XIII в.

3. ДРУГИЕ НАХОДКИ

Кроме находок керамических и металлических изделий, из публикуемых памятников происходит и некоторое количество предметов из стекла, камня, кости, кожи и пр.

Стекло. *Оно представлено сравнительно небольшим количеством* фрагментов сосудов. Из шурфа № 1 на Калаи Кахкаха III происходит ручка и фрагменты стенок стеклянных сосудов, а также неопределенный обломок стекла зеленого цвета, орнаментированный рельефным узором

---

[267] Орнаментация рассматриваемых здесь бляшек и вопрос об их назначении (а может быть, точнее, использовании) заслуживают более детального рассмотрения с привлечением широкого круга аналогий. В силу этого данное заключение автора следует рассматривать как предварительное (примеч. ред.).

[268] П. С. Скварский. Ук. раб., стр. 44.

[269] Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г., стр. 158 (№ 12).

в виде треугольников (КП 492/29, 57). Но наиболее интересны два обломка одного кубковидного светло-фиолетового бокала конической, постепенно суживающейся к основанию формы с полым кольцевым поддоном и с прямыми, чуть расширенными кверху стенками, завершающимися утолщенным краем (КП 492/31, 49). Данные фрагменты происходят из яруса VIII указанного шурфа и датируется не позже X в. Сосуд был очень хорошей тонкой работы и, несомненно, позволяет судить о высоком уровне стеклоделия. Он очень близок по форме к сосудам типа 10 по классификации стекла Средней Азии IX—начала XIII вв., данной недавно А. А. Абдуразаковым, М. А. Безбородовым и Ю. А. Заднепровским.[270] Единственный такой кубок с кольцевым поддоном обнаружен в Хульбуке,[271] аналогичные кубки, но с плоским дном имеются с городища Новая Ниса,[272] Афрасиаба[273] и в собраниях Самаркандского музея.[274] Из Калаи Кахкаха I и II происходит ряд мелких стеклянных фрагментов синего, зеленого, желтоватого цветов, по которым представить форму сосудов невозможно. Среди них имеется конусообразное донце небольшого сосудика из верхнего яруса юго-западного здания Калаи Кахкаха I (КП 269/134). Четыре стеклянных бусинки происходят из состава уже отмеченного клада 1957 г. из с. Нижний Шахристан (КП 520/6). Они сделаны из пористой стеклянной массы мутно-бордового цвета, имеют круглую уплощенную форму (вес двух из них по 40 мг, третьей—100 мг, четвертый—120 мг).

Кроме немногочисленных образцов из раскопок и случайных находок недавнего времени, имеется ряд сведений и о ранее сделанных находках. Хотя о судьбе самих предметов данных нет, некоторые из них кратко описаны в литературе. Мы имеем в виду прежде всего отмеченную В. В. Бартольдом стеклянную бутылочку с изображением грифов и куропаток,[275] описанную П. С. Скварским несколько более подробно: «Сосуд отличается изящной формой и сделан из тонкого стекла. Изображения птиц на нем очень ясны: внизу два улара,[276] а вверху два кеклика,[277] их можно отличить безошибочно».[278] По мнению В. В. Бартольда, данный сосуд относится, вероятно, к домусульманскому времени.[279]

При раскопках в Шахристане (видимо, на Калаи Кахкаха I) были найдены два хорошо сохранившихся стеклянных графина оригинальной формы. К сожалению, подробного описания не было сделано, и дальнейшая судьба этих замечательных предметов неизвестна. Кроме того, часто сообщается о находках в Шахристане «многих черепков стеклянной

---

[270] А. А. Абдуразаков, М. А. Безбородов, Ю. А. Заднепровский. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье, Ташкент, 1963, стр. 117, рис. 11, тип. 10.

[271] Э. Гулямова. Стекло с городища Хульбук. Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, вып. 1 (24), Душанбе, 1961, стр. 13, рис. 2, *1*.

[272] Е. А. Давидович предполагает наличие такой формы бокалов в Новой Нисе. См. ее «Стекло из Нисы», Тр. Южно-Туркм. археол. компл. эксп., т. 1, Ашхабад, 1949, 378 — 379.

[273] В. Л. Вяткин. Афрасиаб—городище былого Самарканда. Самарканд—Ташкент, 1926, стр. 64, табл. IX.

[274] См. А. А. Абдуразаков, М. А. Безбородов, Ю. А. Заднепровский. Стеклоделие Средней Азии..., рис. 13 (16).

[275] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг., стр. 76.

[276] Большая горная куропатка, распространенная до Гималаев (примеч. П. С. Скварского).

[277] Красная куропатка (примеч. его же).

[278] П. С. Скварский. Несколько слов о древностях Шахристана, стр. 43

[279] В. В. Бартольд. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии, «Средаз. вестн.», 1896, июнь, стр. 15.

посуды, преимущественно зеленого цвета, большей частью донышки графинов» и «бусы из зеленого стекла»,[280] «осколков стекла»,[281] обломки красивых стеклянных сосудов с изображением птиц».[282]

Камень. Предметы из камня хозяйственного назначения представлены рядом находок: 1) два обломка от верхнего камня небольших зернотерок из песчаника (КП 207/2248) с ровной горизонтальной отшлифованной рабочей поверхностью и полуовальной обратной стороной (ширина их 15 см); 2) круглый камень весом 457 г (гиря?) с несколько уплощенной стороной (для устойчивого положения?) и небольшой выемкой на боковой части (КП 492/62, из шурфа на Калаи Кахкаха III); 3) небольшое каменное точило (табл. XXV, *8*) ножевидной формы с обломанным концом (длина 8 см, ширина 15—23 мм) (КП 492/19, из шурфа на Калаи Кахкаха III); 4) миниатюрное каменное пряслице (диаметр 19 мм) с круглым отверстием (диаметр 6 мм) (КП 207/2285, табл. XXV, *7*); 5) плоская каменная крышка (диаметр 3 см), прикрывавшая маленький широкогорлый сосудик (КП 269/300, из пандуса замка на Калаи Кахкаха II).

Другую группу каменных изделий составляют украшения. Они представлены большим количеством находок. На полу второго жилого горизонта помещения № 4 юго-западного здания на Калаи Кахкаха I найдена шарообразная, гладко обработанная крупная бусина из белого мрамора с небрежно просверленным отверстием (КП 317/6859, табл. XXV, *2*).[283] Там же в натечных слоях первого жилого горизонта обнаружена крупная шаровидная пронизь (КП 317/686, табл. XXV, *9*) из тонкозернистого песчаника с граненой, покрытой щелочной глазурью поверхностью и с отлично просверленным отверстием (диаметр прониза 22 мм, отверстия 9,5 мм). Прием покрытия камня глазурью—один из древних приемов обработки камня. Так, например, бусы и подвески из горного хрусталя со следами окраски голубой и зеленой глазурью обнаруживались в Месопотамии, на Южном и Северном Кавказе еще в погребениях III—II тыс. до н. э. Множество таких изделий появлялось и на средневековом Востоке. Известный советский минералог Г. Г. Леммлейн центром их производства в средние века предположительно считал Северный Иран (Рей) и Среднюю Азию.[284] В этом аспекте и наша находка приобретает немаловажное значение. Имеются и полудрагоценные камни—в составе уже упоминавшегося клада 1957 г. из селения Нижний Шахристан (табл. XXII):[285] два из них в оправе золотых перстней и два небольших бирюзовых камня неправильной формы.[286] Вес двух последних камней (КП 520/7) равен 500 и 350 мг. Оба вставленные в перстни камня довольно большие по размерам. В одном перстне (КП 520/1) вставлена бирюза естественной неправильной формы. Отмеченные два небольших бирюзовых камня, видимо, также являются вставками не дошедших до нас перстней. Все три бирюзовых камня не очень хо-

---

[280] П. С. Скварский. Несколько слов о древностях Шахристана, стр. 43—44.

[281] И. А. Кастанье. Ук. раб., стр. 43.

[282] Н. Г. Маллицкий. Учебное пособие по географии Таджикистана (курс родиноведения), стр. 119.

[283] По определению геолога М. М. Кухтикова, это раковина брюхоногого моллюска (гастропода), сложенная карбонатом (кальцит или арагонит), а минералолога В. В. Могоровского, это арагонит $CaCO_3$ (разновидность кальцита) (Таджикский геологический ин-т Гос. геол. комитета СССР).

[284] Г. Г. Леммлейн. Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни. В кн. Абу-р-Райхан ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия), Изд. АН СССР, 1963, стр. 378.

[285] Э. В. Кильчевская и Н. Негматов Ук. раб.

[286] Камни определены проф. Ф. Я. Мишуковым.

рошего качества, утратили от времени свой обычный цвет и приобрели тусклый зеленоватый оттенок. Ближайшими к Шахристану месторождениями бирюзы были: Ходжентско-Илакское в долине р. Охангарон (к северу от Ленинабада), Ферганское—в округе Верхняя Неся и Верхнезеравшанское—в уструшанском округе Буттам.

В другом перстне (КП 520/2) с прямоугольной формой каста помещен камень, по определению проф. Ф. Я. Мишукова, альмандин или гранат. Камень вишнево-красного цвета, грани и полировка верхней выпуклой поверхности его от времени стерлись, что свидетельствует о давности изготовления перстня и долгом его бытования. Альмандин—минерал из группы железистоглиноземистых (железисто-алюминиевых) гранатов, имеет преимущественно форму ромбического додекаэдра, прозрачен или просвечивает, окраска его вишнево-красная, кроваво-красная, красно-фиолетовая или густо-красная, частично с голубоватым оттенком, имеет стеклянный блеск. Альмандин—характерный минерал некоторых метаморфических и кристаллических пород (гранатовых амфиболитов, хлоритовых и слюдяных сланцев, гнейсов и пр.).[287] Встречается альмандин также в изверженных породах, пегматитовых жилах, а также в россыпях. Находки альмандина известны в «Изумрудных копях» Урала, в районах Борщовского кряжа Забайкалья и Большого Пита на Енисее, в Олекминской горной системе Якутии и в самой Средней Азии—горах Шейх Джейли на Султан-уиз-даге.[288] Лучшие разновидности прозрачных альмандинов употребляются в ювелирных изделиях в качестве драгоценного и полудрагоценного камня и иногда называются рубинами. Драгоценные виды альмандина встречаются на Цейлоне, в Индии, Бразилии, Гренландии и др.[289] В районе Шахристана, в предгорьях Туркестанского хребта, ближайших окрестностях наших археологических памятников, очень часты выходы сланцевых пород, может быть и слюдяных сланцев, по-видимому, не лишенных пегматитовых жил. Не исключено, что альмандин нашего перстня происходит из этого же района и в этом разрезе, видимо, было бы интересно провести геологические поиски.

В числе предметов, составляющих клад (табл. XXII), имеется шестигранная сердоликовая буса, 99 речных жемчужин шаровидной, подтреугольной, биконической и в основном неправильной формы и девять коралловых подвесок, характеристика которых приведена в таблице А.

Кожа. Представлена двумя находками из замка. Первая сделана на поверхности суфы жилого помещения № 6 среднего яруса. Это остатки обгорелой кожаной обуви, скорее всего головка ичигов с хорошо сохранившимся обводным рядом мелких отверстий для обшивки головки с подошвой. Размер сохранившейся части 33×17 см (рис. 31). Такие сапоговидные ичиги, очень распространенный вид таджикской обуви, встречаются вплоть до новейшего времени. Они очень мягки и поэтому удобны для носки как мужчин, так и женщин. Поверх них надевался дополнительно кафш, а в наше время—галоши. Вторая находка—лишь небольшие фрагменты полусгнившей кожи с одним обрезанным краем неопределенного назначения—была обнаружена в юго-западном помещении № 8 того же среднего яруса.

Керамические прясла. Этот вид изделий из публикуемых памятников представлен четырьмя находками. Первый из них (половинка)—круп-

---

[287] А. Е. Ферсман. Драгоценные и цветные камни СССР, т. 2, Месторождения, Л., 1925, стр. 6, 8—9.

[288] Там же, стр. 50, 205, 256—257, 297, 349, 352.

[289] См., например, БСЭ, т. 2, изд. II, стр. 174; также т. 12, стр. 440. О роли альмандина в поделочных работах см. E. Basserman-Jordan, Der Schmuck, Leipzig, 1909.

ного размера (диаметр 65 мм), изготовлен непосредственно из красноватого оттенка глины хорошего помола и равномерно обожжен (КП 207/2257, табл. XXV, *4*). Он найден в замке на Калаи Кахкаха II. Осталь-

Таблица А

№ п.п.	Вес в *мг*	Длина в *мм*	Диаметр в *мм*	Форма или сечение	Положение отверстия
1	140	9	3	Круглая в диаметре	Продольное
2	140	8	3	» » »	»
3	200	8	2,5—4,5	Овальная в диаметре	»
4	200	10	2,5—3,5	Неправильная, обточена по сторонам отверстия	Поперечное
5	250	6	4—4,5	Округлая в диаметре	Поперечное
6	270	15,5	2—2,5	Неправильная, обточена по сторонам отверстия	Продольное
7	370	17	2,5—5	В виде «сапожка» с бороздками на «голенище» и на правой стороне «головки»	»
8	450	6	4,5—7	Неправильная	Продольное
9	470	10	4,5—5	Округлая	»

ные прясла вырезаны довольно небрежно из керамических обломков: один из донышка покрытого изнутри зеленой поливой сосуда, по размерам значительный (диаметр 48 мм), происходит из шурфа № 1 на Калаи Кахкаха III (КП 492/46, табл. XXV, *3*); второй меньше по размерам (диаметр 34 мм), обнаружен в замке, сильно закопчен во время пожара здания (КП 207/2296; табл. XXV, *1*), а последний, найденный в том же замке в слое пахсы платформы верхнего центрального помещения, еще меньше (диаметр 25 мм), но несколько лучшей выделки (КП 427/779а, табл. XXV, *6*).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЛОКАЛИЗАЦИЯ СТОЛИЦЫ УСТРУШАНЫ ГОРОДА БУНДЖИКАТА

Результаты весьмилетних археологических работ на территории Уструшаны позволяют теперь в основном решить один из важных вопросов истории этой области, а именно вопрос о локализации ее столицы—города Бунджиката. В ранее опубликованной книге нами были суммированы сведения средневековых авторов о Бунджикате и изложены точки зрения различных авторов о его местонахождении.[290] Их две: одни исследователи (В. Томашек, С. Биль, И. А. Хастанье, С. Айни, В. Чейлытко, Е. Херцфельд) помещают его в Ура-Тюбе, другие (В. В. Бартольд, И. Крамерс, А. А. Семенов, А. Е. Маджи, Б. Г. Гафуров)—в Шахристане. Мы тогда считали более вероятным первую точку зрения и пытались дополнительно обосновать это на базе данных письменных источников и некоторых других соображений. Из всех исследователей только академик В. В. Бартольд обосновывал свою локализацию Бунджиката не только данными письменных источников, но и наличием в Шахристане развалин значительного городского центра. Мы исходили из того, что и в Ура-Тюбе имеются остатки большого древнего города с мощной крупной цитаделью. Кроме того, в пользу Ура-Тюбе как будто говорили расстояния дорожников арабоязычных географов, тот факт, что именно г. Ура-Тюбе до недавнего времени сохранил название области в форме Истаравшан, ряд объясняющих возникновение этого названия народных преданий, удобное географическое месторасположение Ура-Тюбе, его роль как экономического центра района у северных отрогов Туркестанского хребта, чего казалось никак нельзя было сказать о географическом и экономическом положении Шахристана на протяжении последних семи—шести столетий.[291] Однако тогда ни тот, ни другой пункт не был археологически изучен, а один лишь внешний вид развалин и некоторое количество случайных находок не могли, конечно, служить прочной основой для решения вопроса. Последнее слово оставалось за результатами археологических работ.

Прежде чем остановиться на выводах, которые позволяет сделать археологическое изучение Ура-Тюбе и Шахристана, целесообразно дать описание города Бунджиката, составленное по дошедшим до нас сведениям арабоязычных авторов IX—XII вв.[292]

Бунджикат, по сведениям ал-Истахри, Ибн Хаукаля, ал-Мукаддаси и Якута, в IX—X вв. был большим, известным городом с обильной водой, с прекрасными садами, окружавшими дома; город был расположен на прекрасной, приятной, по выражению географов, местности. Он был густо населен, население этнически было однородно. Бунджикат описы-

---

[290] Н. Негматов, Усрушана в древности..., стр. 30—34.

[291] Подробнее обо всех этих соображениях см. Н. Негматов. Усрушана в древности..., стр. 31—32.

[292] Там же, стр. 33—34; там же ссылки на источники.

вается как состоящий из шахристана (собственно город), кухендиза (старая крепость—цитадель) и рабада. Шахристан города был обнесен особой стеной и имел двое ворот—Верхние и Городские; в нем помещалась соборная мечеть. Мимо него протекал главный ручей Сарин, на котором стояла мельница. Шахристан (мадина) Бунджиката, по данным Якута и ал-Белазури, имел свое название—Кунб. Кухендиз, по ал-Мукаддаси, находился вне шахристана, но, по Ибн Хаукалю, составлял часть его. В кухендизе помещалась тюрьма.

Рабад был окружен отдельной стеной и имел четверо ворот: Зааминские, Марсмандийские, Нуджкатские и Кехлябадские. Длина каждой из сторон стен рабада равнялась приблизительно одному фарсаху (6—8 км). В рабаде, в квартале Амира, помещался дворец правителя, имелась также третья ограда—вал, окружавший шахристан, рабад и кухендиз. Эта же ограда включала в себя пригородные дворцы, дома, кешки, сады, виноградники и огороды. За этой оградой начинался одноименный со столицей рустак.

Здания города были построены из глины и дерева. В конце IX—X вв. в городе, согласно Ибн Хаукалю и ал-Истахри-Якуту, было 20 (или 10) тысяч жителей мужского пола. Город снабжался водой из шести ручьев, по ал-Мукаддаси, искусственно вырытых каналов,— кроме уже упомянутого самого большого ручья Сарина. Они имели общий исток на расстоянии полфарсаха (3—4 км) от города.

Каковы бы ни были весьма вероятные неточности в описаниях упомянутых авторов, перед нами встает облик большого города со сложной структурой. Достаточно определенно указано и время наиболее интенсивной его жизни. За последние годы не только в Шахристане, но и в Ура-Тюбе проведены довольно значительные разведочные и раскопочные работы. Размах их конечно еще недостаточен для окончательных решений, однако некоторые выводы по ним уже можно сделать. Как показали исследования,[293] наиболее мощные культурные пласты городища Муг-Тепа (цитадель Ура-Тюбе) относятся к античному и позднесредневековому периодам. Несмотря на закладку двух шурфов и двух значительных по площади раскопов на этом сравнительно небольшом городище и притом в разных его местах, лишь в последних прослежены остатки каких-то сырцовых сооружений из кирпича 48×26×10 см (в раскопе IV—остатки помещения) и обнаружена керамика, датируемая VII—VIII вв. Здесь нет как раз слоев того периода, на который падает расцвет Бунджиката, т. е. IX—XII вв. Стратиграфически следующий культурный слой на городище Муг-Тепа относится уже к XV—XVI вв.

В пределах самого города Ура-Тюбе по времени существования Бунджиката относятся лишь нижний слой шурфа № 6 в районе между городищем Муг-Тепа и возвышенностью Калламанора, могущий быть датированным к IX—X вв. Кроме того, следует упомянуть находку одного сосуда с эпиграфическим орнаментом XI—XII вв. Это пока все, что можно отнести к «бунджикатскому» периоду. Указанные археологические данные говорят о существовании на территории Ура-Тюбе какого-то поселения, но, по-видимому, небольшого. Как показывают все имеющиеся сей-

---

[293] О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г., стр. 207—215; В. А. Ранов и Е. Д. Салтовская. О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г. В кн.: «Археологические работы в Таджикистане», вып. 7 (1959 г.), Тр. Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР, т. 31, Душанбе, 1961, стр. 117—129; Н. Негматов, Е. Д. Салтовская. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1960 г. В кн. «Археологические работы в Таджикистане», вып. 8, Душанбе, 1962, стр. 71 — 77.

час археолого-архитектурные материалы[294] и как свидетельствуют данные письменных источников, период наибольшего подъема Ура-Тюбе относится к XIV—XV вв. и последующим столетиям. Возможность локализации Бунджиката, представляющего собой крупный и расчлененный на отдельные части город периода, охватывающего арабское нашествие и господства Саманидов и Караханидов, здесь, в Ура-Тюбе, археологически не подтверждается. Кроме того, как показали археологические разведки в окрестностях Ура-Тюбе (особенно территории западнее и севернее его), они не соответствуют тому дорожнику арабоязычных географов, который упоминался выше.

К другим выводам позволяют прийти результаты археологических исследований в Шахристане и Шахристанской котловине. Шахристанская котловина—это замкнутый со всех сторон (Туркестанским хребтом с юга, его отрогами с запада и невысокими глинисто-сланцевыми горообразованиями с севера и северо-востока) довольно орошенный и зеленый оазис, который снабжается водами главным образом одной довольно большой речки—Шахристан-Сая. Котловина связана с внешним миром через узкие горные проходы—ущелья с Саватско-Хавастской степью и Ура-Тюбинским плоскогорьем и через горные перевалы — с Верхним Зеравшаном. Шахристанская котловина очень богата археологическими памятниками. Это, главным образом, отдельно стоящие холмы, небольшие городища и следы былой оросительной сети. Группа наиболее мощных городищ и холмов сконцентрирована в районе селения Шахристан, раскинувшегося ныне по обеим берегам Шахристан-Сая, недалеко у выхода последнего из горного ущелья в равнинную часть котловины.

Как видно из истории изучения, после В. В. Бартольда, П. С. Скварского и И. А. Кастанье, памятники Шахристана были подвергнуты серьезному разведочному обследованию в 1949—1950 гг. Усрушанским отрядом. Однако стационарные систематические раскопки и разведки были развернуты там начиная с 1955 г. Теперь завершен первый этап изучения этих памятников: полностью разведочно обследованы вся котловина и прилегающие к ней ущелья, зафиксировано свыше ста памятников, выборочным раскопкам и изучению подвергнуты почти все памятники центральной группы городищ и холмов. Теперь как-то можно решить окончательно вопрос о локализации Бунджиката и в некоторой степени представить облик этого столичного города Уструшаны, уровень его материальной культуры и некоторые другие вопросы. Многие из этих вопросов уже рассматривались более или менее подробно в предыдущих главах.

В рассматриваемом плане первостепенное значение имеют три городища Калаи Кахкаха, представляющие собой остатки крупного трехчастного городского центра с обширными пригородами. Результаты исследования отдельных частей его, подробно освещенные в данной книге, подтверждают предложенную еще в 90-х годах XIX в. В. В. Бартольдом локализацию столицы Уструшаны города Бунджиката в районе селения Шахристан. Если сравнить приведенное выше сводное описание Бунджиката, составленное по данным письменных источников, с развалинами трех шахристанских городищ, с их месторасположением,

---

[294] Б. В. Веймарн. Мечеть Кок-Гумбез в Ура-Тюбе, Сообщ. Ин-та истории и теории архит. Академии архит. СССР, вып. 8, М., 1947; Н. Негматов. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1955 г., стр. 68—69; С. Г. Хмельницкий. Исследование архитектурных памятников Ура-Тюбе в 1959 г. В кн. «Археологические работы в Таджикистане», вып. 7, Тр. Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР, т. 31, Душанбе, 1961, стр. 130—142.

то можно констатировать достаточно близкое соответствие; различия имеются в отдельных деталях, что, видимо, объясняются неточностью информации арабоязычных географов. Далее—что особенно важно—здесь налицо и хронологическое совпадение—имеется в виду существования Бунджиката, устанавливаемое по сведениям арабоязычных географов и датировки всех трех городищ.

Что же касается вопроса об отождествлении отдельных частей Бурджиката с определенными городищами, то все данные говорят за нижеследующее. Кухендиз Бунджиката—это, несомненно, городище Калаи Кахкаха II. Эта крепость с его внутренним замком—дворцом и обширным двором возникла в VII—VIII вв. и была разрушена в начале IX в.; в IX—X вв., когда составлялись географические сочинения (наши первоисточники по Бунджикату), она уже лежала в развалинах, и, видимо, поэтому данная часть города была названа не просто диз-крепость, а кухендиз, т. е. старая крепость. В связи с вопросом о местонахождении кухендиза Бунджиката следует отметить неточность указания географов о том, что в нем помещалась тюрьма; последняя, как показывают некоторые наблюдения, очевидно, была в шахристане. Такая неточность не должна вызывать удивления, так как и относительно местонахождения самого кухендиза сведения у географов расходятся: так, ал-Мукаддаси считает, что кухендиз находился вне шахристана, в то время как, по Ибн Хаукалю, он составлял его часть. Прав в данном случае первый из этих авторов: городище Калаи Кахкаха II—кухендиз Бунджиката—расположено отдельно и окружено самостоятельными стенами.

Шахристан Бунджиката можно отождествить с рядом находящимся городищем Калаи Кахкаха I. Здесь данные письменных источников и археологических наблюдений полностью совпадают. Мнение о том, что городище Калаи Кахкаха I представляет не что иное, как именно городской шахристан, уже было высказано О. И. Смирновой в 1950 г. Она пишет: «По внешнему своему виду городище представляет собой остатки раннесредневекового города, обычно обозначаемого в источниках терминами «шахристан» или «мадинэ ад-дахилэ», т. е. внутренний город».[295]

Третью часть Бунджиката, а именно его рабад, мы склонны отождествить с остатками третьего городища, расположенного в самом селении Шахристан. Весь приведенный выше материал подтверждает, что здесь еще на рубеже средних веков появился населенный пункт, который постепенно превратился в составную часть образовавшегося крупного городского центра, в его торгово-ремесленное предместье, именуемое в источниках термином рабад. К X в. рабад был окружен особой стеной. Но городская жизнь здесь развивалась настолько интенсивно, что вскоре, в том же столетии и в следующий период, начали обстраиваться восточные и северные окрестности рабада. Об этом свидетельствуют и археологические находки, и сведения арабоязычных географов. Следует заметить, что из деталей, указываемых средневековыми авторами, археологически еще не удалось выявить остатков третьей ограды Бунджиката, якобы включающей все три части города, а также пригородные дворцы, дома и кешки. В ближайших окрестностях Шахристана сохранилось много одиночных и лежащих друг около друга тепе, возможно являющихся остатками этих сооружений. Наконец, заметим также, что согласуются с действительностью и указания географов о шести ручьях или каналах с общим истоком в полуфарсахе от города: действительно, на расстоянии около 3 км выше городищ от Шахристан-Сая ответвляется ряд и поныне действующих каналов.

[295] О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г., стр. 191.

Исключительно важны для уточнения локализации Бунджиката результаты археологического обследования горного ущелья Катта-Сая,[296] расположенного к северо-западу от Шахристана. По этому довольно узкому ущелью, начиная от входа из Саватской степи, до самого Шахристана тянется цепь бугров, представляющих собой остатки сторожевых укреплений; они расположены на изгибах ущелья с таким расчетом, чтобы были видны как предыдущий, так и последующие посты, что обеспечивало своевременную сигнализацию в случае появления со стороны Саватской равнины противника. Одновременно эти сторожевые укрепления, видимо, охраняли одну из средневековых дорог из Савата в Шахристан, пролегающую по этому ущелью. Географическое положение ущелья Катта-Сай, его природные условия, которые вряд ли существенно изменились в течение последнего тысячелетия, характер расположения селений по склонам гор и обнаруженные здесь археологические памятники—все это дает основание считать, что именно об этом ущелье идет речь у арабоязычных географов, описывающих дорогу из Савата к Бунджикату.

В пользу помещения столицы области в районе с. Шахристан говорит и другое наблюдение. Результаты археологических разведок показывают, что наибольшее скопление памятников приходится на окрестности этого селения в радиусе до 10—12 км. Как мы уже отмечали,[297] определенно бросается в глаза резкое сокращение количества памятников по мере выхода из Шахристанской котловины в любое направление—как в сторону Хавастской равнины, так и в окружающие котловину многочисленные предгорные ущелья. Увеличение количества памятников по мере приближения к Шахристану, видимо, не случайно, и его можно логично объяснить тяготением их к наиболее крупному, очевидно столичному центру, каковым является Бунджикат. В связи с этим следует обратить внимание и на наличие ряда укрепленных опорных пунктов, расположенных на видимом расстоянии, в стратегически выгодных местах (на гребнях горных выступов, вдоль Шахристан-Сая, у выходов горных ущелий). Три таких пункта караульно-жилого и замкового типа (Тирмизак-Тепа, Урта-Курган и Чил-Худжра) нами уже изучаются; расположены они к северо-западу и юго-западу от Шахристана. Такую же роль, видимо, играли скрытое в холме Чоршоха-Тепа сооружение (к северо-востоку от Шахристана) и Ситорак-Тепа, защищающее выход из ущелья Танги в котловину (другой конец этого ущелья выходит в Хавастскую равнину).

Таким образом, складывается впечатление, что шахристан был окружен цепью укрепленных форпостов—явление, которое не свойственно другим городским центрам Уструшаны. Заметим также, что расположение археологических объектов (главным образом остатков укрепленных замков) в пределах всей Шахристанской котловины позволяет говорить о наличии продуманной локальной фортификационной системы. Такая система, несомненно, предполагает наличие здесь наиболее важного стратегического центра и скорее всего столицы страны. Видимо, в этой стратегически надежной защите столичного района Уструшаны следует видеть одну из предпосылок политической самостоятельности Уструшаны в раннее средневековье, успешной полуторасотлетней борьбы этой страны против нашествия Арабского халифата и ее роли в политической жизни как Средней Азии, так и всего халифата.[298]

---

[296] Не смешивать с Ура-Тюбинским Катта-Саем.

[297] Н. Негматов. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1956 г., стр. 126.

[298] Н. Негматов. Усрушана в древности..., стр. 127—154.

Таким образом, мы имеем весьма веские исторические и археологические данные, говорящие в пользу локализации Бунджиката в Шахристане.

В результате археологических раскопок в настоящее время довольно определенно вырисовывается высокий уровень материальной культуры Бунджиката с его развитым зодчеством, характеризующимся различными конструктивно-планировочными решениями. Мы здесь имеем примеры зданий казарменно-жилого назначения с коридорно-гребенчатой планировкой, здания дворцового типа, гражданско-культовые ансамбли (еще неопубликованный комплекс Чиль-Духтарон). Налицо и выработанная мощная городская фортификация. В Шахристане зафиксированы остатки стенной росписи, в трех пунктах сохранились многочисленные обуглившиеся образцы резного дерева, некогда украшавшего колонны и потолки парадных залов и жилых помещений. Здесь же обнаружены явные следы первого для этого времени потолка с так называемым «дарбазным» («кассетным») перекрытием. Не менее блестяще представлены предметы прикладных художественных ремесел. Их образцы описывались уже выше: это превосходные стеклянные графины с изображениями куропаток, художественно оформленный поливной водолей в виде животного, целая коллекция бронзовых предметов, в том числе замечательное художественное блюдо и кувшины. Не хуже представлена и бытовая посуда, среди которой имеются хорошие образцы поливных чаш, блюд и блюдец и пр.[299] Не подлежит сомнению высокая художественность описанных золотых перстней и других предметов украшений шахристанского клада.

Словом, Бунджикат (Шахристан) выступает как развитый город с высоким уровнем материальной культуры. Судя по некоторым свидетельствам письменных источников и, особенно, археологическим материалам, в этом городе достиг высокого уровня развития ряд ремесел: металлическое (кузнечное, бронзово-литейное и пр.), ткацкое, керамическое, мукомольное, строительное, художественное (архитектурно-декоративное, художественная стенопись, резьба по дереву, чеканка по металлу и пр.). Совершенно очевидно, что не последнее место среди художественных ремесел занимало и ювелирное дело. Художественный и технологический анализ золотых, бронзовых и других изделий позволяет говорить о наличии в Бунджикате значительного и весьма развитого центра ювелирного производства и о деятельности во всяком случае нескольких мастерских, один из которых как-будто бы выявляется на Чил-Духтароне.

Все это в целом позволяет говорить о выявляющемся еще одном крупном центре древнетаджикской культуры, с его многогранной художественной и экономической традицией. В связи с этим возникает еще большая необходимость широких раскопочных работ в Бунджикате—Шахристане и его районе, с тем чтобы получить более полную характеристику средневековой культуры еще во многом загадочной Уструшаны.

ШАҲРИСТОНИ АСРИМИЁНАГӢ

(Маданияти моддии Истаравшан. Ҷузъи I)

Хулоса

Дар монография натиҷаҳои тадқиқотҳои даҳсолаи бостоншиносии се харобаҳои қалъаи Қаҳқаҳа, ки дар назди Шаҳристон (Тоҷикистони шимолӣ) ҷойгир аст, исҳор ёфтааст. Дар қисми аввал (бобҳои I—III)

[299] Часть из этих материалов, происходящих из Чил-Духтарона, не вошла в данную книгу по уже отмечавшейся причине.

ҳолати ёдгориҳо, кофтукови археологии онҳо, таърихи бино ва зиндагонӣ дар ҳар як объект аз рӯи натиҷаҳои тадқиқотҳо ва ғайра акс ёфта. мавқеъ ва аҳамияти ёдгориҳо дар қатори осорҳои дигари маданияти моддӣ нишон дода шудаанд.

Қисми дуйӯми асар (бобҳои IV—VII) экскурсҳои таърихӣ-маданиеро дарбар мегиранд, ки ба масъалаҳои санъати меъмории Шаҳристон, ёдгориҳои санъати тасвирии Қаҳқаҳа (кандакорӣ аз рӯи чӯб ва наққошӣ), бозьёфтҳои нафиси ҳунари бадеӣ (маснуоти заргарӣ, кӯзаҳои биринҷӣ ва ғайра) бахшида шудаанд.

Ҳамаи материали фаровони бостоншиносӣ имконият дод, ки масъалаи ҷойгиршавии пойтахти Истаравшани асрҳои миёна—шаҳри Бунҷикат ҳам битамом ҳал карда он ба вайронаҳои Қаҳқаҳа нисбат дода шавад. Бунҷикати истаравшанӣ дар натиҷаи кашфиётҳои ба даст овардашуда ҳамчун яке аз марказҳои қадими тамаддуни тоҷикон, ки анъанаҳои фаровони ҳаёти бадеӣ ва иқтисодӣ дошт намоён шуда истодааст. Вай ҳам дорои фортификацияи пуриқтидори шаҳрӣ, биноҳои гуногуни нақшавӣ-конструктивӣ пурра ҳал карда шуда, санъатҳои ҳаргунаи бадеӣ, ва ҳам соҳиби ҳаёти тараққикардаи иқтисодӣ ва сиёсӣ буд, ки дар ин бора ғайр аз бозьёфтҳои археологӣ, маълумотҳои хаттӣ ҳам қисман шаҳодат медиҳанд.

ТАБЛИЦЫ

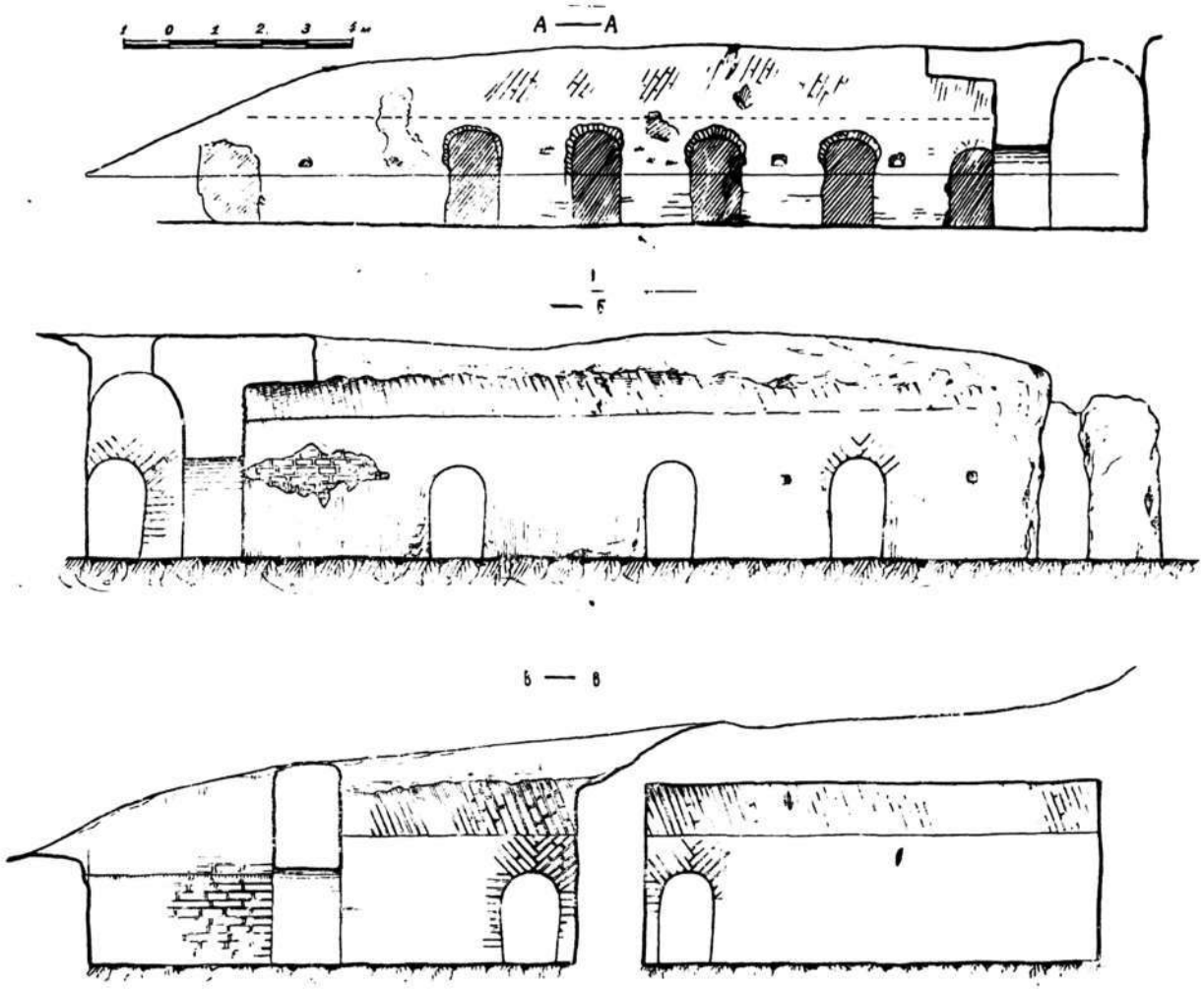

Таблица I. Городище Калаи Кахкаха I. Юго-западное здание. Нижний этаж. Разрезы.

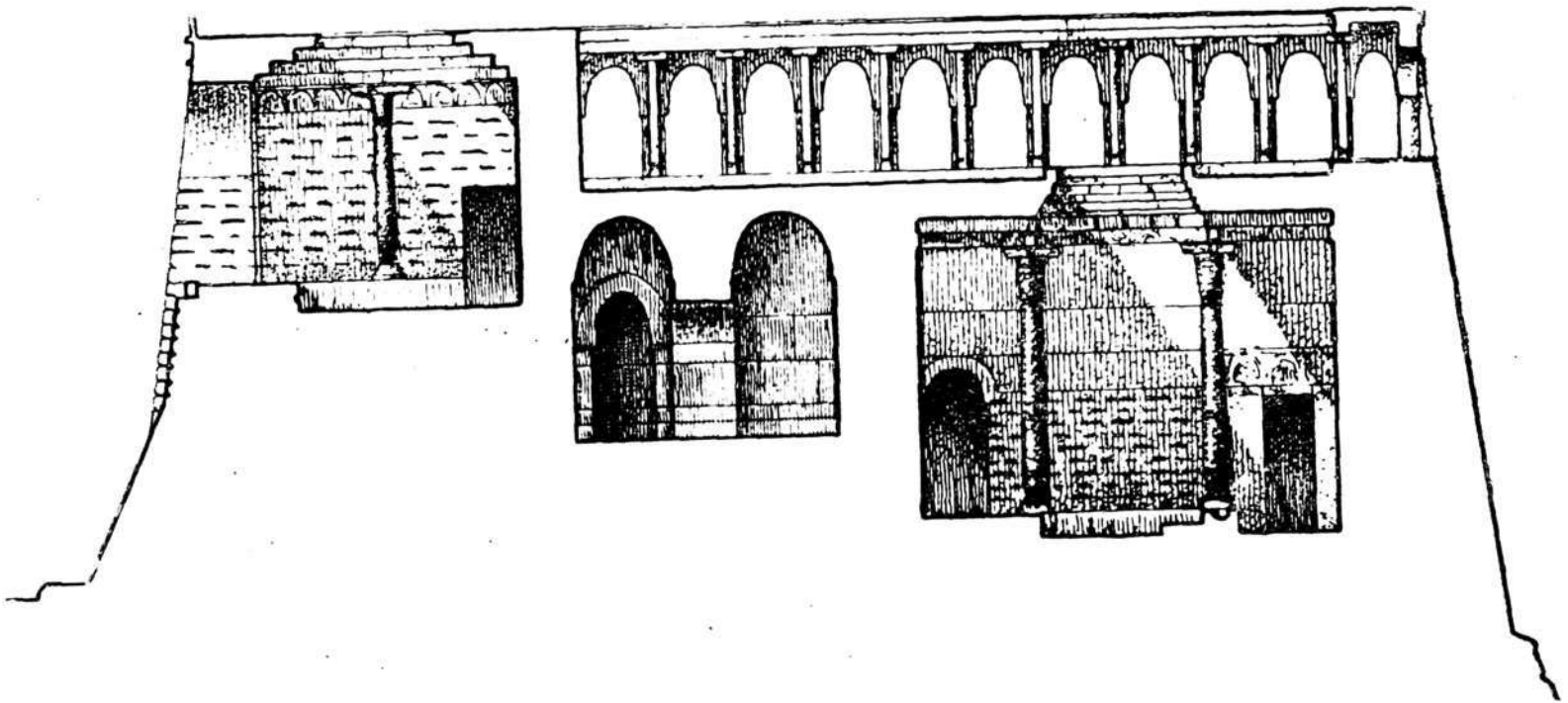

Таблица II. Городище Калан Кахкаха II. Замок. Разрез через три яруса. Реконструкция.

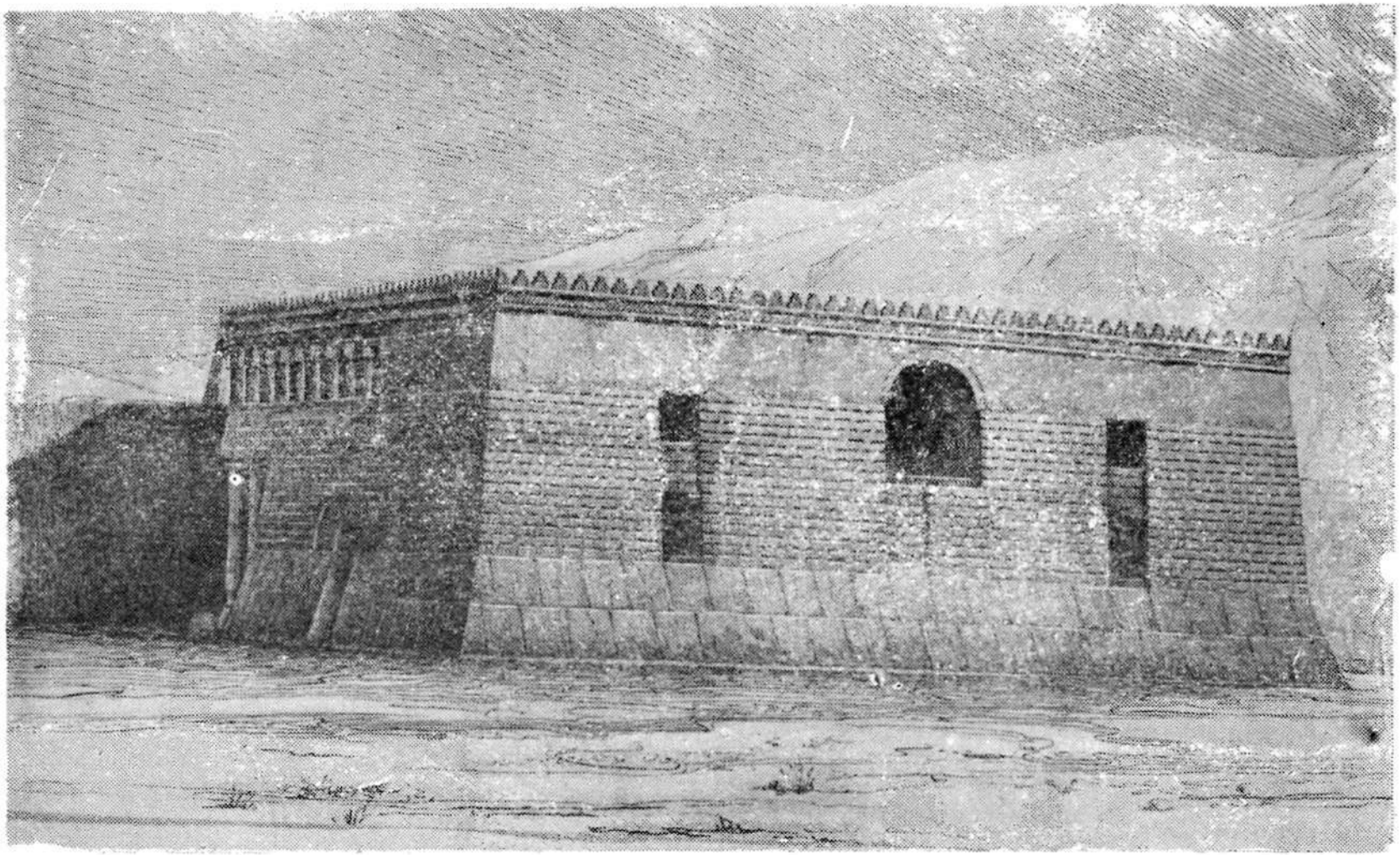

Таблица III. Городище Калаи Кахкаха II. Замок. Реконструкция.

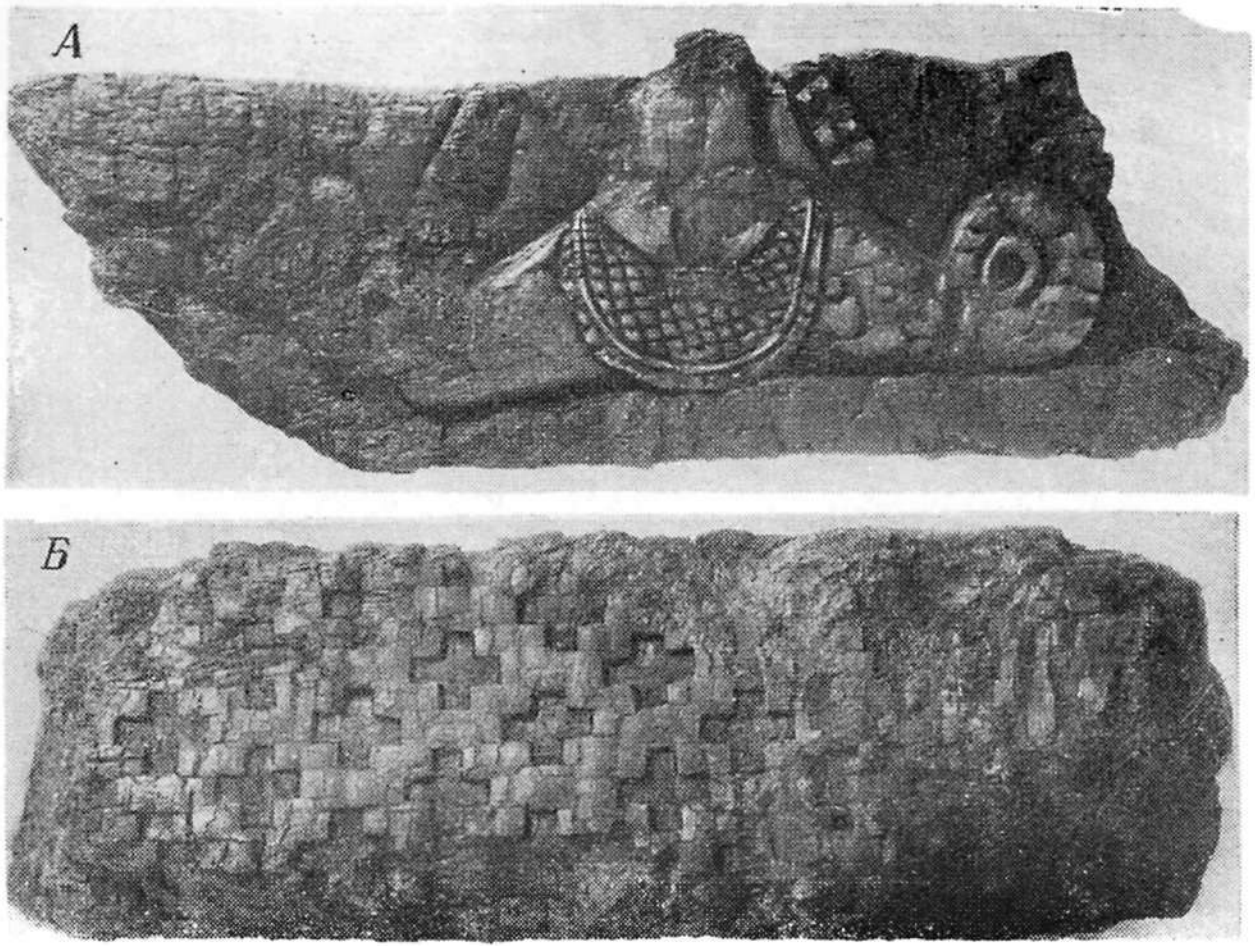

Таблица IV. Городище Калаи Кахкаха II. Замок. Фрагменты обуглившегося резного дерева: А. «Тритон» и Б. Фрагмент с «крестиками».

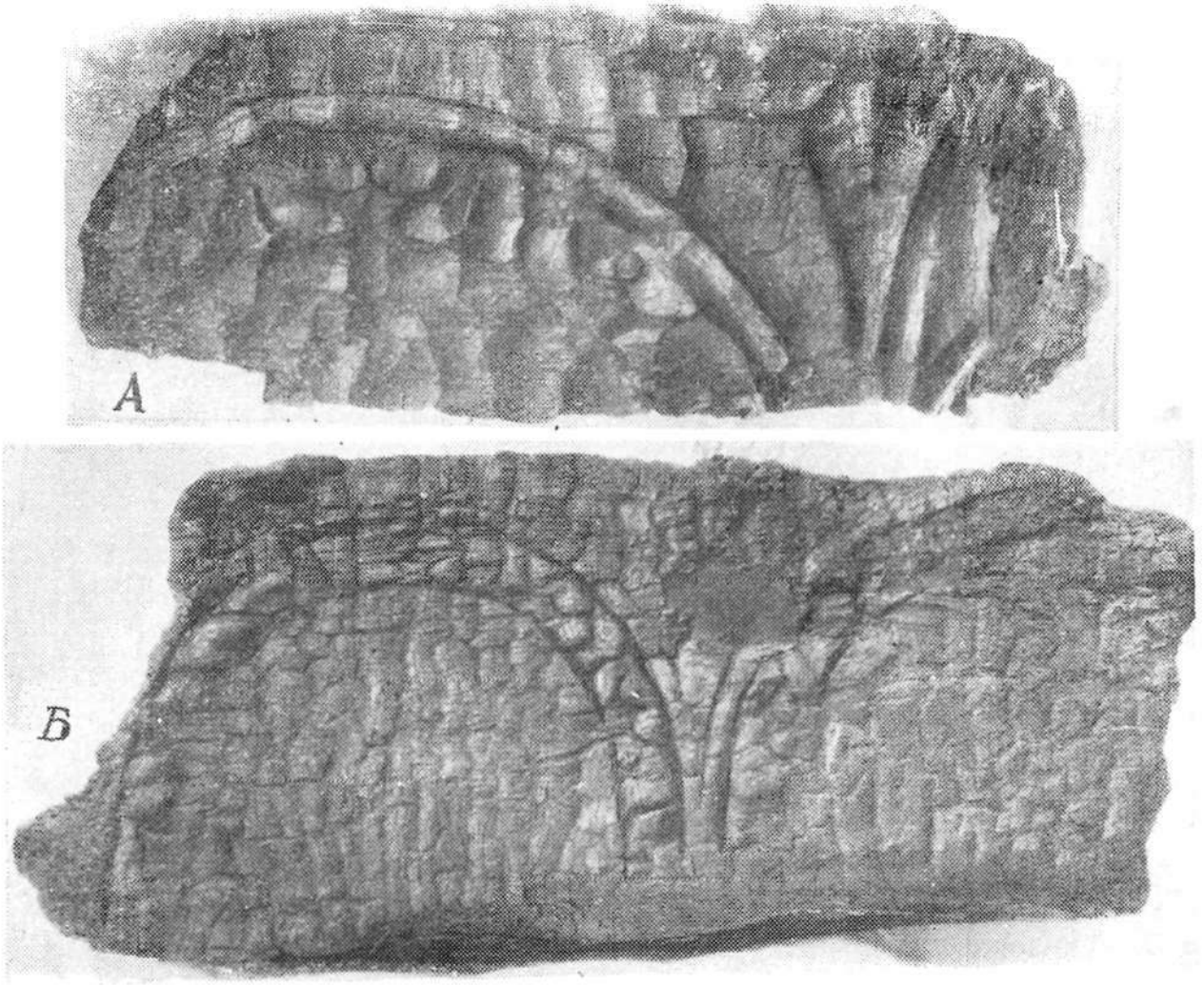

Таблица V. Городище Калаи Кахкаха II. Замок. Фрагменты обуглившегося резного дерева с мотивом аркатуры.

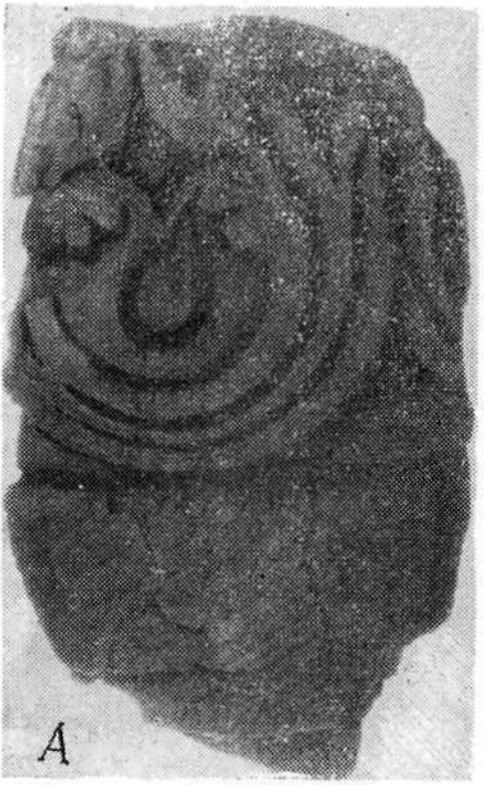

Таблица VI. Городище Калаи Кахкаха II. Замок. Фрагменты обуглившегося резного дерева: А. «Капитель» и Б. «Воин».

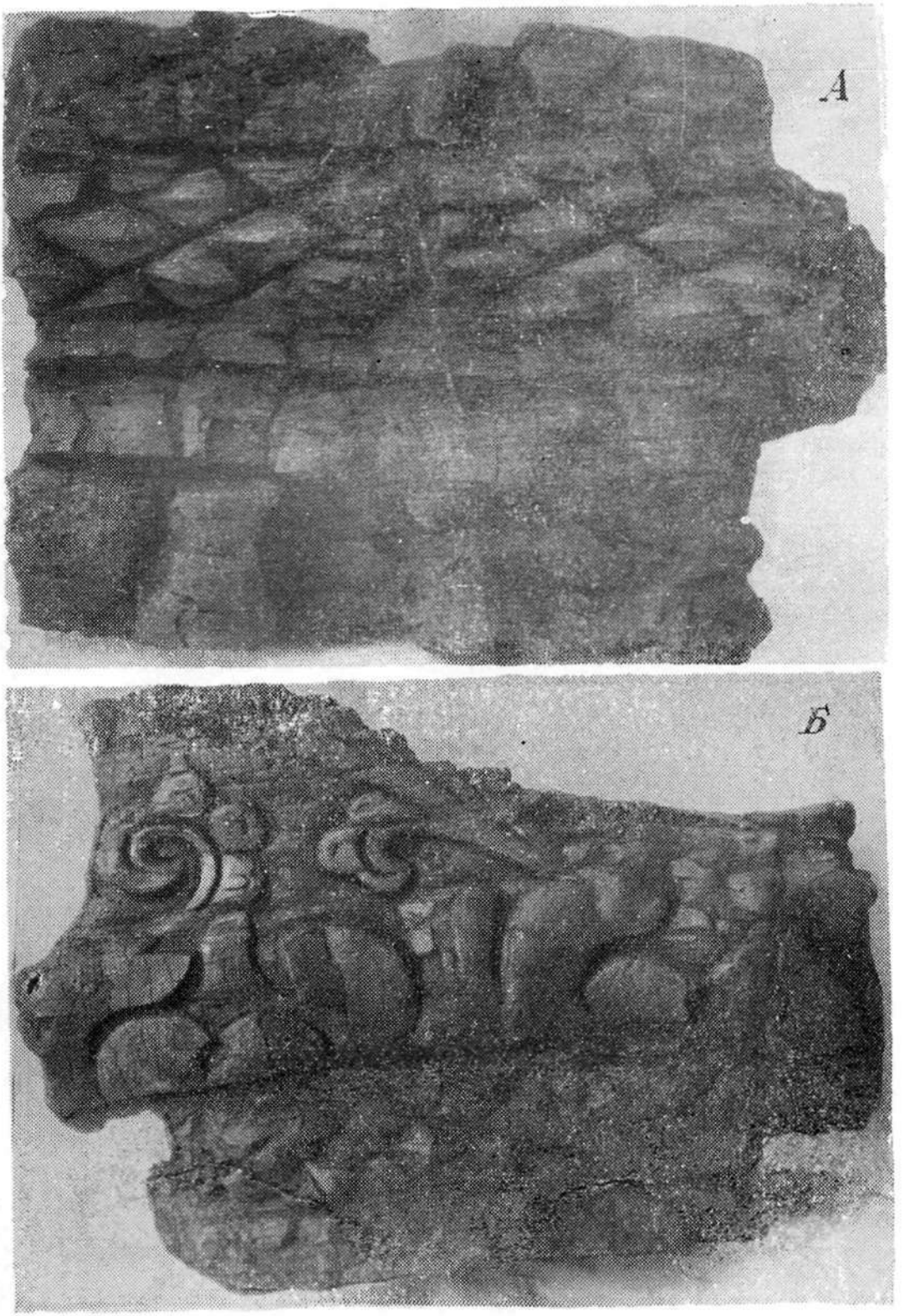

Таблица VII. Городище Калаи Кахкаха II. Замок. Фрагменты обуглившегося резного дерева с ромбическими нарезками и растительным мотивом.

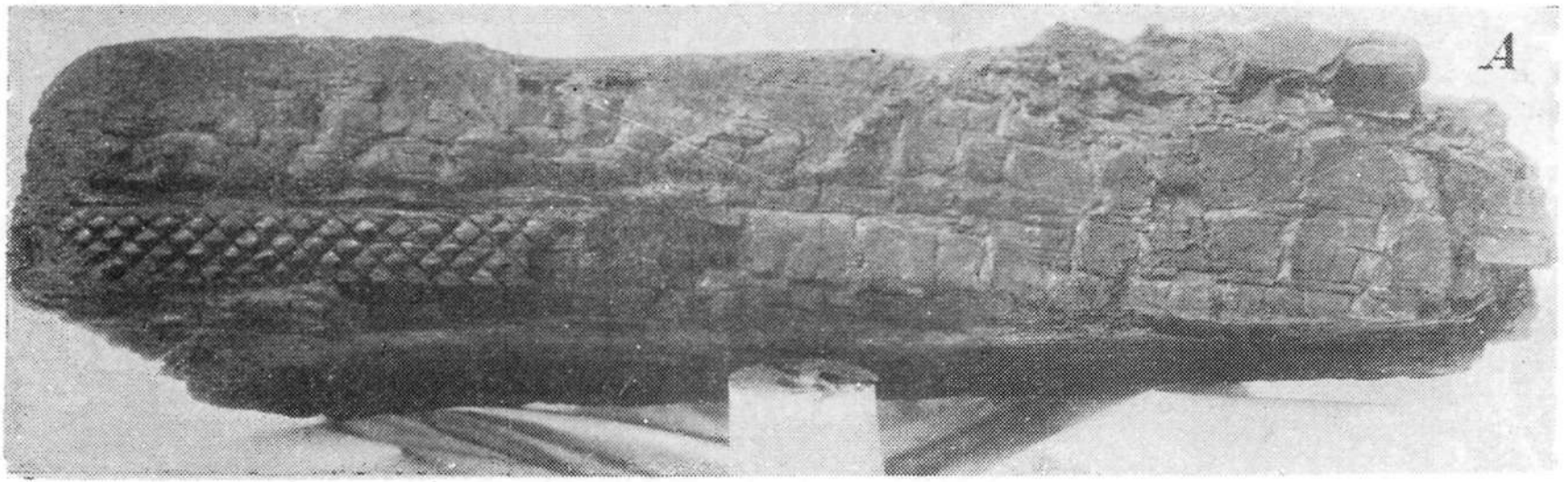

Таблица VIII. Городище Қалаи Кахкаха II. Замок. Фрагмент обуглившегося резного дерева с лентой ромбической нарезки.

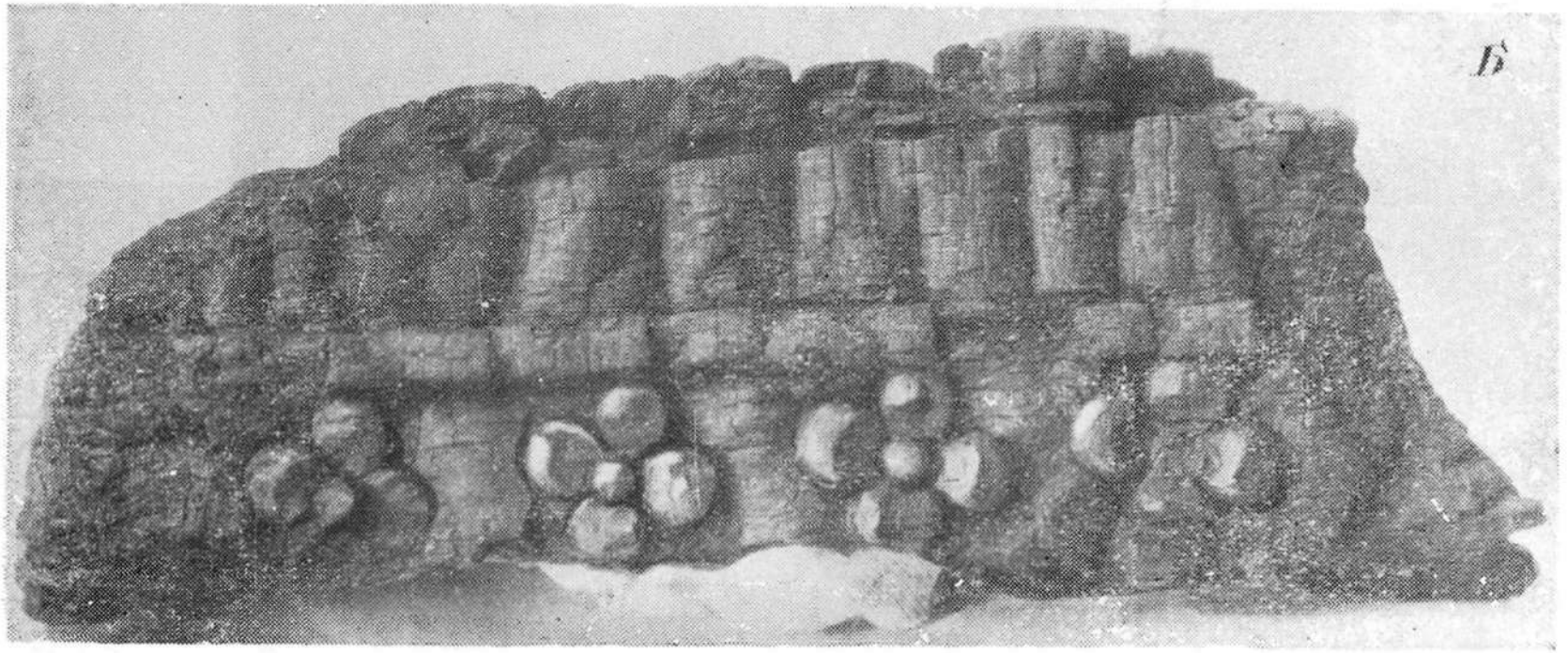

Таблица VIII-а. Городище Калаи Кахкаха II. Замок Фрагмент обуглившегося резного дерева с поясом пятилепестковых пальметт.

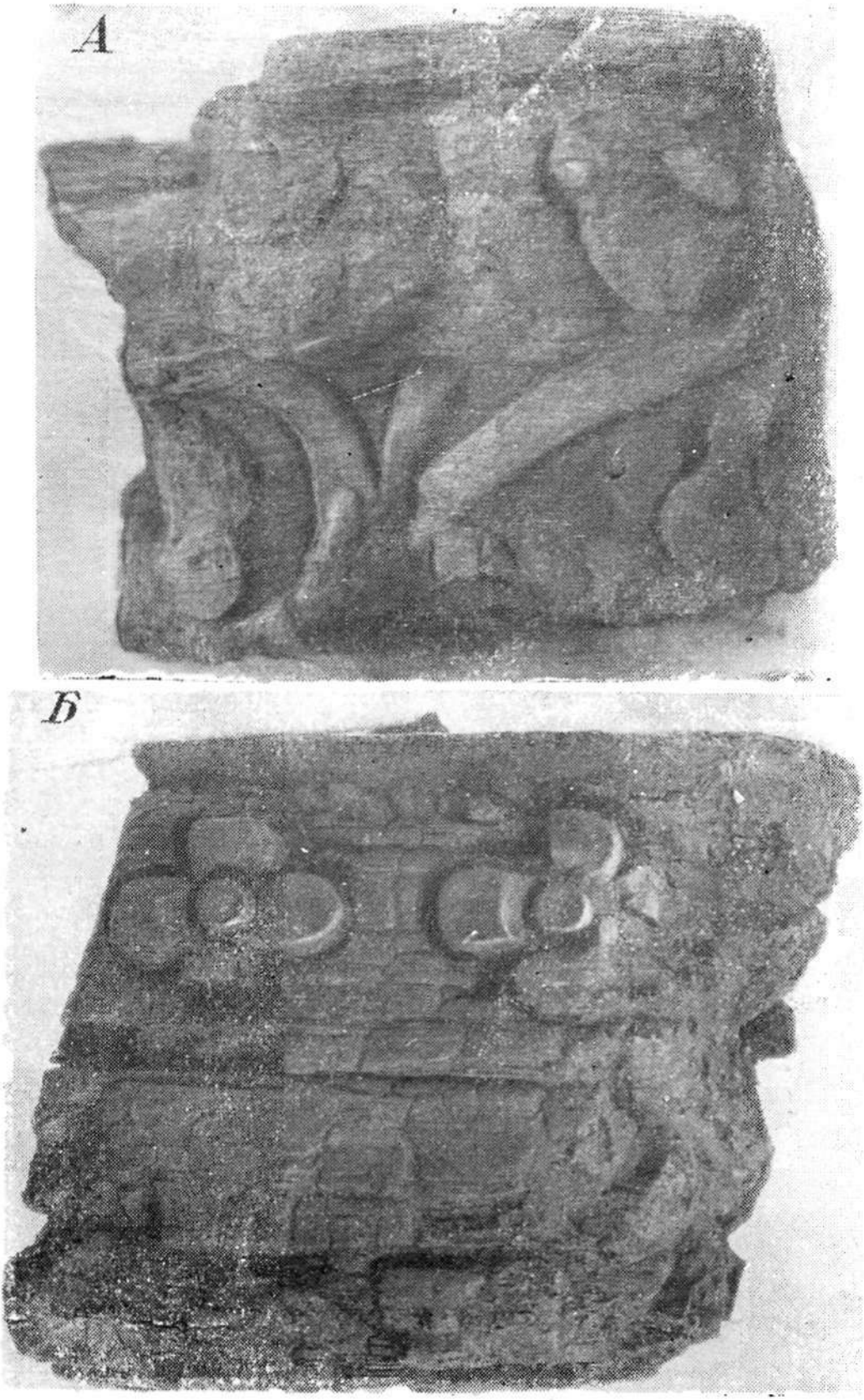

Таблица IX. Городище Калаи Кахкаха II. Замок. Фрагменты обуглившегося резного дерева с растительными мотивами.

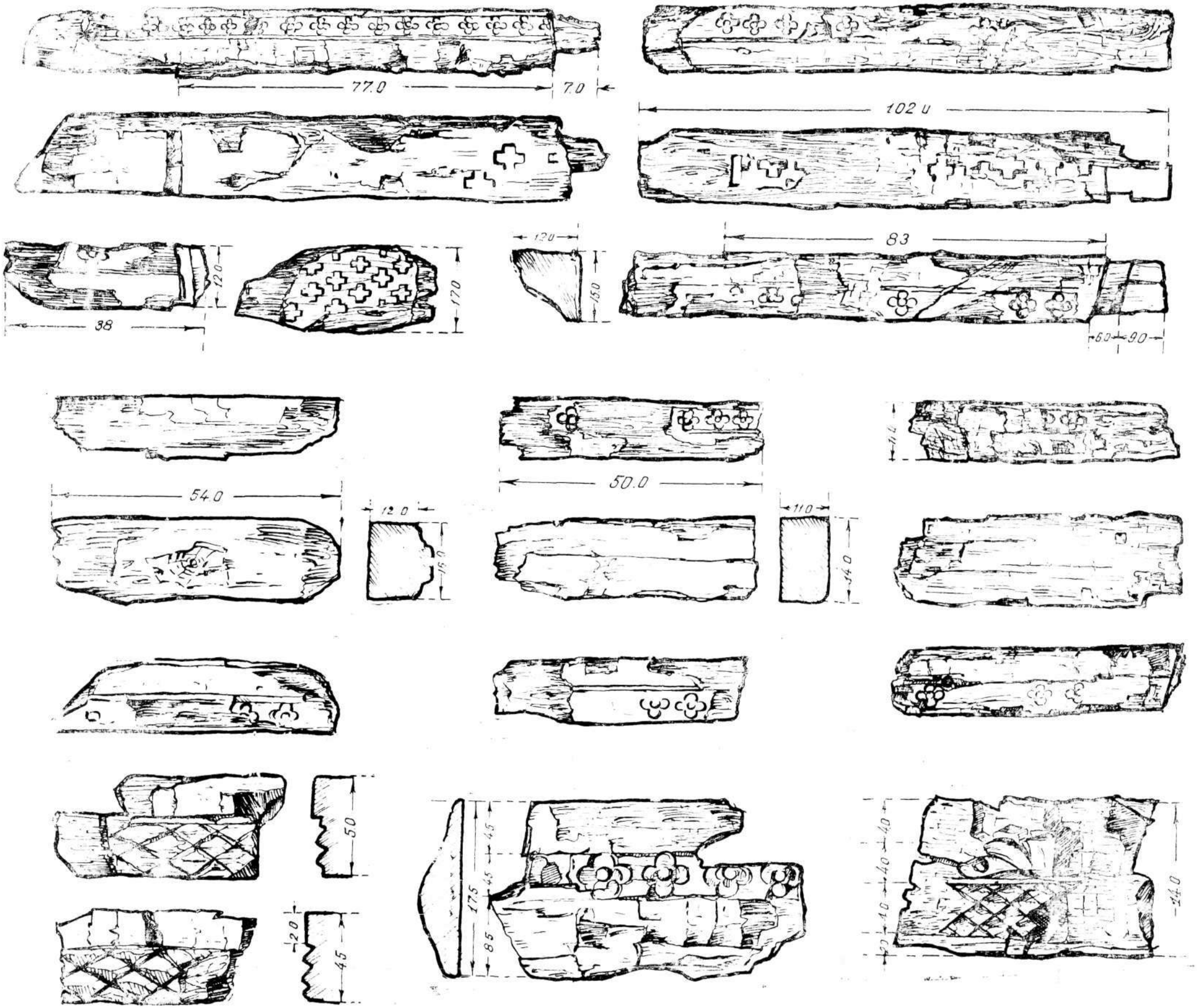

Таблица X. Городище Калаи Кахкаха II. Фрагменты дерева.

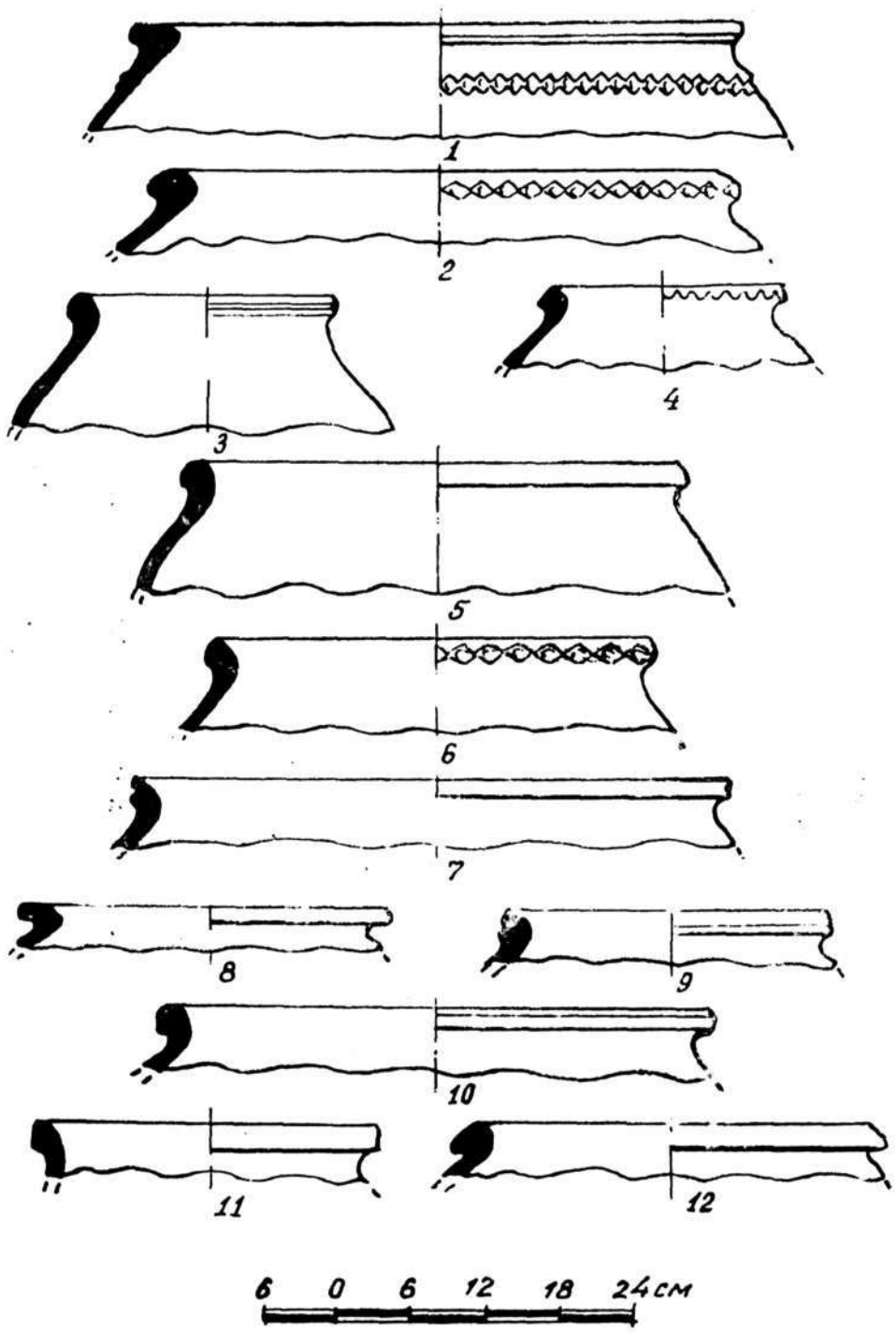

Таблица XI. Городища Калаи Кахкаха. Керамика.

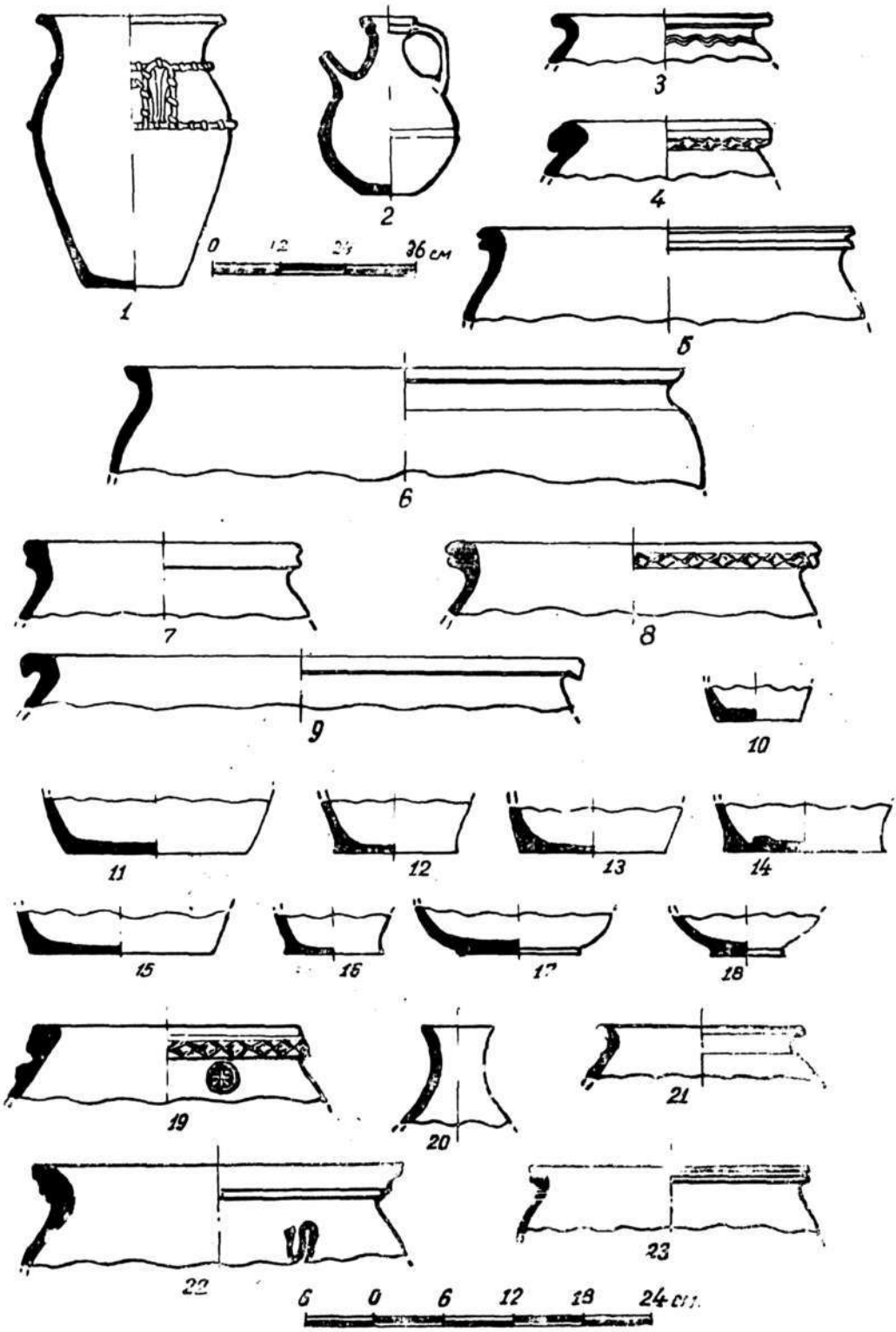

Таблица XII. Городища Қалаи Кахкаха. Керамика.

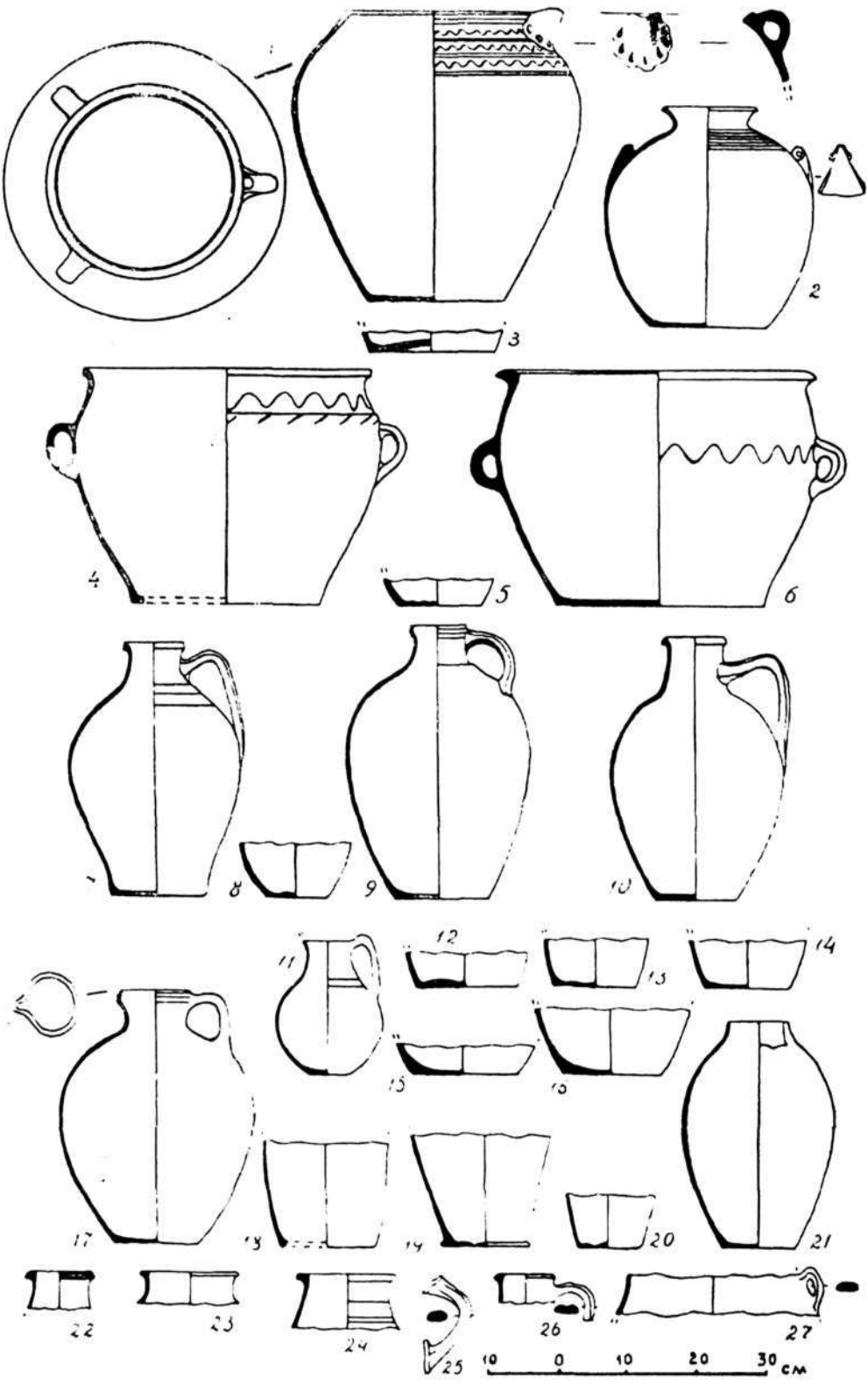

Таблица XIII. Городища Калаи Кахкаха. Керамика.

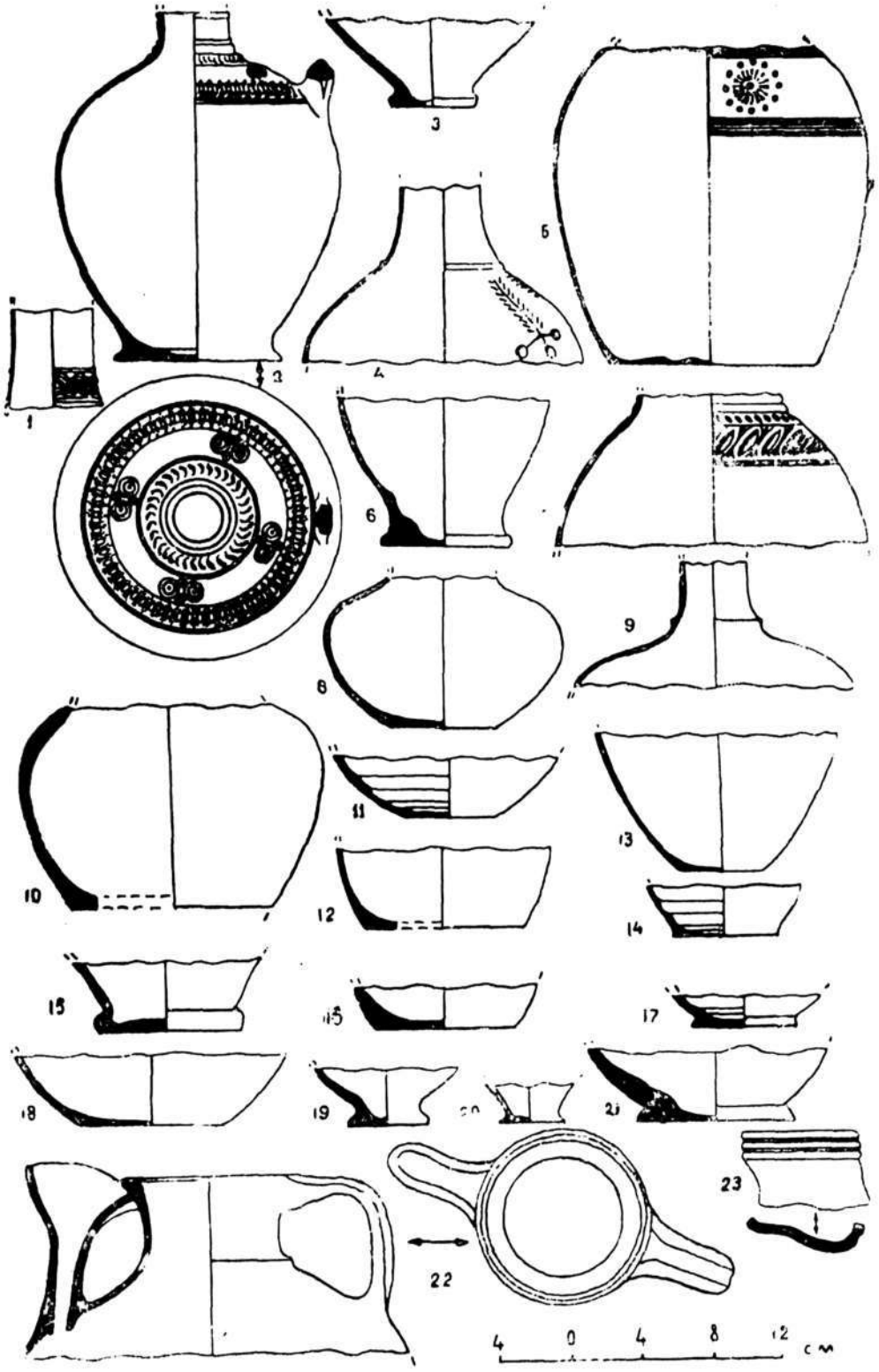

Таблица XIV. Городища Калаи Кахкаха. Керамика.

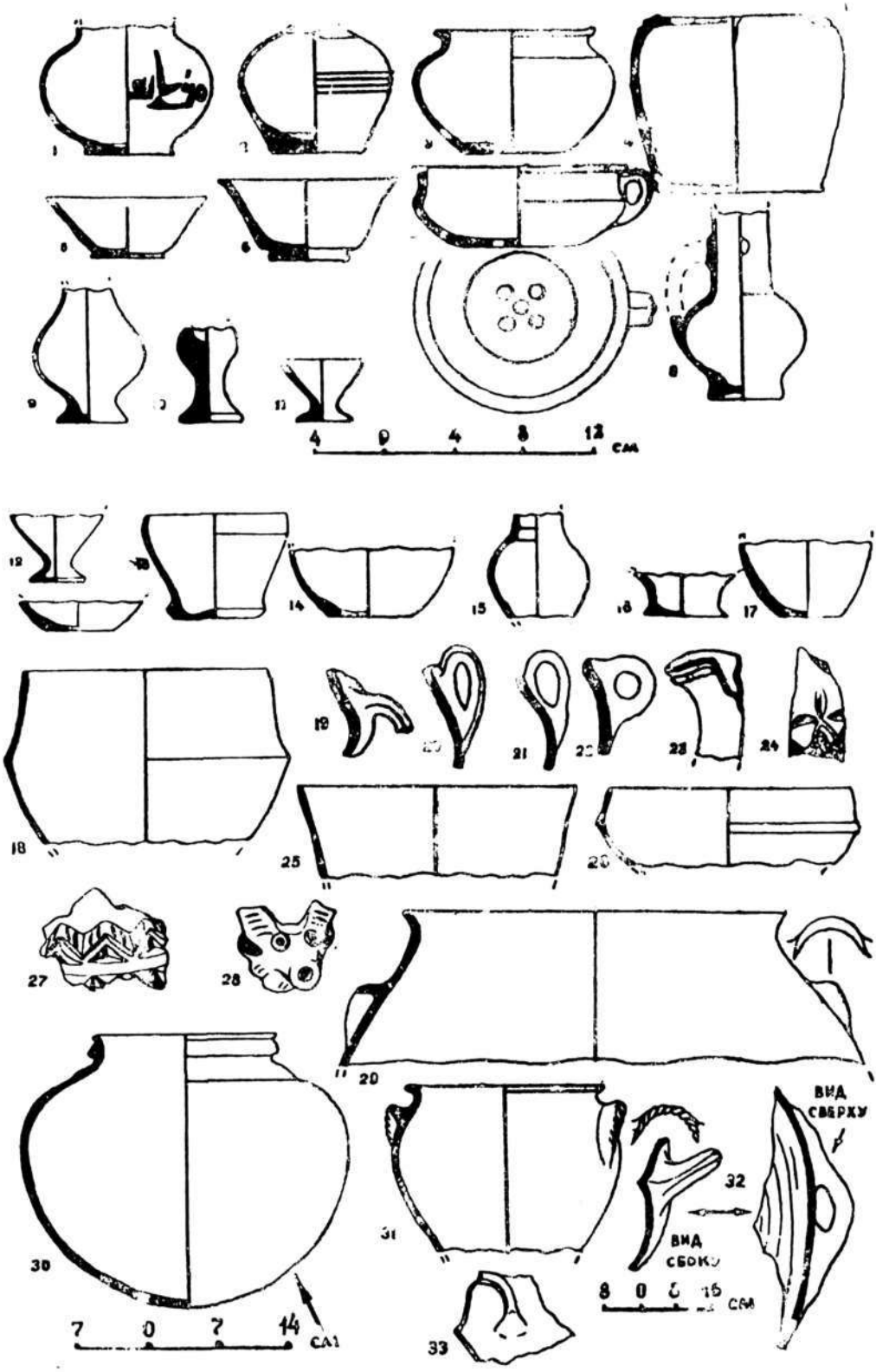

Таблица XV. Городища Калаи Кахкаха. Керамика

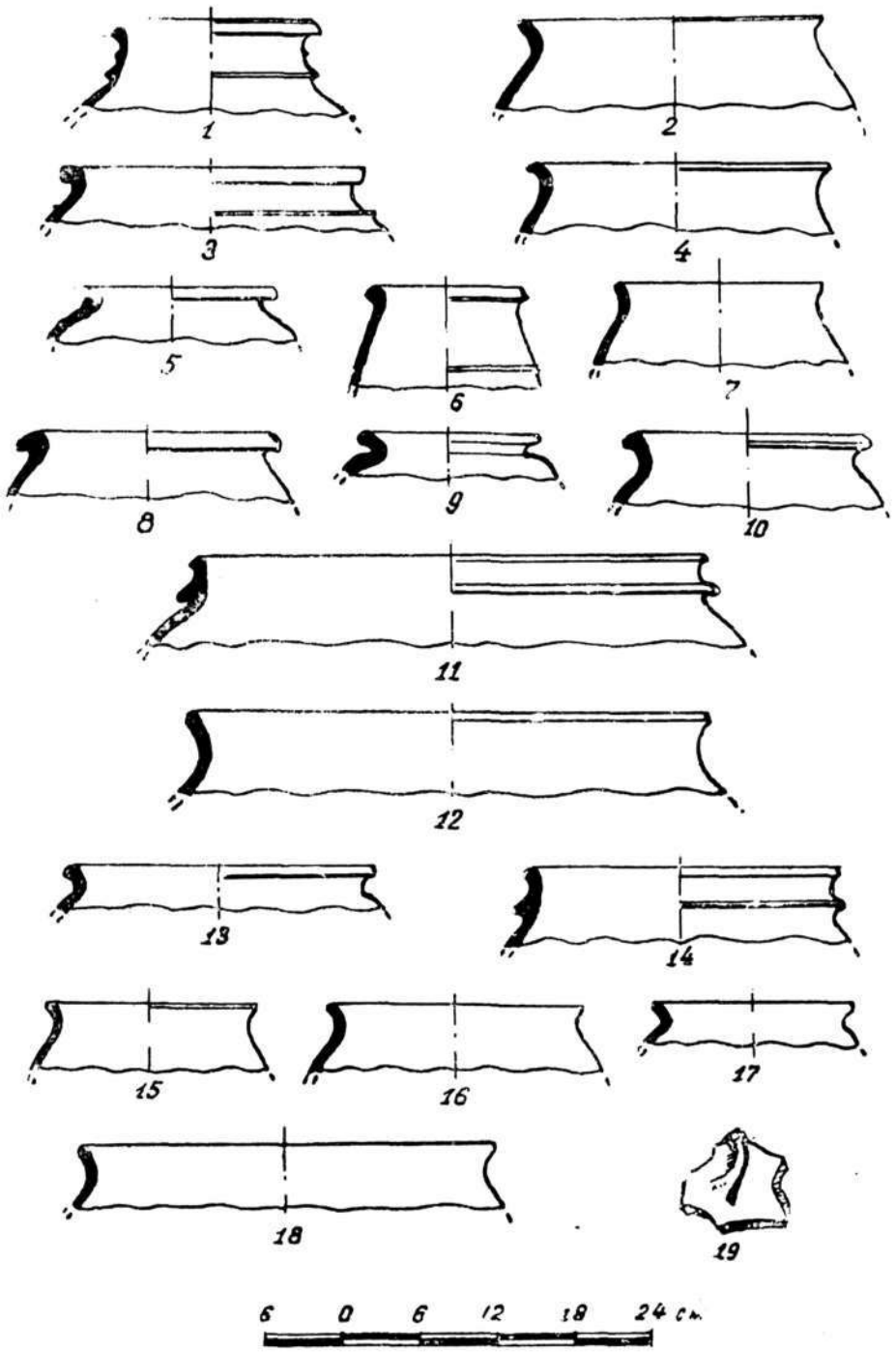

Таблица XVI. Городища Калаи Кахкаха. Керамика.

Таблица XVII. Городища Калаш Кахкаха. Керамика.

Таблица XVIII. Керамика и бронзовые изделия (15, 18).

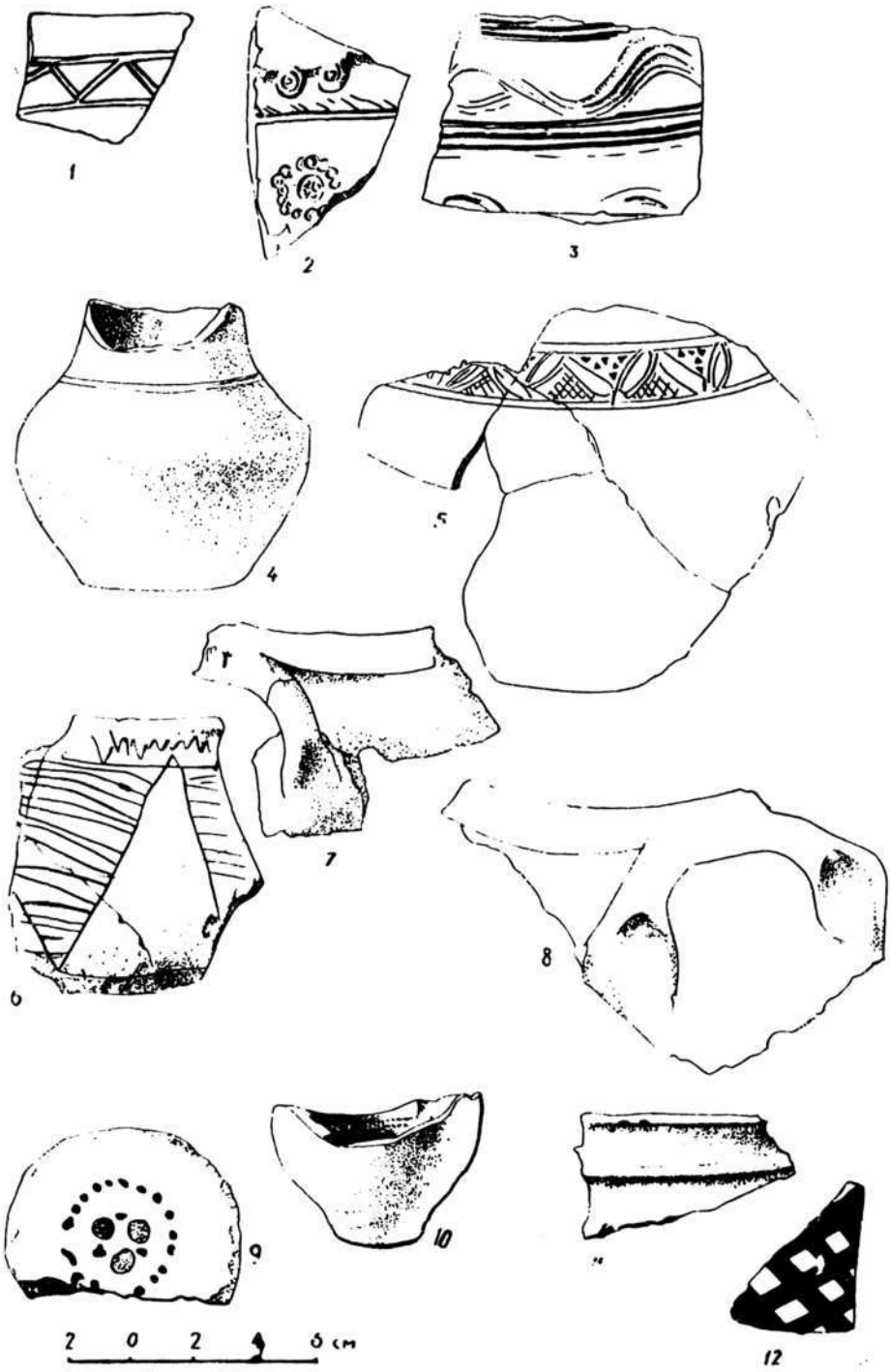

Таблица XIX. Городище Калаи Кахкаха III. Шурф № 1. Керамика.

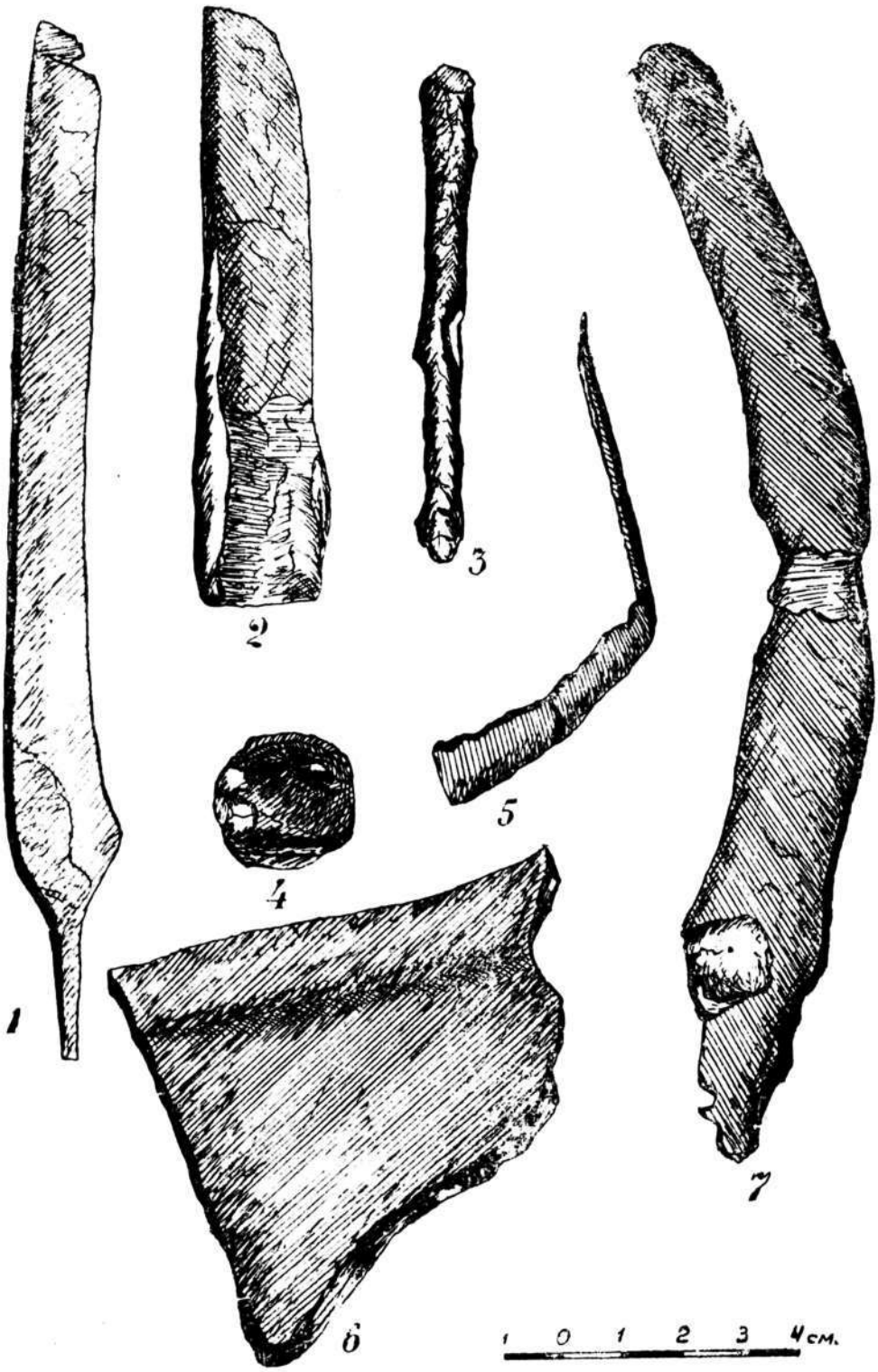

Таблица XX. Городище Калан Кахкаха I и II. Изделия из железа.

Таблица XXI. Шахристанский кувшин из Самаркандского музея.

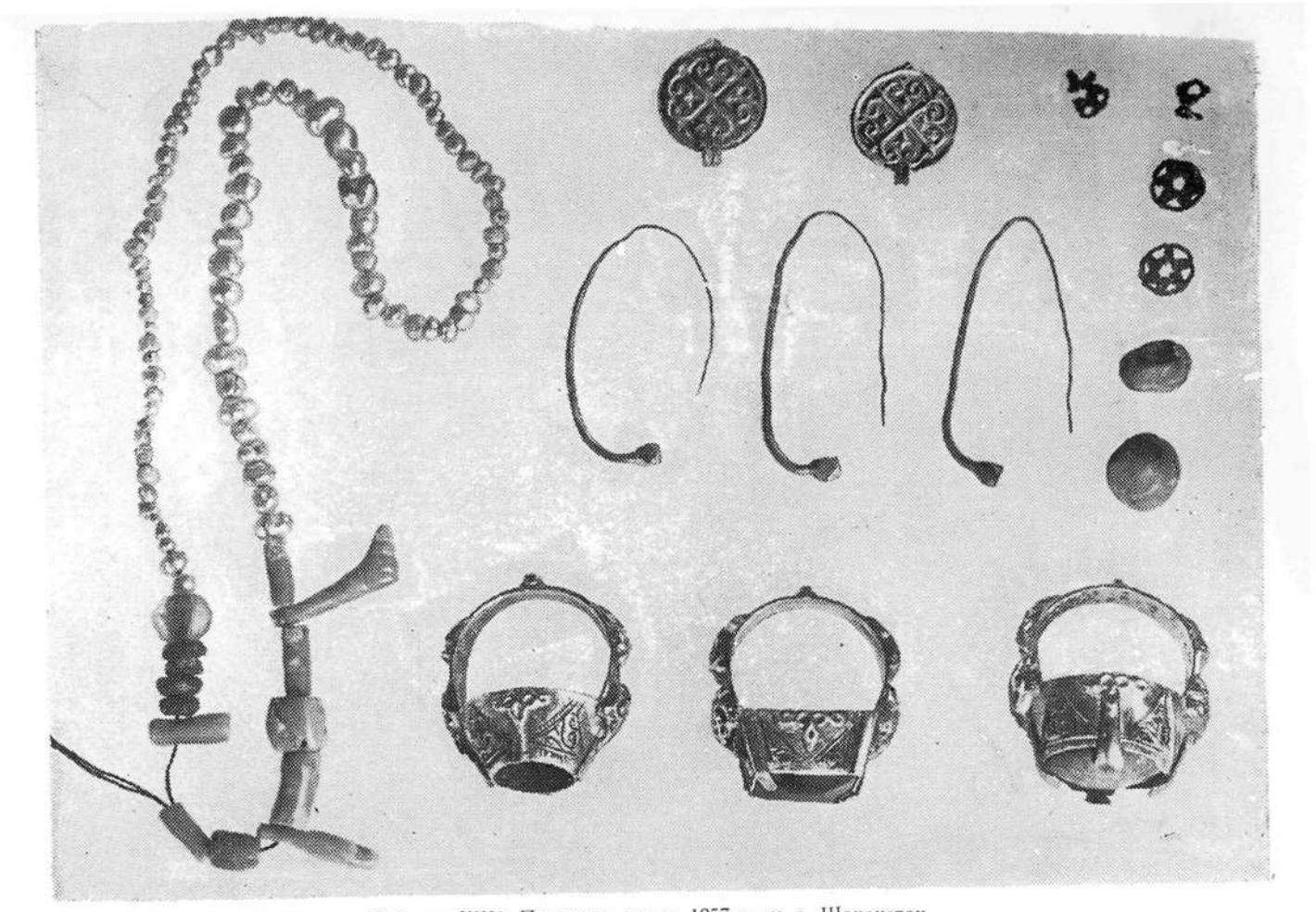

Таблица XXII. Предметы клада 1957 г. из с. Шахристан.

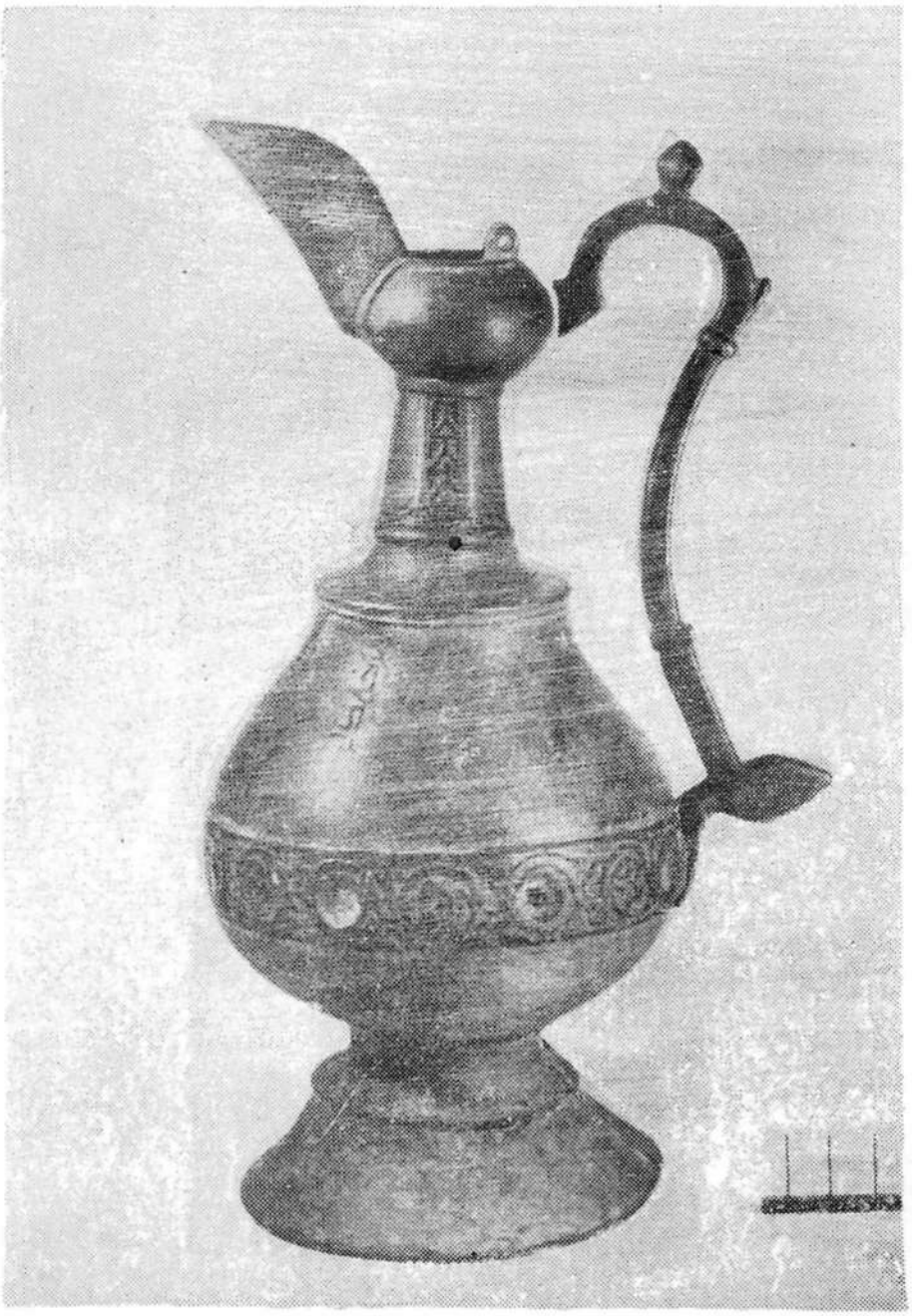

Таблица XXIII. Бронзовый кувшин из Кахкахи III (вид сбоку).

Таблица XXIII-а. Бронзовый кувшин из Кахкахи III (*вид спереди*).

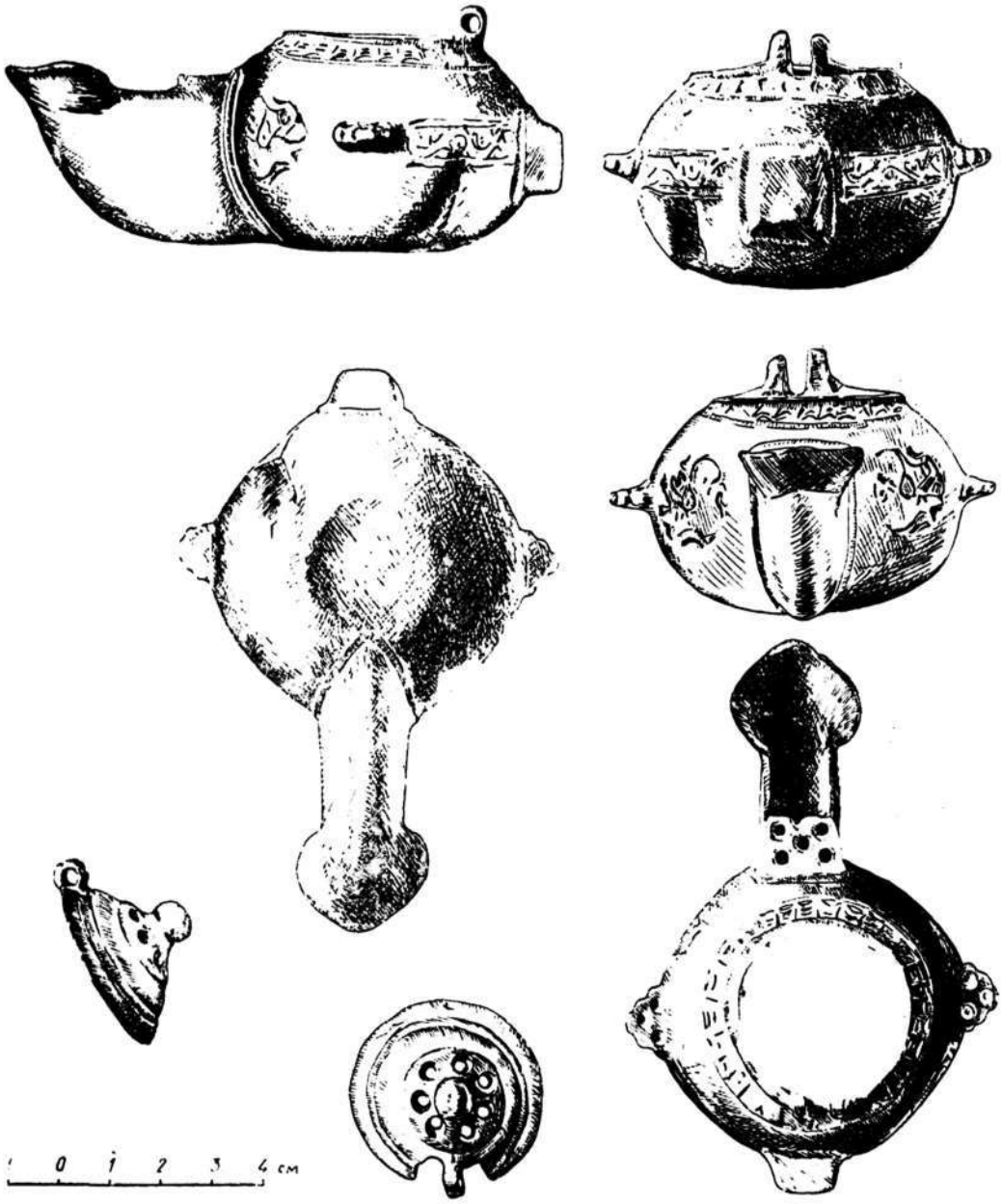

Таблица XXIV. Бронзовый светильник из Кахкахи III.

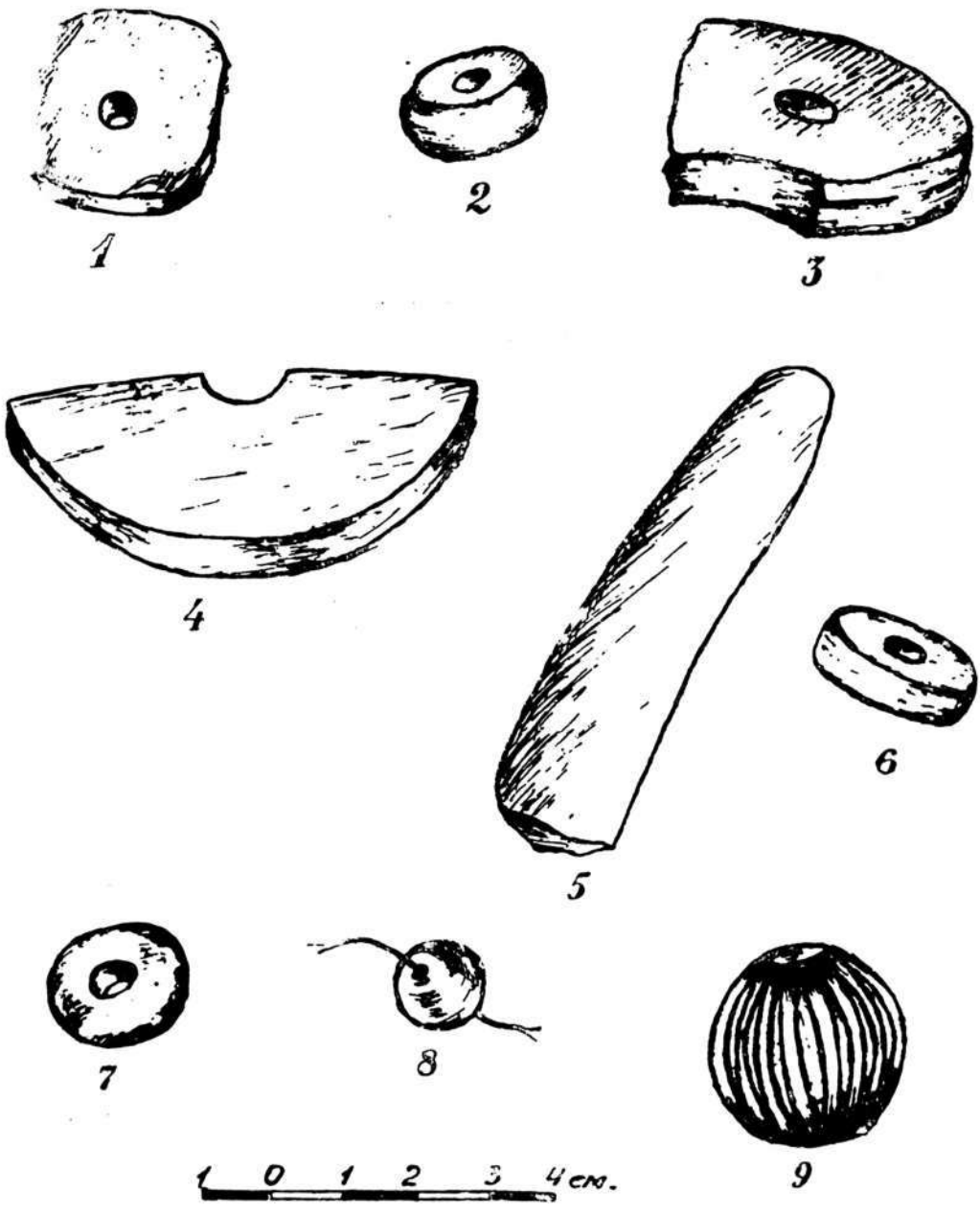

Таблица XXV. Городища Кахкаха. Керамические прясла и другие находки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
История археологического изучения района Шахристана	5
Часть первая	13
Комплекс городищ Калаи Кахкаха у Шахристана	—
Глава первая. Городище Калаи Кахкаха I.	15
Глава вторая. Городище Калаи Кахкаха II	44
Глава третья. Археологические памятники в селении Шахристан (Калаи Кахкаха III).	89
Часть вторая	103
Некоторые историко-культурные вопросы	—
Глава четвертая. К архитектуре Шахристана.	105
Глава пятая. Живопись и резное дерево Кахкахи.	141
Глава шестая. Находки из городищ Калаи Кахкаха.	166
Глава седьмая. Локализация столицы Уструшаны города Бунджиката	191
Таблицы	199

Нуман Негматович НЕГМАТОВ и
Сергей Григорьевич ХМЕЛЬНИЦКИЙ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ШАХРИСТАН

Редактор Издательства *Л. В. Сергеева.*
Технический редактор *З. П. Маслова.*
Художественный редактор *Г. Сулейманов.*

КЛ 03140. Подписано к печати 17/II-1966 г. Формат $70\times108^1/_{16}$.
Печ. 14,375 л.+1 вклейка. Приведенных к формату $60\times90^1/_{16}$—20,125 л. Уч.-изд. 18,6 л.
Заказ 37. Тираж 1200. Цена 1 р. 59 коп.

Типография Издательства «Дониш», г. Душанбе, ул. Айни, 121.

Цена 1 руб. 59 коп.